

Проект "ИКАР"

Беглец из альфа-теста

ИГОРЬ ЧИРКУНОВ

16+

Игорь Чиркунов

Проект Икар. Беглец из Альфа-теста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63095602

SelfPub; 2022

Аннотация

Вы когда-нибудь летали? Не во сне и не в кресле пассажира. Герой книги летал как птица: никаких стенок вокруг и кресла под задницей, а вместо иллюминатора – весь мир, пока травма не забрала у него реальные крылья. Для таких как он это билет в алкогольное забытие на дне общества.

Но в одном виртуальном мире уже стартовал тест летающих персонажей, незамысловато названных «икарами». Это второй шанс. А также способ выяснить, кто круче в воздушном бою – драконы и гарпии, управляемые искусственным интеллектом, или все же реальный опыт?

Содержание

Пролог	6
Часть 1 Икар, одинокий странник	10
Глава 1. «Разбежавшись, прыгну со скалы»	10
Глава 2. Крылатые будни.	20
Глава 3. Дракон	30
Глава 4. Админ.	45
Глава 5. Реал.	51
Глава 6. Долетался	60
Часть 2 Знакомство	71
Глава 7. Крылатому в лесу неуютно	71
Глава 8. Новые лица	82
Глава 9. Руслан и Анахита	89
Глава 10. Руслан и Анахита. Продолжение	96
Глава 11. Ночевка	107
Глава 12 Глеб	114
Глава 13. Мир с высоты	121
Глава 14. ПХД в Коровьем холле	129
Глава 15. Алхимик Якуб	141
Глава 16. Благотворительность	153
Часть 3 Небесный Утес	166
Глава 17. Новый уикэнд, новые приключения.	166
Глава 18. И снова здравствуйте	180
Глава 19. Нелегкий труд крылатого травника	195

Глава 20. На вершине	208
Глава 21 Вечера виртуальные и реальные	220
Глава 22. Утро красит, нежным светом	232
Глава 23 Двое крылатых	246
Глава 24 Я дельтик	256
Глава 25 Дилемма	275
Глава 26 Орки	292
Глава 27 Северная вершина	304
Глава 28 После боя	317
Глава 29 Идем на восток	330
Глава 30 Ночные откровения	343
Глава 31 Восточный отрог	354
Глава 32 Гарпия	368
Глава 33 Один	384
Глава 34 Южный пост	398
Глава 35 Дела тестовые	414
Глава 36 Бегство	425
Часть 4. Крылья	435
Глава 37 Дела реальные	435
Глава 38 Рассветный Утес	447
Глава 39 Руины. Какая встеча!	462
Глава 40 Подземелье	474
Глава 41 Погоня	485
Глава 42 Сон	491
Глава 43 К морю	506
Глава 44 Перекресток	520

Глава 45 Башня	532
Глава 46 Море	544
Глава 47 Последний бой	557
Глава 48 Выхода нет?	569
Глава 49 Крылья	587
Глава 50 Конец игре?	603
Глава 51 Последняя	616
Эпилог	633

Игорь Чиркунов

Проект Икар. Беглец из Альфа-теста

Пролог

Утро началось с похмелья, и знатного сушняка. Опираясь на трость и шатаюсь от стены к стене, я поплелся на кухню. Проходя мимо рабочего кабинета краем глаза, заметил ждущую с вечера бутылку изотоника. Аллилуйя! Дохромав, вцепился в пластиковый цилиндрик и жадно выбулькал все. Как же хорошо!

Рассеянно блуждающий взгляд зацепился за распахнутую капсулу виртуальной реальности, и торчащие из нее как кишки поверженного животного провода датчиков. Некоторые выдраны с мясом. В голове, сквозь похмельный туман, на ускоренной перемотке промелькнули вчерашние события: довольное лицо Радаманта, его слова, про нарушение соглашения о неразглашении, «забанен на вечно!» ... И как будто пластырь с гнойника сорвали.

«А ну и хрен с ней, с капсулой! Все одно – кончился икар! Пусть им прихлебатели, из диванных летунов физику полета ставят, да гайды по аэрологии пишут!». Потом как заново

увидел атакующую гарпию, на плече фантомной болью отозвался ожог от драконьего пламени... Да у меня же второй раз в жизни отнимают крылья! Настроение переключилось словно тумблером.

В руке жалобно пискнула бутылочка. Ах ты ж, блин! Раздавил. А ведь она меня сопровождала последние лет пять, столько пережила...

К злости добавилась досада. Отшвырнул от себя треснувшую флягу, два шага, прилип лбом к прохладному стеклу. Двенадцатый этаж. Может вот прямо сейчас? Шаг через низкий подоконник, и всё? Решение всех проблем.

Жизнь закончилась вчера, если не летать, то какой смысл ее продолжать? Как будто в полете оборвало боковой трос: секунду назад ты был король неба, и все у тебя замечательно. Но вот предательское «тыньс» ... и беспорядочное падение. Говорят, при обрыве есть полсекунды, чтоб бросить запаску, ибо потом перегрузки такие, что теряешь сознание.

Думать не хотелось. К головной боли и злости на весь мир добавилась сосущая пустота за грудиной. Только трудяга мозг, какой-то своей частью, на автомате анализировал входящую информацию. До земли метров сорок. Внизу асфальт парковки. С этой высоты даже запаска может не успеть раскрыться и наполниться. Удивительно, никогда не замечал: сорок метров стоя у окна – это очень высоко. Сорок метров, когда в воздухе – это офигеть как мало. Если не влётан в крыло, на этой высоте уже надо занимать посадочное по-

ложение находясь в глассаде.

Блин, что за ерунда лезет в голову. Какая запаска, какая глассада?! Все, я отлетался! А раз так, то и жить не зачем.

Пальцы легли на ручку окна. Вот сейчас. Только не думать, как перед стартом в сложных метеоусловиях: вышел на старт, поймал момент, поднял крыло и вперед. Иначе можно в сомнениях стоять, перегорая, а воображение будет рисовать всякую фигню.

Давай, тряпка. Если не сейчас, то потом – только спиваться, жалея себя, будучи обижен на весь мир. Ну зачем я выжил два года назад? Зачем оттягивал в этом суррогате жизни под названием виртуальная реальность? Теперь вот и ей пришел конец.

Ну... Ручка поднялась, из щели пошел уличный шум, не сдерживаемый стеклопакетом. Вдох, выдох...

«Самоубийство – удел слабаков». Отец...

Отчетливо увидел – отец за столом, уже «на веселе». Справа и слева – однополчане, все в форме. На столе – фото с траурным уголком: их общий сослуживец, потерявший в одной из командировок обе ноги. Его жена вскоре не вынесла жизни с инвалидом, и ушла, а он выстрелил себе в голову из наградного пистолета. На отца шикают, как так можно? Это же твой боевой товарищ. Но батя не преклонен: «он просто струсил, а значит и жить не достоин, и нечего тут сырость разводить».

А я? Я тоже инвалид, тоже потерял смысл жизни. И, кста-

ти, от меня тоже ушла женщина.

Замер, с полуоткрытым окном. Смерти не боюсь, заглядывал ей в глаза. «Хвостов» не оставляю, нет у меня детей, или престарелых родственников. За родителями сестра присматривает. И перспективы впереди никакой. Так что же держит? Потянул на себя створку...

Отец, и его осуждение. «Струсил слабак, и сбежал!». Даже, вижу, как он сплюнет. Да что мне до него?! Мы не виделись четыре года, возможно он вообще не узнает!

«Господь не дает испытаний, которых человек не в силах пережить». Его слова. После выхода на пенсию отец здорово ударился в религию. А я? Я – современный человек...

Только сейчас заметил, что буквально задыхаюсь, грудь ходит вверх–вниз, будто марафон бегу. Распахнул окно, вдохнул полной грудью. Прохладный утренний воздух окатил разгоряченную голову. От гипервентиляции голова закружилось, меня повело, схватился за раму.

Нет. Не сегодня.

...Двумя неделями ранее.

Часть 1 Икар, одинокий странник

Глава 1. «Разбежавшись, прыгну со скалы»

Позади хлопнула дверь, как бы отсекая за спиной тоску и рутину, я застыл на крыльце. Ненавижу тех, кто так делает – прошёл в двери и встал статуей, но сейчас – можно. Во-первых, я никому не перекрыл выход, а во-вторых... Вдох полной грудью. М–м–м, да! Воздух свободы! Пусть и с примесью запахов смолы, тины и свежей рыбы. Все это мелочь, ведь впереди три дня чистого неба, ветра и приключений!

С невысокого, три ступеньки, крылечка, так себе обзор. Широкая деревенская улица, разъезженная колесами телег. Представляю, что тут творится во время дождей! Меж бревенчатых домиков проглядывает бескрайняя водная гладь. На горизонте ни облачка. Солнце только-только взошло, не успело перелезть за коньки крыш, и длинные, лениво таявшие тени пока цеплялись за стены домов и заборы. На берегу, между причалами с рыбацкими лодками уже оживленно. Но что мне там делать? Вода – совершенно не моя стихия.

За спиной шаги, кто-то еще в эту рань решил покинуть гостиницу. Ну что ж, как там говорит Макс? Сон и питание

– основа летания! Вот «питанием» и займемся.

Трактир по утреннему времени пустовал. Лишь у коновязи, приткнувшейся вплотную к открытой веранде, кучковались какие-то здоровенные мрачные типы. Тяжелые взгляды царапнули мою щуплую фигурку, заставив мысленно поежиться.

Прошел внутрь, остановился у стойки. Вытряхнул из кошелька на ладонь последние монетки. В основном медь, и несколько серебряшек.

Так, давайте подумаем. До вечера послезавтра сколь-либо цивилизованных мест не попадется. Запасаться надо на три дня, но вот с деньгами...

– Привет, малой, что ты себе под нос бормочешь? – бросил взгляд сверху вниз скучающий хозяин.

– Здравствуйте. Не обращайтесь внимания, когда живешь одинокой жизнью, привыкаешь, что зачастую единственный собеседник – это ты сам.

– Сам с собой разговариваешь? Плохой признак. Для семьи ты молод, но хоть подруга-то есть?

– Как-то не везет мне с подругами. – Кстати, не соврал. – А друзья мои далеко – предвосхитил следующий вопрос.

– Ладно, заказывать что-то будешь, или ты на жизнь пожаловаться пришел?

– Мне яичницу из шести яиц с беконом, полфунта сыра и большую кружку кофе. А еще соберите с собой фунта четыре вяленого мяса, пару фунтов сыра и вот, – я достал двух-

литровый (идите нафиг, я вырос в метрическом мире) бурдючок, заменявший флягу, – наполните вином.

– Ты прямо как не в себя, – усмехнулся трактирщик, – жрешь за троих.

– Так я и работаю за троих.

– И чем же таким занимаешься?

– Я гонец. Отношу письма, посылки не особо тяжелые. И делаю это быстрее чем другие. – посмотрел на трактирщика выжидательно.

– Смотри из сапог не выпрыгни, гонец.

Хм, с заданием обломился. Неужто у тебя нет старой бабушки в соседнем селе, или делового партнера, которым надо отнести весточку? Ладно, проехали.

– Зря смеёшься, хозяин, большие сапоги в нашем деле – главное. Их просто сначала надо разогнать, а потом только знай себе, переставляй в них ноги, сами бегут.

– Присаживайся, шутник, Дара сейчас принесет.

Выложив на стойку последние деньги, я направился в глубину зала. Люблю уединение.

– Сняли бы вы плащ, господин. День, слава светлым богам будет теплый и солнечный.

Служанка принялась выгружать тарелки с подноса.

– Он мне не мешает, и ... – поманив ее к себе пальцем, шепнул на ушко, – у меня рубашка на спине рваная.

– Эй, малой, у нас в верхней одежде не положено. Давай, или скидывай свою хламиду, или вон, – трактирщик указал

подбородком, – под навес.

Под навес жутко не хотелось. Во–первых – коновязь и чудный запах навоза вперемешку с лошадиным потом! Можно я поем без него? Во–вторых, мне крайне не понравилось, как меня рассматривали те типы. Встревать в конфликты в мои планы не входит. Это же потенциальное привлечение внимания к моей персоне.

– Э–э–э... хозяин, ... да кто же увидит? – сделал я попытку обойтись без лошадиного общества за едой, – Я тут, в глубине зала посижу тихонько...

– Я увижу, этого достаточно

Вот блин! Ну и ладно, со вздохом попросил девушку отнести мой завтрак под навес.

Впрочем, опасался напрасно. Кроме ленивого разглядывания, подозрительная тройка каких–либо активных действий не предпринимала. Краем глаза постарался рассмотреть их получше. Это «местные»? Хоть «на них не написано», но чутье подсказало – они. Крупные, мускулистые мужики в кожаных кирасах с металлическими нашлепками, пояса оттянуты мечами. Один облокотился на топор устрашающих размеров. Впрочем, мне какая разница? Мне по любому с ними закусываться не резон. Даже шансы прикидывать не хочу, с моими хрупкими трубчатыми костями – без вариантов.

Поуспокоившись, занялся яичницей, благо, для такого захолустья, приготовлена она была на удивление неплохо. Бе-

кон слегка похрустывал, желтки напротив, сохранились «макабельными» для ароматной пшеничной лепешки, так сказать – комплимент от повара. Наслаждаясь едой, погрузился в планы грядущих приключений, и даже забыл о подозрительной троице, когда внимание привлекла какая-то возня у коновязи.

Пока я пребывал в нирване планирования, подъехала еще парочка. Вот она то громил заинтересовала, и сейчас я наблюдал классический гоп-стоп. Не поднимая излишнего шума, вновь прибывших окружили, и тихо, сквозь зубы «втирали за жизнь». Лица парня не видел, а вот с девушкой, одетой в длинное синее платье, с какой-то сложной прической, встретился глазами. Ее глаза были полны слез, еще бы, ведь сейчас они со спутником лишались всего ценного, чем успели обзавестись, наверняка потратив кучу времени и усилий. У стоящего в ступоре парня один из амбалов отстегнул неплохой меч, в дорогих ножнах. Хм, я, конечно, не эксперт, но для этого парнишки оружие было неприлично хорошим, наверно не просто так досталось. Другой головорез тыкал пальцем в серьги, «не отдашь сама – отрежу вместе с ушами». Девчонка, глотая слезы мотала головой.

Допил кофе и поставил кружку на стол, донце глухо стукнуло по столешнице. Один из громил кинул в мою сторону быстрый взгляд. Я посмотрел в полные молчаливой мольбы глаза. Встал, подхватив мешок с собранной снедью, развернулся и спокойным шагом направился к противоположному

выходу их таверны. Мысленно хмыкнул, жалко «мальков», но всех не пережалеешь. У меня – своя дорога. А эти впредь будут умнее, каждый должен набить собственные шишки. Добро нажать можно еще, здесь от голода смерть не грозит, даже если всё отнимут. И даже смерть – не конец игре. Не моя эта война.

Выйдя из трактира, я бодро пошагал в западном направлении. Когда тракт вывел на верх берегового обрыва, огляделся. Внизу осталась покинутая мной рыбацкая деревушка, вокруг – ни души. Вот и хорошо, сошел с дороги зашагал вдоль берега. Точка намечена еще с прибытия сюда.

Лоцинку, метрах в пятнадцати от края обрыва, от дороги скрывал небольшой холмом с высоким кустарником. И, что важнее, – берег в этом месте немного выгибается дугой, так что обрыв из деревни не просматривается.

По доброй традиции из «прошлой жизни» я вышел на край, как говорится – понюхать ветер. Ветер что надо! Четко в склон, по ощущениям – шесть–семь метров в секунду, порывы до десятки. Без анемометра точнее не сказать, но где его тут возьмешь? До воды – метров тридцать, маловато, конечно, впрочем, чем богаты. Ну что ж, можно приступать.

Вернулся в лоцинку. Первым делом – долой сапоги. Кому–то кажется, что они мне велики на пару размеров? Как бы не так! На деле это тесные колодки, ходить в которых одно мучение. Со вздохом облегчения стянул их, и с наслажде-

нием потоптался по еще влажной траве, ощущая подошвами приятную прохладу. Несколько раз сжал и разжал пальцы, глубоко вонзая длинные черные когти в рыхлую землю.

Когда-то я и сам, со смешанным чувством ужаса и удивления первый раз уставился на то, как мои в меру волосатые, вполне человеческие голени переходят ниже суставов во что-то, сильно напоминающее птичьи лапы. Три длинных пальца вперед. Большой палец, высвобожденный из обувного плена, сейчас отошел назад. Не самые удобные стопы, чтоб носить на них модельную обувь. Зато как же ими удобно хвататься за толстые сучья, и выступы скал!

Теперь завязка, и плащ соскользнул с плеч. Из-за спины с хлопком развернулась моя гордость, то, из-за чего я готов терпеть всегда тесную обувь, кутаться в длиннющие бесформенные плащи, и таиться от людей. Длинные, иссиня-черные крылья! Моя свобода, воплощенная в тонких косточках, тренированных мышцах и перьях.

Осталась мелочь. Скинул старые холщовые рубаху и штаны. Из мешка достал черную обтягивающую куртку из тонкой кожи с пришитым капюшоном-балаклавой, и под стать ей брюки. Во-первых, они неплохая защита от ветра. И, хотя моя раса устойчива к холоду, на больших высотах это не лишнее. Во-вторых, за счет «облегаистости» снижает аэродинамическое сопротивление.

Все лишнее в мешок. А вот его приходится прилаживать спереди, как запасной парашют, для чего пришел несколько

дополнительных лямок. За спину, между крыльев нельзя – натрет в полете, проходил, знаю. Попрыгал. Ничего не болтается, не отваливается. Пора. Который старт по счету? Уже и не вспомнить, но все равно – волнительно. Сердце колотится учащенно, душа замерла в предвкушении.

Не доходя три–четыре шага до края обрыва, останавливаюсь и расправляю на ветру крылья. Поток тут же наполняет их, заставляет трепетать перья. Замерев, прислушиваюсь к ощущениям, пытаюсь почувствовать, как крылья опираются на воздух, понять, равномерно ли работают, нет ли асимметрии. И вроде бы чего беспокоиться, но куда денешься от привычки, въевшейся за годы? Ветер холодит лицо, зовет к себе. "Где ты пропадал? Я ждал тебя!"

Несколько глубоких вдохов–выдохов. Отринуть земное, настроиться на полет. Мысленно пробежать по «чек–листу»: Подвязано, застегнуто, проверил... Пилот готов? И мысленно отвечаю сам себе – готов!

Наклоняюсь и устремляюсь в энергичный разбег, взрывая когтями землю. Уже на втором шаге крылья ложатся на поток, на третьем берут на себя большую часть моего веса. Я их чуть поджимаю, чтобы сделать еще один шаг в самый край обрыва. Отгалкиваюсь вперед, лечу навстречу ветру. Восходящий поток подхватывает мое тельце. Не сделав ни единого взмаха, как на скоростном лифте взмываю вверх. Затем, накренившись, кручу правый вираж, вставая параллельно берегу и набираю в динамике, совершенно не тратя силы на

взмахи.

Но вот берег начал понижаться, образуя дельту с россыпью островов. Я развернулся, прикидывая высоту. К деревне подойду слишком низко, поэтому придется помахать. С глухим свистом рассекая воздух, заработали крылья. Жух-жух, жух-жух. Вверх-вниз, вверх-вниз. В такт взмахам мое тельце вздымается то вверх, то вниз на противоходе. Ноги вытянуты назад, руки вдоль туловища.

Наконец по ощущениям высоты стало достаточно. Вон и деревня. Спичечные коробки домиков рассыпаны по берегу. Разглядел корчму. Коновязь уже пустая. У причалов мелкими щепками покачиваются рыбацкие суденышки, вернувшиеся с утреннего лова. Вокруг суетятся люди, с такой высоты – не больше букашек. Все заняты делом, некому поднять голову и проводить взглядом большую темную птицу, которая пролетает над ними курсом на север, вдоль берега самого большого озера этого мира.

«Динамик» (сленг.) – динамический восходящий поток или поток обтекания. Образуется, когда ветер встречает на своем пути склон горы, береговой обрыв или любое другое препятствие, сквозь которое он не может пройти. Тогда ветер должен обогнуть (обтечь) препятствие сверху, за счет чего вдоль склона образуется восходящий поток. Динамик можно использовать для первоначального набора высоты, при старте со склона.

Статья из «Wiki для Икаров». Автор статьи Феникс Чернокрылый

Глава 2. Крылатые будни.

Рыбачья деревня давно растаяла позади. Берег впереди был предположительно пустынным. Высокий и обрывистый, он играл роль трамплина для набегающего с озера ветра. А я, как засидевшийся в неволе щенок, играл с ним. То расправив крылья, позволял ему вздывать себя на высоту, откуда открывался величественный вид на бескрайнюю водную гладь и пустынный берег, изломанной чертой убегающий вдаль. И дух захватывало от увиденного, от попытки запомнить, полностью вобрать это в себя. То с замершим сердцем сжимался в комок и проваливался почти до самой воды. Завороженно глядел, как увеличиваются в размерах камни, выглядывающие из-под волн, как проносится мимо стена обрыва с припкнувшимися то тут, то там кустами. И в момент, когда в лицо уже летят водяные брызги, раскрывался, переводил свое падение в горизонтальный полет. А затем, заложив резкий вираж, от которого слегка темнело в глазах, возвращался в зону динамика. И опять набирал, набирал...

Временами, подбирая площадь и угол атаки крыльев, я зависал на месте. Так, чтобы точка поверхности подо мной, удерживаемая взглядом, не двигалась не вперед ни назад. И так висел, без взмаха, без движения. А потом стремительно бросался вперед и вниз, превращая крылья в маленькие треугольники, как у сверхзвукового истребителя. И, разогнав-

шись, закладывал головокружительные косые петли. Я отдыхал душой.

И был предельно собран. Ветер – тот еще безжалостный убийца. Впрочем, как горы и море, которые человек привык «покорять». Кто этого не понимает, заканчивает свои дни плачевно.

Похоже на игру с тигром. Посмотришь со стороны – пушистый котенок, чья мягкая шерсть ласкает, а мурлыканье убаюкивает слух. Иногда он пугает, заставляя сердце на мгновение екнуть, но это часть игры. Он дурачится, переносит с места на место, или подбрасывает как щепку, подчиняясь твоим желаниям. Однако не надо обольщаться, «я покорил». Ха! Одно неверное движение, и эта двухсоткилограммовая «киса» с легкостью откусит голову "покорителю". Или располосует на ленточки своими гигантскими когтями, скрытыми до поры до времени в мягких лапках. Или просто сомнет, сломает как куклу. Шваркнет об землю, со всей своей звериной силой. Стихия. Ее нельзя покорить, с ней можно только подружиться.

Шкала выносливости тем временем окрасилась желтым, да и подкрепиться было бы неплохо. Я уже настроился приземлиться, чтоб перекусить прихваченными припасами, как мое внимание привлек «неопознанный летающий объект», шедший на малой высоте, на удалении около километра от берега. Присмотрелся. Наравне с орлиными крыльями нам

подарили «орлиное зрение». Одиночный гусь летел низко над водой, по всей видимости высматривая рыбу. Отлично! Это не монстр какой-нибудь, гусь, это еще и мясо. Поохочусь. В несколько взмахов я набрал высоты, и стал заходить с таким расчетом, чтоб моя тень не коснулась гуся. Это только в воздушном бою атакуют со стороны солнца, чтоб раствориться в его лучах. А тут – другое: еще по прошлой жизни прекрасно помню – если не знаешь куда смотреть, обнаружить воздушный объект весьма непросто. Однако, как только тебя накрывает тень, все сразу становится ясно – над тобой кто-то есть.

В любом случае, заходить надо со спины. Гусь летит, уставившись в воду и, скорее всего, не опасается атаки. Крупные хищники далеко от берега не отлетают, вот и расслабился пернатый. Цель впереди ниже, солнце справа, ветер оттуда же. Это хорошо – будет сносить звук, бесшумно летать не умею. Поджимаю крылья, выставив самые кончики, разгоняюсь.

Поток бьет в лицо, в ушах свист ветра. Куртка-облегайка пошла волнами складок. Все мысли вон, мозг –баллистический вычислитель: учет высоты, скорости, сноса ветром. Взгляд зафиксировал цель. Гусь слишком низко, поэтому бить его придется на догоне в горизонте. Я не водоплавающий, мне воды касаться не резон. Делаю траекторию более полой. Я всего на пару метров выше, дистанция быстро сокращается. Сто метров, семьдесят, пятьдесят... Пора или

не успею. Гусь, что-то почувствовав, или скорее всего услышав, несмотря на относящий звуки ветер, встрепенулся прямо в полете, оглянулся... Продолжая нестись вперед в положении снижения, группируюсь, поджимаю ноги, и когда до цели остаются считанные метры, выбрасываю их вперед, широко расставив когтистые пальцы. Удар по ногам пришелся чувствительный. Гусенок не маленький, килограмм на пятнадцать живого веса. Использую его энергию для перевода тела опять в горизонталь. И сразу же, раскинув крылья перехожу в набор, используя оставшуюся скорость. Смотрю, как удаляются волны с мелкими барашками пены на гребнях. Между ними мелькают спины косяка рыбы. Бедный гусь, так ему и не удалось порыбачить. Зато у меня в когтях болтался увесистый кусок сырой гусятины. Пора доставить все это на берег и славно отобедать.

«Привет создатель. Все же вы, по-моему, переборзили с настройками шкалы «голода». Особенно в полете. Обнуление в три раза быстрее чем у любой другой расы.»

«Привет крылатый! Где тебя сейчас носит? На счет «голода» ты не прав. Полет – дело энергозатратное. Кроме того, надо же вас как-то ограничивать по времени в полете. Это – один из способов. Иначе, икары превратятся в имбу, а ты знаешь, как мои боссы к этому относятся»

«Слушай, ну сколько тех, кто может в воздухе часами находиться? Сейчас – наверно я один. Остальные толь-

ко «подпрыгивают», или отвисаются в динамике. Не кому «имбствовать»

Угли от костра, почти прогорели. Хорошо, что в этом мире не вся живность – монстры. Есть такие, как этот гусь: мне досталось мясо, и перья. А чего мне еще надо: опят и славу монстрабойца? Да ну, нафиг, вкусное мясо, да еще хорошо пропеченное, я ценю больше.

Оставшееся жаркое, и пару пучков дикого лука, найденного прямо на месте, убрал в мешок. Будет чем поужинать сегодня вечером, не расходуя припасы. Вино не трогал, ограничился водой из озера. А больше мне нечего собирать – плащ и сапоги так и оставались в мешке, благо стоянку я себе подобрал защищенную от случайных взглядов.

Встал, потягиваясь, и стал закидывать костер землей. Пора покидать гостеприимное местечко, высмотренное с воздуха. Время перевалило за полдень, солнце ощутимо припекало, лишь изредка прячась в появившихся редких кучевых облачках. Это мне на руку, так как над сушей должна работать термичка.

Оглядев напоследок покидаемую стоянку, я подошел к краю обрыва. До воды метров пятнадцать. Маловато. И полянка тесенькая, не разбежаться для набора взлетной скорости. Проблема? Не для меня. Оттолкнувшись двумя ногами от края, одновременно развожу крылья. Разгон в пологом пикировании, и в момент, когда крыло начинает «работать»

перехожу на маховый полет. Израсходована половина высоты. Красивый старт, жаль нет зрителей, способных оценить. Некому сказать: «Учитесь, мальки, десять лет реальных полетов, это вам не пассажирить на каком-нибудь драконе».

Разворот на сто восемьдесят, не удержавшись, закладываю вираж над покинутой стоянкой – небольшой подковообразной полянкой в высоком непроходимо-колючем кустарнике, обращенной «входом» на озеро. Надо запомнить. Как специально для меня делали – через кустарник никто крупнее кошки не продерется, а с воды... С воды надо сперва пристать к берегу, не оставив свое плавсредство на прибрежных валунах – вон их спины в прибое виднеются. А потом забраться по почти отвесному, глинистому откосу. Но сначала – попробуй, найди. Сколько же в здесь мест, которые ни откуда больше, как с воздуха и не разглядишь.

Берег, плавно понижаясь пошел вправо. Я достиг северного берега. Моя сегодняшняя цель лежит еще дальше. С момента второго старта я работал крыльями минут десять. В самом начале, для первоначального набора, потом, добирая высоты, когда динамик совсем ослабевал. Но продолжать в том же духе – не получится. Берег, с его хоть сколько-то крутым склоном, генерирующим динамический поток, закончился. Других подходящих склонов в округе нет. А это в свою очередь означает, что если не найду других источников восходящих потоков, то у меня впереди пятьдесят минут махового полета, который обнулит мою шкалу выносли-

вости. И тогда, нужно чтоб под ногами была твердая поверхность, способная выдержать мой вес. Ибо даже на удерживание крыльев в раскрытом, для парящего полета состоянии, какая—никакая выносливость расходуется. В памяти всплыли картинки «птенцов»—икаров, которые сей факт постигали на практике: когда внезапно, только что летевший икар вдруг складывался, и комком из крыльев, хаотично размахивающих рук—ног, с протяжными воплями—матюками, отправлялся в неуправляемый, но как правило недолгий полет к земле. Впрочем, я и сам подобного не избежал.

На сколько я смогу за эти пятьдесят минут продвинуться? Не так уж и много, километров сорок, сорок пять. А учитывая снос за счет бокового ветра, и того меньше. Чтоб потом долго—долго восстанавливаться, дохочившая припаса... Не, так дело не пойдет.

Значит, далее мой путь лежит по «термикам». Вон и поле подходящее, воздух над ним должен уже хорошо прогреться. Растрчивая пока еще имеющуюся выносливость на маховый полет, направляюсь туда. И почти тут же втыкаюсь в «плюса». Как будто какая—то сила подхватывает меня под крылья, начинает поднимать. Останавливаю махи, максимально разведя крылья в стороны. Затраты выносливости резко снижаются.

Закладываю вираж, небольшой, с таким расчетом, чтоб не выпасть за пределы восходящего потока. Получилась восходящая спираль, в которой я буду набирать, пока поток не

растеряет свою силу. После чего я его покину и в режиме парения, разменивая набранную высоту на расстояние, полечу дальше. Моя задача – найти следующий термик раньше, чем израсходуется запасенная высота. Иначе – опять махать крылышками, паля драгоценные запасы выносливости.

«Термик» – восходящий поток термического происхождения. Образуется при нагреве участка земной поверхности. Важно, чтоб данный участок нагревался сильнее или быстрее окружающей местности. Тогда над ним образуется пузырь теплого воздуха, который будучи легче окружающего воздуха отрывается от поверхности и улетает вверх. На некоторой высоте, пузыри могут сливаться в потоки.

Статья из «Wiki для Икаров». Автор статьи Феникс Чернокрылый

К выбранной цели я добрался, далеко за полдень. Одинокий Пик представлял из себя высокую коническую гору со скалистыми отрогами, увенчанную снежной шапкой. Он возвышался над окружающими лесами, и представлял собой отличный ориентир и наблюдательную площадку одновременно. Правда наблюдать особо нечего. На севере, на самой границе видимости, проявлялась горная цепь, отгораживающая северный океан. На западе, за редколесными пустошами, угадывались Центральные горы. На востоке взгляд не выхватывал вообще ничего – только густой лес, напоминавший земную тайгу. Где-то там, за ним должен быть восточ-

ный океан. На юге, при хорошей погоде виднелась гладь Срединного моря – аналога самого большого земного пресноводного озера. На северо–восток от горы, не далее 30 километров виднелось еще одно, небольшое лесное озеро. Летящей живности вокруг незаметно. Как, впрочем, и никого другого. Пустынная гора в пустынной местности, настоящее идеальное место для романтических пикников. Даже посожалел о своем одиночестве.

Во время облета горы, с южной стороны, заметил небольшую площадку, почти у самой границы снежника. Покружил немного вокруг и не заметив никакого движения, приземлился. Каменный "балкон", метров 15 в длину, в первой трети имеет ширину около трех метров и постепенно сужается к дальнему концу. Один край обрывается в бездну, другой упирается в вертикальную стенку

Так же в дальнем от меня конце имелся небольшой выступ, и чахлый кустик, его обрамляющий. В предвкушении я направился к заинтересовавшему меня уступу и не разочаровался. За выступом, немного скрытая кустами, притаилась узкая пещерка. Настолько узкая, что даже такому щуплому существу как я, протискиваться туда только ползком.

В состоянии взведенной пружины я присел на корточки рядом и чуть в стороне. Чтоб если кто–нибудь рванет наружу, я не оказался на его пути. Прислушался. Тишина. Подобрал небольшой камень, швырнул его внутрь и отпрянул. Ничего. Камень гулко ударился в стену. Хм. Я терпеливый.

Еще пара гольшей последовала следом. С тем же результатом. Ну что ж, посмотрим.

Пещера оказалась тесной, короткой, имеющей небольшой поворот под сорок пять градусов на расстоянии не более длины моего тела от входа. После поворота она немного расширялась, еще недостаточно, чтоб развернуться, но уже не чувствуешь себя червяком в узком проходе. И через пару метров заканчивалась тупиком. В тупике нашлось немного сухой подстилки, и ничего более. Возможно, здесь некогда гнездилась какая-то птица, но сейчас она вероятно "улетела в теплые края". Или ей просто не повезло в небе.

Глава 3. Дракон

Внезапно ухо уловило знакомые звуки – шум рассекаемого крыльями воздуха. Я замер. Мой собрат икар? Вот уж вряд ли. Прилетел хозяин гнезда? Сомневаюсь, судя по звуку, прилетело что-то крупное. Заметно больше, чем я. Что делать? Блин, сижу как в западне! Остается выждать.

По камню балкона проскрипели шаги. Раздалось невнятное бормотание. Похоже кто-то разговаривает сам с собой. Или между собой? Тогда прилетевших несколько. В любом случае – прибывшие были существами с разумом, что осложняло мое положение. Хотя с разумными есть шанс договориться.

Шаги раздались совсем рядом со входом в убежище. Потом дневной свет, проникавший в пещерку через лаз, оказался перекрыт чьим-то телом. Я инстинктивно поджал ноги, хотя меня не увидят, я за поворотом.

– Ага, наверно здесь...

Замелькал луч фонаря. И, спустя какое-то время, в стенку у поворота влетел камень и рикошетом отлетел мне в ногу. Вот блин! Кстати, поскольку дневной свет не вернулся, я сделал вывод, что бросивший продолжал находится напротив лаза. Хм, а если бы отсюда рванула какая-нибудь стая хищных летучих мышей или рой ос? Похоже, об осторожности данный индивид имеет смутные представления.

– Вот зараза, мне же сюда не пролезть! Сюда даже гном не протиснется!

Идиот! Гномы кряжистые, хоть и невысокие, им тоже здесь будет тесно. Он гномов то хоть видел? Судя по всему, говорящий один и разговаривает сам с собой. Как бы чем-нибудь серьезным сюда не запустил. Придется вступать в переговоры, а то не отвяжется. Как раз тень от лаза пропала, шаги удалились в сторону.

Осторожно, задом, задом, стараясь не повредить крылья и как можно меньше шуметь, я выбрался обратно. Тонкий момент моего появления на свет, незванный гость не заметил – он в это время был на дальней стороне балкона. Кроме того, сам лаз немного загоразживал скальный выступ. Запахнувшись в плащ, я вышел на площадку и сказал как можно дружелюбнее "Привет!".

Да уж, рефлекс гостя вызывали уважение: вот только что стоял ко мне спиной и копался в седельных сумках своего "средства доставки". Миг – и он уже целит в меня из лука, который, между прочим, до того был у него за спиной. Человек. Пока что все, что о нем ясно. Лук мощный, похоже – эльфийский. У одного бедра, колчан со стрелами, у другого – одноручный меч. Одет во что-то яркое, вычурное, малиново-бархотное. Шлема или другого головного убора нет. Да и не будет его носить человек с такими длинными, до плеч, светлыми волосами.

Про стрелу, направленную мне прямо в лоб, можно за-

быть. На фоне того, на чем этот тип прилетел. Дракон! Настоящий, живой, и смертельно опасный. Я заворуженно рассматривал его зеленоватую чешую, кожистые крылья, сложенные по бокам, огромные глаза, с вертикальными зрачками, гигантские лапы, с когтями–кинжалами. Он еле–еле уместился на балконе, хвост так вообще, свешивался в пропасть. Там, где шея переходила в плечи я заметил седло, закрепленное хитрой системой ремней. Впрочем, на подобном гиганте наверно уместился бы десяток наездников.

Дракон в ответ с подозрением рассматривал меня, даже голову вытянул в моем направлении, и, казалось, принюхивался. Именно наличие дракона заставило меня отказаться от идеи по–тихому спрыгнуть вниз и улететь подобру–поздорову. Во–первых, он–то меня заметил сразу. Во–вторых, хоть и разгоняются эти крылатые ящерицы медленнее, зато плюются огнем метко и далеко. Пока уйду из зоны поражения – превращусь в хорошо прожаренную тушку. У меня с собой и специи есть – не придется дракону давиться несоленым мясом. В–третьих, я не знаю, насколько меток это Вильгельм Телль. Поэтому – переговоры.

– Ты кто?! – руки у стрелка не тряслись, но выражение лица! Хотя я б наверно, на его месте, вообще обделался – находишься в месте, где незаметно подкрасься к тебе невозможно по определению, чувствуешь себя в полной безопасности и вдруг за спиной ка–а–ак поздороваются.

– Ты кто?! Как ты сюда попал?!

Я поднял руки в примирительном жесте

– Спокойно. Меня зовут Феникс, я здесь ... травы собираю.

– Скайхорор – немного запинаясь, представился незнакомец. Ну вот, теперь и я, в соответствии с законами мира могу видеть его имя. – Ты что, травник?

– Да, я ... хм, травник. Вот – травы собираю, потом алхимикам продаю. Убери уже лук, у тебя вон какая зверушка, а у меня даже оружия нет.

Парень видимо немного пришел в себя, лук не убрал, но по крайней перестал в меня целиться. И голос успокоился

– Слушай, а как ты сюда попал?

Я пожал плечами – Залез.

– Нифига у тебя скилл, – тут он опустил взгляд и увидел мои лапы, – А...

– Это приспособы такие, чтоб по скалам лазить. На ноги одеваются и вперед. Не знал?

Я мысленно поморщился – сапоги одеть забыл, расслабился.

Врал я беззастенчиво, ибо хорошо знал – в стрессовой ситуации человеку надо давать простые, вроде бы логичные ответы. Все равно проанализировать он их сейчас не в состоянии. Зато какой–никакой диалог, и как ему, кажется, доминирует в нем он. Он спрашивает, я отвечаю.

– Слушай, Феникс, а ты давно сюда влез? Или только что?

– Ну, ... некоторое время назад.

– Там есть пещера, видел?

– Да, заметил

– Слушай, братишка, а ты бы не смог туда слазить?

– Зачем? Нет там ничего, пустая пещера...

Ну в самом деле, пусто, я же там все хорошо осмотрел.

– Сокровищ нет, Али–Бабы тоже.

– Вообще ничего? – в голосе подозрение и сарказм.

– Голяк, хочешь – сам убедись!

– И как?! Ты же видишь – я туда не влезу! Так, братишь,

отдай что взял и иди себе спокойно. Травки свои собирай.

Вот теперь я начал терять нить беседы.

– Чего взял? Ты о чем?

– Отдай то, что нашел в пещере – четко разделяя слова произнес лучник, – отдай похоро...

Недоговорив, он выстрелил мне в грудь. Старый прием – ты говоришь, противник внимает, будучи уверенным, что пока не закончена фраза, с ним ничего не случится, расслабляется. А тут ты раз, и в дамках. Логика Скайхоррора была понятна – если я не отдаю чего–то по–хорошему, это самое можно взять по–плохому. С моего тупа.

Вот только, как говорится, "там, где ты учился – я преподавал". Поэтому понял, что сейчас произойдет, как только услышал его интонацию. И не успела тетива на его луке как следует натянуться, а я уже шагнул в пустоту. Стрела с басовитым гулом ушла в молоко.

Мне повезло. Площадка немного выступала, поэтому па-

дал в паре метров от стенки. В следующую секунду проделал несколько действий – плащ в мешок, мешок со спины на пузо.

И раскрыв крылья заложил крутой правый вираж, стремясь уйти за скалу.

Противник не показал себя новичком – он не стал бросаться к краю, в надежде проводить взглядом мою падающую фигурку, полюбоваться как моя тушка, кувыркаясь отскакивает от скал. А затем засечь место падения. Нет. Спустя всего пару секунд со скалы вниз метнулась громадная крылатая тень.

Естественно, Скайхорор направил дракона к предполагаемому месту моего падения. А что бы вы думали на его месте? Чувак решил покончить жизнь самоубийством, дескать "не доставайся же ты никому!" Почему не подумал, что его труп будет облутан? Так понятно – стресс...

Все это я увидел, оглядываясь через плечо, загребая крыльями воздух как пловец–спринтер на Олимпиаде. Встречный ветер яростно трепал рубаху и штаны, пытаюсь или стянуть их с меня, или порвать на лоскутки – в свои полетные шмотки я так и не переоделся.

Глядя на пикирующего дракона с одиноким седоком, я на миг поверил, что уйти без приключений удастся. Скайхорор аж привстал в стременах, пытаюсь высмотреть куда я там брякнулся. Пока он будет высматривать мой "труп" кружась над предполагаемым местом падения, расширяя круги не об-

наружив такового, я успею скрыться за ближайшим отрогом. Потом отлечу на противоположную сторону горы и снижусь. А потом затаюсь под какой-нибудь елочкой, поди, найди меня! Но проклятая летающая рептилия все же повернула в мою сторону голову и издала низкий рев. Засек падла глазастая, чтоб тебе ячмень на этом глазу выскочил. С мою голову.

Скайхорор развернулся всем телом, было видно, как всматривается, я даже различил как он меняется в лице. После чего дракон вышел из пикирования и заложил красивый вираж в мою сторону. Блин, блин, блин... Мне не хватило буквально пяти секунд. Вот теперь поиграем в пятнашки со смертью.

Завернув за отрог, я еще ближе прижался к стенке горы и что есть сил рванул вверх. Выносливость поползла вниз катастрофически.

С характерным звуком рассекаемого кожаными крыльями воздуха – "Жух–Жух" дракон вынырнул следом, когда я успел набрать метров двести. Был он еще метров на сто ниже. Ну правильно, вероятно мой противник ждал, что, уйдя из обзора я рвану вниз. Вниз всегда легче чем вверх. Обманулся. Впрочем, много времени мне этот маневр не подарил. Проскочив немного, и не увидев меня впереди, не увидев меня снизу, дракон развернулся через левое крыло и поднявший наконец голову наездник радостно выкрикнул, – Ага! Попался! Не уйдешь!

Я не ответил, и только сильнее заработал крыльями. Хотя куда уж сильнее.

Тут, сквозь шум ветра и звук рассекаемого крыльями воздуха я различил характерный треск натягиваемого лука. И дернулся в сторону – при очередном взмахе поджал одно крыло. "Вж–жи–ик". Мимо меня пронеслась стрела. "Вжик", "Вжик", "Вжик". Стрелы полетели одна за другой. Хорошо еще что слух вовремя предупредил об очередной атаке. Но так дело не пойдет, в таком положении я слишком хорошая мишень и рано или поздно этот сумасшедший пулеметчик меня достанет. Пора менять тактику.

Дракон набирал высоту в широкой спирали. Дождавшись, когда он развернется курсом от меня я перешел в горизонтальный полет, по–прежнему, скользя вдоль горы. Дракону потребовалось еще четыре секунды на завершение маневра, и он рванул за мной по прямой, находясь пока метров на двести ниже. Но впереди следующий отрог, и когда я стану его облетать, неминуемо приближусь к этому летающему огнемету.

Кстати, а на сколько он достает? Словно услышав мои мысли дракон сделал движение головой чуть назад, как будто набирал слюну перед плевком, и резко выпрямившись выдохнул в мою сторону струю ревущего пламени. Я заложил широкую размазанную бочку, уходя с линии огня. Почувствовал, как на спине задымилась рубашка. И начал считать, продолжая уворачиваться от стрел. Но теперь принялся "ка-

чать качели" перекладываясь из одного виража в другой. Конечно, в результате расстояние между нами стало быстро сокращаться, но тем самым я сбивал прицел лучнику. Иначе при полете по прямой представляю слишком хорошую мишень. Тем временем дракон наконец поднялся до моей высоты и в этот момент ко мне понесся очередной пламенный выдох. Тридцать секунд. У него перезарядка тридцать секунд.

Избегнув очередного шанса стать головешкой, я резко развернулся и пустил в дракона стрелу. И попал точно в морду! Хотя промахнуться мимо та-а-акой мишени. Похоже у дракона вообще не отняло здоровья. Так, комариный укус. Интересно, сколько нужно комаров, чтоб закусать до смерти эту ящерку? Плюс природная регенерация. Сбить же седока, теперь, когда его закрыла огромная голова летающей рептилии – вообще из области фантастики. Мое имя не Робин и не Вильгельм. Да и лук у моего противника "погромчее" будет. Так что не до дуэлей. Но я использовал замешательство, пока дракон отходил от моей "пощечины", чтоб развернуться и нырнуть под него. Прошмыгнув под брюхом и избегнув когтей на загребущих лапах, я рванул с небольшим снижением в противоположную сторону. Дракон заложил очередной вираж.

– Эй, что ты за мутант такой? Эй! – похоже Скайхорор решил возобновить переговоры. – Отдай что взял, и я тебя отпущу, Бетмен хренов!

Я не стал тратить дыхание, чтоб объяснить очевидную

ошибку – у Бетмена, судя по названию, крылья должны быть такими же кожаными, как у его дракона. А у меня оперенные, как у птицы. И эволюционно, эти крылья будут совершеннее, чем у его птеродактиля–переростка. Кстати, о крыльях. А почему бы нет?

Лучный обстрел прекратился. Стрелы кончились? Или ленту, хм, перекосило? Я бросил взгляд через плечо – седок опять держался обеими руками за седло, лук торчал за плечом. Возможно, это шанс. Покопавшись в мешке, я нашел НЗ – маленький флакон с восстановлением выносливости. Налету выплеснул его содержимое в рот и опять перешел в набор высоты. Пустой пузырек закувыркался к земле.

Набирая высоту почти вертикально, продолжал считать. Двадцать восемь, двадцать девять, пора! В очередной раз увернулся от ревущей струи пламени, резко развернулся и сделав несколько взмахов для разгона, сложил крылья переходя в отвесное пикирование. Мимо щелкнули гигантские челюсти, когтистые лапы и ... сверкнул меч, чуть не снеся своему дракону одну из лап. Вот дебилоид, он же сейчас чуть свою "птичку" не поранил.

Сощурившись от бьющего в лицо ветра, чуть повернув голову, я наблюдал через плечо за падающей за мной тушей. И отслеживал оставшуюся высоту. Было видно, как седок вжался в спину своего "коня" и азартно его понукает. Я даже успел заметить радостно–азартное лицо. Ну, конечно, дракон тяжелее и в пикировании должен меня нагнать. Кроме

того – он выше, то есть считает, что уже победил. Имея преимущество, он меня по любому достанет и расстреляет из своего «огнемета» на выходе. Чтож, посмотрим, «чье конфу круче» – твое, виртуальный наездник на летающей ящерке, или мое, основанное на налете в не одну сотню часов в реальных горах.

Когда мне до земли оставалось метров пятьсот, а нас с драконом разделяло не более двухсот, тот чуть приоткрыл крылья начиная оттормаживаться. Вероятно, встроенный "автопилот" рассчитал, что еще немного и с его массой, высоты на вывод не хватит. Пора.

Я развернулся в падении спиной вперед, и выпустил три стрелы, целясь в нос и глаза гиганта. И попал! Две стрелы попали в носопырку, а одна теперь торчала из левого века. До глаза не достала, а я и не надеялся. Но дракон отвлекся, упустил считанные мгновения, за которые успел преодолеть тот незримый барьер, который отделял жизнь от смерти.

Развернувшись вновь, я на сколько смог на такой скорости приоткрыл крылья, и направил свое управляемое падение почти вертикально вниз. Скайхорор стал выводить своего питомца из пикирования. На первый взгляд, все правильно.

Вот только мы оказались по разные стороны бокового отрога. Я – с наветренной стороны. Все-таки правильно определил направление приземного ветра по верхушкам деревьев. И неизбежно воткнулся в образованный этим ветром

динамик. Набегающий поток выворачивал крылья из суставов, я почти орал от боли в связках. Но уже чувствовал – замысел удался. Восходящий поток тормозил меня лучше, чем парашют.

А дракон оказался с подветренной стороны. Так–то дети, воздух – это вам не статичная субстанция, он движется. В том числе и по вертикали. Иногда, он движется вверх, в виде динамических воздушных потоков. А иногда, как сейчас, воздух обтекая стенку, всей своей массой обрушивается вниз. Это дети – ротор. В который дракон сейчас попал, и теперь стремительно приближался к земле. Я даже расслышал: – Да КАКОГО?! Выходи–и–и–и...

Ага, конечно. «Небесный жутик» сейчас постигал все прелести попадания в роторную зону. У тебя есть допуск к полетам в горах? По всей видимости – нет.

Самого падения не видел. Когда я, наконец–то погасил вертикальную скорость, и выскочил из–за отрога, гигантская рептилия уже была на земле. Я мягко приземлился рядом. К моему удивлению дракон был еще жив, хотя его жизнь висела буквально на волоске. Он еще не пришел в себя, оглушенный падением, иначе даже с парой процентов жизни вполне мог, щелкнуть челюстями и перекусить неосторожным икаром. Еще бы и жизнь себе поправил.

"Небесный ужас" инцидента не пережил. И согласно законам мира, хоть и стремящегося к реализму, но все же щадящего нервную систему, вместо безобразного трупа, со все-

ми прелестями последствий падения с высоты, превратился в бестелесную фигуру, пока что весьма подробно напоминающую персонажа. Первое время, если не проверять наощупь – лежит на спине человек со скрещенными на груди руками, в той же одежде, что на нем была. А подойдешь пощупать – руки сквозь тело проходят. Со временем, конечно, фигурка становится все прозрачнее, пока совсем не растает. Это видать его еще как–то совсем безобразно раскидало, при падении. Обычно застывают в той позе, что на земле оказался.

Звук, вырвавшийся из пасти дракона, больше напоминал стон. Глаз пытался сфокусироваться на мне, но ему не удалось. Я подошел и погладил дракона по голове. – Подожди, мой хороший, сейчас тебе станет легче. – И с размаху вонзил свой кинжал под основание черепа, в щель между костяными чешуйками. Система мигнула и выдала несколько сообщений. Ого! Сразу два уровня! Я огляделся – простите, а у вас нет еще драконов? Дайте парочку! Меня колотил мандраж от пережитого.

Пока переводил дух, осмотрел себя. Рубаха исчезла. Видать не перенесла воздушной акробатики и решила трусливо покинуть борт. Штаны ниже колен превратились в лохмотья. На правом плече ожог. Так же немного подпалены маховые перья на правом же крыле. Пощупал голову – волосы на затылке завернулись от жара. Терпимо.

Я опустил на колени перед бывшим противником. Что тут у нас? Я запустил руки в «труп». Лук, меч, колчан, пустой

кстати, доспехи. Все хорошего качества, на стопятидесятый уровень. Ну во-первых мне на вырост. А во-вторых – ни к чему они мне. Можно, конечно, продать, хорошие деньги. Но их надо еще дотащить до ближайшей лавки. Как и одежду с сумками. А вот золото мне пригодится. И алхимка.

Один флакон я тут же открыл и выпил. Выносливость и жизнь снова полные, ожог тоже прошел. Свернул в узелок пожитки разбившегося, перешел к осмотру трофеев, доставшихся мне от крылатой рептилии. "Зубы дракона", "когти дракона", "сердце дракона". Ну зубы с когтями я наверно допру, а вот сердце, больно уж оно большое...

Я усмехнулся пришедшей мне на ум мысли, от которой половина алхимиков пришла бы в ступор, а вторая предала немедленной анафеме. Я же еще не ужинал! Соль и специи у меня есть, дров соберу...

Летательные аппараты, в том числе и икары находясь в полете всегда двигаются относительно воздуха. В свою очередь воздух – не стабилен. Воздушная масса, в которой находится икар может сама перемещаться, как по горизонтали, создавая ветер, так и по вертикали, создавая, к примеру, восходящий поток. Икар, находясь в парящем полете (так же, как дельтаплан, параплан, планер и любой другой паритель) имеет скороснижение порядка 1 метра в секунду. Однако, если окружающая масса воздуха поднимается вверх, скажем со скоростью 2 метра в секунду, то находящийся

в ней паритель, будет опускаться относительно окружающей массы воздуха, но подниматься относительно земли со скоростью 1 м/с.

Но воздух так же может и опускаться, например обтекаемая преграда, он закручивается, и обрушивается вниз. Это называют ротором. Попадание в ротор смертельно опасно для любых летающих объектов, так как к вашей скорости добавится скорость снижения воздуха, иногда до 10 и более метров в секунду.

Статья из «Wiki для Икаров». Автор статьи Феникс Чернокрылый

Глава 4. Админ.

Переживания, переживаниями, а отдых нужен. Да и шкала «голода», будь неладна, просила что-нибудь закинуть в топку. Скоро солнце закатится за небосвод, наступит темнота.

Освободившись от всей поклажи, кроме кинжала, я в несколько заходов натаскал на площадку дров. Все-таки, грузоподъемность икаров весьма невысока. 25 кило, это все, что я могу тащить на себе без перегруза. Вычтите из этого вес снаряги, одежды, вместе с запасной. Одни только сапоги два с лишним кило. Короче, не оставь все это наверху, уже ни одной веточки снизу я бы не поднял.

Из имеющихся здесь же камней сложил что-то вроде очага, разжег костер. Осмотрелся, что мне не хватает для уюта? Полцарства за раскладное кресло! Эх, придется сделать еще ходку вниз...

Наконец костер прогорел, оставив после себя малиновые угли. Которые сейчас тихо потрескивали и освещали мерцающим светом расположенные над ними на прутиках золотящиеся кусочки. Я устроился в подобии шезлонга, сооруженного из двух толстых палок, перевитых ивовыми прутьями, переложенными мхом и опавшими листьями. Жаль внизу не нашлось соломы. Рядом на камне уютно устроилась фляга с вином. Можно с облегчением вытянуть ноги, откинуть голо-

ву, смотреть в усыпанное звездами небо и перебирать в голове события, произошедшие за сегодня. Красота. Подошел к концу еще один день в небе ФанВирта.

Накатила ностальгия. Перед глазами замелькали картинки «прошлой жизни», когда мы, с друзьями по клубу выезжали на полеты в выходные. Те же игры с ветром, попытки высмотреть места образования термички, полеты по маршрутам, когда где-то внизу проползают поля, населенка, дороги. А вечером, подобрав всех разлетевшихся, разбивали лагерь в «штатной» рощице. Костер, гитара, разговоры. Как же мне всего этого не хватает! Какая-то тоска царапнула сердце, оно предательски сжалось, где-то внутри холодком отозвалась пустота. Я смахнул непонятно откуда взявшуюся слезу. Да, что со мной? Наверно пепел от костра попал в мои большие глаза.

– Здравствуйте

Я аж подпрыгнул! Да, какого? На этом «балконе» всех так принято пугать?

На том же месте, где ранее я здоровался со Скайхорором, стоял классический ангел – белая хламида, золотые сандалии, крылья за плечами. Какие-то маленькие, по сравнению с моими. И весь такой светящийся. Вот и представители игровой администрации пожаловали.

– И тебе не хворать. – Этого админа я знал. – Присаживайся, мясо будешь? Вина не предлагаю, его у меня мало.

Админ подошел, и устроился на извлеченный из ниоткуда стул.

– Феникс, вы хоть понимаете, что по–хорошему, ваш аккаунт сейчас должен быть удален, а вы изгнаны из теста?

Я не ответил. Снял зубами с прутика поджаристый кусок мяса, и заработал челюстями глядя вдаль. Потом поднял бурдючек и отпил прямо из горлышка. Вздохнул. И удостоив наконец–то ангела взглядом спросил:

– Почему до сих пор проигнорирован мой багрепорт, на счет слишком низкого формирования динамического потока?

– Если бы мы изменили настройки формирования динамика согласно вашим пожеланиям, то сегодня вам не удалось бы так красиво отделаться от преследователя. В этом случае вы бы не смогли выйти из пикирования над деревьями, и неизбежно влетели бы в вершины. Что с хрупкостью икаров неизбежно привело бы к нескольким переломам. А так получилось очень красиво, я наблюдал.

– Это не мои пожелания. Это реальность. Вы же за этим меня позвали? Так вот, в реальности – провалился ниже одной трети склона, и привет. Посадка. Потому что не держит там ничего.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Какой?

– Почему вы нарушили NDA и раскрыли перед обычным игроком сущность расы, находящейся в закрытом тестиро-

вании?

– Послушайте, я эти правила знаю не хуже вас. Работа у меня такая – договоры читать. Ситуация попадает под форс-мажор. Раскрытие сущности произошло не по моей вине. Или если бы этот Скайхорор приперся в Икаровский Инкубатор, вы бы предъявили претензии всем там находящимся?

– Феникс, не передергивайте. Тест проходит в закрытой локации, куда обычным игрокам доступ закрыт программными средствами...

– В тюрьме он проходит...

– Феникс, не начинайте вновь...

– Послушайте, – я кажется опять стал заводится, – да, вы создали горную, подчеркну: горную локацию для тестирования физики полета икаров. Но там и без меня народу хватает! А я вам даю данные об аэрологии других мест. Кроме того, ну кой шут от меня в горах? Я в основном летал маршруты на равнине.

– У вас какой налет в горах?

– 150 часов. Что-то около, надо смотреть...

– А средний налет в горах наших тестировщиков – ноль.

Я опять взял прутик с нанизанными кусочками шашлыка, и вопросительно посмотрев на админа протянул ему. Админ незаметно покачал головой. Я пожал плечами, дескать как хочешь, и принялся за мясо.

Ангел попытался изобразить иронию. – Вы хоть представляете, сколько стоит этот шашлык? В игровой валюте

– Даже знать не хочу. Кстати, мясо так себе, могли бы вкусовых ощущений добавить, все же – сердце дракона!

Последние слова я произнес с максимальной торжественностью.

– Ладно Феникс, эпизод мы замнем. В конце концов, форс–мажор ... – Админ помедлил, – да и руководство в отпуске. Пока выйдет, никто и не вспомнит ничего.

– Договорились с этим, с «летающим ужасом»?

Админ усмехнулся. – Скайхорор сейчас попытался поднять целую бучу на форуме. Пришлось сказать ему, что он повстречался с редкой разновидностью местной НПС–нежити. Экспериментальной. Поскольку завалить он ее не смог, достижения ему не видать. К несчастью, скрины и запись не сохранились. Видимо какой–то баг. В компенсацию, ему вернут потерянные вещи...

– Деньги и алхимку не отдам, а снарягу забирайте – вот лежит, мне она не к чему.

– Договорились. – Ангел помедлил. – Кстати, Феникс, на счет вашего багрепорта...

– А что с ним не так?

– Все так. Только... Не будут наши програмеры переписывать алгоритмы формирования потоков...

Я перебил, – Ну и нафига я вам тогда нужен?

– Феникс, вы делаете большую работу. Мы, вся администрация вам очень благодарны. Но мы делаем игру. Понимаете, игру. Люди не должны обладать знаниями выпускника

академии Жуковского, чтоб иметь возможность подняться в воздух.

– Я не заканчивал академии Жуковского. И даже летного училища...

– Все равно. Сколько лет вы летали перед тем, как пришли к нам на тест?

– Все равно, вы знаете мою точку зрения... Ладно, шут с вами, выйду в реал, потру этот репорт. – Я поднял палец в верх, – но только как ответную услугу, за то, что замяли этот инцидент.

– Спасибо, – произнес ангел, и просто растворился в пространстве. Вот и зачем такому крылья?

Глава 5. Реал.

Засыпал я в обустроенной пещерке, на груде сухого мха и листьев. Вход в пещеру заблокировал воткнутыми в стенки и перекрещенными крест–накрест кольями. Слабенькая защита, надо на будущее разжиться каким–нибудь сторожевым артефактом. Но это все потом, а пока, подложив под голову мешок и завернувшись в плащ ... я нажал кнопку выхода. Перед глазами вспыхнул радужный водоворот. Мир вокруг: грубоватая ткань плаща, камень стен, стал растворяться. Я перестал чувствовать сложенные за спиной крылья, мешок под щекой. Ушла приятная боль, в натруженных за день мышцах. Наконец в глазах прояснилось. На смену одним ощущениям пришли другие.

Реальный мир встречал меня тихим жужжание откидывающейся в сторону крышки. В поле зрения появились опускающиеся поручни. Я поднял правую руку, и вцепившись в поручень сел на ложе. Оу–у–у–у... В глазах потемнело.

Правой рукой взял бессильно лежащую левую. Так, согнуть–разогнуть, согнуть–разогнуть. Нарушенное кровообращение потихоньку восстановилось, появилось покалывание, чувствительность возвращалась. Теперь самостоятельно. Сжать пальцы – разжать. Еще раз и еще. Плечевую кость левой руки мне собирали из осколков. Она немеет, когда долго лежит без движения. Но вот рука более–менее рабо-

тает, и я могу вцепиться в поручень, чтоб правой снять с головы шлем с нейродатчиками, и отсоединить от тела остальные. Фух, полдела. Двумя руками перекидываю ноги, и вот уже сижу на краю большого белого ящика, с откинутой полупрозрачной крышкой.

Из ящика лоснящейся змеей выходит толстый жгут проводов и прячется в стене. Это не промышленный холодильник, как может показаться. Это кокон виртуальной реальности. С его помощью участники игры погружаются в фэнтезийный мир, переносясь туда своим сознанием, пока их тельце лежит в электронном «гробике».

Кокон стоит в небольшой, метров 18 комнате, большую часть которой занимают спортивные тренажеры. Рядом с коконом притулился столик с монитором и клавишей, да «офисное» кресло. Мой рабочий кабинет, последнее время. Здесь большую часть времени, пока я дома, проводит мое тело.

А еще к кокону, прислонена трость. Я опираюсь на нее, и морщась от боли спускаю ноги на пол. После случая, полностью перечеркнувшего мою прежнюю жизнь, прошло два года. Я уже хожу без костылей, но 14 часов лежачего положения не пройдут бесследно, даже для молодого здорового организм. А если ты инвалид... Впрочем, чтоб меня понять, надо оказаться на моем месте, чего никому не желаю.

На компьютерном столике бутылка изотоника. Дотягиваюсь и выбулькиваю целиком. Хорошо. Мочевой пузырь гонит в туалет. А потом надо как-то заставить себя позани-

маться. Без тренажеров я бы наверно до сих пор катался в инвалидном кресле. Ничего, придет время – бегать буду. Наверно.

Спустя час истязаний упражнениями и душа, я плюхнулся в кресло перед монитором. С собой – большая кружка чая и пенопластовый лоток какой-то готовой еды, разогретый в микроволновке. А когда при такой жизни готовить? Прежде чем заваливаться спать, у меня есть еще одно дело.

В закрытом разделе форума, я открыл свое сообщение недельной давности. «Ошибка формирования динамического потока». Статус: «На рассмотрении». Перечитал. Да не, все по делу. Не может динамик держать ниже одной трети склона. Откуда знаю? Честно говоря, какого-то специального образования у меня нет. Я опираюсь, с одной стороны, на горы прочитанной литературы. Пегин, Ордоди, Гончаренко и еще десяток известных, в наших кругах, авторов. С другой стороны – на личный опыт.

С дельтапланеризмом я познакомился на последнем курсе института. Хорошо, что на последнем! Увлечение оказалось настолько сильным, что превратилось буквально в смысл жизни. За полгода, что я бегал с УТ-шкой по полю, в нашей компании учлетов сменилась куча народу. По статистике до первого полета доходил один из 10 начавших обучение. Остальные "сливались" не выдержав "тягот и лишений". Зато те, кто все же преодолел себя, отринул подлые мыслишки, дескать "живут же люди и без", те смогли в пол-

ной мере насладится новым миром. Миром куда вход нельзя купить или получить по блату. Неважно сколько у тебя денег и кого знаешь ты или твои родители. Только через пот, травмы и преодоление себя.

Помню то непередаваемое ощущение, когда я стоял первый раз на южном склоне Юцы¹, готовясь к своему первому слету с этой, на самом деле, небольшой высоты. Позади были пробежки по полю и слеты с пологой трехметровой горки, когда ноги только-только успевали оторваться от земли. Только что, инструктор Саныч, как-то буднично сказал мне и еще паре ребят: "берите дельты и поднимайтесь на южак, вы вполне готовы. Полетное задание – слет по прямой"

И вот я стою в трех шагах от края. Смотрю на перегиб, поросший начинающей жухнуть травой, на то место, где мой разбег неминуемо должен перейти в полет. Если я все сделаю правильно. Или в неуправляемое падение, если накосячу.

Снизу смотрят парни и девчонки, кому еще рано, и кто еще должен продолжать с настойчивостью мула бегать и бегать по ровному, спотыкаться, падать, набивать синяки. Они смотрят снизу и завидуют. Но если я подниму голову и посмотрю чуть вправо, там я увижу тех ребят, которые уже стартовали с вершины и теперь парят в динамике.

Но сейчас мне не до них. Лицом я ощущаю приятный встречный ветерок, метра 3–4 в секунду, ровный, без порыв-

¹ Гора в окрестностях Пятигорска. Одно из известнейших летных мест. Хорошо подходит для новичков.

вов, то, что нужно для учебных занятий. Шлем чуть великоват и сползает на глаза – подвески и шлемы у нас пока клубные, общие. Но меня больше беспокоит, что ножные ремни учебной подвески слишком свободны, из-за чего та слегка провисает, и ей нужен некоторый ход, пока ремни натянутся. Я переживаю, что пока будет выбираться свободный ход я упусти крен, и тогда меня развернет в склон при старте. Последствия слишком живо предстают в моем воображении.

Стойки трапеции привычно лежат на плечах. 4 м/с уже достаточно, чтоб крыло стремилось взлететь, и я его «задавливаю». Слышу в рацию голос инструктора: "давай, старт по готовности, не жди долго".

Выдох, поехали!

Громко кричу "Готов!", и наклонившись начинаю энергичный разбег, толкая дельтаплан плечами. Первый шаг, чувствую, как дельт сходит с плеч и натягивает фал, которым я подцеплен к нему. Меня как котенка за шкурку приподнимает. Второй шаг, крыло начинает меня нести, я сильнее загружаю руки, опираясь на стойки как на перила. Третий шаг. И нога не достает до земли! Делаю по инерции еще пару бегущих шагов, но я уже в воздухе! Я ЛЕЧУ!!!

В тросах свистит ветер, я ощущаю его лицом. И еще я чувствую дельтаплан! Как он лежит на потоке, чувствую небольшие колебания от набегающего воздуха. Я ощущаю его как часть своего тела! Как будто меня с ним соединяет не фал, а крылья растут прямо из моего тела. Буквально физически

чувствую натяжение тросов, натяжение паруса. Я не замечаю, как ножные ремни впиваются в пах, кипящий в крови адреналин потушил все лишнее, кроме того, что в меня вбивали за месяцы тренировок.

Где-то снизу бежит земля. Подо мной проплывают замершие товарищи, притихшие, как будто могут помешать, они провожают взглядами. В этих взглядах и зависть, и переживание, и поддержка.

Но вот земля постепенно приближается. Это не я снижаюсь, это она все ближе и ближе. Вот уже носки моих кроссовок начинают чиркать мысками по траве. Немного отпихиваю от себя трапецию, выравнивая аппарат. Снижение замедляется. Скольжу над землей "на экране", жду, когда скорость снизится до посадочной.

Что-то подсказывает, вот этот момент! Резко выдаю трапецию от себя и вверх, «на все руки». Дельтаплан превращается в огромный аэродинамический тормоз, призванный остановить мое движение вперед. Блин! Рано! Скорость еще немного высока, и я взрываю. Немного, всего метра на два. Хорошая старая учебная УТ-шка такие "косяки" прощает, я мягко парашютирую на ноги. Есть, посадка! Выдох. Доклад.

Теперь еще немного: отнести дельтаплан в сторону от линии полета следующего счастливчика, развернуть по ветру, отстегнуться. И дать волю чувствам! В небеса несется победный вопль "ДА!!!" Эмоции фонтанируют. Я не могу успокоиться. Наконец из наушников шлема, который я сорвал в по-

бедном танце доносится голос Саныча: "Эй, буйный, летать дальше будешь?" Ору так, что меня можно услышать безо всякой рации – "ДА!!!" "Ну тогда аппарат наверх, будешь готов, объясню следующее полетное задание" ...

Вроде бы уже столько лет прошло, а до сих пор помню. Потом был первый старт с вершины. Первый полет в динамике. Кавказ, Крым, Альпы. Но почему–то ярче всего я вспоминаю этот самый первый слет с южака Юцы.

А «непередаваемыми» я называю свои ощущения потому, что так ни разу и не удалось объяснить кому–то из нелетающих что же такое – «полет». Слов не хватает. Это можно только пережить.

Ну а потом все закончилось. Два года назад мы с друзьями из клуба, подгадав отпуска поехали в Доломиты. Я только–только купил новое спортивное крыло.

Обратно меня привезли, что называется «по кусочкам»: ЧМТ, позвоночник, рука. Было больно, но сильнее меня убивало осознание, что моя жизнь – закончилась. Тот смысл, который в ней был до сих пор, стал для меня недоступным. По всей видимости, безвозвратно. Ведь я жил, чтоб летать, а теперь подняться в воздух мог только пассажиром в кресле. Но это не полет. Это поездка, и не важно, по воздуху, по морю или по железной дороге.

Кончать жизнь я бы не стал, не так меня воспитал отец, но подбухивать начал. И не известно, чем бы все еще закончилось, если бы в одной онлайн игре не решили попробовать

звестить расу персонажей с крыльями. Летающих людей. Ну, почти людей.

Нет, конечно, про эту игру я слышал, даже видел ролики в интернете. Но как можно тратить время на виртуальную жизнь, когда в реальной столько интересного? Да и не влекла меня перспектива бегать с оружием в руках за себе подобными. Набегался уже. Во время прохождения срочной службы в одной теплой стране. Хватило на всю жизнь, до сих пор иногда снится, хоть столько лет прошло.

В общем, полгода назад со мной связался один мой собрат по прошлой крылатой жизни. Как оказалось, он работал программистом в этой самой «**The real world of fantastic virtual reality**» (официальное название, но все называли просто – «ФанВирт»: «фантастическая виртуальность»), и даже руководителем какой-то там группы. Прописывал физику полета, поведение летающих объектов и прочее, чего я не совсем понял, когда он объяснял мне на своем программистском языке. Зато я услышал главное: есть возможность летать! Летать как прежде, и возможно – даже круче, как птица. Пока идет закрытый альфа-тест, набраны несколько десятков тестируемых. И крайне нужны люди, с реальным опытом полетов. Каких угодно. Вот только таких – считанные единицы, ибо поменять реальное небо на виртуальное...

В тот день мне вернули крылья, пусть даже в виртуальном мире. В мою жизнь вернулся смысл.

Я вынырнул из воспоминаний, посмотрел еще раз на свой

пост, недовольно поморщился. И нажал «Удалить».

Глава 6. Долегался

Рассвет я встречал, стоя на краю балкона, подставляя лицо набегающему потоку и смотря на окружающее «свысока». Вот что значит "крыша мира"! Даже облака, на которые подавляющее большинство смотрит, задрав голову, ползут у меня под ногами. Воздух только–только начал прогреваться, то там то здесь появлялась еще робкие, редкие кучевые облачка.

Итак, чем займемся? Вчера я, так сказать "зачекинился" на Одиноком Пике. Итог, условно двухнедельного, путешествия. Еще одной целью "трипа по высочайшим горам Фан-Вирта" в этой части континента был Рассветный Утес, лежащий к юго–востоку. При благоприятных метеоусловиях, концу дня вполне можно достичь.

Однако мой взгляд как магнитом отклонялся к северо–востоку, где за бескрайними лесными просторами, весьма напоминающими нашу тайгу, скрывалась местность, которую я сам именовал не иначе, как Нунавут² (на карте никак не обозначена? Ну значит как хочу, так и называю).

Я вспомнил себя еще совсем ребенком. Отца в очередной раз перевели в другой гарнизон, мы заселились в новую квартиру, коих поменяли за годы его службы, бесчисленное

² Канадский Арктический Архипелаг, одна из самых северных территорий планеты.

множество. В этой, от предыдущих жильцов, осталась физическая карта мира, огромная, во всю стену. Как раз в той комнате, которую выделили мне, как «почти уже взрослому». А я только-только научился читать. Моими первыми книжками были «Два капитана», "Полярный летчик" Водопьянова. Позже, Джек Лондон.

Я вспомнил, как часами простаивал перед картой, представляя себя отважным летчиком, исследующим полярные области. Когда я впервые увидел карту ФанВирта, эта «картографическая» схожесть с самой северной частью Канады, мне прямо-таки бросилась в глаза. Сомневаюсь, что разработчики создали аутентичные полярные острова, но все же. Кто бы отказался от возможности реализовать свою детскую мечту? Так вот я буквально на пороге этого!

Открыл блокнот, прикинем...

Сколько до цели? Если верить карте – 4 квадрата. Квадрат, это час махового полета. Чисто теоретически, 4 часа и мечта, которой почитай три десятка лет, исполнится. Я буду стоять на самой северо-восточной точке материка и орать в океан... Что орать? Да там придумаю. Возможно – "Как же блин, здесь холодно и какого ... я сюда приперся?!" Но что это, по отношению к возможности реализовать детскую мечту? Несущественная ерунда.

А что у нас в пассиве?

Во-первых. Карта ФанВирта имеет очень странную топографическую привязку. Это скорее схема, дающая представ-

ление о взаимном расположении локаций, друг относительно друга. В игре мало кто перемещается «по карте». У игроков, да и у местных в ходу свитки переноса и массового телепорта. Поэтому на соответствие реальных расстояний мало обращают внимания. Отсюда, эти четыре «нарисованных» квадрата вполне могут оказаться го–о–ра–аздо длиннее.

Во–вторых. Маховый полет очень энергозатратный. У меня выносливость, как у бульдозера, но даже ее хватает только на час. Как раз один квадрат пролететь. Зато восстановить такую шкалу полностью, без эликсиров, не менее получаса. Да еще и оголодаю при этом, значит нужно тащить с собой еду. То есть в реальности скорость продвижения вперед составит квадрат за полтора часа. Есть еще проблема – впереди сплошные леса. Садиться в лес – гарантированно поломать крылья, у меня же размах четыре метра. И как при этом стартовать из леса?

Есть другой путь, который мне ближе по «прошлой жизни» – парящий полет по маршруту, используя восходящие потоки. Выносливость расходуется, но значительно медленнее, полной шкалы сейчас хватает почти на пять часов. Скорость в парящем режиме: за час две трети квадрата, по ощущениям это 40–45 км/ч. Восходящие потоки есть – вон, все небо уже в кучевке.

Но! Что с ветром? Я оторвался от блокнота, и осмотрелся. А ветер северный, для предполагаемого курса – встреч-

но–боковой. Значит, пока я буду набирать в восходящем потоке, меня будет сносить назад и в сторону. А потом, при продвижении вперед – тормозить.

Посчитаем.

На взгляд, ветер – 7 метров в секунду, то есть 25 км/ч. Вычитаем их из моей путевой скорости. Продвигаться вперед буду, но медленно. Во–вторых, нижняя граница кучевки, а значит и высота набора в потоке, около двух тысяч. Над лесом проваливаться ниже тысячи метров я не намерен. Допустим, я прихожу в поток на высоте тысячи метров. Рассчитывать на скороподъёмность потоков более 2 метров в секунду, в местности, подобной этой – самонадеянность. Получается, что выкручивать обратно под базу я буду около восьми с половиной минут. Это оптимистичный прогноз. Заложим все десять. За это время, поток, в котором я буду набирать высоту, снесет ветром назад и в сторону от маршрута на четыре с хвостиком километра. Далее я бросаю поток и сначала должен буду пролететь эти самые четыре километра. Расходуя запасенную высоту. Стандартное скороснижение икара на переходе, равно дельтапланерному – 1 м/с. Пробиваясь вперед с путевой скоростью 20–25 км/ч, я затратчу на четыре километра те же 10 минут, то есть 600 секунд, то есть 600 метров высоты. После чего останется 400 метров высоты до рубежа в тысячу, чтоб продвинуться вперед. После чего нужно будет искать следующий поток, а на это нужно время и высота. Вот такая вот «небесная математика», ничего

сложного, уровень 3 класса средней школы. Не нужна для этого академия Жуковского.

Не знаю, по какой причуде памяти, но я вдруг вспомнил свой давнишний спор с Сапсаном, одним из первых тестеров проекта «Икар». Сапсан был из числа «обычных», то есть не имевший летного опыта. Зато имел немалый игровой. Мы и зарубились по поводу «реализм/играбельность»

– Феникс, ты пойми, мы делаем игру, а не учебный симулятор для подготовки ваших пилотов. Человек будет заходить в ФанВирт чтоб расслабиться, отдохнуть, переключиться после трудового дня. А тут ты ему – «хочешь летать?» Давай, за парту, «снова в школу», сиди учи твои дурацкие формулы... Еще и зачеты принимать будешь? Ну и кто потом захочет становиться икаром?

– Сапсан, ты как ребенок, честное слово. «Не хАчу учиться, хАчу жениться». Авиация всегда была делом избранных, единиц. Если ты хочешь принадлежать к нам – проходи наш путь. А нет – вон, садись на стрекозу, и вперед – «покоряй небо». Покоритель блин...

– Ты хочешь, чтоб стать икаром было сложно?

– Да. Но это не сложности ради сложностей. Это ... Вот скажи, как считаешь, покорить Эверест круто?

– Ну, ... так то же Эверест, не знаю. Наверно круто.

– Блин, Сапсан, конечно, круто! Просто подумай, сколько их, тех кто дошел до вершины?

– Ага, и сколько их лежит там.

– Да. Да! Именно! Зато если ты смог, если дошел и вернулся... Хорошо, а вот другой пример – круто побывать на Северном полюсе?

– Да что ты про свои Эвересты с полюсами. Не знаю, мне туда не надо.

– А я тебе скажу. Вот представь, допустим присоединился ты к экспедиции, шли на лыжах, с холодными ночевками, жратву на себе несли, преодолевали, превозмогали, дошли, вернулись... И вот возвращаешься ты домой, знакомые спрашивают: «где пропал?» Ты им – «на полюсе побывал!». И что они тебе ответят? – «дебил ты, сколько денег угрохал, лучше бы потратил их на... да хрен знает куда, на одежду, жратву, турцию...» А ты им: «да не, я же не на ледоколе, в комфортабельной каютке, я ножками!» ...

– И что? Да они тебе ответят, что ты вдвойне дебил, так как мог бы как раз в комфортабельной каюте, на ледоколе... Глупо ломиться через тернии, когда есть асфальтированный путь.

– Вот, вот и я о том же. Это если есть «асфальт». Ты достиг! Но другие скажут – так ты же купил это достижение! Значит надо, чтоб не было читерского пути. На Эверест слава Богу, вертолеты не летают. И нам не надо. Тогда если встречаешь икара – значит он свой, такой-же. Занимался, ломался, бился, но смог...

– Да, но только при этом, встретить икара в ФанВирте

можно будет так же часто, как того же дельтапланериста в реале. У меня большой круг знакомых, и придурков хватает, но таких, как вашего брата – никого...

Я закрыл блокнот. Печально. По всему выходит, что скорее всего к вечеру, вместо того, чтоб оказаться на желанном берегу, окажусь всего лишь в десятке километров отсюда, посреди леса, без запасов, без сил, и возможно – без возможности взлететь.

Вздыхнул, мотнул головой, отгоняя тягостные размышления. Как не обидно, но шторм полярных областей придется отложить до лучших погодных условий. Да и подготовиться нужно, хотя бы теплую одежду раздобыть.

Тогда куда? Рассветный Утес я хотел приберечь на третий день, как красивое завершение уикенда. Кроме того, из-за нахапанного я на пределе своей грузоподъемности. Конечно, полет в состоянии перегруза хорошенько прокачивает выносливость. Вот только жрать при этом, придется каждый час, или чаще. Эх, хорошо было в Инкубаторе³, я вспомнил свои полеты на развитие выносливости с каменюкой. Зато небольшие перепелки там не переводились, и есть их можно было сырыми, прямо на лету. Прямо как столики с водой на марафонской дистанции.

Кстати, о воде – одна фляга пуста, в другой осталось немного вина. А мне нужно пить. Придется смотаться к

³ Закрытую локацию икаров, так и называли – Инкубатор. Просто пока не придумали другого названия.

озеру, что виднеется на северо-востоке. Это первая точка маршрута. А потом туда, где можно продать части дракона, пока не испортились. Плюс я взял в «труп» Скайхорора десяток золотых. Да я просто Крез! Можно прикупить что-нибудь полезное. Значит, сегодня мой путь в обжитые места. Нужен населенный пункт, покрупнее оставленной вчера дереушки, чтоб найти подходящих торговцев. Но не слишком крупный, все же сохранять инкогнито в густонаселенных городах сложнее. А там еще и маги, и стража. Короче, мне нужно обратно, к Серединному морю.

Икары – классические парители. Маховый полет не должен являться основным для икара, так как при этом очень быстро расходуется выносливость. Если икар хочет летать на большие расстояния, махи он должен использовать только для взлета. Именно восходящие потоки должны стать для икара основой, для дальних перелетов. Опытный паритель, должен уметь пролететь маршрут, вообще не используя махи крыльями, только за счет поиска и обработки восходящих потоков. Только тогда можно говорить о том, что икар «умеет летать»

Статья из «Wiki для Икаров». Автор статьи Феникс Чернокрылый

Взгляд на площадку, не забыл ли чего. Подхожу к краю. Оценка ветра, проверка готовности, оттолкнувшись стар-

тую. Левый доворот и прямо по курсу открылось озеро. Нарастившая скорость в пологом снижении, направляюсь к нему. Идея возникла в тот момент, когда я подумал, что неплохо бы запастись водой. Зачем мне садиться на берегу, набирать воду в флягу, чтоб потом искать место для старта и тратить силы на первоначальный набор высоты? Я разгонюсь, пройду на скорости над поверхностью озера, зачерпну воду флягой. После чего, запасенной энергии мне должно хватить на набор высоты. Красивая затея! В духе маньячелы Вульфи⁴.

Озеро быстро приближалось, ветер выбивал слезу, приходилось щуриться. Лес, подо мной, слился в сплошной мелькающий ковер. Но вот снизу стремительно мелькнула береговая черта и я увидел отраженное в зеркале воды небо. Хорошо, что это маленькое лесное озеро, волн нет.

Вот черт! Я опустил флягу в воду совсем немного, но это едва не стало фатальным! Фляга сработала как тормоз, отнесенный от центра масс. Возник вращательный момент, и я чуть не нырнул в глубину. Ну уж нет, я вам не чайка. Отдернул руку и несколько секунд замороженно наблюдал поверхность воды, несущуюся в считанных сантиметрах от лица. Даже успел рассмотреть в отражении, свои расширенные глаза. Буквально по сантиметру изменяя угол атаки крыльев, чтоб не дай боже зацепить воду, я выровнялся, а потом и взмыл. И, когда достиг трех метров, перешел на маховый полет набирая высоту. Фух, пронесло! Но надо же наполнить

⁴ Австрийский пилот Wolfgang Siess.

флягу! Только в следующий раз, надо держать горлышко, чтоб оно только слегка касалось поверхности воды...

В общем флягу я наполнил. С четвертой попытки. И тут же выпил. Я фактически исчерпал запас выносливости, набирая высоту после каждой попытки, чтоб опять в снижении разогнаться. Причем оказалось сложным, одновременно следить за скоростью – чтоб хватило инерции для набора. И за тем, чтоб клятая фляга, не погружалась слишком глубоко. Но при этом черпала воду.

Флягу наполнил, жадно выпил полностью. И тут же приземлился на берегу, тяжело дыша. Набрал еще воды и опять пил, и пил. Потом достал мяса, жадно сжевал, и опять все запил озерной водичкой.

Отдышался. Огляделся. И чуть не заплакал от злости на себя, кляня свою глупость и самонадеянность. Вот debil! Зазвездился, уникальный тестировщик! Дракона понимаете завалил! И облажался как малолетка, как перворазник. Хуже, как потерявший осторожность зазнайка, решивший что для меня нет невозможного.

Мое путешествие только что, чуть было позорно не закончилось. Поверхность воды на скорости мало отличается от поверхности бетона. А кроме того – Икары не плавают. Со всем. У нас эта возможность просто отключена. Вероятно, разработчики решили, что две стихии для нас – перебор. То есть, если бы я упал в воду, то просто утонул.

Но это, все. После, как любой игрок виртуального мира,

я появился бы на камне возрождения. Безо всего, в одном подгузнике (дань целомудренности от разрабов). А мое снаряжение, одежда, и все—все—все осталось бы лежать в туманном силуэте, имитирующем труп. На дне. Куда не плавающему икару не добраться. Что бы я делал после, даже не представляю.

Кстати, как не представляю, что делать сейчас. Ибо, я стоял на берегу озера, с весьма топкими берегами, с деревьями, вплотную подступившими к воде. Я не мог отсюда взлететь! Ни как. Приехали.

Часть 2 Знакомство

Глава 7. Крылатому в лесу неуютно

Для старта икары могут применять две техники: «старт в восходящий поток» и с использованием махов крыльями. Однако, даже для махового старта, икар должен находиться на высоте не менее половины размаха крыльев над землей, лучше выше. Чтоб исключить касание крыльями земли, что, грозит повреждением маховых перьев и даже костей крыла, полностью исключая возможность полета.

Длинна крыла «взрослого» икара – два метра. Значит, для перехода в маховый полет, икар должен находиться над землей выше двух с половиной – трех метров.

Кроме того, чтоб крыло начало «работать» – т.е. создавать подъемную силу, оно должно двигаться относительно воздуха. То есть, икар должен или находится в набегающем потоке (ветре), или двигаться вперед.

Таким образом, чтоб стартовать нужно или спрыгнуть с возвышенности. Или разбежавшись по земле до взлетной скорости, подпрыгнуть на высоту, достаточную для взмаха крыльями.

Статья из «Wiki для Икаров». Автор статьи Феникс Чернокрылый

Я переминался с ноги на ногу на топком, поросшем высоким кустарником берегу. Смотрел на гладь воды. А перед глазами стоял северный склон горы Клементьева, во время моего первого посещения этого, без преувеличения легендарного места. К тому моменту я уже пару лет как всюду летал, но на Клемухе, еще не был. Не знал особенностей аэрологии. И это незнание преподнесло мне неприятный сюрприз.

Выехали, собрались. Парни уже стартовали, быстро набрали в динамике сотню метров над склоном и во всю «резвились». А я, что называется, «проворонил погоду» – пока помогал другим, пока «тупил», погода изменилась. Ветер на уровне склона слегка повернул, и теперь совершенно «не держал», т.е. создаваемый им динамик был очень рваный и слабый. Выше, буквально двумя десятками метров над перегибом, стояла «волна» – дующий с материковой части, более теплый ветер, набегал на слой холодного воздуха у склона, и создавал восходящий поток. Только этот поток начинался буквально в двадцати метрах над моей головой. И попасть туда, не было никакой возможности. Я пару раз стартовал, шкрябался у склона, пытаюсь набрать в слабом приземном слое. Но каждый раз проваливался, и был вынужден поднимать дельтаплан снизу. Между прочим – сто метров перепада высот, с 30 килограммами на плечах. Чтоб снова стоять на старте, глотать обиду, и завидовать тем, кто в воздухе.

Парни тогда налетали часов по пять. Вдвойне обидно было, что в тот выезд летной погоды больше не было. На следующий день зарядили дожди, и еще через день, мы уехали.

Вот и сейчас, я не мог взлететь, а в такой вроде-бы близкой, такой манящей и такой безопасной для меня вышине, кружили две беззаботные птицы. Которым было наплевать на происходящее у них «под ногами». Которым будет все равно, когда одного не в меру заносчивого икара, начнут рвать на куски хищные твари, таящиеся в окружающих зарослях. Им безразлично, что я сейчас потеряю все свои пожитки, ибо забрать их будет нелегко. Без лука и стрел я не смогу добывать себе пищу. А без средств маскировки – плаща и сапог, я не смогу даже появиться в людном месте. И я рискую нарваться на нарушение NDA, показавшись перед людьми. Ибо тут на форс-мажор уже не спишешь, и вообще вылететь из теста. Тем самым второй раз лишившись крыльев.

Не-е-е, только не это! Лишь в голову пришла мысль об опасности лишиться возможности летать, я тут же перестал жалеть себя и «включил мозг». Надо выбирать. Как? Сейчас придумаю.

Между озером и горой я видел дорогу, шедшую с севера к Серединному морю. С дороги, если она достаточно широкая, я стартовать смогу. Значит мне туда. Как далеко дорога? Без понятия, я же не думал, что мне придется идти по лесу пешком.

Накинул плащ, сапоги не доставал, без них я бегаю быстрее. Остался в коже – заменить «лайкру» нечем, мой холщовый костюмчик приказал долго жить. Вытащил кинжал. Толку то от него! Вернее, от меня с кинжалом, я же не боевик. Скорее для самоуспокоения, а может сработали «реальные» привычки. Мешок на спину, от крыльев в лесу никакого толку. Прислушался. Тишина. Стараясь ступать как можно аккуратнее, я нырнул в лесной мрак.

Кстати, я же первый раз в лесу, будучи в ФанВирте. Правда, отмечать сей факт торжественным распитием остатков вина совершенно не тянуло. Как натянутая струна я двигался меж стволами деревьев, перешагивал валежник, подныривал под увешанные мхом ветви. Полумрак, редкие лучи солнца, пробивающиеся сквозь кроны, запах сырости.

Опасность заметил слишком поздно – все-таки это они лесные жители, а не я. Выручила развитая ловкость и реакция – не зря я крутил пилотаж в Яслях и носился по слаломной трассе. Почувствовав неладное, я просто подпрыгнул в верх и ухватившись за ветки, буквально "взлетел" на дерево. Подомной в пустую щелкнули зубы. Гиеновый медведь? Это еще что за? Если "медведь" – то лазит по деревьям, что для меня очень плохо. Хищник промахнулся в прыжке и теперь разворачивался для новой атаки. Здоровый! Еще хуже, один на один могу не справиться. Тварь напоминала худого медведя, по крайней мере тело и лапы с огромными когтями такие же. Окрас гиеновый. Размером поменьше нашего буро-

го мишки. А морда... Я всегда подозревал, что программисты, отвечавшие за монстров – больные на голову. Ну нафига этому мишке такие торчащие во все стороны зубы?

Я покрепче вцепился в ветки и приготовил кинжал. Зверь подпрыгнул, вцепился в ствол дерева и начал подниматься. Схватившись за толстый сук пальцами ног (вот и пригодились птичьи коготки) я отпустил руки и рухнул маятником на противника. Кинжал воткнулся в шею чуть ниже основания черепа, увернуться медведю было сложно. Крит! У медведя просела треть жизни. Живучий скотина, я бы от такого удара мгновенно склеил лапы, хоть и уровнем повыше. Резко поджавшись и как бы подтянувшись на ногах, я отпрянул от зверя. Но тот прыгнул вниз. Подавил желание прыгнуть на него сверху. Эта зверюга запросто переживет еще один или два таких удара, а вот если он зацепит меня, своими угрожающими когтями...

Вернул кинжал в ножны и вытащил лук. Надо попробовать сначала нашпиговать зверушку стрелами, а потом уже, добить кинжалом. Но только я начал прикидывать наиболее уязвимые места, как из зарослей показалась еще одна тварь. А затем еще одна, и еще. Вскоре под деревом было шесть гиеновых медведей. Засада. Я опять поменял лук на кинжал – на такую толпу у меня ни каких стрел не хватит. Лезть на нож, звери тоже не стремились. Пат.

Выбрал сук потолще, и уселся на него, свесив ноги. Медведи расположились кружком снизу.

– Привет потапычи, поговорим? Зачем вам я? Я же невкусный, правда–правда. Кости да перья. И мяса с гулькин нос. Да и то жилистое. Давайте я сейчас спущусь, пройду к дороге, поднимусь в воздух и высмотрю вам большого и вкусного лося. Или свина? Посмотрите, если ЭТО, – я ткнул себе в грудь, – разделить на шестерых, тут и есть то нечего. Ну что, договорились?

Вожак посмотрел мне в глаза и осклабился. На переговоры он был явно не настроен.

Итак, что имеем? Шесть тварей, каждая из которых вполне может меня прикончить самостоятельно. То есть справится с ними я не могу. И улететь отсюда я не могу – лес густой, а у меня размах крыльев четыре метра. Поглядел наверх. А может?

Я стал карабкаться к вершине. Вдруг мое дерево окажется выше других? Я легкий, вот и бонус трубчатых костей, поэтому вполне могу лазить по ветвям, которые не человека, ни даже эльфа не выдержат. Ну а полуорков с гномами даже можно не рассматривать.

Не повезло. Вершина дерева хоть и оказалась, чуть выше других, но недостаточно, чтоб стартовать. Зато я смог рассмотреть дорогу. Вернее, не саму дорогу, а просеку в лесу, по которой дорога проходила. От меня метров сто двадцать – сто пятьдесят. Даже ближе, чем предполагал. Осталось только туда добраться.

Рискуя проворонить подкрадывающегося врага, я по–

быстрому слазил на форум. Углубляться не стал, заметил только, что они как гиены охотятся стаей, как медведи лазают по деревьям. Используют загонную охоту. Способны преследовать жертву по много часов, без перерыва на сон. Хорошо идут по следу. Приблизившись, напрыгивают на добычу, валят на землю и разрывают зубами. Средняя скорость преследования, так... Вот оно! Они не спринтеры! На длинной дистанции, мне от них не уйти, выдохнусь рано или поздно. Зато на короткой, я смогу оторваться. Уж чего-чего, а спринтерские рывки – это мое. Причем как в виртуальной, так и в прошлой, реальной жизни. Еще бы – взлетная скорость дельтаплана порядка 25–30 км/ч. То есть стартуя, чтоб разогнать крыло до взлетной скорости, нужно бежать не меньше.

Что у меня еще в загашнике? Я залез в мешок. Та-а-ак. Монеты. Хм, бесполезный металл. Жареное мясо? Я с сомнением глянул вниз. Вряд ли. Клыки, и когти дракона? Их то, как использовать?

Я наткнулся на четыре небольших ампулы, которые забрал с «труп» Скайхорора. Гремучее зелье. С этими «гранатами» виртуального мира я был уже знаком – склянка, в ней смесь, составленная алхимиком, взрывается будь здоров. Будь это классические зелья, с медведями разобрался бы без проблем. Вот только эти, какие-то маленькие. Скорее петарды, чем с гранаты, явно сила взрыва меньше. Только оглушить, и то, если попаду. Потому-что ампулы слишком ма-

ленькие и легкие. При броске, высок шанс, что ветки изменят траекторию. Впрочем...

Я перевел взгляд на моток ниток, который использовал для починки одежды. Можно сделать одну связку. Должно хорошенько шарахнуть. Главное – попасть. Я вытащил ампулы, нитки, попытался устроиться поудобнее на ветках. Мешался саадак с луком и стрелами. Бездумно поправил, и тут новая идея пришла в голову. Ампулы маленькие и легкие. Попасть броском сложно. Зато с такого небольшого расстояния я вполне точно стреляю. Вот только лук у меня небольшой, и стрелы наносят урона совсем чуть-чуть. Так почему же не объединить? Вытащил стрелу, взял одну ампулу и попробовал примотать ее к стреле нитками. Не с первого раза, но получилось. Ампула легла буквально в паре сантиметре за наконечником. Я прикинул механизм. Стрела вонзается в плоть, заглубляется, ампула бьётся об шкуру. Взрыв! Сочетанный урон. Думаю, должно сработать.

Итак, план таков. Использую "разрывные" стрелы для оглушения противников, спрыгиваю и ломлюсь как лось к дороге. Там по обстоятельствам, или выбежав на дорогу стартую с нее. Но для полета нужна выносливость, а к дороге я подбегу изрядно ее порастеряв – не менее трети. А то и половину, бежать то по лесу. Если останется половина шкалы выносливости – это 30 минут махового полета. Можно попытаться набрать достаточно высоты и зацепить восходящий поток.

Или, подбежав к дороге лезу на дерево, растущее с краю, восстанавливаюсь, и используя его как стартовую вышку улетаю. С полной шкалой жить повеселее.

Хищники много времени на планирование мне не дали. Видимо надоело ждать, когда такой аппетитный кусок мяса, сам к ним спустится. На этот раз полезли одновременно двое, с двух сторон ствола. Хм, такого я еще не видел, аж засмотрелся. Хороший ход, одновременно от двоих я не отмахиваюсь.

Подождал, пока твари почти долезли до меня, быстро, одну за другой выпустил четыре разрывные стрелы в головы оставшихся на земле хищников. И тут же, проламывая телом тонкие ветви, полетел вниз.

Внизу четырехкратно шарахнуло. Двоим прилетело четко в черепушки, и жизнь их сократилась почти в два раза. Зато еще с двумя не повезло: моему "крестнику", стрела попала в плечо и большого ущерба не нанесла. Его жизнь, уже восстановившаяся более чем на половину, опять чуть просела. Последнему вообще прилетело в бедро задней лапы. Надеюсь, что хотя бы охромеет.

Все это я успел заметить, находясь в полете. Подлетая к земле, я чуть-чуть расставил кончики крыльев, прямо из-под плаща, и попытался смягчить падение. И немного спланировать подальше от медведей. Неудачно. Я все же зацепился одним крылом и полетел кубарем. В крыле что-то хрустнуло. Черт! Но осмотром заниматься буду после.

Поднялся на ноги, оглянулся – двое пострадавших мотали головами в оглушении, еще один промаргивался. Четвертый крутился вокруг поврежденной лапы. Двойка верхолазов скачками спускалась вниз, прыгать с пятнадцати метров они не решились. Плохо без крыльев!

Я, что есть духу, припустился в направлении к дороге. Вот блин! Бежать по лесу оказалось не так – то просто. Корни стремились подставить подножку. Низкие ветки хлестали по лицу, а некоторые потолще, так и норовили заехать в лоб. Деревья как будто выростали на пути! Ну кто так сажает! Да здравствуют ровные ряды лесопосадок! А тут хаос какой – то. Увернувшись от очередного дерева, которое просто бросилось мне на перерез, я взглянул через плечо. Тени мелькали метрах в тридцати. Кстати, гиеновый окрас прекрасно маскировал, и если бы не движение – потерял из виду.

Метров через двадцать, я опять оглянулся. Блин, блин, блин!!! Расстояние между нами сократилось. Прикинул скорость сближения, и расстояние до дороги. Медведи догонят меня или непосредственно перед дорогой или когда я ее достигну. "Был съеден на пороге свободы" И небольшой серый камень на обочине.

Помотал головой, отгоняя видение и постарался "поднажать". Наконец, впереди забрезжил просвет, но до первого из преследователей оставалось не более десятка метров. Теперь я косился назад через шаг. Когда дистанция сократится до шести метров – он прыгнет. Мне надо не прозевать.

Делать нечего, буду опять запрыгивать на ближайшее дерево. Правда это позволит медведям опять окружить меня, а разрывных стрел не осталось. Придумаю что-нибудь, когда выживу. Или окажусь гол как сокол на плите возрождения. Где-то там бедолага Скайхорор, выбрался он из этой локации? Или так до сих пор бегают по лесу, сверкая белоснежным подгузником?

Глава 8. Новые лица

– Пригнись! – крик спереди. Я человек дисциплинированный, команды выполнять привыкший, особенно в экстремальных ситуациях. При обучении полетам, без этого ни как. Поэтому услышав возглас, тут же ушел в кувырок. Надо мной свистнуло. Оглянулся – догонявший меня вожак покатился, вцепившись лапами в древко, торчавшее из шеи.

– За спину, – рослый воин замахивался еще одним дротиком. Я не стал спорить и шмыгнул за него, стараясь не перекрывать обзора.

– Лечение! – возглас шел от высокой стройной девушки в зеленом платье, стоявшей чуть позади воина. Эльфа. На меня легла лечебная аура. Пока мои показатели росли, я осмотрелся. Похоже спасителей двое.

– Смотри, там! – я указал на заросли, где сейчас мелькнула очередная тень.

– Н–на! – в зверя полетел огненный шар.

Воспользовавшись тем, что девушка отвлеклась, я мигом натянул сапоги, не надо смущать прохожих. Поправил плащ. Повоюем.

Воин меж тем успел метнуть третье копьё, кстати попал, перекинул из–за спины миндалевидный щит и выхватил топор. Одна туша валялась, проткнутая двумя копьями, второй медведь, несмотря на торчащее из плеча копьё распла-

стался в прыжке. БАМЦ! Парень принял хищника на щит и взмахнув топором снял у него еще процентов двадцать жизни. Медведь отпрыгнул и в этот момент в него влетел еще один огнешар. Шарах! Мишке хватило, с утробным ревом он завалился на бок и затих. Минус двое.

– Их было шестеро, – я встал за плечом воина. И чуть сбоку, поскольку его плечо перекрыло мне весь обзор – парень был на голову выше меня. За вторым плечом встала девчонка–эльфа. Из зарослей выметнулись еще две тени. Шарах! Вжик – я выхватил свой лук. Стрелы экономить смысла не было. БАМЦ! С немного просевшими жизнями медведи отпрыгнули на безопасную для них дистанцию и припав к земле приготовились к прыжку. Странно, кто их программировал? Какие–то собачьи приемы.

– Вперед, – отрывистая команда воина. Все правильно, если противников осталось четверо и двоих не видно, можно смело предполагать, что нас сейчас обходят со спины. Поэтому надо атаковать, не дожидаясь, пока медведи перегруппируются и набросятся со всех сторон. Плотной тройкой мы бросились вперед. Эльфа кинула огнешар в левого, я всадил две стрелы в правого. Бинго! Одна стрела попала медведю с опаленной мордой (видать после моей "разрывной" стрелы) прямо в глаз. Золотое попадание! Сориентировавшись, воин обрушил свой топор на окривевшего и ошеломленного врага. Осталось трое! Второй медведь с дымящейся шкурой отбежал. А где же еще пара? Я оглянулся по сторонам.

– Вниз! – в спешке я применил команду из пилотского арсенала, но сподвижники поняли. Они резко присели, и две размазанные тени пронеслись над нашими головами. Хорошо, что они не управляются в полете! Жаль, что не столкнулись. Мы встали спина к спине, медведи разошлись по сторонам. Сейчас опять атакуют, воин со своим справится, но прикрыть всех не сможет, и мы с эльфийкой улетим на возрождение. Вот она удивится, когда очнется в компании "ангела" в подгузнике. Хотя какой я «ангел», крылья то черные.

Тут, краем глаза, я заметил кое–что интересное – во время своей атаки мы приблизились к первому павшему зверю, из туши которого торчали копыя. Я рывком подскочил, ухватил в каждую руку по копыю и изо всех сил постарался вырвать их из тела. Вот блин, это же игра, павшие теряли телесность, если так можно выразиться, поэтому я чуть было не рухнул навзничь. Устоял, и скачком вернулся назад. Медведи отреагировать не успели.

– А ты быстрый. Ловкач?

– Вроде того, – я протянул одно копые девушке. – Когда бросятся, упри концом в землю и старайся поймать на острие.

Копье, а скорее классическая славянская сулица – достаточно толстое ухватистое древко метра полтора длиной, с удлинено–треугольным наконечником. Метательное оружие. Для задуманного мной подходило намного хуже, чем рогатина, которая как раз и предназначалась чтоб насажи-

вать медведей как на вертел. Однако капризничать не приходится.

Медведь, находившийся передо мной, ощерился и бросился вперед. Уверенный, что тоже самое проделали остальные хищники, я поднырнул под него, подставляя копыце под тело нападавшего. Бинго! Наконечник вошел ему точно в грудь, и в ту же минуту я ушел перекатом в сторону. Медведь, с ревом насадился на копые, но попытался достать меня лапами. Его взмахи прошли в считанных сантиметрах от моей тушки. За спиной я услышал такой же рев, хеканье, треск взрывающегося огнешара. Но смотреть некогда, если соратники полягут, я узнаю об этом по приземлившейся на меня медвежьей туше. А пока у меня есть свой "участок фронта". Вскочил на ноги, выхватил кинжал, подпрыгнул, ухватившись за рукоять обеими руками и постарался вонзить свое оружие в затылок медведю. Из спины зверя торчал наконечник копыя, другой конец цеплялся за землю, мешая хищнику двигаться, жизнь стремительно уходила, вероятно из-за кровотечения, но он был еще опасен и вполне быстр. Поэтому в затылок я не попал и вогнал кинжал в спину. Выхватил и постарался нанести удар в намеченную цель. Медведь продолжал метаться и поэтому я опять не попал. Зато со всего маха всадил кинжал в лопатку. Вот гадство! Кинжал застрял, я не смог его вырвать из раны, а не желающий сдыхать медведь попытался хватить меня за ногу. Щелк! Зубы сомкнулись в пустоте, потому что я опять отпрыгнул, спиной впе-

ред, держа противника в поле зрения. Повезло, не упал. И выхватив лук стал всаживать в оставшиеся стрелы. На четвертой его запас прочности наконец–то кончился, и он с ворчанием рухнул на бок, лапы дрогнули, хищник замер. В колчане оставались три стрелы.

Я поднял взгляд. Там тоже все закончилось. Но не без потерь – жизнь воина мигала красным, он буквально "висел на волоске". Я рассмотрел разорванную на груди кольчугу. Парень обессилено стоял на коленях, опустив руки, склонив голову и тяжело дышал. Перед ним стояла эльфа, положив руки на плечи раненого и подняв лицо к небу, что–то шептала. Я даже замер на пару секунд, любуясь увиденным: вокруг поверженные звери, окровавленный воин в разорванных доспехах, а его суженная стоит и молит высшие силы о спасении. Эпическая красота!

Наконец, полоска жизни воина перестала мигать, чуть–чуть заполнилась и пожелтела. Тогда девушка запустила руку в сумку, висевшую через плечо, достала флакон и вылила на раны. Второй флакон дала воину выпить. Здоровье поднялось уже до половины. После чего обратила внимание на меня.

– Ты цел? Вижу, вроде цел. Сейчас, подлечу Руса, и смогу посмотреть тебя. Кстати, я Анахита⁵

– Посмотреть меня? А я что, неведома зверушка какая? – усмехнулся, – Кстати, я Феникс.

⁵ Скифская богиня вод.

Меня немного потряхивало после схватки.

Наконец воин встал на ноги и шагнул ко мне протягивая руку

– Привет. Меня зовут Руслан. Можно Рус. ... Похоже справились?

Я смог рассмотреть его как следует. Высокий рост, не менее 185 см. Под сфероконическим шлемом с приклепанной бармицей и наносником, открытое, почти мальчишеское лицо. Голубые глаза. На атлетическом торсе кольчуга двойного плетения, достающая до середины бедра, с рукавами до локтей. Подпоясан кожаным поясом с наклепанными стальными пластинками. На поясе пустые ножны – полтороручный меч торчит в одной из туш. Клепанные наручи до локтей. Между наручами и кольчужными рукавами видна зеленая холщовая рубаха. Хм, почему не белая? Завершали костюм зеленые холщовые штаны, заправленные в высокие замшевые сапоги на толстой подошве. Тоже зеленые. Хм...

– Тебе надо было белую рубаху и штаны. И сапоги красные. Сафьяновые. – Я постарался придать голосу иронию.

– Узнаваемо, да? – мне показалось Руслан немного смутился. – Да, я – русский воин. А зеленый цвет, потому что он дает плюс к маскировке. А ты чего в плаще? Неудобно же по лесу бегать...

– Мальчики, вы о чем? Какой плащ? Какой зеленый воин? Надо выбирать на дорогу, вдруг еще какие твари прибегут ... И да – я целительница. Но если здесь есть еще хищники,

я вас не вытащу.

– Успокойся ... Аня? Во-первых, других здесь быть не может, стая держит территорию и не допускает других. Во-вторых, это нормальный послебоевой мандраж – сознание цепляется за несущественные мелочи, чтоб справиться с ситуацией. Кстати, адреналин сейчас закончится, тогда нас попустит. Накатится слабость, и вот тогда нам действительно лучше оказаться на дороге.

– А что ты раскомандовался?

– Не начинай Аня, – Рус укоряюще посмотрел на эльфийку, – Он прав. Собираем все что можно и идем к дороге.

Глава 9. Руслан и Анахита

«Привет мой компьютерный бог. Надо что-то делать с обувью для икаров. Обычные сапоги совершенно не предусмотрены для наших лап и жутко натирают ногу»

«Привет Феникс. Так ты единственный икар, который додумался натянуть обувь. Сидел бы в Инкубаторе, и не было бы никаких проблем. Вообще-то, создавая расу, мы предполагали, что икары будут летать, а не ходить.»

«Понимаю твою иронию, но ты сможешь помочь? Например, подкинуть какого-нибудь «местного» сапожника в ближайшую деревню, чтоб, не задавая лишних вопросов стачал мне более удобные сапоги?»

«Так ты сейчас летишь или идешь? Когда мы тебя выпускали за пределы тестовой локи, предполагалась что ты будешь тестить для нас аэрологию. А это сделать пешком проблематично.»

«Просто так получилось, что я топая уже полтора часа на своих двоих в небольшой компании, и не могу от них слить, не вызывая подозрений.»

«Мне нужно вмешаться?»

«Не, не надо. Разберусь. ... Так с сапогами поможешь?»

«Слушай Феникс, ты меня за кого принимаешь? За члена совета директоров? Я обычный руководитель проекта. Чтоб тебе «подкинуть», как ты выражаешься специализи-

рованного местного, придется обращаться в другие отделы. А на меня и так косятся из-за твоих выкрутасов. Извини. Рекомендую взять умение «сапожник» и самому сшить что-нибудь подходящее.»

«Ладно, извини что напряг.»

Я закрыл окно чата. Осмотрелся. Ребята отдыхали. Мы расположились в двух шагах от дороги на небольшой привал, инициированном из-за меня. Вернее, из-за моих стертых в кровь ног и просевшей выносливости.

Полтора часа назад мы, собрали выпавшую с медведей добычу и выбрались на дорогу. Неплохую, вполне широкую грунтовку, с которой взлететь я смогу. Только надо, как-то распрощаться с неожиданными спасителями, и можно продолжать свое путешествие.

– Ну, Феникс, ты на юг, на север? Мы идем к Серединному.

– Я тоже...

И прикусил язык. Ну вот зачем? Что мне стоило сказать, что иду к Полярному Хребту? Сейчас бы поблагодарил их еще раз, и разошлись, как в море корабли.

– Тогда надо поторапливаться, если хотим до темноты выйти к побережью. Там места по оживленнее, можно или к каравану прибиться, или на корабль сесть.

Руслав размашисто пошагал по дороге. Мне ничего не оставалось, как пойти рядом. Анахита пристроилась с другого моего плеча. Какое-то время шли молча, каждый в своих

мыслях. Я, – как бы по приличнее свинтить от своих спасителей. Нет, я им, конечно, благодарен. Если бы ни они, у меня все шансы быть съеденным. Со всеми вытекающими, разве что пожитки остались бы не на дне, а в глухом лесу. Думаю, именно поэтому я неосознанно ляпнул, что иду в ту же сторону. Было время понять, что ребята путешествуют вдвоем, никакого транспорта у них нет. По этим диким местам, не самая лучшая перспектива. Наконец, я решил – пройду некоторое время с ними, потом что–нибудь придумаю, отстану, а там – поминай как звали.

Первой нарушила молчания эльфийка.

– Слушай Феникс, а как ты здесь в одиночестве оказался. Да еще посреди леса?

Я на мгновенье задумался, поскольку «легендой» не запылся. Вот зараза, что же сказать?! Однако мое молчание было истолковано по–другому.

– Аня, ну что ты пристаешь к человеку, у всех есть свои секреты.

– Да не, никаких секретов. Я ... травник.

Вспомнился разговор со Скайхорором, неожиданная версия моей «специализации», как нельзя лучше подходящая под мой неприкаянный образ жизни. Продолжил.

– Травник–путешественник. Хочу побывать во всех уголках ФанВирта. Думал на озере посмотреть, может что ценное попадется, но нарвался на этих, мишек. Еле ноги унес, вам спасибо.

– Ты странный. А я – целительница, мы с Русом идем от Полярного Хребта. Рус сопровождал туда караван, а я навещала северную знахарку, изучала у нее одно заклинание.

– Целительница, с боевыми заклинаниями? Обычно хилеры не разбрасываются, а ты в свои фаерболы вложилась весьма сильно.

– Ну так я девушка слабая, должна же уметь постоять за себя. – она притворно потупила глаза.

Я усмехнулся

– У тебя есть кому постоять.

– Сильное плечо не всегда под рукой, вот и приходится скромной целительнице носить в сумочке газовый баллончик от хулиганов.

– Тогда уж скорее ствол, мишкам прилетало – мое почтение! Постойте! – я аж остановился.

– Так вы идете пехом, – выделил голосом, – из с самого севера к Серединному морю?! Это ж сколько километров?

– Честно говоря, планировали добраться быстрее. Еще пару часов назад, у нас были весьма быстрые лошади. – подал голос Руслан

– И что с ними стало? ПК–шеры?? Звери?

– ПК–шеры. Звери. – пожал плечами Рус. – Повстречались тут с парочкой, они решили, что по легкому отождмут у нас вещички. Ошиблись. Но пока суть да дело – лошадей потеряли.

– И теперь вы просто идете пешком?!

До меня только начало доходить, как же это медленно. Внезапно, как будто горизонт съезжился, в моей «картине мира», так сказать «зона достижения» мгновенно уменьшилась до каких-то микроскопических размеров. Кроме того, до сих пор, самая далекая прогулка пешком была как раз возле оставленной вчера деревни. Приземлился почти в километре, чтоб никому на глаза не попасться, оттуда же и стартовал. Обычно удавалось найти место для посадки и старта ближе. В икаровских Яслях вообще пешком почти никто не ходит, ну только внутри зданий. Зачем?! Когда есть крылья.

– А какие варианты? Свитков переноса у нас нет. Лошадей здесь взять неоткуда.

– Но целый день просто идти... Ну вы блин даете.

– А мы не просто идем. Всяких странных травников из медвежьих лап спасаем – отпарировала Аня.

– С чего вы вообще ломанулись в чащобу? Хотя не скрою, решение для меня было спасительным

– Это не я, это Рус. Мы идем себе, разговариваем, тут шарах, шарах – кто-то в лесу войнушку со взрывами устроил. Потом смотрю – этот кто-то к дороге ломится.

Ну правильно, кому как не эльфе разглядеть, что в лесу происходит

– Я вообще-то была против, мало ли кто там, шарахается. Но тут Рус решил поиграть в героя и как ломанется в лес. А что мне оставалось делать? Сильное плечо убегает, оставаться одной не резон.

Через полтора часа я наконец встал

– Все ребята, идите дальше одни. Я сдох. Выносливость кончилась и ноги, честно говоря, натер.

Кроме того, вот и возможность, распрощаться. Но распрощаться не вышло.

– Долго восстанавливаться?

– Хотя бы минут двадцать, лучше полчаса. Ерунда, Рус, не ждите. Вы и так для меня много сделали, я вам благодарен, как говориться по гроб. Идите, ничего со мной уже не случиться.

– Тогда привал, полчаса.

– Феникс, – включилась Анахита, – не говори глупости.

Мы не для того тебя из медвежьих лап вытащили, чтоб бросить тут одного. Тебя же какие–нибудь очередные зверюги схарчат. Кстати, покажи мне свои ноги, не забыл, кто здесь лекарь?

Интересно, какая реакция будет, увидь они мои лапки? Как в каком–нибудь классическом средневековье – с воплями про нечистую силу разбегутся? Хотя не, ребята не из пугливых, скорее получу я обухом по башке, а очнусь уже на разведенном костре. Впрочем, у нас народ современный, гномы, эльфы и тому подобная «нелюдь» не в диковинку. Скорее примут за какого–нибудь демона. Не важно, показать лапы, это гарантированно разгласить NDA. Со всеми вытекающими. Я инстинктивно одернул плащ

– Спасибо Аня, но не нужно. Я, честно говоря, немного

стесняюсь, уж простите. Давайте я немного отойду в сторону, а вы здесь располагайтесь.

На меня с удивлением уставились две пары глаз. Потом Анахита не слова не говоря, протянула небольшой флакончик

– Просто помажь раны этим. Мы тебя здесь подождем

Минут через десять вернулся к ребятам. Мазь на самом деле оказалась чудесной – кровоточащие ранки затянулись, на глазах и покрылись какой-то коркой. По ногам прошла волна прохлады, как от ментоловой мази, от которой мои натруженные мышцы, не приученные к такой длительной работе, слегка отпустило. Шкала выносливости потихоньку восстанавливалась.

Я плюхнулся на землю, облокотился на дерево, вытянул ноги, снова украшенные гигантскими сапогами. Да, сапоги – это проблема. Так, а у меня же есть чит – «звонок другу». Глеб меня притащил в тест? Вот пусть и отдувается. И запустил чат...

Ответ меня, конечно, расстроил. С другой стороны, не вечно же мне с ребятами пехом тащиться, сейчас найду момент подходящий, и свалю. По моей обычной жизни, сапоги нужны очень краткое время – до ЛК дойти, ну на рынок заскочить. Перебыюсь, тем что есть, решил я и занялся разглядыванием попутчиков.

Глава 10. Руслан и Анахита. Продолжение

Рус сидел, прислонившись к дереву и бруском правил лезвие полуторника. Сулицы воткнуты рядом. Щит облокочен на мешок, так же, на расстоянии вытянутой руки. Чувствовалось, что несмотря на свою расслабленную позу, парень в любой момент готов вскочить, чтоб дать отпор. Расслабленность профессионала – с одной стороны, использование любой возможности восстановить силы, с другой – постоянная готовность. Подобное я встречал, только во время службы в армии, когда приходилось действовать совместно с «контрабасами»⁶ У нас, у срочников, подобное можно было встретить, только среди старослужащих. Да и то, больше рисовка и подражание тем же самым контрактникам. Рус не рисовался. Хотя ему есть перед кем.

Я засмотрелся на Анахиту. Она использовала паузу для наведения порядка среди своих скляночек, колбочек, баночек и прочих лекарских принадлежностей. Их эльфийка по очереди брала, что-то рассматривала, иногда на свет, иногда нюхала, и раскладывала в только ей понятном порядке. Эльфа сидела чисто по-женски, подобрав под себя ноги, из-за чего платье еще сильнее обтянуло фигуру, подчеркивая вы-

⁶ «Контрабасы» – солдаты-контрактники.

сокую грудь, тонкую, почти пчелиную талию.

И чем больше я смотрел, тем больше не мог поверить увиденному. Этот прищур, это положение головы с легким наклоном к левому плечу, этот разворот плеч. Вдруг вспомнил, что при разговоре Анахита так же слегка приотпускает один уголок рта.

Вероятно, я слишком откровенно ее разглядывал. Девушка пару раз поправила волосы, потом видимо, начала путаться в своей алхимке, наконец слегка зарделась и сердито уставилась на меня

– Что?

– В смысле?

– Феникс, что ты так на меня уставился? Разглядываешь как, как...

Видимо девушка не смогла подобрать слово, или воспитание не позволило подобранное слово произнести вслух. Краем глаза заметил, что Русланв перестал водить брусом и теперь смотрит в мою сторону. Я с грустной усмешкой помотал головой, как бы отгоняя от себя напраслину, примирительно поднял руку.

– Извини, если вдруг чем обидел, просто задумался. Мне ... показалось.

Да, и взгляд. Очень похож. Но этого просто не может быть. Анахита, вернее та девушка, которая ее отыгрывает, определенно другой человек. Той, про которую я подумал, в игре нет. Я это знаю точно.

– Ты странный, Феникс.

Я пожал плечами,

– Какой есть. А в чем странность?

– Даже не знаю. – Анахита осмотрела меня целиком. – ты часто встречал таких же как ты игроков?

Чуть не ляпнул, что до недавнего времени, я других то и не встречал.

– Каких «таких»?

– Как тебе сказать... Ты какой–то неправильный. Вот посмотри на любого игрока, видно сразу – этот маг, этот воин. Да хотя бы на Руса. Сразу видно – воин, мечник. Как правило все игроки, – эльфа запнулась, подыскивая слово, – ну правильные что ли. Или вот – лучше, чем в реальной жизни. Точно!

Я отметил про себя, что Рус при этих словах поморщился. Эльфийка продолжала

– Я даже с трудом представляю, как можно было нарисовать такого перса, как твой? Ты ведь сам его рисовал?

– Сам, а что?

– И как тебе в голову пришло нарисовать, э–э–э... подростка?

– Может я и есть, подросток? Взял и нарисовал себя реального?

– Не–е–е–е... – протянула Аня, и даже отрицательно покачала пальчиком. – не знаю сколько тебе лет, но то, что ты не пацан – это чувствуется. Хотя... – она задумалась. Потом

тряхнула головой, как бы отгоняя наваждение. Добавила – Нет, не может быть.

– Знаешь, – более оживленно продолжила эльфийка, – у меня есть предположение, что игроки здесь, пытаются компенсировать свои реальные недостатки. Вот вижу игрока, который нарисовал себе в редакторе гиганта–полуорка, эдакого накаченного быка, сразу представляю сопливого дрища. Тогда получается, что ты в реале – здоровенный накачанный мужик, которого задрало постоянное внимание.

Я расхохотался

– Аня, посмотри на себя.

– А что? – девушка оглядела одежду, провела руками по волосам, – что–то не так?

– У тебя – модельная внешность. Ты высокая, стройная, с осиной талией и грудью четвертого размера.

– Третьего, – смутившись поправила эльфа

Отмахнулся,

– Да, я не сильно разбираюсь. Но согласно твоей теории...

И тут же испуганно замолчал. Потому что Анахита, внезапно потемнела лицом, в глазах навернулись слезы. Да что не так?! Я же пошутил!

– Аня. Я же пошутил. Ты чего?

Рус встал, шагнул к Анахите, привлек за плечи, стал гладить по голове.

– Прости его, Аня, он же не хотел.

Я так же вскочил на ноги, подошел, коснулся рукой плеча

девушки.

– Аня, я не знаю, что я такого ляпнул, но в любом случае, прости меня, я честное слово не хотел.

Наконец эльфийка успокоилась, смахнула слезу, улыбнулась.

– Да все в порядке. Нормально. Что-то мы рассиделись. Идем?

– А ты, как я погляжу, любишь русский стиль.

Мы шагали уже минут двадцать, и только топот моих сапожищ нарушал тишину. На удивление, после мази эльфийки, ноги почти не натирало. Но мне все равно было хреново – с одной стороны я чувствовал раскаянье, за Анины слезы, с другой, честно говоря, злился, так как не понимал происходящего. Ну что я такого сказал? Поэтому решил нарушить молчание, но все же выбрал в собеседники парня. Я кивнул в сторону снаряжения Руса: сфероконический шлем, каплевидный щит, кольчужная рубаха. Сулицы, связав ремешками парень повесил на плечо, при помощи получившейся перевязи. За спиной – здоровенный мешок.

– Разбираешься? – Руслан посмотрел заинтересованно.

– Да как сказать? Был период в жизни – весь досуг за компом. Так и зацепился за тему холодного оружия. Можно сказать я – диванный эксперт в этом вопросе.

Рус добродушно рассмеялся,

– А я, 5 лет в реконструкции. Клуб «Боярская дружина»,

слышал?

Честно признался, что нет.

– То, что ты, как сам выразился «диванный эксперт» я понял, хотя бы по тому, как пользуешься своей зубочисткой. – Рус выразительно посмотрел на мой кинжал. – Дело конечно твое, но я бы посоветовал перевесить кинжал под правую руку. Он короткий, длинные руки хватит на извлечение из ножен. Опять же, движение более короткое.

Я хмыкнул, но кинжал перевесил. Попробовал. Рус расхохотался

– Не так. Ладно, на ближайшем привале покажу. А вот с луком ты управляешься сносно. Только уж очень он слабый. С твоим уровнем можно что–нибудь посерьезнее. Конечно, для эльфийского ростового, тебе просто рук не хватит на полную натяжку. Но есть же турецкий сложносоставной. Кстати, в реале он английские лонгбоу делал на раз–два.

Я чуть не ляпнул про свой пятидесятипроцентный штраф на силу, с которым мне «качать» руки бессмысленно. Я и добычу то на лету ногами хватаю, потому что руки от такого удара просто ломаются. Хорошо хоть наши «лапки» для подобного отлично приспособлены.

Долбанные разрабы! Понавешали на нас кучу штрафов и ограничений, все боятся, что икары станут «имбой⁷», всех гнобящих из–под облаков. А потом, когда поняли, что таки–

⁷ Имба (игровой сленг) – от английского imbalanced – несбалансированный. Крутой игрок или предмет. Некий сильный элемент, вносящий дисбаланс в игру

ми «персами» не кто играть не будет, стали вводить различные «облегчалки».

– Феникс, ты чего там под нос бормочешь? – это уже наконец растаяла Анахита. – Как старый дед, честное слово!

– Я о том, что я человек сугубо мирный, и воевать ни с кем не собираюсь. Пацифист.

– Травник–путешественник–пацифист? Эдак ты много не на путешествуешь. До первого агра.

– У меня и брать то нечего – я развел руками – Кто обидит такого мелкого, хилого, нищего?

Аня погрустнела – Поверь, найдутся. – А потом внезапно сменила тон на более игривый – ну а как же, девушку какую от злодея защитить?

Я ответил в тон – что у всех симпатичных, есть кому отбивать, ну а несимпатичных не жалко.

– Если мужчина на самом деле – мужчина, он будет защищать слабого вне зависимости от того, симпатичная это девушка или ... – Рус сделал паузу – несимпатичный травник.

– Да, Феникс, если бы мы тоже были такие как ты – пацифисты, схарчили бы тебя медведи.

Почувствовал некоторый укол, получается они такие благородные, а я вот сволочь, прошел бы мимо? Решил перевести тему.

– Слушай Рус, если ты занимаешься реконструкцией, наверно и с луком знаком?

– Более чем. Кстати, через лук с ребятами из «Дружины»

познакомился. А так—то с детства занимаюсь. КМС, между прочим.

– Ни фига себе! Тогда извини, но я не понимаю...

– Почему без лука?

– Ну да. Тебе с твоими реальными навыками вообще прямая дорога в лучники.

– Почему? А—а—а, ... ты про эту старую байку? Дескать сформированный в реале навык лучше качается в игре? Ей на форуме лет сто. Разрабы давным—давно уже отвечали, что это не так. У тебя импульс, сформированный в головном мозге, передается не реальным твоим рукам, а виртуальным. И то, что твои реальные руки что—то помнят, не имеет значения. Вот скажи, тебе твои реальные навыки чем—то помогают?

Я был не согласен, так как имел на этот счет свое мнение, и даже некоторый опыт, но спорить не стал.

– Ну так взял бы в довесок. Все—таки дальнобойное оружие. У тебя, конечно, есть дальнобой — я показал глазами на Анахиту, — но все же...

– Понимаешь, — Рус даже замедлил шаг, — как тебе сказать? Вот представь, в реале ты отдаешь годы какому—то увлечению, чтоб чего—то достичь. На самом деле лук — это очень сложно. К твоему сведенью, когда на Руси появилось ручное огнестрельное оружие, потомственные воины — поместная конница, даже брезговали в руки пищали брать. Потому что стрельбе из лука надо обучаться с детства, лет с

шести или раньше. А значит, ты с этого возраста готовишься к воинскому пути. Даже по тому, как человек берет в руки лук, можно было сказать – этот свой, такой же как я, как мы, служилый человек. Корпоративная гордость. А тут любовью, вчерашний крестьянин взял пищаль, день учебы на обращение – и уже может стрелять. Вот и здесь... Я почти 15 лет луком занимался, если бы в реконструкцию не ударился, мастера получил. А тут любой – выбрал специализацию, недельку прокачался, и уже гляди-ка – лучник.

Рус вздохнул, в сердцах махнул рукой и прибавил шагу.
– А впрочем, вряд ли ты меня поймешь.

Хорошо, что при этом, он не видел моего взгляда.

Как бы то ни было, но к сумеркам мы отмахали почти 40 километров от места нашей встречи. За 6 часов – немного, для того высокого темпа, который задали ребята. И уж совсем крохи, если лететь. При благоприятных условиях, я это расстояние сделал бы минут за 40, а если с ветром повезет – то и быстрее⁸.

Но с другой стороны! Да за эти пять часов, я прошел ногами чуть ли не больше, чем за всю предыдущую игру. Елки-палки! Где мая ачивка, за достижение!?

Несмотря на Анахитины мази, еще одну остановку, и два малых эликсира, которые эльфа буквально насильно залила в меня на последнем отрезке пути, крайние полтора часа я

⁸ Здесь Феникс имеет в виду, конечно, маховый полет

помню смутно. Вроде даже пытался поддерживать разговор, вот только сомневаюсь в осмысленности ответов.

В памяти неотвратно всплыла картина давнего ноябрьского выезда. Когда я, с двумя другими такими же, хм... дельтанутыми, присовокупив денек к праздникам, сорвался на Юцу. Как говорится для бешеного кобеля, семь верст не крюк – сутки за рулем туда, сутки обратно и два дня полетать там. Полетная абстиненция к ноябрю обычно достигала такого накала, что подобные поездки не выглядели в наших глазах чем-то запредельным.

Но речь о другом. Ехали правильно – под прогноз. Вот только незадолго до нашего приезда прошли осенние дожди, склон горы размок, и незаменимый Ашот, бессменно завозивший нас с поклажей наверх, ехать отказался наотрез. Небезопасно, да и для склона вредно – колеи от колес, потом нарушенный дерн смоем потоками воды. Короче – гора, вот она, но на верх – только пешочком. И я, эх, молодость! решил показать себя, настоящим, «олдовым⁹» дельтиком. Раньше-то, в 70-х – 80-х. все пешком поднимались, не было такого засилья вездеходов. Кстати, единственный из нашей тройки, остальные только пальцами у виска покрутили, и отправились на горячие источники.

Ну как сказать? После, конечно, я с гордостью смотрел на всех свысока, дескать мальки-мажоры, не знаете настоящего дельтапланеризма, а тогда... 30 килограмм пятиметровое

⁹ Не путать с «голдовым», это – от слова old (англ.)

«бревно» дельтаплана. 10 килограмм – рюкзак с подвеской, шлемом, приборами, и даже питьевой системой (вот нафига она в ноябре?). И 220 метров перепада, при достаточно крутом угле и, напомним, сыром, раскисшем склоне.

На подъеме у меня ушло два с лишним часа. И крайние 30–40 минут – в каком-то коматозе. Не знаю, как ходят на восхождения альпинеры, это вообще, наверно какие-то роботы, а я последнюю треть горы заставил себя не думать, ни о том, сколько еще осталось до верху, ни о том, как мне тяжело. Вообще в голове мыслей не осталось. Просто переставлял ноги уставившись в землю. Шаг за шагом. Шаг за шагом. Сипя легкими и обливаясь потом.

Питьевая система, кстати, пригодилась. Когда я поднялся на площадку верхнего старта, то просто рухнул на еще сырую траву, и несмотря на холод (хоть и Кавказ, но все же – ноябрь) некоторое время просто не мог заставить себя встать. Понятно, что ни о каком старте и речи не шло. Еще час я приходил в себя. За это время ветер сдулся, да и темнеет рано. Как итог – оставил дельт на верху, забрал подвеску, дабы запаска не отсырела, и спустился.

А на следующий день нас завезли наверх на УАЗике, поскольку на ветру склон подсох, да и подмораживать начинало.

Глава 11. Ночевка

Но всё имеет свой конец, и наш путь не исключение. Не знаю, повлияло ли мое состояние или так и было запланировано, но в какой-то момент Руслан остановился и, осмотревшись, заявил, что это вполне годное место для ночлега. Я не спорил – просто скинул мешок и рухнул ничком в придорожную траву.

Через пару минут в глазах прояснилось. Ребята собирали дрова: Анахита – хворост, Руслан тащил валежину потолще.

– Народ, что вы ерундой маетесь? В этом лесу валежник будете собирать до темноты. Рус, сруби вон ту елку, она как раз подходящей толщины. И гореть будет долго, и бензопила не нужна, чтоб свалить.

Парень как раз скинул бревно в общую кучу, выпрямился и, как бы извиняясь, сказал:

– Аня просила не рубить живые деревья.

Я перевел удивленный взгляд на девушку:

– Аня, ты чего? Они же вырастут буквально завтра.

– Деревья живые и им больно, – как для непонятливого ребенка проговорила эльфийка.

Ну ни фигя себе, за расу отыгрывает! Я бы понял, если услышал это от НПС-эльфа, но не от игрока. Я поднял свой мешок, кинул в общую кучу и тоже пошел собирать валежник.

Ребята уже какое-то время занимались обустройством лагеря, пока я валялся на травке. Со смешанным чувством я отметил отсутствие попреков в безделье, даже косога взгляда. Ну устал человек, сейчас вот отдохнул и присоединился. Мне много доводилось выезжать, как говорится, на пленэр. В разных коллективах отношения выстраивались по-разному, вплоть до митингов с говорильней и спорами при распределении обязанностей и переходом на повышенные тона, когда кто-то считал, что ему выпало самое трудозатратное задание. В нашей устоявшейся дельта-тусовке подобные инциденты, конечно, были исчезающе редки. Но и то нет-нет да и услышишь вроде бы беззлобную шутку, типа «ты там не уработался, хворост собирая, пока мы вон то здоровое бревно тащили?».

Так что когда малознакомые люди принимают твое участие вот так вот просто – сколько смог, столько сделал, – наряду с удивлением немалым испытываешь еще и теплоту.

Наконец над костром на металлической треноге пристроился котелок. В котелке забурлила вода, которая вместе с крупой обнаружилась в бездонном мешке воина. На ужин ожидалась каша с медвежатиной.

Устроившись перед костром, подобрав под себя ноги по-турецки (кстати, крылья это позволяли), я замороженно уставился на огонь. Все же за темной полосой всегда идет светлая или хотя бы менее темная, чем предыдущая. Глядя на кашеварившего Руса, я вспомнил, что в тот раз на Юце я

все же неплохо налетался. Тяжкий подъем остался в памяти как вызов, с которым справился и который был отнесен почти 5-часовым налетом на следующий день. Я нависелся в динамике, сходил до Золотого Кургана, вернулся, покрутил пока еще робкие виндговеры... После двухмесячной абстиненции это был просто пир какой-то.

– Признаться, первый раз буду в игре ночевать под открытым небом, – я поежился, – как-то непривычно.

Не лукавил, ибо до сих пор удавалось находить то высокорасположенную пещеру, как прошлой ночью, то заброшенный дом. Нельзя не упомянуть и гостиницы с Личными Комнатами.

– Ага, я тоже, – Анахита, запахнувшись в плащ, заворуженно уставилась на огонь. – Рома-а-антика.

– В игре? – Рус, сидя чурбаке, занимался починкой кольчуги, на мой взгляд насквозь кустарной: достав из своего бездонного мешка моток проволоки, латал прореху, оставшуюся от медвежьих когтей. – А не в игре? Турист?

– Почти. Доводилось выезжать на природу в прошлой жизни...

– В прошлой жизни? – Руслав с Анахитой одновременно переглянулись.

– Ну да, попутешествовал в свое время. Теперь вот пришлось забросить...

Помолчали. Тут как раз и каша подоспела. Вынимая плошку, заметил бурдючок с вином, достал.

– Будете? Здесь немного, но как говорится, чем богаты, – развел я руки в извиняющемся жесте.

Ребята с благодарностью приняли угощение.

– Ты нас тоже извини за скудную трапезу, к сожалению, все что осталось. Если бы медведи не попались, ели бы пустую кашу.

– Вот, а я о чем, лук – это еще и возможность раздобыть дичины. Хотя извини, не хотел напоминать...

– Ерунда, я не страдаю. А насчет охоты – Аня против, жалко ей зверушек.

– Ну... так есть еще грибы, ягоды разные. Каша с грибами и чай с ягодами – это ж пальчики оближешь!

– Феникс, травник у нас ты. А мы наберем каких-нибудь бледных поганок...

Хотел было сказать, что уж мухомор да бледную поганку даже без специальных навыков можно опознать, но сдержался: я ведь не знаю, как тут в игре опознавание работает. Травником же я просто назвался, на самом деле не имея никаких познаний.

– Феникс, ты говорил, что тебе к Серединному морю. Куда-то конкретно?

– Честно говоря, конкретного пункта назначения нет. Мне надо сбросить... добычу, травы всякие, закупиться по мелочи, а то поизносился. Да, и пару умений хотел взять... Нужен какой-нибудь более-менее крупный город.

– Слушай, мы идем в город Коровий холл – у Анахиты

квест лекарский. Пошли с нами. Город достаточно крупный, но не из великих.

Дежурить договорились по очереди. Кинули жребий. Моя очередь выпала под утро. Ложиться на кучу лапника у костра я отказался: не то чтобы я не доверял ребятам, братья у меня нечего, хотя... я вспомнил про драконьи клыки и когти в рюкзаке. Просто неудобно мне на земле, я и в реале предпочитал спать в машине – какой–никакой домик. Поэтому, проявив чудеса эквilibра, – лазить пришлось в сапогах, не снимая плаща, – я залез на дерево, под которым мы расположились. Выбрал развилку на одной из толстых веток, немного поколдовав с набранными снизу прутьями, сплел что–то типа гнезда и завернулся в плащ. Наличие встроенных часов отменяло необходимость караульщикам будить один другого. Предупредил ребят, что до своей смены схожу в офф, и нажал выход. Надо было позаботиться о физическом теле.

Обратно в игру я вошел минут за пять до условленного срока. Очнувшись, полежал несколько секунд, прислушиваясь сначала к ощущениям, а затем и сканируя окружающий мир. Вроде тихо. Открыл глаза и посмотрел вниз – у еле тлеющего костра сидит Русланв кольчуге рядом лежат топор и щит. Сулицы, освобожденные от связок, воткнуты в землю. Мягко спрыгнул и подошел к костру, поправляя плащ на плечах. Не запахивался, просто чтоб скрывал мою спину.

– Как обстановка?

– Тихо...

– Ну ок. Давай, иди спи...

– Феникс, – Руслан посмотрел мне прямо в глаза, – тебе можно верить?

Я добродушно хмыкнул:

– Чего ты боишься? Что свистну что–нибудь ценное? Или прирежу во сне? Успокойся, если что, я ваш шмот буду заходов в десять перетаскивать на продажу. Так что раз девять меня перехватить сумеете.

– Вот и хорошо. Извини что спросил.

– Не за что извиняться. Это игра, и люди зачастую здесь ведут себя менее сдержанно, чем в реале. Там он, может, забитый офисный клерк, боящийся улицу на красный перейти. И максимальный стресс в его жизни – не вовремя сданный отчет. А здесь можно отыгрывать агра или «темного», грабить слабых, разрушать чьи–то постройки, глумиться над чужими святынями. И можно не бояться кары: даже если поймают, так это же только игра – всегда можно начать заново. Знаешь, я иногда думаю, что игра открывает скрытые человеческие желания... Ты в офф?

Хмыкнув что–то неопределенное, воин завернулся в плащ, прижался спиной к спине свернувшейся калачиком Анахите и заснул. Судя по тому, что ни Анахита, ни Рус не пропадали, ребята спали прямо в игре. И это я странный?

А я проверил свой кинжал и лук. Стрел оставалось со-

всем чуть–чуть. Часть, конечно, я забрал из «тел» медведей, у некоторых кончилась прочность, и они рассыпались. Попробовал, как вынимаются из земли сулицы. Покосился на топор, который Рус положил себе под руку – мне им, если что, даже как следует не размахнуться. И уселся у костра.

Глава 12 Глеб

От костра оставались одни угли, немного отсвечивающие малиновым. Было не холодно, плюс бонус икаров к переносимости холода. Но я все же подкинул несколько веточек и замороженно уставился на неяркий цифровой огонь. Как же мне всего этого не хватает в реальной жизни. Лишившись крыльев, я не только потерял возможность летать, но и все, что сопутствовало этому: дальние поездки, другие места, вот такие посиделки у костра – целый мир, связанный с полетами. А еще друзей–единомышленников – тех, кто разделял со мной страсть к небу, ветру, его свисту в растяжках...

Единомышленники... Зацепился за это слово. Таковых в икаровском Инкубаторе у меня не нашлось. Когда Глеб, тот самый разраб, пригласил меня в тест, я думал – вот он, мой второй шанс! Да что там шанс, вторая жизнь! Я включился в тест. Я писал репорты, отзывы, рекомендации, делился с разработчиками и другими тестерами знаниями. И что? А ничего. Из икаров решили сделать какую–то... анимешку. Очень напомнило старые, еще без погружения, компьютерные игры: нажал правильную комбинацию клавиш, и вуаля – требуемая комбинация, например, блоков и ударов мечом. Не надо проливать ведра пота в многократных отработках. Не надо... А ничего не надо. Выкрикнул «бочка» – и тело само на автомате выполнило комплекс движений. А то, что боч-

ка для того, у кого крылья предназначены для махов – что-то из области фантастики, ерунда. Любой может без особых усилий.

Короче, Инкубатор я покинул – не смог оставаться в той атмосфере. Было непросто, но я ведь не рядовой тестер. дельтиков на тесте не было от слова совсем. Было несколько парапланеристов, пара планеристов, еще пара летчиков на пенсии. Остальные летали только пассажирами – паксы¹⁰. Это не полет, это перевозка.

Посмотрел в сторону спящего Руслava. Неожиданно я встретил человека с похожими мыслями. Как он сказал – вряд ли пойму? Брат, да ты не представляешь, насколько я тебя понимаю. Вот только не могу поведать, что меня гложет то же самое. NDA¹¹, будь оно неладно...

Взгляд невольно перекинулся на Анахиту. Девчонка откровенно понравилась. При мысли о ней в груди что-то защемило. Честно говоря, с женщинами в последнее время мне как-то не везло. Постоянной подруги не было уже полтора года, да и с непостоянными не складывалось. А до травмы в женском внимании недостатка не наблюдалось, особенно на выездах. Все-таки флер необычности – дельтапланеристов на просторах России не много, плюс это только в игре

¹⁰ Пакс – пассажир (авиационный сленг)

¹¹ Non disclosure agreement – договор о неразглашении, заключается с участниками проектов, дабы не допустить утечки информации. В данном случае – преждевременной.

я мелкий и щуплый.

Я завис в воспоминаниях. Из темноты на свет костра неслышно выступила фигура – меховая безрукавка, полосатые штаны, заправленные в короткие сапожки – ну вылитый местный деревенский парняга:

– Привет!

– Привет, Глеб! Ты чего, до сих пор на работе? Какими судьбами?

– Не, я с домашнего подключился. Смотрю – ты онлайн, решил зайти, так сказать, лично поблагодарить.

– ?

– Сегодня вечером имел аудиенцию у шефа. Он плакал от счастья и пел тебе дифирамбы.

Я поднял бровь:

– Серьезно?

– Ну вообще он был более сдержан, это я так, для красочности. Но на самом деле он доволен. Еще бы, мы икаров даже в ролаут¹² еще не запускали, а у нас уже Вики пишется. Вот увидишь, он еще захочет, чтоб к моменту запуска в продакшн у нас уже и официальный гайд по расе был прописан. Ведь он тогда всем другим руководителям проектов носы поутирает. И сможет рассчитывать на большой и сладкий пряник от бигбоссов. Ты не застал, но когда запускали «ихтиандров», то не успели подготовить даже мало–мальского мануала по расе. А это тебе не человек, где худо–бедно и

¹² Тестовая эксплуатация

так понятно, что и как. Представляешь, сколько народу, похватав новую расу, через недельку или того меньше пошло на перерождение? А какой вой на форуме поднялся! Пока энтузиасты из пользователей не составили первые описания, речь шла чуть ли не о закрытии проекта, несмотря на потраченные на него бюджеты. С проекта тогда никого не уволили, но нервных клеток было сожжено вагон и выпита цистерна успокоительного.

– То есть мной довольны?

– Довольны твоими статьями для Вики. Некоторые твои замечания и указания на откровенные ошибки физики тоже принимаются благосклонно. Ради всего этого готовы терпеть твоё неугомонное желание сделать из икаров симулятор дельтаплана. Тебе даже пошли навстречу и выпустили в большой мир. Хотя тут, я думаю, сработало то, что ты уже задрал всех в Инкубаторе, и от тебя просто избавились. Теперь там тишь и благодать. Но...

Глеб замолчал, подошел к костру, поднял ветку и принялся задумчиво в нём ковыряться.

– Глеб?

– Короче, тобой довольны, пока ты пишешь статьи и тестишь аэрологию. Однако за сегодня, судя по логам, ты полдня протопал пешком. Не написано ни одной строчки. Если так будет продолжаться, голоса недовольных тобой перевесят: припомнят все, и тебе придется вернуться в Инкубатор, – Глеб опять замолчал и вздохнул, – если не хуже. И

это я не говорю о том что будет, если твои крылья засекут посторонние. Не так, как вчера. Вчерашнего убедили, что он столкнулся с неписью. А вот если другие игроки четко идентифицируют что ты тоже игрок...

Глеб опять погрузился в молчание.

– Глеб?

– В общем, я тебе не говорил... да я и сам скорее догадываюсь, чем знаю... По-моему, на самом верху, – он ткнул тлеющим концом ветки в небо, – не знают о проекте.

– Но как такое возможно?! – честно говоря, меня не так-то легко удивить, но, похоже, сейчас удалось, – это же игра, достаточно посмотреть код...

– Дружище, ФанВирт – очень большая игра. Думаешь, собственники так прям и сидят перед мониторами, как в Матрице, и просматривают – а нет ли на просторах виртуального мира чего-то несогласованного? Бред. Они ориентируются по докладам совета директоров, коммюнике да новостям по телеку.

– И ты думаешь, что если я попадусь на глаза непосвященным игрокам, то утечка дойдет до владельцев игры...

– Нет, ты не понимаешь. До них, – он опять ткнул веткой вверх, отчего ее конец описал дымящуюся дугу, – информация не дойдет в любом случае. То есть дойдет, но только в том случае, если проект оправдается, начнет приносить стабильную прибыль. Тогда да, – побегут с докладами. А вот в случае неудачи... Все затрут и прикажут забыть. А тебя убе-

рут намного раньше.

– Думаешь, все настолько серьезно?

– А как ты хотел? Люди могут повывлетать из таких высоких кресел... Насколько высоких, что наш руководитель проекта с полумиллионным окладом – мелкая сошка.

– А с чего ты вообще решил, что там, – я ткнул такой же тлеющей палкой вверх, оставив еще один дымный след, – не знают о проекте?

– Догадки. Как-то мне на глаза попало давнее интервью одного из владельцев компании. Был, кажется, вопрос по новым расам. И там было черным по белому написано, что летающих рас в ФанВирте не будет. Дескать, это будет слишком имбовая раса, а в игре нужен баланс.

– Подожди-ка, а на что рассчитывает твое руководство? – я впал в легкий ступор.

– Повторю: это только догадки. Интервью старое и в каком-то малоизвестном издании, а закрывать успешно работающий и приносящий бабло проект никто не будет. Но! —

ветка снова взлетела вверх, теперь уже в жесте указующем. – Повторю: успешном! А до того, прошу тебя, не лезь на рожон. Ибо я, как никто другой, понимаю, что твое участие – это большая заявка на успешность.

– Хорошо Глеб, я тебя понял. Завтра обязательно еще что-нибудь подкину для Вики. Кстати, можно и гайдами заняться.

– Ладно, я рад, что ты меня понимаешь. Ну, мне тогда по-

ра. Скоро твои попутчики начнут просыпаться, да и мне пора вздремнуть. Завтра, а скорее уже сегодня, хотел до клуба доехать. Ты—то как, не тянет?

Я неопределенно махнул рукой. Мой собеседник бесшумно и без каких—либо эффектов исчез, будто выключили. Над костром остались висеть дымные следы, как от сбитых самолетов.

Глава 13. Мир с высоты

Я сидел и смотрел, как встает солнце. Самого горизонта из-за леса было не видно, и подъем светила можно было отмечать только по деревьям противоположной обочины. Вот засветились багрянцем их верхушки, вот свет пошел ниже, постепенно теряя свой багровый цвет... Никогда еще не встречал рассвет в лесу. На высоте – да. Как только в игре я научился более-менее держаться в воздухе, несколько раз летал «встречать рассвет». Зрелище потрясающее, особенно с высоты. Горизонт на востоке сначала начинает светиться тоненькой полоской, которая все увеличивается и увеличивается. Потом посередине показывается краешек диска, тогда на него еще можно смотреть. И вот уже ночная тень начинает убегать на запад, открывая леса и поля.

Будучи «жаворонком» рассвет я любил с детства, еще когда ходили с дядькой и двоюродным братом рыбачить на утренней зорьке. И после, во времена «учлетства», рассвет был связан с самыми волнительными часами. Молодых пилотов, только-только начавших подлетывать, выпускают в воздух в утреннем «молоке»: пока земля еще не успела прогреться после ночи, воздух над ней удивительно спокойный. Позже, по мере того как земля прогревается, воздух над ее поверхностью начинает «закипать» – собирается в пузыри, которые отрываются и улетают вверх. Там, выше, они слива-

ются и начинают формировать восходящие потоки. В жаркий полдень поверхность земли буквально кипит, как дно кастрюли с водой. Пузыри, имея относительно небольшой размер, могут отрываться от поверхности с большой скоростью: если такой «кулак» прилетает тебе под одну из плоскостей, то дельтаплан имеет хорошие шансы встать на ребро. На высоте пары–тройки метров это может быть опасно, даже смертельно: если не отработать крен, то тогда ты влетишь в землю на скорости более 30 км/ч, причем головой вперед. Куча стоек и консолей поломана из–за термички. Вот пока она не «включилась», молодые пилоты и отрываются по полной. Позже из палаток появляются заспанные «старрики», которые снисходительно слушают восторженные рассказы «желторотиков», щурятся на солнце, с видом знатоков оценивают погоду: «Ну что, термичит сегодня?». На этом время новичков заканчивается: для них воздух становится слишком «жестким», и остается ждать вечернего «молока» перед заходом солнца, до тех пор, пока совсем не стемнеет, они снова смогут подняться в воздух.

Подняться в воздух... Да что я вообще делаю? Я выдержал настоящую бойню с начальством, но выбил себе четырехдневную рабочую неделю. С горечью усмехнулся: иногда инвалидность дает небольшие бонусы, никому не пожелаю. Я провожу на работе по 10 часов, а иногда и больше, чтоб никто не смог попрекнуть, что я не успеваю. Я оплачиваю алмазный аккаунт —немаленькие деньги, между прочим —

и все для чего? Чтоб летать. Чтоб три дня в неделю я мог, пусть виртуально, пусть в иллюзорном мире, но подняться над землей, встретить лицом набегающий поток, раствориться в полете... И на что, черт раздери, я потратил пол дня?! Глубоко в душе зародилась целая гамма чувств – от сожаления о бездарно потраченном времени до откровенной злости на самого себя. И даже отчасти на ребят. Хотя они–то здесь при чем?

Рус – отличный малый, мы однозначно могли бы дружить: прямой, открытый, в чем–то мягкий и уступчивый, в чем–то – принципиальный.

Анахита... Аня... Симпатичная, немного смешливая девушка. К тому же добрая и отзывчивая. Но у нас, к сожалению, ничего не выйдет. На мне «проклятье» – NDA. Хороши будут отношения, когда не снимаешь плаща и сапог! Меня даже обнять нельзя без того, чтоб не возникли ненужные вопросы.

Короче, хорошие вы ребята, но пора нам расставаться.

Ребята проснулись одновременно, слава встроенным часам!

– Привет, смотрю, нас никто ночью не съел, – донеслось жизнерадостное восклицание эльфы. Я молча улыбнулся и помахал рукой от костра. В глазах Руса мне почудилось некоторое облегчение.

Наскоро перекусили и выпили по маленькой чашке чая – вода в бурдюке Руслана почти закончилась. Собрали лагерь.

– Идем? Думаю, через пару часов к Серединному морю выйдем. Феникс, ты чего?

– Рус, Аня, – я прижал обе руки к груди, – я вам очень признателен за весь тот путь, что мы проделали вместе. Без вас я бы, наверно, и не выжил. Но...

Я замолчал, внезапно заготовленная причина показалась никуда не годной.

– Что «но»?

– Мне надо идти... – я пожал плечами, – дела...

– Да ладно тебе, какие де... – начала эльфа.

Но русский витязь ее перебил:

– Подожди, Аня. «Не спрашивай меня, и мне не придется врать» – кажется, так?

И он, шагнув ко мне, протянул руку.

Я пожал руку Руслava, хлопнул по плечу. Повернулся к эльфийке. Та развела руки для обнимашек. Вот блин! Подошел, взял ее кисти в свои, пожал, улыбнулся.

– Удачи, ребята, может, еще пересечемся когда.

Развернулся и пошел в противоположном направлении.

Как только поворот дороги скрыл меня от попутчиков, я скинул плащ и сапоги и убрал в мешок, перекочевавший на живот. Ветра по утреннему времени не было, макушки деревьев не шевелились. Секунда–другая пробежать по «чек-листу», и разбег. На четвертом шаге высоко подпрыгиваю и тут же развожу крылья в стороны. Прыжок у меня прока-

чан на загляденье – три метра в высоту, в реале такой старт невозможен. Взмах–другой, и я выше макушек. Съежившийся горизонт внезапно распрямляется высвобожденной пружиной. Я лечу! Закладываю вираж и низко–низко над деревьями, почти задевая кончиками крыльев вершины, направляюсь на юго–восток. Мне на юг, но надо немного уйти от дороги, чтоб не попасться на глаза ребятам.

Через пять минут начал потихоньку набирать высоту. Еще через десять показался берег огромного озера. Лес неожиданно, как будто ножом обрезанный, закончился, потянулись бесконечные поля. Постепенно я набрал почти тысячу метров, но из–за раннего утра ждать потоков было бессмысленно – нет еще прогрева, хоть это наладили. Когда я появился на тесте, термичка работала чуть ли не ночью. Тем не менее прошло полчаса с момента старта, шкалы выносливости половина – надо экономить силы. Я раскинул крылья, придал им форму, с которой моя аэродинамика была максимальной, по возможности поджал все, что могло тормозить, выступая, и неспешно заскользил над цветущими полями. На небе пока ни облачка, воздух прозрачен, видимость, как говорится, миллион на миллион.

В отсутствие восходящих потоков постепенно снизился. Когда оставалось метров сто – сто пятьдесят, высмотрел небольшой перелесок, тянущийся вдоль ручья, и мягко приземлился рядом. Можно подождать, пока солнце поднимется выше и «включится» прогрев, а тем временем восстано-

вить силы. Я достал остатки сыра. Может, кому-то покажется, что я поступил некрасиво, не поделившись с попутчиками, но это необходимость – мне нужнее. Еще оставалась драконятина, но какая-то подспудная мысль заставляла ее приберечь. Не знаю, что на меня нашло: мясо жареное, его, наверное, не продать. Однако я помнил, с каким выражением смотрел на меня тот админ, когда я жарил на углях сердце дракона.

Спустя час, когда выносливость заполнилась полностью и солнце, наконец, раскочегарилось, я заметил на небе клочок белой ваты – первое, еще несмелое кучевое облачко. Понаблюдал за ним несколько минут. Только появившись, оно, клубясь, увеличивалось в размерах и медленно уплывало от меня как раз на юг. Верхушки деревьев к этому моменту уже ощутимо покачивались, появился шум в ветвях – дождался. Пока готовился к старту, на небе появилось еще несколько белых комочков. Стартую.

Энергичными махами набрал высоту. Глаз зацепился за большой нагретый солнцем валун, к тому же лежащий на вершине небольшого холмика. Вот он – триггер. С него точно должно что-то пыхать. И действительно, прямо над самым валуном втыкаюсь в энергичный «плюс». Выключаю махи, поток узкий и сильный: чтобы не вывалиться, встаю в крутую спираль, заваливая крен под сорок пять градусов. Несмотря на это, меня как на скоростном лифте выносит наверх. Поток постепенно расширяется – по всей видимости,

в него вливаются, как ручейки, другие, более слабые. А вот уже и подошва облака. Поутру оно еще довольно низко, на взгляд тысячи полторы, может, меньше. В облаке мне делать нечего, тем более что я здесь не просто так, а на пути в Коровий холл. Город предложили попутчики, и я не видел причины менять пункт назначения. Пока отдыхал, глянул – крупный город восточного побережья, столица префектуры. Вокруг самого города много полей, основа процветания – скотоводство. Игроков много, но не так, как в центральных провинциях. Развитая торговля. То, что нужно. Бросаю поток и встаю на переход.

А внизу проплывали поля, прорезанные ручьями, перечеркнутые дорогами, разбавленные перелесками. Попадались небольшие хуторки в несколько построек. Вон крестьянин работает у себя в поле, вон по дороге пылит какой-то обоз, а вон там раскинулось огромное зеркало игрового Байкала – настолько большое, что даже с высоты полутора километров нельзя рассмотреть противоположного берега.

Господи, как же хорошо летать! Это самое лучшее чувство в мире. Эх, помню, раньше: достанет всё на работе – хоть волком вой, всё, тупик, край! Дальше только или в синьку срываться, или «мочить козлов». Возьмешь недельку за свой счет, смотаешься куда-нибудь – хоть в Крым, хоть на Кавказ, а то и в Европу. Налетаешься от души, и всё – ты новый человек. И все твои проблемы такая мелочь по сравнению с полетом! Так и здесь – только ты, небо и ветер, солнце над го-

ловой. И где-то далеко внизу земля с мелкими человечками, которые суетятся, «качаются», бьют ничего не сделавших им монстров, пытаются выжать денег, купить себе меч подлиннее или шмотку покрасивше. Всё тлен и мусор, всё проходяще. Только здесь, наверху, есть то, что вечно: солнце, ветер, облака. И еще горы, которые стояли миллионы лет до нас и простоят еще столько же.

Триггер – объект на земле, который стимулирует отрыв теплого воздуха от поверхности. Часто нагретый воздух в виде пузыря не имеет достаточно силы, чтоб оторваться. Такой пузырь может перемещаться по земле под воздействием ветра. Для понимания землю проще всего представить в виде потолка, а пузыри нагретого воздуха – конденсатом. Капли, не набрав достаточно массы, могут перекапываться по потолку, пока не наткнутся на какой-нибудь выступ, где накопятся и оторвутся. Триггером выступает складка местности – например холм или край леса. Еще лучше, если объект дополнительно нагрет сильнее окружающей земли

статья из «Wiki для Икаров». Автор Феникс Чернокрылый.

Глава 14. ПХД в Коровьем холле

Через пару часов я оказался в окрестностях города. Сначала внизу все чаще стали попадаться обрабатываемые поля с вкраплениями хуторов и выселок – предместья любого крупного города. Потом, когда на горизонте, наконец, замаячил сам город, я предпочел приземлиться: судя по карте, он был весьма крупный, а значит, со стражей у него было всё в порядке – многочисленная и умелая. И еще у них наверняка налажено наблюдение за воздухом, найдутся скорее всего и подзорные трубы. Поэтому, чтоб избежать ненужной популярности, не будем играть в Матиаса Руста и приземляться на главную площадь. Я войду как скромный путник, хорошо бы в составе какого–нибудь обоза.

Сказано – сделано. Спустя полчаса я входил в город, на самом деле расположенный на двух высоких холмах и, так сказать, господствующий над окрестностями, в компании местного крестьянина и двух его сыновей, везущих в город на продажу кое–какие дары полей на паре повозок. И хотя время было неподходящее – до осени и сбора урожая еще не меньше месяца, – но это игра, а не жизнь: здесь никто не будет ждать год, чтоб подкинуть тебе квестовый персонаж.

Я не ошибся, и у крестьянина действительно нашлось для меня задание – отнести весточку одному из братьев, что лет тридцать как уехал на юго–восток, к океану, и стал рыба-

ком. Судя по всему, жил родственник чуть южнее Рассветного Утеса, как раз одно из мест, которые я хотел бы посетить. Крестьянин оказался словоохотливым: вскоре я узнал о ценах на зерно и люцерну, об урожайности яровых в этом году и о том, что соседка Михана (так звали крестьянина) явная ведьма и по ночам летает на метле над полями. Крестьянин видел это своими глазами, вот только староста их села никак не хотел реагировать на свидетельские показания самого Михана и его свояка, утверждая, что все это им примерещилось после третьего кувшина. А чему там мерещиться: вино было молодое, кувшинчики малюсенькие, и на двух здоровых мужиков не могло подействовать так, чтоб начала мерещиться всякая чертовщина. Но главное, я выяснил, где в городе живет травница Нарина, которая – вот удача! – оказалась родом из того же села, что и Михан. И что сам Михан в молодости поглядывал на свою односельчанку, но потом к ней посватался десятник городской стражи и Нарина укатила в город. Судя по тому, что самому крестьянину было на вид под шестьдесят, травница должна была оказаться классической бабкой.

Так, за разговорами мы миновали околицу и добрались до рыночной площади, где я тепло попрощался с крестьянином, его молчаливыми сыновьями и осмотрелся по сторонам. Между прочим, на сегодняшний момент это самый крупный город ФанВирта, мною посещенный. Блин, и самый населенный – народ на каждом углу! И ведь не узнаешь, кто

игрок, а кто «местный», то есть НПС–персонаж: по игровой механике, пока с персонажем не познакомишься, не выразишь имя, профессию – система ничего не подсказывает. Чтоб, значит, реалистичнее было. Да и потом, что у игроков, что у неписей ники–подписи одинаковые. Несколько минут я напряженно приглядывался из–под накинутаго капюшона, ожидая проявления внимания. Какого? Ну, не знаю. «Эй, малой, ты с какого района?» Хм... Потом сообразил, что как раз такое мое поведение и должно привлекать. А так–то всем на всех наплевать: заняты своими делами, спешат куда–то... Вот и мне надобно.

Включив деловитый вид, поймал за рукав пробежавшего мимо пацаненка. Ну этот то «местный», кто дж себе персонажа–ребенка будет создавать? Безо всяких вымогательств тот сразу показал то, что меня интересовало в первую очередь, – трактир, местное заведение средневеково–фентезийного общепита.

В заведении было немногочленно. Оно и понятно: день–деньской на дворе, игрокам надо «качаться». Я традиционно занял место в глубине зала, подальше от окон, спиной к стене. Учитывая наличие «золотого запаса», решил шикануть.

Пока отдавал дань местной кухне, параллельно занялся планированием. Посмотрел на последнюю запись в списке глобальных планов: Рассветный Утес, и срок – сегодня. Задумался, побарабанил пальцами по столу. Пометил «отложено». Сегодня никак, без вариантов. На границе сознания

робко попыталось поднять голову сожаление по поводу впустую потраченного времени. Ладно, не будем зависать в самоедстве, было и было, запишем в «безвозвратные потери».

Тогда что? Тогда ПХД¹³ – потрачу сегодняшний день на подготовку к дальнейшим приключениям.

Во–первых, мне нужно скинуть «запчасти» дракона. Это проще всего сделать у алхимика. У него же закуплюсь алхимикой.

Во–вторых, отличная мысль взять умение «Сапожник» и сшить себе обувь по ноге. Много я ходить не собираюсь, но все равно решить обувную проблему будет правильным ходом. За этим мне, очевидно, к сапожнику.

В–третьих, умение «Травник». Пару раз я уже использовал эту легенду, и она как нельзя лучше подходит к моему игровому образу жизни. Я на самом деле бываю в таких местах, куда забраться весьма не просто, ну разве что оседлав какую–то летучую живность. Вот только я сомневаюсь, что драконий наездник опустится до собирания сена. А я что, я не гордый, заодно и подзаработаю, а то с «почтовых» квестов много не набегает.

В–четвертых, арсенал, вернее, наконечники стрел, ибо стрелы я делаю самостоятельно. Не сказать, что получается дешевле, чем покупать готовые: наконечники стоят почти как готовые стрелы такого же класса. И уж точно не из–за того, что «хочешь сделать хорошо, сделай сам» – качество

¹³ Парково-хозяйственный день.

у меня пока так себе. Тут скорее сработала «реальная» привычка: то оборудование, которое могу сделать сам – делать самостоятельно. Первые дельтапланеристы даже дельтапланы и подвески делали сами. Конечно, до такого я не... поднимался. Дельт известного производителя, или подвеска, – это высокотехнологическое изделие, «на коленке» или в гараже не сделаешь. А вот починкой «на коленке» заниматься приходилось. И тут уж лучше самому. Когда от какой-нибудь тросовой заделки, или шва, или фала зависит твоя жизнь, причем не фигурально, тут я предпочитал все пропускать через собственные руки. Чтоб если что, винить только себя.

Но в первую очередь за одеждой, а то щеголять в коже – это перебор! И я напрямик из трактира отправился в ближайшую лавку, торгующую одеждой. Приобрел пару холщовых рубаш с вышивкой и пару таких же штанов. С удовольствием сменил поднадоевшую «облегайку», бросил взгляд в зеркало: невысокий подросток, топорщащийся за спиной плащ на груди распахнут, открывая взгляду светлую с вышивкой рубашку и такие же светлые, заправленные в сапоги штаны. Капюшон откинут. На голову я прикупил синий берет – и что меня под руку толкнуло? Оружия на виду не оставлял, убрав все в рюкзак, который опять перекочевал за спину.

Следующим пунктом программы была мастерская сапожника, приткнувшаяся к одному из домов, окружавших ры-

нок. Самого сапожника я нашел под навесом. Долговязый и худой, скорее всего «местный», в кожаном фартуке и почемуче–то в круглой шапке–пирожке, сидя на табуретке, стучал молотком по подошве сапога, надетого на какое–то приспособление.

– Добрый день, уважаемый! У меня к вам дело, – сходу взял быка за рога.

– Дело – это хорошо. Деньги есть, и дело будет.

При этом мастер не прекращал что–то там выстукивать на подошве.

– Хочу научиться шить сапоги, – выпалил я.

Молоток замолчал, его владелец окинул меня оценивающим взглядом:

– Так ты в подмастерье ко мне пришел наниматься?

Стоп. Какой подмастерье?

– Не–е–ет... – протянул я, – мне не нужна работа, я просто хочу научиться шить сапоги. Для себя.

Я ткнул себе в грудь большим пальцем:

– Не на продажу.

– Чужеземец, – сапожник вздохнул, – ты хочешь научиться шить сапоги. Так?

Я кивнул головой.

– Значит, ты хочешь стать моим учеником. Так?

Я яростно замотал головой.

– А как же я научу тебя, если не буду учить? – недоуменно спросил сапожник.

– Подождите, – я выставил перед собой руки, как будто хотел остановить его логический каток, раскатывающий мой план подчистую. – Я не хочу поступать к вам учеником. Мне просто нужно...

Я замялся, подыскивая замену слову «взять», которое все же мне показалось неуместным в разговоре.

– Мне нужно умение... «Сапожник». То есть умение... сшить себе сапоги.

Блин, как просто мне все рисовалось. Читал форум – там «взять» да «взять». Навроде как «взять умение того-то», «пойти к тому-то и взять умение такое-то»... И ведь против логики «местного» не попрешь. На самом деле: хотите чему-то научиться? – велкам, как говорится, в ученики. Из глубин сознания выплыла ухмыляющаяся самоирония: ну что, сам хотел, чтоб как по-настоящему? Чтоб учиться долго, набивая шишки, попадая себе по пальцам, чтоб потом, глядя на другого такого же, видеть в нем «своего» – дескать, он прошел через то же самое? Ну так получи и распишись. Ладно...

– Скажите, уважаемый... простите, не знаю вашего имени... – потянул паузу. Не сработало, сапожник не представился. – Возможно вы меня неправильно поняли... Вернее, я неправильно объяснил...

Да что со мной такое?! Косяк за косяком! Но надо «выруливать».

– Поймите меня правильно, я не претендую на высокое

звание мастера в сапожном ремесле. Я прекрасно понимаю: чтоб научиться делать такую же отличную обувь, как вы или ваши коллеги, нужно долго и усердно учиться. Однако попробуйте взглянуть на мою ситуацию. Я по роду своих занятий часто бываю вдали от обжитых мест, где найти квалифицированного специалиста по обуви нельзя. Мне приходится преодолевать большие расстояния. Обувь для меня очень важна... Вот я и хочу научиться... да хотя бы чинить себе сапоги. А еще лучше – уметь самому себе сшить их!

Мастер сделал еще одну паузу в работе и снова удостоил взглядом. Взгляд на этот раз немного оттаял. Ну по крайней мере, мне так показалось.

– Это правильно. Хорошая обувка в дальней дороге – первое дело. За ней надо ухаживать так же, как за лошадью. А то, понимаешь, носят бездумно, сбивают носы, стаптывают задники. Не просушат, не подмасят. А как износится – выкинут и за новой парой спешат. Мне то прибыль, но за вещь обидно. В нее же душу вкладываешь, пока делаешь.

И он любовно провел ладонью по голенищу торчащего перед ним «вверх ногой» сапога.

– Если хочешь в дороге следить за своей обувкой, бери у меня набор сапожника. Там и игла сапожная, и моток дратвы, и несколько кусков кожи на заплатки...

Блин! Ну вот нафига мне ремонтный набор! У моих сапог «пробеги», как у дутиков какого-нибудь дальнемагистрального лайнера, – большую часть времени не используются.

Эвон, брал не новыми, а ресурс почти не уменьшился. Короче, от сапожника я уходил впустую. Ну как впустую – один малый набор сапожника теперь болтался у меня в мешке. Авось пригодится, тем более он почти ничего не весил.

Неудача, конечно, раздосадовала, но потом я решил, что это некритично. В конце концов до недавнего времени обувь мне неудобств не доставляла. И далее не должна. Поэтому проехали.

Следующий пункт плана был закрыт штатно. Просто зашел в лавку, над которой висел в виде вывески вырезанный из деревяшки и раскрашенный меч, и прикупил наконечников для стрел. Поскольку финансы позволяли, взял тридцать с узкими закаленными жалами: из них буду делать «фугасы», привязывая мензурки с гремучим зельем, которые, правда, еще надо раздобыть. Так же я запасаюсь срезнями – достаточно широкими наконечниками, обеспечивавшими большую площадь поражения. Это для противников, не обладающих крепкой шкуркой в виде лат или косной брони. Для охоты – самое то.

Время было как раз обеденное, когда я стучал в калитку указанного мне Миханом дома. Открыла статная женщина, на вид лет сорока, с внимательными глазами.

– Здравствуйте! Меня зовут Феникс. Могу ли я увидеть уважаемую травницу Нарину?

– Здравствуй, чужеземец! Ты ее уже видишь – это я. Что

привело тебя?

– У меня к вам просьба, уважаемая Нарина. Вы травница, а я по роду своих занятий часто бываю высоко в горах, где мне попадаются весьма редкие травы. Не могли бы вы меня научить хотя бы азам своего искусства?

– Ты хочешь заработать на сборе и продаже трав, чужеземец? Для этого тебе не нужно искусство. Просто собирай высокогорную траву и приноси ее мне. Я дам тебе честную цену. Кроме того, чтоб научиться распознавать травы, тебе достаточно купить одну из книг по травоведению. Стоят недорого, найдешь в любой книжной лавке...

Что ж, вполне доходчиво объяснила, что здесь мне не рады. Не то что в дом, во двор не зовет. По имени не называет, хотя я представился.

– Спасибо за науку, добрая Нарина, всего вам хорошего.

Почему не ввернул про знакомство с Миханом? Кто знает, какие у нее отношения с бывшим односельчанином...

Что ж, задача осталась, нужны другие пути реализации. Пришлось мне искать книжную лавку. Там смогли предложить только «Азы травничества» – тонюсенькую книжицу за пару серебрушек. Заодно в лавке я узнал, где найти местного алхимика. Причем «местного» в обоих смыслах – я не хотел связываться с игроками.

Выйдя из лавки, прямо у крыльца быстро проглотил «трактат» всего то в три десятка страниц. И узнал, как выглядят подорожник, ромашка, перечная мята и зверобой. Наде-

юсь, теперь игра позволит мне опознавать эти травы – вот такая игровая механика. В ответ система наградила повышением интеллекта на одну единицу.

Постоял в некотором раздумье: две неудачи с «местными», на которых я рассчитывал. Если обломлюсь и с алхимиком – труба, деньги – то я уже все потратил и рассчитывать могу только на продажу драконьего лута. Поэтому перед походом к алхимику решил немного подготовиться, да и травоведенье подкачать заодно. И я затопал на выход из города, так сказать, в поля.

В полях, заросших до горизонта люцерной, было жарко и малоллюдно, что хорошо, ибо идиот в плаще по такой погоде однозначно привлекал бы ненужное внимание. Я не имел ни малейшего представления, где искать эти растения. В книжке было только описание и картинка. Могли бы добавить, например, «ищи подорожник вдоль дороги». По крайней мере, относительно подорожника у меня идеи были, и я шел некоторое время вдоль тракта, вглядываясь в обочину. Но ее тотальная «вылизанность» натолкнула на мысль, что до меня сегодня здесь мелким гребнем прошла уже толпа игроков, и наверняка кто-то имел навык травника. Поэтому я свернул сначала на одну дорожку, потом на совсем мелкую тропинку и направился к видневшимся неподалеку нескольким деревцам. Наконец, когда мое терпение все чаще стало намекать, что идея с травничеством была не столь уж и здоровой, мой взгляд зацепился за очень знакомо выглядящее растение с

широкими и чуть более зелеными, чем окружающая трава, листьями. Я присмотрелся, всплыла надпись:

подорожник обыкновенный, лекарственное растение.

Ну что ж, с почином меня, травник Феникс! И, верно, перед глазами выскочило:

Вы получили достижение «Травник» первого ранга!

Два с лишним часа блужданий по окрестностям наградили меня целым пучком травы. Помимо подорожника, мне удалось набрести на небольшую заросль зверобоя, разжился и ромашкой. И стал травником 2 ранга. С ума сойти! Эдак скоро я вырасту в знатного специалиста по траве, стану уважаемым членом общества, разбогатею, куплю домишко в Коровьем холле, осяду и женюсь. Радовало то, что трава фактически ничего не весила, что для меня очень важно.

Глава 15. Алхимик Якуб

Лавка единственного в городе алхимика располагалась прямо на самой рыночной площади – массивное двухэтажное каменное строение, под черепичной крышей, выходящее на площадь разукрашенным фасадом. Над входом, на кованной штанге висела стандартная, узнаваемая жестяная колба, из которой валит пар, изображенный металлической же проволокой.

Дубовая дверь с колокольчиком мягко пропустила внутрь, а там... Почему-то сразу возникла ассоциация с аптекой. Конечно, на современную аптеку было мало похоже – небольшой вытянутый вдоль фасадной стены зал, длинный прилавок, разгораживающий зал на две части. Стена за прилавком уставлена деревянными стеллажами с выстроившимися ровными рядами разнокалиберными цветными склянками, колбами, ретортами. И кругом – просто стерильная чистота. Даже каменный пол вымыт и отполирован до блеска!

В лавке оказалось безлюдно, только за прилавком сучал крепкий мужик, который и среди здоровяков стражников не смотрелся бы маленьким. Красное лицо, небольшой, только намечающийся животик, сам еще не старый, на взгляд – лет пятидесяти или около того. И кипенно-белый халат! Я бы сказал – белоснежный. Куда я попал?

– Здорово, малой! – жизнерадостно окликнул меня му-

жик, – что стоишь, разинув рот? Не стесняйся, обращайся, все расскажу, покажу. Что интересует? У меня есть почти все, что нужно путешественникам.

– Здравствуйте, уважаемый хозяин, простите, загляделся. Вот правда, – прижал руку к груди, – бывал я в алхимических лавках, но у вас... у вас... Такой чистоты и порядка не встречал никогда!

Подпустить лести в начале разговора я планировал и так, даже фразу заготовил, но тут и придумывать ничего не пришлось.

– Что ж, спасибо, чужеземец. В нашем деле без чистоты никак. Что привело тебя ко мне?

– Простите, что не знаю, как к вам обращаться, уважаемый. Меня зовут Феникс, я начинающий травник... – и выдержал небольшую паузу. Сработало.

– Зови меня Якуб, я владелец этой лавки. Так чем могу быть полезен?

+ 1 к отношениям с Якубом, владельцем алхимической лавки!

Отлично! План сработал, система оценила мою обходительность! С этим «местным» мне кровь из носу нужен высокий уровень отношений.

– Мне настоятельно рекомендовали вашу лавку, дядька Якуб, как лучшее место, где путешественник может купить любые нужные снадобья. А также как место, где дадут честную цену за те лекарственные травы, которые я собираю.

– Хорошо, показывай, что там у тебя.

Я принялся раскладывать траву по кучкам. Ромашку к ромашке, зверобой к зверобою. Подорожник тоже лег отдельным пучком. Пару ромашек и один зверобой я небрежно смахнул с прилавка и с бормотанием о недостаточной свежести оглянулся вокруг, как бы ища куда выкинуть. Не нашел, убрал обратно в мешок.

В принципе, можно было бы вывалить «трофеи» и просто так, кучей. Все равно система торга подсказала бы сколько каких растений в куче, и оценила бы ее свежесть. Но глядя на царивший кругом порядок, к которому хозяин наверняка имел самое прямое отношение, я не смог удержаться, чтоб не попробовать еще один «заход» на повышение репутации.

– Вот, уважаемый Якуб, пять дюжин ромашки лекарственной, три дюжины зверобоя и пятьдесят штук подорожника. Все самое свежее, никаких недомеров.

+ 1 к отношениям с Якубом, владельцем алхимической лавки!

Хозяин благодушно заулыбался и отсчитал деньги.

– С тобой приятно иметь дело, травник Феникс. Это всё или еще что-то?

Помявшись для видимости. А может и в самом деле волновался – ставка была немаленькой я выдал:

– Есть еще. Я слышал, что здесь не обманут при покупке э–э–э ...некоторых частей дракона?

Хозяин посерьезнел, посмотрел с прищуром, потянул па-

узу.

– А откуда ты взял эти самые части дракона? Может быть сам убил?

Да нет, блин, подрезал из сумки зазевавшегося прохожего. Хозяин, а тебе не все равно? Или все же боишься влететь в скупку краденного?

– Ну что вы, – я скромно улыбнулся, – или я так похож на драконоборца?

Дал хозяину расхохотаться в ответ, продолжил, когда тот утер слезы:

– Я был в окрестностях Одинокого Пика, когда там разбился один. Что случилось не знаю, видел только как он рухнул на камни. Никого вокруг больше не заметил. Может наездник ему попался дурной?

Даже если хозяин сейчас сканирует мои слова каким-нибудь артефактом, проверяющим правдивость собеседника, я ничем не рисковал, в общих чертах все так и было.

– Ладно, пойдем травник–Феникс, поговорим в более удобной обстановке. Выпьем вина, развлечешь меня, пока покупателей нет, расскажешь, как это тебе удалось так удачно оказаться рядом с местом гибели дракона. Эй, Фидо, встань пока за прилавок, вдруг зайдет кто.

Из подсобки выгляну щуплый молодой человек, на ходу снимая черный клеенчатый фартук. Одетый, что характерно, в точно такой же белый халат.

– Сын? – спросил я для, так сказать, поддержания разго-

вора.

– Не дали светлые боги сыновей, две дочери у меня, – проворчал Якуб, – этот вот к старшей сватается. В подмастерьях у меня, будет кому науку и хозяйство передать, когда на покой уйду.

Мы прошли вдоль прилавка в дальний от входа конец зала, где оказался неприметный проход в небольшую, но уютную комнату, украшенную мини-лабораторией у одной из стен: спиртовки, реторты, даже змеевик. Посередине стоял низкий столик. По обе стороны от него – пара таких же низких диванов. Наверно VIP-переговорка для серьезных клиентов. Вскоре на столике появился кувшин вина и пара стеклянных кубков.

– Скажите, мастер Якуб, а почему вы решили, что я путешественник? – с искренним интересом спросил я, располагаясь на предложенном мне диванчике.

– Так это очевидно. Одет ты как для дальней дороги: сапоги крепкие, длинный плащ. Да и мешок у тебя, хоть небольшой, но за покупками с таким не ходят. Значит – «все свое ношу с собой», – он мне подмигнул.

– Тут вы правы. Кстати, не в обиду будет спрошено, а почему вы с помощником белые халаты носите? Я, честно говоря, первый раз встречаю, хотя это далеко не первая алхимическая лавка, мной посещенная. Как-то это... непривычно,

– Это не алхимики, Феникс, так, бракоделы. Значит не

был ты еще ни разу у настоящего алхимика! – Якуб махнул рукой, – Алхимия требует чистоты. Чтоб посуда вся была чистая, чтоб никаких примесей в состав не попадало. Многие компоненты считаются на золотники, асы¹⁴ или и того меньше. Вот представь: добавляешь ты, например, один ас драконьей крови, два аса лепестков корнуэльской розы. И тут у тебя с одежды в склянку падает соринка в четверть аса весом. Но в рецепте ничего про грязь не сказано. И вся заготовка – в помойку. Так что нам без чистоты никуда. Если хочешь знать, обучение подмастерья начинается как раз с того, что ему вбивается любовь к чистоте. Да что там обучение! Я бы никогда не взял себе в обучение какого–нибудь неряху... А на белой одежде грязь хорошо видно.

Хозяин выдохнул, разлил вино, поставил кувшин, взял один бокал, кивнул мне на второй.

– Ну а теперь поведай мне свою историю, травник.

– Да в общем–то и рассказывать нечего. Я путешественник, хожу по разным местам, собираю травы, почту иногда разношу, весточки разные. Как раз вчера, был я в окрестностях Одинокого Пика, давно хотел на него посмотреть. Вдруг в небе слышу – крылья хлопают, потом пламя сверкнуло, а потом на камни упал дракон с седоком. – развел руками, дескать чего еще говорить?

– Дракон умер при этом?

– Нет, уважаемый Якоб, врать мне ни к чему. Дракон был

¹⁴ Ас – старинный вес в Германии, 1/20 грамма.

еще жив, но умирал. Я добил его из сострадания – больно мне смотреть, как такой зверь мучится. Впрочем, он все равно бы умер, переломался весь. Честно сказать, мой удар и ударом – то назвать смешно – так, ткнул разик кинжалом туда, где пластинки броневые разошлись, он и помер.

– Понятно... – протянул собеседник, и чему – то кивнул, – Что ж с наездником случилось?

– Тот сразу погиб, не пережил падения. Доспехи его, если интересно, я там оставил, у Одинокого Пика, – я прямо посмотрел в глаза хозяину, – мне их было уже не унести. Не силач я.

– Хорошо, – Якуб хлопнул себя по коленке, допил кубок, налил еще, – в основном не обманываешь, а до остального мне дела нет. Показывай, что у тебя есть.

Я, не торопясь допил свой кубок, поставил на столик. Потом туда же выложил когти и клыки дракона. Помялся.

– Там еще сердце было, только...

– Испортилось? – понимающе кивнул алхимик.

– Не совсем... Мне его было не унести, да и правы вы – не сохранить. Так что, – я еще помялся, понимая, как прозвучат последующие мои слова, – так что я его зажарил и съел.

За лицом хозяина лавки было интересно наблюдать. Сначала слушал вполуха, автоматически кивая в такт моим словам, сам явно прикидывая что – то на счет когтей и клыков. Потом, когда его сознание зацепилось за ключевые слова и переварило услышанное, он на мгновение замер, выпучил

глаза и, откинувшись, не верящим взглядом уставился на меня.

– Что–что ты сделал?

– Я порезал его на ломти, приправил солью и перцем, пожарил на углях и съел, – я налил себе еще вина и развел руками, как бы говоря: «Ну съел и съел, чего в этом необычного?».

В глазах хозяина как будто что–то щелкнуло, и он, расхотавшись, схватился за живот.

– Ты хоть представляешь, – еле выговорил он сквозь раскаты своего хохота, – сколько стоил твой обед? – Послушай, – продолжил, давясь смехом, хозяин, – а может, ты решил, что, съев сердце дракона, ты получишь какое–нибудь качество? Ну там, станешь неуязвимым или очень сильным?

– Да, честно говоря, я как–то об этом и не задумывался, – проговорил я, вертя в пальцах опустевший кубок, – ходит в моих краях легенда, правда, там герой в крови дракона выкупался. Но, по–моему, это чушь. Все эликсиры, которые я встречал и про которые мне приходилось слышать, – многокомпонентные. Так что вряд ли одно, никак не обработанное сердце дракона могло бы что–нибудь мне дать.

Алхимик нагадил меня уважительным взглядом, а я продолжил:

– Впрочем, у меня немного осталось того мяса, жареное оно хранится лучше. Только сомневаюсь, что оно теперь годится как алхимический ингредиент. Так что я даже не могу

себе позволить его вам предложить.

– Знаешь, что, – успокаиваясь и вытирая слезы, проговорил Якуб, – продай мне то, что осталось. Я хорошо заплачу. Ты прав, теперь оно никуда не годится. Но когда у меня будет вторая возможность попробовать на вкус жареного сердца дракона? Я достаточно богат, но мне никогда не придет в голову мысль, попади мне в руки еще одно сердце дракона, зажарить его. Это сродни святотатству. Это все равно что поймать исполняющую желания рыбу и сварить из нее суп.

Хм... Интересное предложение. Деньги, конечно, нужны, но...

– Я хоть и не богат, но продавать его вам не стану. Все же просто мясо, а я не торговец мясом. Угощайтесь просто так. – Я сделал широкий жест рукой, и извиняясь добавил. – Только оно холодное.

Почти ожидаемо увидел еще одно сообщение о повышении отношений с хозяином лавки.

– Эй, кто-нибудь, – крикнул тот в дверь, – принесите жаровню и решётку. И чтоб безо всяких ароматических добавок – только чистый древесный уголь. Да, и еще вина.

И потом, обращаясь уже ко мне: – А мы пока закончим с делами. Могу предложить тебе травник, за когти и клыки дракона, ну скажем... пять сотен золотом. Что скажешь?

Я откинулся на спинку вместе с бокалом и несколько секунд, прищурившись, задумчиво смотрел на хозяина лавки, как бы взвешивая его предложение.

– А знаете, что, уважаемый Якуб... честно говоря, я даже не представляю, сколько это может стоить, это все же не мой товар... – а вот и вру, пока сидел в трактире, заодно изучил форум, и теперь знаю, что мне предложили фактически максимальную цену, не зря я все таки так вложил в уровень отношений, – но я торговаться не буду. Из уважения к вам. Такой, как вы, не станет обманывать. Так что – по рукам.

Сделал глоток, и прикрыл глаза, как бы от удовольствия. Впрочем, вино на самом деле было отличное, мне обычно в трактирах такую кислятину наливают. Но на самом деле я просто боялся, что в моих глазах можно прочесть, какой ураган эмоций бушевал внутри. Пятьсот золотых! Мама дорогая! Я и десятой части таких денег не держал в руках за все время. Это же, это же... Возьму пятьдесят... нет, семьдесят пять больших зелий на восстановление выносливости. О, да! Я же превращусь в беспосадочный лайнер! Смогу летать сутками... Ах да, нужна же еда. Что-то высококалорийное, мало весящее. Во, точно! Нужен мешок, уменьшающий вес поклажи, я читал о таких на форуме. Тогда все-таки пятьдесят зелий. И новый плащ, обязательно плащ с бонусами на маскировку. И чтоб с капюшоном, скрывающим класс персонажа. Я мысленно расплылся в довольной улыбке. Да с таким «обвесом» я легко реализую все свои мечты! Я даже пока представить не могу, куда я тогда заберусь...

В этот момент в нашу VIP-переговорку заглянул оставленный на торговле парень, кажется, Фидо. Подошел, нахло-

нился к уху Якуба, что-то принялся нашептывать. Вида я не показал, но слух у меня тоже неплохой, так что половину расслышал. Как я понял, у парняги ситуация с покупателями вышла за пределы компетенции, пришлось ему звать босса, разруливать. Якуб выслушал, сделал тому знак, извинился передо мной, сказал, что на минутку, и направился в торговый зал.

Ну и хорошо, на минутку, так на минутку. Тем лучше, можно пока спокойно предаться мечтаниям, куда я рвану в первую очередь после обретения всех запланированных к покупке ништяков. Ну что, здравствуй, Нунавут? Я как наяву увидел себя на замерзшем берегу, а свинцово-холодные волны катятся мне под ноги. Вот он – край земли! Или там ледовый покров? Не беда, где-то же ледяной припай заканчивается...

Внезапно что-то привлекло мое внимание так, что меня выкинуло из приятных грез обратно, на низенький диванчик. Что? Точно, это «бу-бу-бу», раздававшееся из торгового зала лавки. Непроизвольно прислушался. Показалось? Нет, голоса в лавке были однозначно мне знакомы! Вот только кто? У меня не может быть здесь знакомых. Хотя...

Тихо-тихо поднялся с дивана, пара крадущихся шагов к проходу. Чертовы сапоги! Замереть...

А они-то здесь откуда?! Хотя, что это я? Это же их идея направляться в Коровий холл. Ну и что тут у нас происходит? Похоже, речь шла о каких-то редких ингредиентах и,

причем ребятам банально не хватало средств. И чего так расстраиваться? Судя по голосу, Анахита была на грани, чтобы не расплакаться. По большей части говорил Рус, пытался как-то аргументировать, искал варианты, даже предлагал оставить залог. Но это им не сильно помогало, все попытки разбивались о скалу невозмутимости хозяина. Тог шел к логическому концу. Я так же тихо вернулся на свое место. В голове мысли метались растерянной хаотичной толпой.

Наконец «бу-бу-бу» в зале оборвалось. Минуту спустя вернулся Якуб, в ответ на мой вопросительный взгляд отмахнулся: дескать, ничего серьезного.

Не отдавая отчет в происходящем, я засобирался. Удивленному хозяину пояснил:

– Я тут поразмышлял, дядька Якуб, давайте поступим так. Сейчас ничего брать не буду. Скорее всего, я частично возьму вашими товарами, но мне нужно прикинуть список. Сначала пробежусь по другим лавкам, посмотрю, что мне нужно взять из первоочередного, и тогда ближе к вечеру заскочу к вам. Вы до сколько открыты?

– Что ж, уважаемый Феникс, достойный и взвешенный подход. Заходи вечером, для тебя я буду открыт дотемна.

Глава 16. Благотворительность

Вышел на свежий воздух. В голове пусто, никаких мыслей или чувств. На самом деле никаких планов у меня не было, Якубу я это задекларировал чтоб иметь повод свалить. Осмотрелся по сторонам. В городке кипела жизнь. А на меня накатила усталость, как будто бежал–бежал и вдруг – финиш, и бежать никуда не надо. Может, это действие выпитого? Кстати, я же даже не поел, надо что–то закинуть «в топку». Совершенно бездумно поплелся в трактир. Там, по сравнению с моим предыдущим посещением, было многолюдно. Остановился в дверях, пока глаза привыкали к полумраку. Куда бы приткнуться?

– Феникс!

Я вздрогнул! Блин, снова они!

– Феникс, ты как здесь? Мы же расстались аж на северном побережье!

Аня, ну какая же ты громкоголосая... Чтобы избежать ненужного внимания – на меня стали оборачиваться, я подсел к ребятам, расположившимся за отдельным столиком.

– Привет! Вы тоже смотрю добрались? Рад видеть. Я вот буквально час назад, только–только траву скинул, да прибрахлился. Мне через полчаса, как с вами расстался, попался конный караван. Они меня и прихватили... А вы какими судьбами здесь?

– Лодка, – бросил Руслан.

– Аня, мне кажется или ты расстроена? – я пристально всмотрелся в лицо эльфийки, для чего даже немного пригнулся, так как девушка после слов о расстроенном виде опустила лицо. – О–о–о! Да ты, кажется, плакала? Так, ну–ка давайте, рассказывайте.

Ребята замялись, стали переглядываться.

– Знаете что? У меня нет времени на ваши гляделки. Я вижу, что у вас, а точнее, у нашей красавицы лекаря проблемы. Вы мне помогли, причем бескорыстно. И я не могу упустить шанс ответить тем же.

Выдержал секундную паузу, чтобы слова дошли, и повторил:

– Рассказывайте... Ты, – мой палец уткнулся в грудь Руслану.

– Да чего тут рассказывать? У Анахиты цепочка квестов, рассчитанная на прокачку ее лекарского умения. Здесь, недалеко от Коровьего Холла, живет один местный с очень редким заболеванием. Для завершения квеста и повышения навыка нужно поставить диагноз, что Аня уже проделала, и вылечить. Но, как выяснилось, для излечения этой хвори нужны довольно–таки редкие ингредиенты. Мы нашли их в лавке местного алхимика, но... – Рус развел руками, – нам не хватает денег.

– Много не хватает?

– Много. На местных заданиях не собираешь. Даже ес-

ли всю мою снарягу продать – не хватит. В принципе, если мне опять наняться в охрану каравана на север, то можно наскрести, вот только...

– Вот только за это время Снорри умрет. Я думаю, ему осталось неделя отсилы. Такое впечатление, что после постановки точного диагноза болезнь прогрессирует быстрее. Он очень мучится... – голос эльфийки дрогнул.

У меня создалось впечатление, что девушка больше переживает не за сорванный квест, а за местного.

– Сколько?

– Феникс извини, но ты не выглядишь человеком, который в состоянии выложить 600 золотых...

– Ты прав, шести сотен золотом у меня нет, но у меня хорошие отношения с местным алхимиком. Говорите, как называется ваша штука, а я схожу, что–нибудь придумаю.

Рус пожал плечами, дескать, дело твое.

– Выпарка слизи глубоководного угря.

– Как–как? Хотя погодите, лучше запишите мне куда–нибудь. И подождите пока здесь

– Ты быстро, – хозяин снова возвышался за прилавком.

– Мастер Якуб, есть такое средство, – зачитал по бумажке, – скажи, за сколько ты сможешь мне отдать его?

– Редкое средство. Обычно его спрашивают лекари. А ты на лекаря не похож. Скажи мне честно, Феникс, зачем оно тебе?

– Недавно к тебе заходили двое – воин и девушка–лекарь. Честно говоря, я не ожидал их встретить здесь, но так уж вышло. Я им многим обязан. А еще, – я немного замялся, но потом выдавил, – они мои друзья.

– А еще эльфийка очень красива – подмигнул мне Якуби, похоже, смог меня смутить. Добавил задумчиво, глядя в глаза, – вот только мне показалась, что она с этим парнем?

– Это мое дело, – буркнул я на автомате.

– Хорошо. Я отдам тебе его за 500 золотых.

– Это как раз та сумма, что вы мне хотели заплатить за части дракона? По рукам.

Хозяин отошел внутрь и вскоре вернулся с небольшим пучком.

– Отдай друзьям и возвращайся...

Я поднял на Якубу удивленный взгляд. Помолчал.

– Хорошо, зайду еще.

Ребята сидели на прежнем месте. Повесив голову, Рус понуро ковырял вилкой в тарелке. Анахита, сложив руки на коленях, наклонилась над нетронутой миской так низко, будто собиралась рухнуть лицом в еду. На мое появление они вообще не отреагировали.

– Он что, уже умер? – у меня внутри все замерло: неужели я только что спустил 500 золотых в никуда?

– Кто?

– Ну этот ваш, местный...

– Снорри? Нет... – поправилась, – еще нет. Но обречен.

– Тогда не понимаю. Я оставил вас в более приподнятом настроении. Что случилось за время моего отсутствия?

– Был вариант достать недостающую сумму, – внезапно осипшим голосом проговорил Рус, – но теперь все, надежды никакой.

При этих словах Анахита явственно всхлипнула. Я почувствовал, что еще чуть–чуть, и водопад слез хлынет из ее глаз. Выставил на стол пузырек.

– Это оно?

Полный недоверия взгляд на снадобье. Не верящий – на меня. Снова на пузырек. Мне показалось, что Анахита сейчас обернется в поисках скрытой камеры, весь ее вид как бы спрашивал: «Это розыгрыш?». Неуверенно протянулась рука, пальцы осторожно сомкнулись на горлышке. Поднесла к глазам, всмотрелась. Что она там увидела, не знаю, лично мне интеллекта не хватило для опознания содержимого.

Снова взгляд человека, не могущего поверить в свое счастье.

– Феникс, но как?

Пожал плечами.

– Ничего сложного. У меня неплохие отношения с местным алхимиком, плюс он мне был должен.

– Ну, тогда... – Анахита замялась.

– Иди, лечи своего Снорри. А то, не дай Бог, помрет раньше времени, не сможешь квест закрыть.

Девушка порывисто вскочила, подбежала ко мне, я еле

успел слегка отстраниться, увернувшись от объятий. В щеку впечатались губы. Миг, и Анахита исчезла из таверны. Поднялся Руслав, как-то растерянно посмотрел вслед скрывшейся подруге, потом на меня.

– Иди, «сильное плечо», а то сейчас ее кто-нибудь обует, второй раз такой фокус я уже не проверну.

Посмотрел вслед вышедшему Руслану. В состоянии блаженства расслабленно откинулся на спинку. В голове никаких мыслей. Как же хорошо! Каждый день бы кого-нибудь спасал! Главное – не думать, во что мне это обошлось.

– Заказывать что-нибудь будете?

Рядом со мной остановилась девушка в переднике, явно местная официантка. Что там у меня с финансами? Я достал из кармана несколько медных монеток.

– Принесите что-нибудь выпить... На все, – я широко улыбнулся, а местная снисходительно хмыкнула и сгребла мою мелочь.

Спустя минуту я оказался обладателем стакана какого-то кислого вина. С барственным видом отсалютовал девчонке стаканом и принялся неспеша смаковать. Впрочем, чего это я расселся? Меня же Якуб просил зайти. А потом... А потом надо думать, как крутиться дальше. Впрочем, не привыкать.

Когда я в очередной раз за сегодня заходил в лавку алхимика, мелькнула мысль: как к себе домой. Большого смысла идти не видел, покупкой снадобья я полностью закрыл наши взаиморасчеты: он мне ничего не должен, а мне не на

что покупать. Только мысль о том, что местный с хорошим уровнем доброжелательности, которому я могу при случае сбывать травы, мне не повредит, заставила все же оторвать пятую точку от лавки в трактире.

– И снова здравствуйте! – попытался пошутить, но вышло как-то невесело, сказывалась накатившая усталость. – Что-то я к вам зачастил...

– Может, это судьба? – вернул шутку хозяин лавки. – Фидо, подмени меня...

Снова знакомая комнатка. Снова на низком столике кувшин вина. Что-то много я пью сегодня.

– Ну что, травник Феникс, гадаешь зачем позвал?

Я не стал отрицать.

– Понравился ты мне. Нечасто встретишь столь аккуратного поставщика. Кроме того, твое желание помочь друзьям не может остаться вознагражденным, – Якуб сделал паузу, а потом, глядя прямо в глаза, продолжил. – Ты мне просто так отдал сердце дракона. А потом я вижу – остался без денег. Я все же хочу помочь тебе, поэтому сколько ты за него хочешь?

Я устало усмехнулся:

– Дядька Якуб, понимаю, что тебе, наверно, попадались чужеземцы, которые ради звонкой монеты отказывались от сказанного слова. Иначе мне впору обидеться. Я своих слов назад не беру. Это подарок. Просто, как... – на секунду замялся, подбирая слово, – как очень хорошему человеку.

Хозяин лавки уже в который раз добродушно рассмеялся:

– Хорошо. Будь по–твоему. Ты мне подарил самый незабываемый ужин, про который я теперь буду рассказывать внукам. Как хорошему человеку. А я тебе, как хорошему человеку, предлагаю взять в подарок моего товара... скажем, на 30 золотых.

Я встал и поклонился.

– Спасибо, дядька Якуб, никогда не забуду твоей доброты, – остановил его попытку меня прервать, – не за товар спасибо, подарок принимаю с благодарностью. Спасибо за то, что считаешь меня хорошим человеком.

– А вот за это, Феникс, мы с тобой сейчас выпьем!

– Дядька Якуб, – обратился я к своему собеседнику спустя пару кубков, – не мог бы ты мне помочь советом?

– Что за совет? – алхимик явно захорошел. Я, честно говоря, тоже, несмотря на то что старался пить понемногу. Плюс помогал ускоренный метаболизм.

– Да в том то и дело, травником я стал совсем недавно, я же часто в горах бываю, а там травы редкие, высокогорные. Но про них мало где написано, вот я и хотел поучиться у травницы Наины. Только не стала она со мной даже разговаривать. А ты же наверняка ее знаешь, травники они всегда с алхимиками работают. Подскажи, как к ней подкатить, как уговорить поделиться знаниями.

– То, что знаний ищешь, – это правильно. Деньги кончатся, сила уйдет, а знания только растут. Они тебя и накормят,

и оденут, и при необходимости от врага уберегут. Что касается Наины, знаю ее, хорошая травница, есть чему у нее подучиться. А то, что разговаривать не стала, – так ты на нее не обижайся. У тебя с разумением что?

Блин, как я не подумал! Действительно, интеллект у меня был низковат. Никогда в него толком не вкладывался, я же не маг и не целитель в конце концов. Придется наверстывать.

– Да ты не стесняйся, – продолжал мой собутыльник, – говори как есть, дескать, все плохо, дядька Якуб. Да я и сам смекаю, почему тебе так мало с того дракона досталось. Там же еще и печень была, и глаза, и крови драконьей можно было набрать... Значит, умения не хватило!

Вот же блин, три раза! А на форуме, между прочим, ничего про это... Или просто не искал? Оказывается, от уровня интеллекта зависит, что из добычи выпадет? Дескать, мозгов не хватило как следует с добычи трофеи взять. Что ж, логика присутствовала.

– В общем, так, – резюмировал алхимик, – к Наине–травнице ты не ходи, пока не подрастешь в умениях да в разумении. Почитай книжки, это полезно. Пособирай травы. Кстати, хочешь, иди ко мне учеником.

Якуб с прищуром посмотрел на меня.

– Нет, мастер, не обессудь, откажусь. Хотя при других раскладах согласился бы с радостью. Алхимия – дело занимательное. Как из одних, казалось бы, никчемных или безобидных веществ вдруг получается что–то волшебное мне очень

интересно! Но для занятий алхимией нужно много времени проводить в лаборатории, а я человек неусидчивый, не могу без свежего ветра в лицо, без новых неизведанных мест. Засохну я, сидя на одном месте...

Якуб выслушал мою внезапно эмоциональную речь спокойно.

– Конечно, не до конца ты прав. Знаю я алхимиков, которые, как и ты, не сидят на месте. Правда, приходится им с собой таскать кучу оборудования. Но выбор твой понятен. Я ведь в молодости тоже мечтал о путешествиях... Хорошо, тогда давай так: алхимиком не сделаю, но кое-что подскажу. Ты же говорил, что высоко в горах травы собираешь? А как их доставить, не растеряв сока? Вот, не знаешь. Вы, травники, их сушите, а от этого часть свойств теряется, ибо сено – это не то же самое, что сочная трава. Вот тебе пара трактатов, приходи ко мне, когда прочтешь, я покажу, как траву обработать, чтоб сок сохранить.

Выйдя из лавки, я уносил в рюкзачке, помимо трех десятков малых гремучих зелий, еще и пару трактатов по основам алхимии. Уже стемнело. Оценил финансы. Серебряху-другую нужно оставить, чтобы при следующем входе в игру позавтракать. Остальные несколько медяшек я решил потратить, чтобы хоть чего-то все же съесть, а то пью и пью, да и время провести за книжками. Их нужно читать, находясь в игре, чтоб игровая система посчитала это действие за развитие интеллекта и соответствующе наградила. Интел-

лект мне подкачать необходимо, я сильно терял с его низким уровнем. Значит, в трактир, а куда же еще? Какой-то «городской» день у меня сегодня получился.

Когда мой внутренний таймер отсчитывал последние минуты нахождения в ФанВирте, я в который раз за этот день сидел во все том же трактире, углубившись в изучение полученных от Якуба свитков: «Трактат об искусстве алхимии» и «О трех основных сущностях».

Парадоксально, но в них не описывались рецепты, то есть прочтя их, я не смогу сварить эликсир. Но они давали плюс к интеллекту, дефицит которого, как я понял при разговоре с Якубом, придется устранять. К тому же трактаты давали базу, на которую потом легче ложились знания алхимии. Неожиданно чтение затянуло, и я не заметил, что за окном смеркается. Даже как-то буднично отмахнулся от оповещения о поднятии интеллекта сразу на три пункта.

– Феникс! Вот ты где! Так и знала, что найдем тебя здесь.

Уже не удивляясь, поднял глаза. Сияющая Анахита, внешне спокойный Руслан. Конечно, ну куда я от них! Эх-х-х...

– Помогло?

– Еще бы! Я продвинулась в цепочке, подняла лекарский уровень. Все благодаря тебе!

Как же, черт побери, приятно смотреть в сияющие глаза девушки, зная, что именно благодаря мне они лучатся счастьем! На минуту я потерялся в ее глазах. Пропала тавер-

на, стих окружающий гвалт и шум, отошли на второй план или вообще пропали все напасти и проблемы. Даже Рус словно переехал куда-то на границу восприятия. Не пропал, конечно. Я погрузился умиротворенно-блаженное состояние. И вдруг, на совсем краткий миг, вместо Анахиты я увидел совсем другую женщину, так отчетливо, так явно...

– Феникс? Да ты меня совсем не слушаешь! Сидишь здесь с улыбкой идиота... А я, между прочим, теперь могу лечить весьма сложные болезни...

Я, будто вынырнув из блаженного океана, резко вдохнул холодного воздуха. Водопадом обрушился шум забегаловки, такой громкий. Вспомнил, что отведенное мне в ФанВирте время заканчивается. Вспомнил, что остались «незакрытые» планы. Змеей вползла в сознание подлая мыслишка, что вот так вот просто профукал возможность обзавестись необходимой снарягой, сильно бы облегчившей мне жизнь. Мысленно поморщился оттого, что и сегодня ни одной строчки не добавил к Вики. А потом внезапно в сердце уколола тоска, ведь сидящая напротив девушка только похожа на другую.

– Ладно ребята, уже поздно, а мне завтра на работу вставать...

– О, Феникс, ты нашел работу? А что за работа, расскажи. Травником?

– Нет, Аня, он говорит про работу в реале, так ведь? – поскучневшим голосом произнес Рус.

– Ну да. Нужно как-то оплачивать свое пребывание

здесь, – я обвел рукой пространство вокруг. Теперь только в следующую пятницу сможете рассчитывать на травника Феникса. А пока – пока.

Я встал, пожал руку Русу, легонько, самыми пальцами сжал протянутую лапку эльфийки и направился к выходу.

Часть 3 Небесный Утес

Глава 17. Новый уикэнд, новые приключения.

Мотор облегченно затих, погасли приборы, заткнулось радио. Позади сумасшедшие пробки вечернего мегаполиса, я почти дома: пятьдесят метров асфальта, три ступеньки, две двери и лифт. Эх, когда брал ипотеку, надо было выбирать дом с подземной стоянкой, но тогда, пять лет назад, это не казалось таким уж критичным, зато лишние годы кредитной кабалы... Кто ж знал, что ценности так могут поменяться! Это еще хорошо, что у нашего дома своя парковка со шлагбаумами. Саня из моего отдела периодически рассказывает, как вечером нарезает круги по кварталу в поисках, где бы приткнуться, чтобы наутро не забирать машину со штрафстоянки. Как-то раз он в шутку сказал: «Надо инвалидский знак прицепить и спокойно бросать машину на местах для инвалидов». Но потом заметил меня и смутился. Посоветовал ему так не шутить, а то наверху кто-нибудь услышит, и получишь эту наклейку с полным на то основанием, но вот будешь ли рад?

Рывком достаю себя из машины, утверждаюсь на ногах.

Тяжело опираясь на трость, дохожу до подъезда. Охранник, он же вахтер, он же консьерж, Фарид открыл дверь – увидел меня в камере и вышел из своей каморки. Делать этого он не обязан, но который раз убеждаюсь, что в восточных людях уважения к старшим больше, чем в нас, славянах.

– Привет Фарид, как жизнь?

– Здравствуйте, – ну никак не отучу от обращения на «вы», ведь он только на пять лет меня моложе, – спасибо, хорошо. Как у вас?

– Терпимо, Фарид, терпимо. Как супруга? – знаю, что жена у него на сносях.

– Со дня на день уже, вот ждем...

Надо будет подарить ему что-нибудь для ребенка, в понедельник обязательно закажу по интернету.

Лифт. Дверь. Дом.

В квартире убрано: домохозяйка, приходящая раз в неделю, – четвертая из существенных статей моих расходов, но того стоит: убирает, стирает, гладит.

Неделька выдалась та еще, нервишки помотали мне знатно. И как вишенка на торте – сегодня, уже после обеда, пришло известие о том, что поставщики собираются перенести сроки. Не успевают они! В итоге проторчал на работе почти до девяти вечера, но разгробся. Зато дорога заняла меньше часа, пробки к этому времени рассасываются. В общем, состояние – убить бы кого-нибудь. Задержал взгляд на коконе. А не нарушить ли свое устоявшееся расписание и не зайти

ли в игру на часок—другой? Мне срочно нужно было выплеснуть пар и расслабиться.

Как же остро захотелось полета! Просто окунуться в поток, почувствовать его на своих крыльях; ощутить, как он держит меня, как перебирает маховые перья, холодит грудь. Встретить лицом набегающий воздух, услышать его свист в выступающих деталях экипировки. Как жалко, что нахожусь не в Инкубаторе! Сейчас бы вышел на край Ласточкина обрыва, до которого от Общего дома было не более пяти минут неспешной ходьбы, встал на нагретую солнцем Стартовую плиту, вытертую нашими лапами за тысячи стартов. От нее вниз обрывается каменистый крутой склон, имеющий в своей груди редкие ласточкины гнезда, за которые и получил название. Где—то далеко—далеко внизу, не менее километра, склон плавно переходит в неширокое и такое же каменистое плато, прорезаемое узким ручьем и зажатое с двух сторон горами. В лицо дует долинный бриз, ровный, постоянный, направленный точно в склон: за счет конфигурации долины и самого склона ветер никогда не косил. Долина плохо прогревается, и поэтому термическая активность не добавляет турбуленции — идеальное место для учебных полетов в динамике. Опытные же икары, уже уверенно стоявшие на крыле, часто использовали динамик Ласточкиного обрыва для неспешных, расслабленных полетов, когда нет учебной или другой какой задачи. Можно медленно парить в относительно спокойных условиях стабильного восходящего потока, в

то же время достаточно сильного, чтобы не «выживать», боясь провалиться ниже границы формирования динамика или его внезапного «выключения» (что нередко бывает в обычных горах) и затем подниматься снизу на километровую высоту. Я частенько использовал это место: поэкспериментировать, попробовать что-то новое, какую-то фигуру пилотажа, например.

Всякий раз еще тогда, в реале, оттолкнувшись от поверхности и окунувшись в воздушный океан, я как будто оставлял на старте свои проблемы и переживания. Словно набегаящий поток смывал с меня все тяготы, оставляя только радость полета. Сейчас как раз то, что мне необходимо!

Но, подумав хорошенько, решил, что за два часа я точно не смогу ничего предпринять. Стартовать из центра города точно не буду: нужно потратить не менее получаса, чтобы отойти на достаточное расстояние, потом столько же, чтобы вернуться, и не более часа, чтобы насладиться полетом. Тем более в игре сейчас вечер, а летать в «молоке» интересно только когда учишься. Сейчас никаких потоков не будет, и я уже не тот восторженный новичок, который ради нескольких минут над землей готов на любые подвиги. Так было в годы учлетства в реале, так было и при моем «втором рождении» – в игре, в период, так сказать, птенчества.

В общем, я отверг идею погрузиться в виртуал как нецелесообразную и пошел спускать пар на тренажеры. Тоже неплохой метод. Прочищает голову, ибо при тяжелых нагрузках

думать над чем-либо затруднительно – внимания хватает только на поддержание ритма и дыхания.

Поток, похоже, закончился. На взгляд – около полутора тысяч метров. Я на всякий случай сделал еще виток, но подъема не почувствовал. Мысленно хмыкнул: «Понятно», и пошел на переход, в смысле к следующему потоку, который еще поискать придется.

С утра я успел смотаться в поля, поднабрать травы и скинуть все тому же Якубу. От него я вышел не только разжившись несколькими серебрушками, но и полученным достижением «Алхимик 1-го уровня», которым меня наградила система за умение обрабатывать собранную траву так, чтоб она долго не сохла, да и вообще не портилась. Хозяин лавки не обманул, научил меня некоторым премудростям, что системой было, соответственно, учтено.

Разумеется, позавтракал, запасся провизией в дорогу, после чего, вспоминая бабушкину присказку «нищему собраться – только подпоясаться», счел себя вполне подготовленным и, отойдя подальше от города, стартовал.

Погодка малосолнечная и ветреная. В результате первого – слабый прогрев земли, а значит, низкая термическая активность: потоки редкие и слабые. В результате второго даже те, что умудрились сформироваться, сильно прижимались ветром, а то и рвались. Чтобы понять, как это, достаточно посмотреть на дым из трубы.

В такую погоду надо «сдуваться по ветру». В одном потоке можно пролететь несколько километров – знай себе крути, стараясь не выпасть из наклоненного столба нагретого воздуха, и вместе с ним тебя пронесет далеко–далеко.

Но мне не нужно просто сдуться туда, куда несет ветер, у меня цель – Рассветный Утес, к которому я собирался еще в прошлые выходные. Не получилось. Но уж за эту сессию кровь из носа, но вершину возьму!

Курс к нему от Коровьего холла – 85 градусов. А ветер сегодня юго–юго–запад, то есть около 200, что в свою очередь 115–120 градусов к моему курсу. Спасибо, хоть небольшая попутная составляющая есть, но сносит здорово.

Для маршрутного парителя задача не из тривиальных. Во–первых, поиск потока. Кучевки нет, на небе какая–то хмарь, поэтому в верхней трети ориентироваться не по чему. Наземные триггеры тоже плохие подсказчики: потоки наклонены градусов под 60, а то и более.

Во–вторых, удержаться в потоках непросто – они рваные. В–третьих – слабые. Я набрал только полторы тысячи, значит, в запасе около километра. При подобной погоде в реале метров с четырехсот, ну может, с трехсот, я бы уже искал место посадки и строил заход. Здесь у меня есть «чит», я могу включить маховый полет, чтобы подольше продержаться в воздухе и всё–таки зацепиться за поток.

Поставленная самому себе задача интересная, нет слов. При таких метеоусловиях достичь цели – это вызов, это то, за

что потом можно себя уважать. Но вот только вымотался я к этому времени изрядно. Растратил почти две трети шкалы, а кроме того, устал, так сказать, ментально – приходилось постоянно удерживать в фокусе внимания кучу факторов: следить за курсом, куда мне надо и куда сносит, постоянно выглядывать на земле потенциальные источники потоков.

Все–таки утомительно вот так летать: сначала долго ищешь поток, потом стараешься не выпасть из сильно наклоненной «сопли», постоянные мысленные метания – крутить эту или, может, рядом есть что–нибудь посильнее? А вдруг бросишь, походишь–походишь, ничего другого не обнаружив, то брошенный поток найти уже не получится. Из–за сильного боковика продвижение вперед очень небыстрое. Если бы писался трек, то выглядеть он должен как пила с длинными и кривыми зубьями: вот снос по ветру в потоке для набора высоты, вот ее размен для компенсации сноса, вот размазанные петли в поиске нового потока. И так снова и снова.

Да и о простой осмотрительности нельзя забывать: места хоть и менее обитаемы, чем окрестности одного из «великих городов», но встретить игроков на земле или даже в воздухе было реально. Я должен заметить их первым и постараться облететь.

Не в моих правилах сожалеть о сделанных подарках, отдал – значит, отдал. Но где–то на границе сознания нет–нет да и мелькало сожаление о просохаченных из–за какой–то

глупой сентиментальности денег. Закупившись эликсирами, я мог бы достичь Утеса за один заход и уже сидел бы на его вершине.

А так все равно придется делать остановку, чтобы восстановиться, да и просто передохнуть. Не люблю оставаться без резерва: мало ли что, второй встречи с кем-то вроде медведей мне точно не надо. То, что прошлый раз меня так кстати выручили, – это случайность. Рассчитывать на случайности не наш метод, в дельтапланировании такие долго не живут.

Нащупал взглядом возвышающуюся впереди гору. Пока далековато, зато я теперь вполне различал, что отроги более обширны, чем на карте, – целая небольшая горная система, и один хребтик так удачно протянулся в мою сторону. Вот до него я мог попытаться дотянуть.

Смотрю вниз на проплывающие подо мной перелески. Высота медленно, но уверенно расходовалась, мир снизу как бы поднимался ко мне.

Зафиксировал взглядом скальную «башню», замыкающую отрог. Несмотря на то, что головой я был развернут градусов на тридцать правее (что для неподготовленного наблюдателя выглядело, как будто я летел сильно южнее), скала безо всяких смещений вправо–влево приближалась. Такой он, снос ветром! И при этом слегка поднималась относительно линии взгляда. Не долетаю. Вот блин! Придется покружить немного в поисках очередного потока либо помахать крыльями.

Впрочем, пришлось делать и то, и другое. Когда до земли оставалось около шестисот метров, а никаких плюсов по пути так и не попало, я довернул на юг еще сильнее. По направлению к хребту перспективы поиска термикомов вообще отсутствовали, зато чуть впереди и здорово южнее виднелось поле, засеянное чем-то желтоватым. Если это какие-то злаковые, с него может хорошо «пахать». Ветер должен сильно наклонить поток в мою сторону, так что искать зону подъема надо не доходя самого поля. Но как только я развернулся против ветра, мое продвижение вперед замедлилось еще сильнее: ветер, судя по всему, усилился. Земля внизу двигалась еле-еле, несмотря на то что встречный поток продолжал все с той же силой выдувать из меня тепло. Обратил внимание, что начал подмерзать в довесок к голоду и усталости.

Наконец, когда сгибающиеся под порывами ветра вершины деревьев замаячили опасно близко, ожидания оправдались, и я все-таки воткнулся в поток. Сначала появился запах люцерны. Потом ощутил «мордометром» (лицом, конечно), что набегающий воздух стал более теплым. И только потом некая сила бережно подхватила меня под крылья, а приближение деревьев остановилось. Левый крен и встречный ветер швырнул мое тельце назад. Продолжил разворот, а когда прошел отметку 180 градусов, уменьшил крен, протягивая против ветра. Оценил высоту – вроде отыграл пару-тройку метров. Еще спираль. Показалось, что в южной части спирали подъем почти прекращался, наверно, излиш-

не протягиваю. На следующем витке чуть дольше позволил ветру снести «по» и меньше протягивать «против». Теперь, похоже, вываливаюсь по ветру. Так и не нащупав ядра потока, двигаясь то по ветру, то против, набрал километр. Хребет за это время сместился относительно меня здорово к югу. Теперь для компенсации сноса надо было целиться почти на 45 градусов левее того места, куда хочу.

Вся эта чехарда меня все же вымотала, и я, в итоге плюнув на экономию «махового ресурса», минут пять–семь работал крыльями. Наконец возвышавшийся над лесом скальный отрог приблизился достаточно, чтобы планировать посадку. Ветер значительно усилился, посадка на склон с наветренной южной стороны представлялась опасной: на фоне усталости можно влегкую проморгать момент торможения и оказаться размазанным об скалы. Приземляться в лес, чтоб потом карабкаться по камням наверх, совсем не хотелось. Западная стенка отрога была достаточно крутая. Кроме того, вдоль нее сила ветра должна была усилиться раза в полтора или больше.

Я планировал провернуть трюк, на который в реале никогда бы не решился. Северная подветренная сторона хребта формировала роторную зону – то место, где ветер, перевалив через препятствие и закручиваясь, обрушивался вниз. Именно ротор убил дракона в достопамятной схватке. Туда мне соваться совсем не с руки. Я не дракон, меня не только прихлопнет – крылья еще в воздухе поотрывает. Но под

самой стенкой должен быть штиль – ветровая тень. Вопрос, как туда попасть: идея была прошмыгнуть сбоку, надо только прошить зону усиления вдоль западной стенки.

Для начала сделал проход на удалении, дабы визуально оценить аэрологию места, где планировал свой «цирк без зрителей». Нужно присмотреть на западном склоне место максимально ламинарного обтекания (не турбулентного), иначе в турбуляке от какого–нибудь валуна могу потеряться на секунду–другую. За это время меня потоком как раз и выбросит под ротор. В принципе вон тот участок с широкой сыпухой почти посередине склона вполне отвечал моим требованиям. А вот та небольшая полочка на северном склоне очень подходила для моей тушки. Пусть немного выше, чем зона, где собираюсь прошить поток, но туда я выскочу за счет инерции.

Встал против ветра чуть в стороне от горы. Распушил крылья, замедляя свое продвижение вперед до почти полной остановки, взглядом и мысленно пробежался по всем отрезкам пути. Ну что, готов? Поехали!

В несколько взмахов разогнался. В ушах засвистел ветер, из глаз привычно стало выбивать слезу. Крылья чуть поджать: «я не складываю крылья, а меняю стреловидность». Держу взглядом склон. Приготовиться, сейчас воткнусь в сильный боковик, нужно скомпенсировать.

В этот момент, когда нервы напряжены, а в мозгу, как в вычислительном центре, «щелкает»: высота – скорость –

угол – снос, в «кадр» вползла рука. Вползла, ухватилась за камень, подтянула за собой голову и плечи. По склону карабкался человек, и я спустя пару ударов сердца проскочу как раз над ним!

Отворот вправо! Затрещали суставы, выворачиваемые вместе с крыльями. В глазах потемнело от перегрузки. Я воткнулся в стремнину.

Вот блин! Сколько раз говорили: принял решение – выполняй, а не меняй в процессе! Мой спонтанный отворот из-под возможного взгляда привел в усиление вдоль западного склона, как будто влетел в водопад. Меня скомкало и закрутило, на секунду–другую потерял ориентировку. Перед глазами беспорядочно мелькали: небо, лес, гора, небо, лес, гора. Наконец, зацепившись взглядом за стенку скалы и сообразив, в какую сторону земля, выровнялся. Три взмаха, и я в относительно спокойном воздухе.

Шкала выносливости мигала, заполненная буквально на волосок, – у меня считанные секунды, после чего, согласно игровой механике, крылья бессильно обвиснут. Вернее, их вывернет ветром вверх, а я сломанной куклой упаду на лес. Этого будет достаточно!

Сложив крылья, засвистел вниз, – тут уж не до выбора места приземления. Последний процент выносливости ушел на выравнивание–торможение над самыми вершинами деревьев, после чего рухнул, проламывая макушки, сквозь ветки, хлеставшие по лицу.

Пальцы ног поймали относительно толстую ветвь и вцепились в нее мертвой хваткой. Не удержав равновесие, маятником прокрутился вокруг ветви, глубоко взрезая ее кору когтями, и завис вниз головой. Я же не летучая мышь! Подтянувшись на ногах, схватился руками за корявый сук, перехватил и наконец устроился. Можно отдышаться.

Ну я и нуб, так лохануться! Зачем я вообще ломанулся от этого скалолаза?! Судя по той стенке, где он поднимался, ему было не до любования окрестностями. Даже брось он взгляд в мою сторону, что бы разглядел? Нечто с крыльями, сзади лапы? Подумаешь, летающая живность, мало ли таких по ФанВирту шастает! Просвистел бы над ним, он ничего и не понял. Зато я оказался бы в ветровой тени, а там – хоть на присмотренную полочку, хоть дальше протянуть.

Правильно говорил мой приятель Саня, «моторный» пилот: «После четвертого друзей нет!»! Были и в моей практике случаи. Строишь заход на поле, развернулся против ветра, уже и «шасси» выпустил, в вертикальное положение перешел, а тут какой-нибудь парапланерист решил на понравившемся ему месте купол поднять, наземной подготовкой позаниматься. Или вообще некий пилот посчитал, что успеет приземлиться раньше тебя. Ну, как говорится, извини. Мне отворачивать или оттормаживаться – прямой путь в больницу. Если повезет. У той поговорки продолжение есть: «путь от дальнего привода к торцу полосы устлан костями». Вот и мои могли сейчас валяться там на склоне, если бы не полу-

чилось отвернуть. Или здесь, под деревьями, если бы выносливость кончилась раньше.

Фух, вроде отдышался, да и от пережитого отпускало по-маленьку. Сеанс самоедства пора заканчивать и думать, как выбираться. Впрочем, вариантов немного. Я плюхнулся под самой горой. Поросший лесом склон уже достигал градусов тридцати. Мне наверх, там я видел небольшую, свободную от растительности площадку. Оттуда и стартую.

Глава 18. И снова здравствуйте

То, что на площадке кто-то есть, понял издалека: запах-ло дымом и чем-то вкусным. Я остановился и задумался. Можно, конечно, осторожно обойти стороной и постараться забраться повыше – в конце концов свет клином на ней не сошелся, найду другое место для старта. Однако я здорово устал, замерз и проголодался, а расположенное под скалой уютное местечко – прогреваемое солнцем, защищенное от ветра с одной стороны каменной стеной с нависшим карнизом, с остальных трех стеной леса – представлялось хорошим вариантом перевести дух и подкрепиться. Да и что я потеряю, если сначала хотя бы посмотрю, кто там, а потом уже решу?!

Стараясь двигаться как можно аккуратнее, залез на дерево. За счет склона верхушка оказалась почти напротив площадки. Под самой скалой тихонько курился небольшой костерок, возле которого спиной ко мне, склонившись над котелком, сидела в одиночестве фигурка в мешковатом плаще с капюшоном.

Не знаю, что говорил мне в этот момент разум, – вопль желудка, унюхавшего съестное, заглушил все остальные мысли.

Ладно, попробуем познакомиться. В голове держал план: если что, выносливость немного восстановилась, можно пробежать от площадки через лес метров сто на юго-запад, там

поросший лесом обрывчик. Для старта сгодится.

Пока натягивал на ноги эти громыхающие колодки, дал себе очередное обещание в следующий раз или в следующем городке все же разобраться, как сшить или раздобыть себе сапоги по ноге. Кстати, плащ бы тоже подштопать не мешало. Осмотрел себя – вроде бы ничего не выдает мою расу. Оружия на виду тоже не держу.

– Привет! – как можно дружелюбнее выкрикнул я, одновременно выходя на открытое пространство.

Человек у костра резко развернулся, в занесенной руке светился заготовленный фаербол. От движения капюшон откинулся, по плечам рассыпались локоны цвета спелой пшеницы.

Я опустил руки, чтоб через секунду развести их в широком жесте:

– Какая встреча! Анахита, вы тут какими судьбами?

Девушка "выключила" фаербол и, упершись кулачками в бока, выкрикнула:

– Слушай, Феникс, а ты не думал, что поднятые ладонями вперед руки могут восприниматься не только как примирительный, но и как угрожающий жест? Вдруг ты выцеливаешь меня каким-то убойным заклинанием?

Честно говоря, ей удалось поставить меня в тупик.

– Ладно, Ань, ты же знаешь, что я не маг.

– Я – возможно, и то до конца не уверена. Ты же у нас такой загадочный: появляешься ниоткуда, уходишь в никуда, –

и, помедлив, уже отходя добавила: – Привет, Голодный!

В груди разлилось что–то теплое, щемящее. Меня сто лет так никто не встречал. Сознался, что умираю с голоду и готов присовокупить от себя несколько перепелок, пойманных по пути, естественно, умолчав о способе ловли.

Развалился возле костра. Аромат мясной похлебки дразнил мое обоняние, а желудок настойчиво подталкивал к активным действиям. На автомате вытащил кусок вяленого мяса и принялся жевать, уставившись в огонь.

– О–о–о, да у тебя даже слюна капает, вон всю рубашку залил.

Я спохватился, провел рукой по подбородку – вроде ничего. Анахита весело рассмеялась:

– Попался! А глаза у тебя все–таки голодные, так что давай свою посудину, покормлю умирающего травника.

Принимая у эльфийки миску, поинтересовался:

– А сама?

– Подожду Руса. Думаю, должен скоро вернуться.

Я так не думал, но все же спросил:

– Куда это его понесло?

– Наверх. Ты же где–то бродишь! А нам нужна трава.

– Тихо–тихо, наркоконтроль услышит, – я притворно осмотрелся по сторонам, потом, скорчив заговорщицкую морду и подмигнув, наклонился к эльфе, – барыжите или для себя?

– Да ну тебя, – отмахнулась Аня, – мне лекарственная тра-

ва нужна, довольно редкая. Помнишь того местного, которого я вылечила прошлый раз благодаря тебе?

Помню ли я? Ха! Учítывая, в какую сумму обошлась мне эта непись, забуду не скоро. Кивнул.

– Я тогда только острое состояние сняла. Сейчас ему для полной ремиссии нужно специальный эликсир сварить. Попьет неделю–другую, и будет как новенький. Вот только рецепт непростой, я пару дней потратила на его изучение. Туда входит розовый эдельвейс, и ни у одного травника его нет, представляешь? Вернее, принести могут, но цена–а–а... – эльфийка закатила глаза, – заоблачная: у этого эдельвейса очень специфичное место произрастания. Вот и решили сами попробовать.

– Так Рус взял навык травника?

– Не. Мы думали, но там уровень нужен, долго качать. Он просто соберет всю траву, которую найдет наверху, а я опознаю.

– Ты?

– Ну да. Ах, я же еще не похвасталась – специализацию взяла, я теперь Знахарь! Вот! Боевые раны, правда, буду хуже лечить, зато есть умение опознавать ингредиенты для приготовления лечебных эликсиров. И варить их. Так что я и травник, и алхимик в одном флаконе!

Эльфийка смешно задрала кверху перепачканный золой нос. Не удержавшись, расхохотался: какая же она все–таки забавная!

Желудок наконец—то умиротворен, редкие солнечные лучи, пробивающие небесную хмарь, согрели мою тушку — я блаженно вытянулся, приподнявшись на локте. Усталость отпускала, в душе снова начали петь птицы и, кстати, есть из—за чего: сегодняшний маршрут хотя еще не завершен, но уже достоин какого—нибудь достижения. Не будь закрытого теста, точно дали бы, например, «Феникс — первый икар, совершивший беспосадочный перелет в сложных метеоусловиях с боковым ветром на расстояние...». Хм, надо посмотреть по карте — сотка набежала? В любом случае, уверен, сейчас я — единственный икар, способный на такое! Жаль, похвастаться и обсудить не с кем, разве только с Глебом? Точно, решил про себя, вечером напишу гайд по маршрутным полетам в СМУ, а пока можно расслабиться и поблагодумствовать.

Принялся разглядывать эльфийку. Она что—то рассказывала про открывающиеся возможности в лечении болезней, параллельно занимаясь костром и обедом. Кстати, над огнем появился второй котелок, от которого потянулся запах кофе. М—м—м... божественно! Что еще усталому путнику нужно?

Включился в беседу. О чем поговорить с девушкой в виртуальном мире? В реале, было проще: можно подвести разговор к полетам, а дальше просто — внимание и восхищение обеспечены. Но после травмы я старался избегать этих тем: они напоминали о том, чего я лишился.

Значит, говорим о ней. Как ей ФанВирт, давно ли игра-

ет? Конечно, вопросы о лекарской специализации: а почему? а как же? а зачем? Наклониться к собеседнице, уточнить детали, включить интерес в глазах...

Работал контраст: обычно парни, пытаюсь произвести впечатление, глухарями заливаются о себе, любимом: какая у него крутая тачка, интересная/занудная работа, какой он сам весь из себя замечательный. Не понимают, что в мире, где всем на всех наплевать, малейшее проявление интереса к важной для собеседника теме добавляет +100 к репутации, говоря игровым языком.

Расспрашивая Анахиту о выборе непопулярной специализации, я поражался, с каким увлечением она про это рассказывает. Интересно, ей сколько лет в реале? Не будь игра 18+, решил бы, что подросток. Временами Аня поражала меня своей наивностью и, я бы даже сказал, неиспорченностью. Вот и сейчас: ну кто в онлайн-игре, где основной способ прокачки – убийство монстров или других игроков, берет небоевую специализацию? Но ей, видите ли, хочется лечить, причем игроков в меньшей степени, чем местных! Цифровую непись! Ну честное слово, как в куклы играется.

Стало понятно, почему в прошлый раз она просила не рубить живые деревья. Это не отыгрыш эльфа, любителя зеленых насаждений. У меня складывалось впечатление, что для Анахиты происходящее – больше чем игра.

Кстати, заметил, она чуть не всплакнула над тушками перепелок, что я презентовал к общему котлу. Спросил: а как

же убитые медведи, она ж сама активно приложилась к переводу зверьков в неживое состояние? Логичный ответ – они первые напали, и вообще хищники. Значит, обижают ни в чем не повинных травоядных. Вот если бы я вместо перепелок принес тушки орлов...

Сдержался, промолчал. Вообще–то вся летающая братия, с кем ни общался, к крылатым хищникам – орлам, соколам и им подобным – относилась с большим уважением. Это наши друзья, иногда орлы буквально выручают. Помню, Андрияха–парашютист вспоминал как–то про Бир: "Потерял поток, ну не пыхает, и все тут! Трусью у склона, думаю – все, сейчас забомблюсь здесь, и выходить потом к людям целый день, какой подбор в горах? А в долине стая орлов летает. Вдруг от стаи отделяется один, подлетает и начинает кружить неподалеку – вот, дескать, поток стоит, смотри, бестолочь. Я туда – и правда, поднимает, сам бы никогда не додумался. Орел увидел, что я набираю, и отвалил обратно к своим»¹⁵.

У меня самого подобных случаев не было, но с орлами в одном потоке я кружил так, что, казалось, дотянуться можно до крыла. И конечно, орлы выступали отличными индикаторами потоков, когда, стоя на старте, мучишься раздумьями – стартовать или еще рано? Да и на маршруте на них ориентируешься. Так что убить орла, даже цифрового, у меня никогда рука не поднимется.

¹⁵ Реальная история

За болтовней незаметно пролетел час. В какой-то момент – с удивлением, даже замешательством, хотя, не скрою, и удовольствием – я отметил небольшие, скорее всего подсознательные, знаки со стороны девушки. Вот она как бы невзначай поправила волосы; вот, думая, что не вижу, одернула платье... Да я ей нравлюсь! Ба, она на мгновение потеряла нить разговора, а потом немного смутилась, видимо, задумалась о чем-то! Так-так-так, становится интересно...

Кстати, надо как-то аккуратно поинтересоваться ее отношениями с Русланом. Я же видел по ряду малозначительных признаков, что они, конечно, очень дружны, но еще не на той стадии, когда про пару говорят – они вместе. А значит, у меня есть шанс.

Блин! Какой на фиг шанс?! Вспышкой пришла злость на себя, пульс внезапно подпрыгнул. Я что, человеческий персонаж? У меня NDA и работа. О чем размышлялся?

Я встал. Пока не поздно, надо заканчивать балаган. Опять убью выходные на эту парочку, а меня, между прочим, Рассветный Утес ждет и вечером статья для Вики по маршрутным полетам в сложных метеоусловиях.

– Аня, спасибо за гостеприимство, жаль, Руса не...

Сверху посыпались камни. Анахита встрепенулась. Лук как будто сам прыгнул мне в руки. Через секунду-другую сбоку на площадку буквально вывалился человек в разорванной и окровавленной одежде, одна рука на перевязи, сапоги зияли прорехами. Поднял голову и уставился на нас од-

ним глазом, второй заплыл огромным синяком.

...Дождался

– Русик! – Анахита подхватив свою сумку бросилась к парню, шкала жизни которого угрожающе мигала в красной зоне. – На тебя напали?

– Нет. Сорвался... А это кто? – парень пригляделся единственным глазом. – А–а–а, привет, Феникс.

И попытался протянуть руку.

Я подскочил, помог Анахите подвести его к костру и усидить.

– У тебя же были эликсиры!

Эльфийка хлопотала вокруг парня, как заботливая мамаша.

– Ты знаешь, Аня, они кончились, – виновато проговорил Руслан, – я просто не один раз падал. Посмотри в рюкзаке, я собрал всю траву, до которой дотянулся.

Но Анахита сначала наложила на парня какие–то мази, потом влила в него пару флаконов и добавила сверху лечебное заклинание.

– Слушай, – поинтересовался я, – как–то у тебя все сложно, почему просто не дать сильный восстанавливающий эликсир?

Но девушка не ответила, занявшись содержимым рюкзака. На землю посыпалась куча растений. Эльфийка принялась перебирать их, откидывая в сторону. Я присмотрелся,

опознать ничего не смог, видимо, мало иметь только навык. Хотя нет – мелькнул зверобой, потом еще один, а вон и ромашка. Похоже, придется изучать каждое наименование травы или качать интеллект. Вот ведь, так и не удосужился глянуть гайды по травничеству, наверняка на форуме хоть что-то написано, опять же Википедия ФанВирта есть! Мысль о Вики тут же отогнал подальше, как назойливую муху: я так ничего и не добавил ни за прошлые выходные, ни на неделе, о чем мне среди недели прозрачно намекал Глеб. Клятвенно пообещал себе, что сегодня уж точно.

– Ну что там, есть? – заметно поправившийся Руслан с надеждой смотрел на эльфю.

Та отрицательно покачала головой:

– Извини, Рус, эдельвейса нет.

Парень вздохнул, на несколько секунд отрешенно уставился в одну точку. А потом наигранно бодро улыбнулся и заявил, что сейчас поест горяченького и быстро слазит за этим самым эдельвейсом – теперь–то он дорогу разведет, будет легкая прогулка. А я вот сомневался в легкости, все–таки скальную башню видел достаточно близко. Северный склон, по которому собрался подниматься наш альпинист, выглядел как непростое препятствие. А с западного его в такую погоду просто сдует.

– Слушайте, почему вы так уверены, что нужная вам трава обязательно должна быть наверху? И именно на этом отроге? Здесь хватает гор, можно посмотреть какие–нибудь бо-

лее доступные.

Эльфийка попыталась что-то сказать, но ее перебил Рус:

– Феникс, это же квест. Если в рецепте сказано, что нужна трава с четырех вершин от четырех сторон света, то она там будет. Эта вершина – самая западная. Просто я до самой вершины не добрался, но розовый эдельвейс там точно есть.

– Да, я же забыла сказать, вчера мы уже взяли растение с южной вершины, – как бы извиняясь проговорила Анахита.

– Ну и что ж ты молчишь? Как хоть выглядит?

– Ой, извини, у тебя, наверно, профессиональный интерес? Вот, смотри.

Анахита поднесла мне на раскрытой ладонке растение.

Ничего особенного – четыре листика, стебелек. А почему розовый? Ах, да, кромка у листочков имеет розоватый оттенок. Пригляделся к подсказке:

– ???????

Ну да, опознать не получается. Хрень какая-то. Я ведь знаю, что это розовый лекарственный эдельвейс, но, поскольку у меня не хватает умения и я это растение «не изучил», система не выдает подсказки. Ладно, разберемся.

– Вот что, пока Рус в себя приходит, давайте я попробую слазить. Где он должен быть, Рус?

На меня уставились две пары глаз: одни с сомнением, в других заметил сожаление. Аня, елки-палки, ты что, решила, что я рисуюсь? Ну да, наверно, думает сейчас: или расшибется к чертям собачьим, или вернется с пустыми рука-

ми, а мне потом разочаровывайся в человеке. Ну или как-то так. Только ошибаешься, девочка, для меня это на самом деле не проблема, в отличие от вас, пешеходов.

– Феникс, у тебя что с навыком «Скалолазание»? – сомнение у парня сквозило даже в голосе.

А что у меня с этим навыком? Вспомнилось... Одну даму спросили, умеет ли она играть на рояле. Та ответила: «Не знаю, я ведь еще не пробовала!». Так и у меня – да впервые слышу! Я же по скалам не лажу, я над ними летаю.

– Нормально у меня с этим все.

Но парень покачал головой:

– Это тебе не на холмик подняться. Если нет навыка «Скалолаз», ты выше этой площадки не продвинешься. А дальше – хуже: отсюда не видно, но там склон не меньше пятой, а то и всей шестой категории.

Я задумался. Правда, не о категориях сложности, как могло показаться со стороны. Меня напрягло утверждение, что без названного навыка, про который я впервые слышу, не смогу даже подняться с площадки. Представил себе, как это будет выглядеть со стороны: вот тип, который заявляет, что сейчас влегкую заберется на гору, подходит к краю... и не может подняться ни на метр, скользит, перебирает ножками–ручками – умора, только мне не смешно.

Логика присутствует, это же игра со своими законами и механикой. Например, нет у меня навыка «Пловец», да и ни у кого из икаров нет. Значит, влез в воду и, несмотря на ма-

льный вес тушки и достаточную силу—выносливость, чтоб грести, бульк камнем на дно.

Да не, не может быть! Если бы так было на самом деле, я бы и задержаться на склоне не мог. А я сколько раз садился чуть ли не на вертикальную стенку, где удержаться можно было только при помощи когтей. Хм... Когтей? Блин, а что если... Я задумался, лихорадочно вспоминая, приходилось ли мне передвигаться по скалам в сапогах. Не вспомнил. И что буду делать, если окажется, что по скалам — только босиком? Светить когти плохая идея...

Видимо, девушка по—своему расценила мои сомнения.

— Феникс, не надо никому ничего доказывать. Ты нам и так много помогал (хм, интересно, чем?). Сейчас Рус отдохнет и принесет растение (на Руса было жалко смотреть). Если ты там угробишься, я себе не прощу.

Интересно, а если Рус угробится? Парень, ты вообще с какой целью рядом с этой лекаркой?

— Ребята, Аня, вы еще не забыли — я травник. Моя специализация — высокогорные травы (ага, и много ты их знаешь? Кажется, ромашку и подорожник). Как, вы думаете, я их достаю? Горы — это мой дом (главное, чтоб тот админ не слышал. Господи, что же я несу?). Так что прекратите за меня переживать, а лучше приготовьте что—нибудь поесть, вернусь голодный.

Какая же пафосная речь вышла! Самому противно.

— Хорошо. Если так в себе уверен, пойдем, покажу, где

лучше лезть.

И Руслан направился на дальний край полянки. Ничего не понимая, пошел следом, склон—то с площадки не просматривается, мешает нависающий карниз. Но парень знал, что делал. Сделав вид, что показывает мне направление, Руслан, понизив голос, проговорил:

– Фес, слушай, там реально без крючьев никак. Ну или скилл нужно иметь заоблачный. Уверен? – помолчал. – Я, конечно, еще попробую, но боюсь, придется возвращаться за снарягой.

– И в чем дело? Что ты тогда ей мозг полоскаешь своими попытками?

Парень обиженно замолк. Но спустя минуту его лицо разгладилось.

– Я просто не знаю, как ей сказать. Понимаешь, для Ани этот квест, все это... лекарство это... – Рус запнулся, – в общем, для нее это очень важно.

Вот ведь теленок – он же взаправду полезет, будет срываться, падать. А в ФанВирте, между прочим, и кровь присутствует, и боль от травм, мне ли не знать. Рейтинг 18 + у игры не только из-за романтических возможностей, разработчики это заявляли как одну из фишек, отличающую ее от других подобных.

– Слушай, – парень внезапно оживился, – у нас в деревушке, на южном отроге, оставлены лошади. Туда полдня ходьбы. Сгоняй за крючьями, у меня есть пара десятков золотых,

этого должно хватить. А я пока еще разок попробую.

Я скривился.

– Ладно, твое дело. Хотя бы вещи по максимуму оставь, мы сохраним. А то придется забирать из какой–нибудь расщелины, не выковыряешь.

А вот это уже рациональное предложение с точки зрения обычного игрока. Чтоб не вызывать вопросов, вернулся к костру и выложил на землю саадак, запас алхимки, продукты. Хотел оставить и полетные шмотки: думаю, переодеваться в кожу не стоит – это же не полет, а так, прогулка. Но не стал, привычка, наверно.

– Плащ тоже оставляй. Кстати, Феникс, – девушка опустила взгляд на мои ноги, – ты нам что, последние деньги отдал? Ты когда себе нормальную обувь возьмешь?

– Во–первых, я вам не отдавал денег. Во–вторых, – я поднял согнутую в колене ногу и потряс, – не сваливается? Вот и отлично.

– Тебе же они ноги натирали, – припомнила Анахита.

– Вернусь, дашь мне еще той мази, делов–то. Короче, собираю всю растительность, что найду на вершине. Быстро не ждите, – увидел ироничные глаза парня, – но, думаю, до темноты по любому вернусь.

Глава 19. Нелегкий труд крылатого травника

Сразу от полянки, в обход отгораживающей стены, начинался довольно—таки крутой склон. Наклон еще не достигал той крутизны, когда придется подключать руки, но был к этому близок: состоял из крупных камней размером с мою голову, между которыми встречались вполне подходящие для ступенек выемки и заглабления. Попробуем?

Нашел взглядом подходящую выемку на уровне колена, вставил носок правого сапога. Почему—то вспомнилось: «У него толчковая — левая нога, а у меня толчковая — пра—ва—я». Толчок. Я забалансировал на мысочке, опора была микроскопической. Вот сейчас, а еще лучше где—нибудь повыше, соскользнет нога — и я по этой терке, да физиономией! Приеду под удивленные взгляды: плащик задран, перья в разные стороны, сапоги в лохмотья, когти наружу... На фиг подобные мысли выкинуть из головы! Я сейчас машина, равномерно поднимающаяся машина.

Осторожно вставляя носки сапог в попадающиеся то тут, то там уступчики, я стал подниматься, стараясь удерживать равновесие. Иногда это было непросто, иногда следующая ступенька находилось довольно высоко, около середины бедра, и тогда приходилось все же опираться на камни руками, снимая часть веса с опорной ноги. Иногда из—за неосторож-

ного движения, когда казалось – равновесие удержать невозможно, сердце обрывалось куда–то вниз, в сосущую пустоту, в голове секундной искрой мелькала зарождающаяся паника.

Но тело реагировало само: я резко и нелепо взмахивал руками, до боли в мышцах изгибался всем телом, цеплялся за первый попавшийся выступ и удерживался на стенке. Сердце восстанавливало свой ритм, паника трусливо прятался в глубинах сознания: я переводил дух и взглядом искал следующую лунку или порожек, куда можно поставить ногу. Благо зрителей не было – ребята деликатно остались у костерка, чтоб не быть свидетелями позора, если что. А может, просто решили поесть.

Потом как–то внезапно подъем закончился. Я поднялся на перегиб, за которым наклон резко уменьшался, стер крупные капли пота со лба и оглянулся: метров тридцать перепада. Да уж! Поймал себя на мысли, что вот уже второй раз я из–за этих «попутчиков» (как я мысленно окрестил ребят) занимаюсь несвойственными мне физическими упражнениям. Пока восстанавливал дыхание, попытался разобраться, что же чувствую по этому поводу. Странно, но какого–то сожаления, например, о зря потраченном времени, не было и в помине. Все мысли и чувства крутились вокруг облегчения по поводу закончившегося подъема. Хотя нет, вру, конечно, было еще чувство гордости и довольства собой – я сделал

это!

Наклон здесь уменьшался градусов до сорока – сорока пяти. Образовавшийся таким образом перегиб надежно скроет меня от любопытных глаз, даже если ребята решат проводить взглядами. Неплохо, можно разуться.

Убрав сапоги в мешок, выпрямился, разминая затекшие пальцы ног. От меня вперед и вверх убежал каменистый косяк с пробивавшейся местами травой. Взгляд даже цеплялся за редкие кустики. Метров через двести он упирался в кажущуюся отсюда почти вертикальной скалу, уходящую под небеса. Туда мне, по легенде, и предстояло забраться. По небосклону из-за вершины быстрой чередой неслись грязно-серые лохмотья – задувало наверху, судя по облакам, неслабо. У меня же царил полный штиль. Иногда, прорываясь сквозь небесную хмарь, припекало солнышко, даже слышен был стрекот какого-то насекомого в траве. Лепота! Так бы просидел здесь весь день.

«Ну что, икар, – оборвал я себя, – отдохнул? Тогда вперед!». Без сапог, постоянно грозивших мне соскальзыванием, подъем пошел веселее – когти отлично цеплялись за малейшие неровности, вонзались в грунт. Попытался вспомнить, много ли раз я в прошлой жизни поднимался в горку вот так, налегке, без дельта и подвески? Да было, в самом начале, когда не угас юношеский задор новичка, которому все интересно, – я частенько поднимался на склоны просто так. Например, при нелетной погоде или будучи только с до-

роги, так сказать, поздороваться с ветром.

Чисто механически переставляя ноги, я опять задумался по поводу навыка «Скалолазание». Что–то здесь не то. Время у меня есть, торопиться некуда: слишком рано вернусь, будут ненужные вопросы. Да и Руса выставлю не в лучшем свете, дескать, слабак, не преуспевший там, где другой справился с легкостью. Поэтому слажу как я пока на форум, посмотрю, что это за зверь такой – скалолазание.

Заодно и дух переведу – опять взмокла спина, капля едкого пота попала в глаз. В принципе, на самый верх косогора не нужно: я же не собираюсь, в самом деле, карабкаться как заправский восходитель. Я вообще–то рассчитываю оказаться на вершине куда более простым и привычным мне способом, можно сказать, читерским.

Уселся, обозревая открывшееся передо мной пространство. Внизу раскинулось зеленое море, где холмы и овраги имитировали волны. Лесной прибой как будто набегал на пологий берег предгорья, поднимался вверх, насколько хватало разбега, и обрывался как раз там, где я оставил своих попутчиков. Как я люблю горы!

Итак, согласно Вики, за подъем на склон выше сорока пяти градусов отвечал навык «Альпинист». Его автоматически получал любой игрок, как только проходил не менее километра в такую горку. А вот навык «Скалолаз» надо было получать в специальной гильдии, заплатив вступительный взнос. И пока у тебя этого навыка нет, подняться на склон

круче семидесяти пяти градусов не светит, даже удержаться на нем, если случайно очутился. Например, свалился с тропинки – полетишь вниз без шансов зацепиться, пока крутизна не уменьшится или пока не помрешь.

Как же так? Я этого навыка не получал, да и никто из икаров, насколько знал, но легко поднимался даже по вертикальным стенкам, если было за что уцепиться. И уж точно не срывался со скал, сколько раз приземлялся!

Ну–ка, ну–ка. Я открыл окно чата.

– Привет, демиург недоделанный, есть вопрос. Почему ни у кого из икаров нет навыка «Скалолаз», а мы все равно по скалам лазим, как козлы горные?

В ответ тишина. Судя по всему, абонент не в Сети. Ну ладно. Встал, еще раз оглядел окрестности. Никого. Отлично, хватит мне уже изображать пешехода. Плащ отправился вслед за сапогами в мешок. Мелькнула идея оставить их здесь, на секунду остановился в раздумьях. Здоровое зерно имелось: чем больше облегчусь, тем легче будет лететь. Я бы и рюкзак не брал, но куда собранную траву девать? И все же привычка взяла верх: в конце концов, не такая уж и тяжесть. Так же по привычке поменял холщовую одежду на кожаную. Ну мало ли что.

Учитывая, что я находился на подветренной стороне горы, стартовать придется в штиль, динамика здесь нет. Опять же, наклон под сорок пять градусов – это не обрыв: просто спрыгнуть не получится и не разбежишься, чтоб под-

прыгнуть. Тогда классический дельтапланерный старт. Интересно, как долго свежесозданные икары будут его осваивать? В Инкубаторе подобных мест для старта не сыщешь: не думали разработчики, что кому-то потребуется взлетать с наклонной поверхности, между тем для неопытного задача непростая чисто психологически. Человеку противоестественно бежать под горку, тем более с таким уклоном. Помню себя в самом начале обучения – мозг в панике бастует: ты же сейчас разгонишься, ноги не успеют за телом, и полетишь вниз, кувыркаясь! А споткнуться на ровном и споткнуться под уклон, да еще такой, это, как говорится, почувствуйте разницу! Вот и начинают ученики притормаживать разбег, из-за чего крыло не разгоняется до взлетного режима. Следствие – все равно падения, синяки, сломанные стойки до тех пор, пока в мозгу что-то не перещелкивает, пока не начинаешь понимать, что на воздух можно опираться.

Выдох. Пошел!

Развожу крылья максимально в стороны и начинаю разбег. Крылья чувствуют опору, но еще не несут. Э, так не пойдет! Либо склон кончится, либо я все-таки споткнусь. Наклоняюсь вперед еще сильнее, удлиняю шаги. Поднажать! Наконец-то!

Достаточно разогнавшись, крылья наконец заработали – начали создавать подъёмную силу. Чуть уменьшая их угол атаки, делаю еще пару-тройку шагов, чтоб добавить скорости. Склон несется подо мной, вижу, как приближается пе-

региб, но я уже лечу. Продолжаю пикировать вдоль поверхности для дополнительного разгона, а когда мордометр информирует – все нормально, скорости хватит, делаю вираж влево и, отойдя от склона на несколько метров, перехожу на маховый полет. Чуть–чуть не выскочил за перегиб! Надо было повыше подняться, похоже, все ж расслабился.

Стремнину вдоль западной стенки «прошил» на повышенной скорости, для чего максимально поднялся, держась в ветровой тени, а затем в снижении разогнался. Тряхнуло, конечно, но я, выходя из–за горы, поджался по максимуму, так что ничего страшного не случилось – крылья целы, можно выполнять задуманное.

Спереди, сзади и справа все так же расстиралось зеленое море, колышущееся рябью от ветра, изредка прорезаемое островками полянок. А слева мрачной громадой возвышалась башня скального отрога, изрезанная ущельями, с заусенцами скал и проплешинами осыпей.

Для набора использовал махи. По моим подсчетам, еще на старте, минут за двадцать, край за тридцать, я должен был оказаться у вершины. То есть полчаса махового полета в резерве останется. Расчеты, в общем–то, почти оправдались, уложился в тридцать пять. Будучи в зоне штиля, как–то сложно представить, что буквально сотню–другую метров в сторону, и уже неплохо задувает.

По широкой дуге с набором облетел гору. Вот и вершина.

Еще подлетая, подумал, что—то мне не нравится ее конфигурация.

Твою мать! А как садиться—то? Неверящим взглядом пробежал всю вершину: Перегиб как обрезанный. Очень узкий гребень с восточной стороны, утыкан острыми скальными пиками, больше походившими на наконечники копий, которые обрывались вниз отвесной и гладкой пятидесятиметровой стенкой. Так что со стороны отрога забраться мог только человек—паук с липкими лапками, да и того сейчас унесло бы ветром.

На другом крае вершины торчал ряд крупных валунов, гладких, размером с небольшого носорога. Воздух, он, конечно, прозрачный, но я—то представлял, что сейчас должно твориться за валунами и тем более между — настоящая воздушная мясорубка! За каждым из камней должна тянуться локальная роторная зона, при таком ветре не меньше десяти высот препятствия. Но уже на половине этого расстояния сверху их перекрывает огромным ротором от самой вершины.

В уме поставил отметку: туда залететь — и приключение окончилось. Блин, мы же в игре! Почему я не могу поставить на карте метку, которая включала бы какой—нибудь звончок? А так постарался запомнить внешние ориентиры, по который пойму, что приблизился к опасной границе. Deadline, вот уже в прямом смысле!

Ну что ж, будем пытаться, приземляться как—то надо.

Стараясь не быть снесенным в роторную зону, попробовал пристрелочный заход с заметным превышением. И сразу понял – просто не будет: еще на приличном удалении от вершины меня начало швырять и ставить¹⁶, турбулентность заметно превышала ожидаемую. Прекратил заход, чуть отошел от вершины. Так, еще раз смотрим. В зоне вон тех валунов мне точно делать нечего – настоящий турбулизатор. Тогда вон тот прогальчик, между крайним валуном и скальными пиками: расстояние между ними достаточное, чтоб обтекающие с боков потоки не пересекались. Попробуем.

Со стороны, наверно, выглядело, как если бы пловец попытался сунуться в зону водоворотов, но получил по зубам, то есть был смят, закручен и с трудом выскочил обратно наверх, переводя дух и унимая крупную дрожь.

Блин! Блин! Блин! В голове вакуум из мыслей, только бешено бьющееся сердце да осознание, что только что прошел не то, что по краю – заглянул за него. Ибо то, что выскочил назад, было уже не моей заслугой, а чистым везением – контроль я все-таки потерял.

Встал против ветра, завис над вершиной. Наконец мысли разморозились: «Ничего себе за хлебушком сходил...»! О! Даже юмор возвращается... или это уже истерика? Так,

¹⁶ Когда дельтапланеристы говорят, что их начало «ставить», некоторые подразумевают «ставить боком» или в иные «неполетные» положения. Другие же вкладывают более эмоционально насыщенный смысл, правда в приличном обществе или книге его не приводят. Смысл выражения, в принципе, об одном и том же – «ставить в непростую ситуацию».

успокоиться, задача должна иметь решение. За гребенкой из валунов – нельзя, на прогал нельзя. На скальные пики? Не вариант из-за расположенного перед ними выступа в стене, прямо на них должно знатно нахлобучивать. Варианты, варианты... Контрсклон? Посадка на наветренную стенку? Даже не смешно, при такой силе ветра сначала размажет по ней. А потом, если выживу, не удержусь на почти вертикальной скале без каких-то видимых подходящих зацепок – я икар, а не летучая мышь.

Сделал еще пару попыток в разных местах. Безуспешно.

А может, попробовать подобраться сбоку? Западная часть вершины не такая обрезанная, как южная. Подойти сбоку, и вон там попробовать закогтиться. И дальше пешочком, всего-то метров десять вверх по крупной сыпухе.

Накренившись на правое крыло, бочком-бочком сместился за край западного склона. Поджимаюсь, начинаю снижение с таким расчетом, чтоб зайти сверху-сбоку на высмотренную проплешину. Ветер усиливается, будь неладен этот итальянец Вентури! Наоткрывают всякого, а нам расхлебывай!¹⁷ Я поджался еще сильнее, выставив в поток самые кончики крыльев. Облегайка пошла волнами, мешок на животе хлопал складками и стремился «покинуть борт». А я еще хотел в холщовке лететь! Сквозь слезы в сощуренных глазах разглядел, как приближающийся снизу-сбоку склон стал потихоньку отъезжать от меня – вот черт, сносит. Еще под-

¹⁷ Феникс вспомнил «эффект Вентури»

жаться? Да я и так превратился в пулю, по бокам выступает чуть ли не по одному перу! Даже не взмахнешь крыльями для разгона: стоит выставить крыло чуть больше, и мне его просто вырвет, как у этажерки, разогнавшейся выше предела.

Ну–у–у–у же–е–е–е!

Никак! Резко отрулив вправо из потока, как будто вынырнул из стремнины, со злостью заработал крыльями, возвращая прежнее положение над горой.

Да какого! Вот на фига мне эта вершина, чего я вообще сюда поперся?! Это разве моя «война»? Что мне с того, что кто–то провалит квест, да и провалит ли? Вон Рус, сгоняет в Коровий холл за крючьями и заберется. Заодно это самое скалолазание подтянет. Всем польза от того, что я сейчас развернусь, и вернусь обратно к подножью. Жаль, вещи в лагере оставил, а то бы свалил по–тихому, и никому ничего объяснять не нужно. Мне еще на вершину Рассветного Утеса нужно, да и день не кончен, добавлю к своему рекорду сколько–то километров...

Пульс постепенно успокоился, дыхание пришло в норму, злые слезы высушило ветром. Я опять завис чуть выше–сзади вершины, иногда слегка поправляясь взмахом–другим и покачиваясь во встречных порывах. Над головой низко, не более ста – ста пятидесяти метров, летели серые облака. Эмоции гасли, таяли, как утренний туман на ветру. Мысли унесло вслед за ними.

Минут пять так и висел – без мыслей, без чувств, уставившись на вершину подо мной. Отметил, что выносливости осталось как раз в планировании сесть где–нибудь в лесу, даже на точку старта уже не вернусь. К черту! Равнодушно свернул интерфейс.

Вдох–выдох. Разгон. Поджаться. Взгляд зафиксировал точку в самом начале прогальчика между валунами и пиками. Еще чуть разогнаться. Если проскочу – вылечу в зону динамика и смогу набрать. Как–то отстраненно заметил: не, не смогу, выносливости не хватит.

Порыв. Порыв! Порыв! Порывы с разных сторон стремились сбить с траектории, закрутить, отбросить назад. Я с трудом успевал парировать, отрабатывать, не выпуская из виду точку приземления. В какой–то момент поставило почти боком, я чуть было не вошел в вираж, отработав за гранью своих возможностей раньше, чем осознал, что делаю.

Площадка быстро приближалась, даже стал различать малейшие трещины и выступы в камнях. Еще порыв! Черт, слишком быстро! Слегка раскрываюсь, ноги вперед. Порыв! Меня опять ставит боком, и в этот момент каменистый склон бьет по ногам. Но я в крене, меня еще сильнее разворачивает ветром. Инстинктивно выставляю руку, поджимая крылья. Удар! Слышу противный хруст – писец, приплыли! По инерции прокатываюсь кувырком, останавливаясь только под шероховатым боком валуна. Вскაკиваю. Ах, да! Здесь же нет дельтаплана, который нужно развернуть под ветер. Все рав-

но делаю шаг в сторону, уходя в тень валуна.

Можно осмотреться. Правая рука висит плетью. Плохо. Сквозь разорванную штанину кровоточит колено. Что с крыльями? Падал я на правый бок. Осторожно отвожу крыло, стараясь не выставить в поток. Болит сустав, возможно растяжение. Но кости целы! А перья? Главное – длинные маховые. Они целы! Есть легкие потертости, все же я кувыркался не по травке, но лететь смогу! Фу–у–ух... Камень с души.

Поджав крылья и придерживая правую руку левой, сажусь, приваливаясь к валуну спиной. Ну все, теперь можно предаваться панике. Или, может, в обморок упасть? Тоже дело. Откинул голову, прикрыл глаза – сейчас, подождите все, дайте пять минут прийти в себя.

Глава 20. На вершине

Наконец отбухал набат пульса в висках, перед закрытыми глазами перестали маячить разноцветные круги. Им на смену приходит мандраж и боль: адреналин постепенно рассасывается. Все как в жизни. Здорово саднит колено, противная тянущая боль в крыльевом суставе, отчего-то болят ребра, тупо дергает сломанная рука.

Вот же олух! Разбрасывать руки в падении отучают на первых дельтапланерных тренировках. Пора тебе икар на переаттестацию – всё порастерял из навыков.

Сломанную руку надо зафиксировать, иначе она не даст мне действовать. Это, конечно, не реал, где незафиксированный перелом мог аукнуться достаточно быстро, порвав осколками кости крупный сосуд или нерв. И, на перспективу, я видел, что бывает при подобных травмах и плохой имобилизации конечности, – только «резать к чертовой матери, не дожидаясь, кхм, перитонита». (Что-то цитаты из фильмов лезут, не иначе истерика подступает. Пытаюсь забить юмором панику?)

Правда, видел в основном в учебных фильмах на курсах первой помощи, куда старался ходить минимум раз в год. Как говорятся, на всякий. Но запомнил хорошо.

Тем не менее, чем же зафиксировать? Хоть и игра, но рука относительно не беспокоит, только пока сижу. Стоит по-

шевелить – боль обеспечена. К чему–то вспомнил слухи, ходившие среди игроков. Дескать на самой заре ФанВирта, когда по большому счету еще шел глобальный открытый бета–тест, в ответ на многочисленные претензии игроков – «не по–настоящему», «а вот это не так, как в жизни» и тому подобное – один из отцов–основателей проекта в сердцах заявил: «Ах, мало вам реализма? Ну так получайте...». Так это или не так – сложно сказать, но на сегодня ФанВирт была, пожалуй, единственной игрой с погружением в виртуальную реальность, игроки которой кровоточили, получали серьезные раны и испытывали почти настоящую боль¹⁸.

Итак, задача – иммобилизовать сломанную конечность. Вспомнил! С этим прекрасно может справиться медицинская косынка – треугольный кусок ткани, многофункциональная штука: стоит копейки да и самому можно наделать, места занимает мало, всегда в реале таскал с собой в подвеске хотя бы одну. Впору рассмеяться – это, кажется, говорит мегаопытный чувак, который поучал всех в Инкубаторе, как надо и не надо? С офигеть каким опытом?

Снова перед глазами картина прошлой жизни: заснеженное поле, группка учеников, толпящихся вокруг Алексеича. И я такой весь умудренный жизнью орел, поучающий учлета, который только что приземлился после полета на круг. Не помню, зачем я тогда приперся на учебные полеты: может,

¹⁸ «Почти» – потому что болевые реакции в пике притуплялись, потерять сознание от боли в игре все же невозможно.

чуть разлетаться после перерыва или облетать крыло после полной профилактической разборки. И заметил, что парень перед затяжкой не осмотрел крыло. Как я ему тогда втирал, что рядовых полетов не бывает! Что даже к рядовой затяжке в спокойном воздухе на малой лебедке надо подходить так, как будто готовишься к старту в сложных метеоусловиях.

Ну и? Оставил в лагере все: алхимку, которая могла сейчас помочь восстановиться, всю снарягу да еще и продукты. Кстати, если погода ухудшится, и я не смогу стартовать, умереть на вершине от голода с моим—то метаболизмом проще простого. Вот тебе и «утер нос пешеходам»!

Что все—таки у меня есть? Кинжал, мешок. Кстати, у мешка имеются дополнительные лямки. Оттяпать одну? Отбросил идею за негодностью: одной лямки для фиксации руки мало, зато мешок на обратном пути будет болтаться и мешать. А что у меня в мешке? Сапоги, плащ, холщовая одежда. Слава богу не оставил внизу, а ведь хотел. Нет пределов кретинизму!

Взгляд упал на кинжал. Можно вырезать кусок из плаща... Хм, совсем разум потерял? После этого мне останется только, сторонясь людей, мчаться в Инкубатор и со слезами просить: дяденьки пустите обратно блудного сына. Ну уж нет.

Тогда режем холщовку. Эх, опять щеголять в коже. Впрочем...

Взял штаны, они длинные. Так, попробуем. Сел поудоб-

нее, правую руку к себе плотнее. Побеспокоенная конечность отозвалась резкой болью, в глазах на мгновение потемнело. Да уж, спецэффекты, чтоб им... Одну штанину перекинул через левое плечо как перевязь, притягивая сломанную руку. Вторую пустил как пояс, под крыльями, чтоб повязка не болталась. Вот блин! Не достает! Прикрыл глаза, задумался: что делать? Плащ! Он длинный и широкий. Оттяпаю полосу по низу, все равно он почти подметает землю, пара-тройка сантиметров погоды не сделают.

Легко сказать, когда в наличии всего одна рука. В конце концов прилачился – коленом придерживал, зубами оттягивал, левой рукой резал. Поскольку правая при этом почти болталась, к концу мероприятия сознание плыло от боли.

Но все рано или поздно заканчивается. Наконец я опять сидел, привалившись к ставшему почти родным валуну. Сломанная рука зафиксирована настолько, насколько это вообще возможно в полевых условиях. Боль потихоньку отступала.

Кстати, у меня же до сих пор свернут интерфейс! Обычно, будучи не в полете, я держал панель с параметрами персонажа свернутой. Ну не мое это – постоянно видеть в поле зрения разноцветные полоски. В жизни нет такого? Вот и мне не нужно. В полете – другое дело.

Открыл. Ну конечно, чего еще ожидать, – здоровья половина! И поправить нечем. Значит, и шкала выносливости более чем наполовину не восстановится. О! Да мне еще и голод

весьма скоро грозит! Ну вообще зашибись – слетал, называется, за травкой!

Кстати, о травке, где она тут? Рус говорил, что, согласно квесту, она должна быть где-то на вершине. А я здесь никаких зеленых насаждений не наблюдаю. Вот будет здорово, если без должного умения этот эдельвейс даже обнаружить нельзя!

Пошатываясь встал. Немного мутило то ли от начинающегося голода, то ли от пережитой боли. А скорее, от всего вместе. Зря, что ли, летел? Вперед, травник, ищи!

Ветер задувал так, что на него можно было даже опираться. Порывы раскачивали мою тушку, стал ощутимо подмерзать. Переживем, делать нечего. Впрочем, чтоб согреться, накинул плащ, застегнулся. Стало теплее, зато ветром треплет еще больше.

Итак, ну и где тебя искать? Хм, что там обычно советуют в таких случаях? Сам стань травой, думай, как трава? Какие-то укуренные советы, сюда бы этих советчиков. Вот предположим, только предположим, что я – эдельвейс. Ну и где бы я рос? Ясен пень, внизу, на полянке. Здесь чего делать? Ни тебе воды, ни почвы питательной, один камень да ветрюган. Хм, кстати, вот точно, на ветру я бы не рос, это точно.

Прошел, заглядывая под каждый валун с подветренной стороны: пусто – голый камень. Ладно, в конце концов ветер может быть с любой стороны. Обошел валуны еще раз,

вокруг. Хоть бы какая травинка попалась! Сплошная скала, иногда попадаются трещинки, но в них даже песчинок нет – все выдуло. Кстати, валуны непохожи на объекты выветривания: какие-то облизанные, как будто с морского берега перенесены. Кто рисовал локацию, он хоть в горах бывал?

Посмотрим тогда между пиками. Может, в середине какой-никакой земли нанесло? Пригибаясь и пошатываясь на ветру, добрал до острых, почти граненых каменных выростов, которые я про себя обозвал пиками, – полтора моих роста, гладкий, словно отполированный камень. Обиднее всего, если эдельвейс притаился между ними, – с одной рукой я туда не заберусь. Походил вокруг, вытягивая шею, стараясь заглянуть в это каменное нагромождение, как лиса возле винограда. И так же, как лиса, решил, что не подходит: виноград зелен – скалы какие-то не эдельвейсонесущие. Вернулся за валуны, сел за крайний к обрыву, он показался самым большим. Надо передохнуть.

Опять начала накатывать злость непонятно на кого. На себя за то, что повелся, как баран. Подумаешь, девочка понравилась! Тебе сколько лет? Четырнадцать? Гормоны заиграли? Решил другому мальчику нос утереть: смотрите, какой я крутой? Хорошо, допустим, принес я им эту траву, и что? Вспомнился опоссум Крэш из мультика «Ледниковый период-2»: «И что ты хочешь, медаль?». Чмокнет в щечку? Самому не смешно? А может потащишь в кусты получать благодарность? Ну и бредятина в голову лезет, валить надо от этих

попутчиков. Ведь по краю хожу: одно неловкое движение, чуть расслабишься, и здравствуй нарушение NDA! Пинком под зад из теста, и что потом в жизни делать? Сопьюсь ведь нахрен.

Эти тоже хороши. Эльфа удобно устроилась: «Рус принесет, Рус сделает». Она по жизни не блондинка? Прямо тошнит от таких. И этот теленок хорош: «Я не могу ее расстроить!». Идиот! Чем дольше оттягиваешь, тем страшнее разочарование. Нет, всё, вниз, забираю вещи, теленка пинком в Коровий Холл, за альпснарягой. А этой дуре так и скажу – посмотри, что с парнем делаешь, блонда недоделанная, сама хоть немного поработай.

Злость бурлила, требовала выхода, я вскочил, автоматом кинул взгляд окрест. Слева, на западе, солнце уже клонилось к горизонту: еще час, и внизу начнутся сумерки. Прямо передо мной расстилалось лесное море. Вправо убежал гребень отрога: постепенно повышаясь, он тянулся на восток, к горе. Где-то дальше к нему примыкал еще один такой-же гребень, отходящий, по-видимому, на северо-запад. Еще дальше угадывался северный, с которого, судя по заданию, и забирать следующий эдельвейс. И все они, объединяясь, как потоки из камня, взметывались к небесам громадой поистине фантастического вида Рассветного Утеса, тонущего вершиной в серых облаках. Скальная башня, на макушке которой я разместился, представлялась мелким холмиком по сравнению с ним. Вот куда мне надо, а я тут траву собираю! Травник,

тоже нашелся!

Я повернулся, рассчитывая обогнуть валун с внешней стороны и выйти на подветренный обрыв для старта. Сделал шаг—другой... Что—то царапнуло сознание, заставив меня остановиться. Медленно, боясь поверить, я повернулся к западному склону. В паре метров ниже того места, где я стоял начиналась осыпь, на которую я хотел приземлиться в один из неудачных заходов. У ее самого верхнего края, у первого же булыжника я увидел маленький зеленый росток, трепещущий на ветру.

Осторожно ступая, чтоб, не дай бог, не поехать ногой и не улететь вниз, иногда даже опираясь здоровой рукой о склон позади себя, я спустился к растению. Четыре мясистых листика с розовой каемкой по краю и небольшой белый цветок посередине. Это был он, хоть подсказки снова не было, розовый лекарственный эдельвейс, ничего другого здесь расти не могло. Ну здравствуй, маленький, пойдешь с дядей? Я откатил булыжник, подцепил росток пальцами, но тот крепко цеплялся за скалу, из трещины которой выглядывал. Достал кинжал, стараясь вытащить как можно больше, кончиком немного расковырял трещину, поддел. Стебелек не выдержал, оторвался, и вот на моей ладони лежит та самая «долбанная трава», из—за которой я чуть не убится, потом замерз, а теперь был в состоянии поубивать ребят.

В этот момент ветер почти пошутил надо мной: я еле успел сжать пальцы, иначе с таким трудом добытое растение

могло улететь в неизвестность и вряд ли бы я его догнал. Сердце запоздало екнуло, я в очередной раз обозвал себя болваном и сунул росток в мешок. Никакой радости или удовлетворения не испытывал – только смертельная усталость. На эмоции уже не оставалось сил, а надо еще вернуться.

Стартанул как-то буднично, несмотря на не самые простые условия. Экстрима на сегодня хватило выше крыши. По широкой дуге облетел западный склон, как обычно на скорости «прошил» усиление, вошел в ветровую тень. Приземлился почти на том самом месте, откуда стартовал. Спустился к перегибу, за которым начиналась крупная сыпуха. Кожаную облегайку опять сменила холщовая рубаха, благо для этого не пришлось отматывать сломанную руку, просто поменял вещь в слоте. Кожаные штаны пришлось оставить, ибо заменить их пока было не на что – их холщовые сородичи изображали фиксирующую перевязь. Накинул плащик, нельзя без него «на люди». Сапоги хоть не хочется, но придется натягивать. А мне еще спускаться по довольно-таки непростому склону. Внизу могут ждать, так что во имя маскировки придется потерпеть.

Спускаться пришлось задом. Будь я «босиком», проблем, чтоб спуститься лицом вперед, не возникло бы. Хоть на сапогах и не скошенные каблуки, но попадать ими в выступы и углубления стенки почти невозможно. Помогая себе одной рукой, начал спуск.

И вот, когда до низа оставалось не более десятка метров,

снизу послышались голоса, а потом окликнул девичий возглас:

– Феникс, ты вернулся! Живой!

Я на автомате повернулся, встав при этом почти спиной к стене, хотел было приветственно взмахнуть рукой, крикнуть «Привет». В этот момент нога соскользнула, я грохнулся навзничь и покатился вниз по осыпи.

Направлявшиеся в мою сторону ребята в ужасе замерли на полпути.

Как же больно! О–о–о... Поднялся на ноги – хоть они целы. Что там с крыльями? Блин, и не посмотришь, но в спине саднило сильно. Кажется, я разбил затылок. Пощупал его здоровой рукой, ладонь стала предательски липкой.

Ко мне подбежали. Рус, заботливо придерживая под локоть здоровой руки, помог сесть. Анахита полезла к застежке плаща. Я вцепился в него, как утопающий в бревно.

– Феникс, дай мне посмотреть твою спину, ты здорово расшибся.

– Аня, оставь, займись лучше моей головой.

– Да, конечно.

Через секунду на затылок полилось что–то шипуче–щиплющее. Я замычал сквозь зубы.

– У тебя рассечение и огромная шишка. Потерпи немного, я сейчас наложу повязку. —

девчонка бросилась к костру.

Я посмотрел на стоящего рядом парня, похоже не знавше-

го, что ему делать.

– Рус, помоги встать и снять мешок.

Крепкая рука, бережно придерживая под мышку, буквально подняла меня в воздух.

– Спасибо. А теперь помоги до костра добраться. Да, и вот еще, – я протянул парню растение, – отдай нашей знахарке.

Парень, пока ничего не понимая покачал головой:

– Сам принес, сам и отдашь, а она идентифицирует Анахита уже мчалась нам на встречу со своей сумкой в руках.

– На, забери свой розовый лекарственный эдельвейс, – я протянул растение эльфе.

Что-то тренькнуло, и перед глазами выскочило:

Вы изучили, как выглядит «розовый лекарственный эдельвейс»

Поздравляем, вы получили достижение «Травник» 10 ранга

Поздравляем, ваш интеллект повышается на 1 балл

Интересное кино, это за какие достижения? Ладно, потом разберемся.

Девчонка встала как вкопанная.

– Феникс, тебе удалось?!

Потом она порывисто подскочила, обняла за шею и чмокнула в щеку, сделала круглые глаза и в испуге отпрыгнула.

– Ой, тебе же больно!

Я усмехнулся:

– Ерунда, ради такого можно и потерпеть.

Где-то в подсознании вредный опоссум ехидно спросил: «Ну что, получил свою медаль?». Я мысленно отмахнулся: «Отстань», а вслух заметил:

– И долго мне так стоять, с протянутой рукой?

Анахита ойкнула, бережно приняла эдельвейс, спрятала в сумку. А я повернулся к парню, рассчитывая попросить его помочь дойти до костра. Парень стоял замороженный, неверяще уставившись на меня.

– У тебя... п-получилось?

Мне кажется, или он начал заикаться?

– Но как?! Там же без крючьев не подняться?!

Я подмигнул:

– Или нужно иметь скилл. Сам же говорил.

– Фес, ну ты монстр. Просто человек-паук. Я даже не знаю, что сказать...

– Скажи спасибо, и мне будет достаточно.

– Фес, блин, спасибо, брат.

Он бросился меня обнимать, но тут же остановился, приняв мое инстинктивное отстранение за последствия падения. Схватил левую руку обеими своими и затряс пожимая.

– Спасибо!

Я вздохнул, осторожно высвободился и пошел к костру, волоча мешок за лямку в опущенной руке.

Глава 21 Вечера виртуальные и реальные

Смеркалось. Небо очистилось, и над нами раскинулось звездное покрывало.

Снова я сижу у весело потрескивающего костра. Снова у меня в руках миска с дымящейся кашей. Не обращая внимания на изляпанные, в жирных потеках пальцы, пытаюсь удержать ее за обжигающие бока. Нарочито не торопясь, зачерпываю ложкой густое наваристое варево, крылья носа трепещут, вбирая в себя мясные ароматы, а жадный желудок орет снизу: «Давай, еще давай! Больше! Еще!».

Я постепенно согреваюсь: тепло волнами прокатывается по телу от торопливо хватаящего каждую порцию желудка. От костра греются лицо и грудь, припекать начинает даже сквозь толстую кожу сапог – сижу, протянув ноги к огню.

В довершение блаженства чувствую, как нежные тонкие пальчики перебирают мою голову: Анахита все же настояла на своем и сейчас уже заканчивала бинтовку.

На вопрос, почему, дескать, нужно заморачиваться со всеми этими мазями, бинтовками и прочей сложной лекарской атрибутикой, если есть эликсиры и заклинания, позволяющие быстро вылечить буквально все, я неожиданно получил ответ от Руслava:

– Понимаешь Фес, что, таким как мы с тобой нужно от

лечения? Чтоб травма или болячка устранилась и не мешала дальше геройствовать. Ну или заниматься чем-то ..., – Рус замаялся, подыскивая слово.

– Профильным?

– Ну да, профильным, спасибо. Мы смотрим на лечение сугубо утилитарно. Но ты взгляни на ситуацию глазами человека, который хочет быть лекарем. Думаешь, интересно всего лишь раздавать лечебные эликсиры да кастовать лечебные заклы?

– Ну–у–у... не знаю. Не задумывался. А что с этим не так?

– Не понимаешь? Хорошо, вот смотри. Предположим, ты выбрал путь воина.

– Хм...

– Ну предположим. Убиваешь всяких монстров, и тебе это нравится. Конечно, пока ты слаб и уровнем не вышел, тебе лишь бы завалить противника неважно как: хоть с применением свитка массового поражения, хоть с помощью меча–кладенца. Но вот ты подрос, стал сильнее и опытнее. Достал сверхубойный меч, и можешь пошинковать монстра с пары–тройки ударов. Ну и что тебе это даст? Чуть–чуть опыта? Немного подрастешь в уровнях? А как прокачивать фехтование, уклонение, ловкость? Да и скучно, если честно, когда вот так, без усилий. И тогда ты берешь что попроще, иногда непрофильное: например, мечник берет копье, булаву, топор. В конце концов надо развивать любое оружие – мало ли что в жизни случится. Любимый меч, владение которым у

тебя прокачено за пределами, может в неподходящий момент просто сломаться.

– Рус, – я остановил жестом обычно немногословного парня, – говори проще: нашей знахарке надо подкачаться. Так?

Перевел взгляд на Анахиту, та в ответ, виновато улыбнулась.

В результате ложку я держу сейчас в левой руке, а на правом предплечье красуется аккуратный лубок, самостоятельно выструганный Анахитой из нескольких ветвей и перевязанный жгутом, свитым из коры. Впрочем, удерживать миску не мешает.

Наконец–то бинтовка закончена, Анахита убрала инвентарь в сумку и тоже пристроилась у костра. Потрогал повязку – на ощупь обычный бинт.

– Эх, и видок у меня, наверно, – усмехнулся я и пропел: – «Голова обвя–за–на, кровь на ру–ка–ве–е». – Получилось довольно фальшиво, добавил, уже «прозой», – следа кровавого не хватает. На сырой траве.

– Не бойся, через часик можно снимать. – Анахита улыбнулась ободряюще, – И лубок тоже.

На какое–то время над лагерем повисла тишина, нарушаемая только стуком ложки по стенкам миски. Надеюсь, хоть моего чавканья не слышно.

Но вот миска опустела. Обтер пальцы пучком травы, на несколько секунд завис в гамлетовских размышлениях – мыть или не мыть? Решил, не мыть! И отставив посудину в

сторону, развалился боком к костру, подперев голову здоровой рукой.

Девушка молча встала, налила из висящего над костром котелка большую глиняную кружку, протянула мне. Потом подхватила мою миску и бурдючок с водой, явно собираясь вымыть посудину.

Я почувствовал укол совести:

– Аня, да оставь, утром сполосну.

– Посуду нельзя оставлять грязной, – поучающе раздалось из-за границ светового пятна, отбрасываемого костром.

– Аня, ну какие здесь микробы? Ты что? Не думаешь же, что разработчики еще и микробов прописали?

– Если есть из грязной посуды, можно получить отравление.

Вот блин! Хотел возразить, что как раз есть из немытой миски не собираюсь, к завтраку помою, но решил не спорить: в конце концов, чертовски приятно, когда за тобой вот так ухаживают. Пусть будут микробы! Сделал глоток душистого травяного чая с какими-то ягодами, отставил кружку и прикрыл глаза.

Перед мысленным взором вновь ниже и чуть впереди покачивалась вершина, опять низко надо мной навстречу бежали грязные лохмотья облаков. Мозг в который раз начал перебирать варианты. Кстати! Вот болван! Можно же было...

Теперь, полулежа у костра, сытый, отдохнувший и расслабленный, я видел, как минимум еще пару более безопас-

ных вариантов попасть на вершину. Да и после того... Плащ я бы сейчас не резал, вполне можно было обойтись одними холщовыми штанами, но не пропуская повязку через плечо, а просто плотно примотать руку к животу.

Подумал с горечью, что лишний раз подтверждается истина: всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Или от костра. Или с дивана.

Все равно я молодец! Самолюбие заурчало довольной кошкой. Да, с подготовкой накосячил. Да, хотел с наскоку. Но ведь смог! Сел на вершину в очень сложных метеоусловиях. Как говорит еще один мой приятель по клубу, Пашка–бейсер: парашютист жив, значит, он прав. Учитывая, сколько у него бейс–прыжков с московских высоток, разных башен и мостов, и то, что он до сих пор жив, – Пашка прав постоянно. И на дельте летает так же смело. Думаю, в сегодняшней выходке он бы меня точно поддержал: жив–здоров, сам вернулся – значит, все правильно сделал, а из косяков надо делать выводы на будущее, вместо залипания в самобичевании. «Точно, – пообещал себе, – выйду в реал, надо будет заняться руководством по топлендингу¹⁹».

– Мальчишки, вы у меня сегодня герои. Я бы даже сказала – уставшие герои. Так что давайте сегодня ночью подежурю сама, а вы отдыхайте.

Рус запротестовал:

¹⁹ Топлендинг в дельта/парапланеризме – посадка на вершину (landing – место приземления, top – вершина).

– Аня, о чем ты? Нас завтра ждет длительный переход к северному хребту. Ну и как ты пойдешь, невыспавшаяся? Не дай бог дождь – камни будут скользкие, как намыленные, не отдохнувшая точно не дойдешь.

– Рус, – лениво проговорил я, не открывая глаз, кажется, меня начинало «рубить», – не будет завтра дождя. Завтра вообще отличная улетная²⁰ погода.

– С чего ты решил?

– На небо посмотри. Что там видишь?

– Звезды.

Приоткрыл один глаз, заметил, как парень пожимает плечами: дескать, ну и что? Я продолжил в духе учителя, объясняющего прописные истины неразумным детишкам:

– Интересно Рус, а почему ты видишь на небе звезды? Наверно потому, что их не закрывает облачность? – я вздохнул и пояснил. – Рус, небо чистое, фронт ушел.

– Какой еще фронт?

Надо же, как синхронно, буквально в один голос! Тренировались, что ли?

– 2–й Украинский, блин... – открыл оба глаза, понял, что шутка не прошла, – ну какой–какой! Атмосферный холодный фронт, ясен пень. И еще. Мы, здесь в ветровой тени, у нас так и так штиль. Но если бы было видно верхушки деревьев, не затеняемых горой, вы бы заметили, что они уже не

²⁰ Обычно так говорят о погоде, подходящей для маршрутных полетов. Можно улететь. Хотя вряд ли попутчики поняли, о чем речь.

качаются. Я еще когда спускался обратил на это внимание.

Не торопясь, поднял кружку, сделал глоток, поставил обратно на землю.

– Завтра намечается хорошая – погода: ясно, маловетрено, часам к одиннадцати образование кучевки, но не плотной. Дождя несколько дней не было, влажность умеренная, значит, переразвития в грозу не ожидаем... Так, ребята, все, я, кажется, вырубаясь. Что там с дежурствами?

Честно говоря, я бы воспользовался предложением Анахиты, но коль родился мужиком, подставляй широкую грудь под тяготы и невзгоды, чтоб женщина позади оказалась в относительной «ветровой тени» и могла спокойно «подавать патроны»²¹, а также миски с горячей кашей и кружки с чаем. Вот такое вот равноправие – у каждого свой участок фронта.

В итоге вялых споров мы с Русом отвоевали себе по три часа дежурства, Анахите досталось два. И я был уверен, что Рус, дежуривший вторым, сменит ее пораньше. Впрочем, я в реал: раньше, чем войду в игру, меня не «разбудить».

Допил чай, пожелал всем спокойной ночи, сунул под голову мешок, плотнее запахнулся в плащ и нажал «Выход».

Откидывающаяся крышка, поручни, разминка левой руки. Здравствуй, дом! Тишина в ответ, только комп гудит ку-

²¹ Довольно известное выражение, приписываемое разным женщинам: «Даже если весь мир будет против тебя, я буду тихо стоять за твоей спиной.... И молча подавать патроны».

лерами в комнате, залитой мертвенно-белым светом галогеновых лампочек.

Изотоник, туалет, разминка, душ. Мой вечерний график по выходным не меняется с момента первого «нырка» в Фанворд. Я заставляю себя заниматься физическими упражнениями, несмотря на вделанные в кокон миостимуляторы. Для чего? Сложно сформулировать. Я стараюсь не думать, только знаю, что вся та жизнь, которая у меня была, оказалась перечеркнута инвалидной наклейкой. Когда-нибудь я буду ходить даже без трости. Что тогда? Не знаю, давайте сначала доживем.

Вышел из ванной в одном полотенце – некого мне тут стесняться, поковылял на кухню. Вспомнились виденные в юности фантастические фильмы, где герой летит в космическом корабле. Весь экипаж в анабиозе, а он ходит по забитому современной электроникой кораблю в полном одиночестве. Интересно, как при этом с ума не сходит?

Моя кухня вполне тянет на отсек суперсовременного космолета. Пятнадцать квадратных метров «мечты хозяйки», напичканных умными кухонными помощниками. Некоторые не включались с момента Машкиного ухода. Вот зачем мне пятиконфорочная плита? Пожарить утром яичницу хватает одной конфорки, самой маленькой. Кухонный комбайн стоит как декорация. Подарить, что ли, Тамаре, проходящей домохозяйке? Мне он не нужен, и ей меньше пыли протирать. А вот духовкой я даже разок воспользовался: на край-

ний Новый год зажарил в ней индейку целиком. Только не помню, успел доестъ или пришлось выбрасывать?

Открыл морозильное отделение, достал первую подвернувшуюся под руку коробку. Что у нас на ужин? «Котлета домашняя с гречневой кашей». Пойдет, сунул в микроволновку, включил чайник. Наболтал в шейкере казеин – это моим потрудившимся мышцам: сомневаюсь, что в «котлете домашней» достаточно белка. Пикнула микроволновка, булькнул пакетик в большую фарфоровую чашку. Механически взял поднос, поковылял к компьютеру.

Хм, может его на кухню перенести, чтоб не ходить туда–сюда? Усмехнулся: ага, и кокон с кроватью. На пятнадцати квадратах умещусь, и даже место останется.

Плюхнулся в кресло, зачерпнул ложкой гречки. А, чёрт! Выругался в голос, стал дышать через рот, охлаждая обожжённое нёбо и язык, – как обычно, перегрел еду, придется ждать, когда чуть остынет, а пока можно делом заняться. Каких–то багов, нестыковок в сессии не заметил – значит, сегодня без репортов. Открыл Wiki. Выбрал видимый только мной да некоторыми посвященными админами раздел «Икары», посмотрел на небольшой список статей. На душе теплым маслом разлилась гордость: а ведь почти все мной написаны! Кнопка «Добавить». Вбил в строке заголовка «Маршрутный полет в сложных метеоусловиях». Посидел, подумал. Сложные метео – это ведь не только низкая облачность и боковой ветер. Откатил назад. Надо вообще сде-

лать раздел «Маршрутные полеты» и там создать два подраздела: «СМУ» и «Простые». Точно! Кстати, вон та статья как раз перекочет в новый раздел.

Или все же, пока воспоминания свежи, написать про топлендинг – как заходить на вершину при различных условиях? Откинувшись на спинку, прокручиваясь вправо–влево, задумался, перебирая в памяти события прошедшего дня. Неожиданно понял, что «прокрутил кассету с воспоминаниями» до вечера, и опять мои мысли заняты эльфийкой. Вот она улыбается, слегка опуская уголок рта, вот что–то говорит, вот протягивает кружку с чаем. Взгляд упал на поднос. В конце концов, заслужил я сегодня маленький приз?

Встал, вернулся на кухню, остановился в раздумьях. Во встроенном баре у меня бутылка Мартеля. Уже начатая и одинокая, она каким–то чудом пережила опустошение, которому подвергся бар после моего выхода из больнички. А особенно после того, как, вернувшись один раз из поликлиники, вместо «второй половины» обнаружил записку и пустые шкафы. Вовремя меня тогда нашел Глеб. Ну уж нет, после того зарекся.

Открыл холодильник. Мечта холостяка – десяток бутылок пива, засыхающий сыр, кусок краковской. С сомнением понюхал колбасу, отломил кусок, бросил в микроволновку прямо на стеклянный круг. Сковырнул пробку, поискал глазами бокал – не увидел. Ну и ладно, из горла не привыкать! Тренькнуло, подхватил колбасятину на вилку, слизнул набе-

жавшую жирную каплю. Поковылял на выход и в проходе замер. Обернулся.

На плите кипит кастрюля и еще что-то жарится. У стола стоит... Анахита? Нет, у стола в домашнем халатике стоит Ира, что-то режет на доске. Поднимает на меня взгляд, фирменная тихая улыбка с чуть приопущенным уголком рта: «Устал? Ужинать будешь? Садись, сейчас я тебя покормлю».

Закрыл глаза. Открыл – пустая кухня. Ну здравствуйте, глюки подъехали! Помню, в армии, в учебке, с чем-то залетел. Ротный решил «поучить». Трое суток – с вечера в караул, утром за какой-нибудь косяк снимает, и на занятия, а вечером по новой. На третьи сутки в караул решили не ставить, мало ли что: у бойца тотальный недосып, а тут боевое оружие. Пихнули дневальным по парку. Ночью дежурный выгнал на обход, иду, шатаюсь. Вдруг смотрю – от КТП идет ротный: ну правильно, он же сегодня дежурный по части, приперся проверять. Идет своей фирменной походочкой – правая рука за обшлагом, прямой, как палка. Ну что ж, надо встречать начальство. Иду навстречу, шагов за десять перехожу на строевой шаг, только руку к пилотке потянул... смотрю, а никого и нет. Стою, как дурак у крайнего «Урала» точь-в-точь наглядное пособие с плаката на плацу: нога с оттянутым носком поднята, рука в отдании воинского приветствия. Хорошо, хоть не видел никто. Благо на следующий день: «Рота подъем! Тревога! Тревога! Тревога!», а там у ротного новые «любимчики» образовались.

Вздохнул – надо больше спать, повернулся, поковылял к компу.

Машка, кстати, никогда не говорила «сейчас тебя покормлю». Готовить она любила, но ели мы по большей части порознь – я то на работе, то на полетах, приходил поздно: «Есть будешь? Ужин в холодильнике».

Не заметил, как стрескал краковскую, а за ней и котлету с гречкой. Редкостная дрянь! Надо что–нибудь другое закупать. Понял, что и сегодня ничего написать не удастся, вернулся на кухню. Пенопластовый лоток и опустевшая бутылка отправились в ведро. Повертел в руках чашку. «Поставь в раковину, я помою»? Кстати, у меня же посудомойка простаивает, эдак и рассохнется. Поискал таблетки моющего средства, не смог вспомнить где. Подкатила злость непонятно на кого: то ли на Машку, которая куда–то запихнула таблетки, то ли на себя, то ли на весь мир. Ну и ладно, у меня одна чашка, и та из–под чая. Запустил так. А теперь спать, завтра опять подъем ранний, ждет меня небо виртуальное, и... друзья? Не знаю, хотя бы попутчики.

Глава 22. Утро красит, нежным светом

Будильник вырвал из сна. Кажется, что-то снилось, кажется – чего-то хорошее, приятное, потому что просыпаться очень не хотелось. Но уже спустя миг сон ускользнул, как легкая дымка, голову затопили мысли про то, что через час мне надо сменить Руса, про планы на день, про ненаписанные вчера статьи. Рывком выдернул себя из кровати, главное – не давать себе обещаний поваляться еще минуточку. Как обычно, после сна передвижения давались с трудом, но ничего, сейчас разомнусь.

Сначала кухня – закипевший чайник как раз отщелкнулся, (слава таймерам!), насыпал в глубокую миску геркулес, залил кипятком. Клацнул по кнопке кофемашины, сковородку на конфорку, пару яиц туда же. Теперь можно в туалет и на разминку.

Из душа вышел бодрячком, посвежевший. Пока завтракал да закидывался таблетками, решил – ладно, коль судьба меня настойчиво сводит с попутчиками, не буду противиться, но и свои интересы как тестера постараюсь соблюсти. Во-первых, сегодня должна быть неплохая парёжка, поэтому надо найти времечко и налетать сколько-то времени. Во-вторых, икары рано или поздно выйдут из теста? Ну так можно поработать над потенциальным взаимодействием с другими

классами игроков. Икары, например, могут что-то достать с недоступных вершин. Жаль, нельзя раскрываться...

Рука с кружкой замерла на полпути. Мозг, получивший зацепку, заработал с быстротой компьютера, обрабатывающего варианты. Сердце, кажется, замерло, чтоб не спугнуть еще не оформившуюся идею.

Так, проблема в NDA: есть соглашение, по которому я не имею права раскрывать суть расы перед... перед... Ну конечно перед другими игроками, не задействованными в тесте! А если, только предположим, эти игроки участвуют в тесте, тогда... Ребятам, конечно, придется подписать свой вариант договора, но, я думаю, они не будут против. Что им с этого? Я без труда натаскаю нужных трав или каких других каких ингров. Могу выступать как разведчик при продвижении. Да мало ли какие плюшки от того, что у вас в подразделении есть свой воздушный наблюдатель?!

Что это даст разработчикам икаров? Да мы им таких гайдов по взаимодействию напомним, что стоит только икаров запустить в продакшн, как сразу посыплются желающие если не в икары, то, как минимум во взаимодействие с ними! Гениально!

Всё, решено – пока буду дежурить, свяжусь с Глебом и сделаю ему предложение, от которого он точно не сможет отказаться.

Заторопился в игру. Автоматом сполоснул миску, сковородку и кружку под струей воды. Потом покосился на отра-

ботавшую посудомойку. Вот блин, ладно, завтра точно воспользуюсь, зря, что ли, стоит? Окинул взглядом кухню – вроде ничего не забыл. Нет, забыл. Наболтал изотоника на вечер и задумался: а неплохо, наверно, купить мультиварку, они же тоже с таймером? Буду с утра закидывать туда... ну что там закидывают? А вечером вылезу из кокона – еда горяченькая, хватит уже готовой гадостью питаться.

Вот и кокон. Протер дезинфикатором ложе. Хлопнул себя по лбу, вернулся в кухню и принес оттуда трость, поставил рядом. Теперь, кажись, все. Кряхтя и матерясь под нос, улегся на ложе, подсоединил датчики, натянул шлем. Поехали. Вход.

В глазах прояснилось, одновременно стал слышать окружающие звуки. С секундной задержкой появились тактильные ощущения: почувствовал щекой мешок, боком – земную твердь, пальцами ног – традиционную тесноту сапог. На автомате проверил, обернут ли плащ вокруг тела. Хотя если тушка пропадает при выходе, не могу же я раскрыться, ворочаясь? Сел. Чисто рефлекторно протер глаза, потянулся.

Рус сидел у костра, сосредоточенно помешивая веточкой подергивающиеся пепельным налетом угли. Слева от меня спиной к костру лежал скрюченный кулек из шерстяного одеяла: Анахита опять спала в игре. Надо как-нибудь поинтересоваться, с чего бы это?

Запоздало по телу пробежался озноб: все-таки подмерз,

лежа на земле. Интересная реализация – тело мое пропало, но система учла, что лежал я на голой земле, и добавила подходящих ощущений. Потянул руки к костру и почувствовал, что сижу на каких-то палках – подо мной валялись части лубка. Поработал правой рукой, погнул в локте, покрутил запястьем. Никаких болевых ощущений, всё отлично работает. Красота!

– Он свалился, когда твое тело пропало, – пояснил Рус, не поднимая головы. – Вообще-то Анины лубки сваливаются сами, когда в них надобность отпадает, вероятно, это совпало с выходом.

– А-а-а, – только и смог протянуть я, – как тут, нормально?

– Тихо, – все также задумчиво обронил парень.

Судя по всему, солнце еще не встало, да и мы с северной стороны горы, но темнота уже отступала. Приближался тот самый час, когда картинка вокруг как будто медленно проступала в растворе проявителя: незаметно, неразлично глазу. Вот только что ты с трудом различал ближайший куст, и вдруг осознаешь, что уже и деревья, окружающие площадку, стали видны. Темнота вокруг нас таяла, сменяясь рассветными сумерками.

– Ну все, Рус, я, как говорится, смену принял, ложись. Ты хоть поспал?

– Фес, – парень замялся, чем-то явно тяготясь.

– Да?

Руслав помялся–помялся, набрал воздуха, но потом, видимо, передумал.

– Да ничего, все нормально. Спокойно тебе отдежурить.

– Во сколько подъем?

– Часиков в семь встанем, думаю, затягивать не стоит: нам бы за завтра с северной вершины эдельвейс снять.

– О'кей.

Парень взял одеяло и завернувшись в него улегся у костра, с противоположной от Анахиты стороны.

Я встал, прошелся, поприседал, понаклонялся. Хорошо–то как! Было бы в реале, после ночи на твердой, а главное холодной земле сейчас напоминал бы заржавевшего Си–Три–ПиО из «Звездных Войн», со скрипом разрабатывающего суставы и мышцы. Я бодр, здоровье и выносливость полные. Вот только в желудок что–нибудь закинуть. Не решился греметь котелками: кто его знает, как спится в игре, может, звуки разбудят? Достал из запасов сушеное мясо и лепешку, принялся жевать, расхаживая туда–сюда. Мне дико хотелось действия. Покосился на спящих ребят: а может, пока спят, пойти пролететься?

А что? Сейчас на юго–востоке из–за деревьев должен показаться краешек солнца. Правда, для этого нужно подняться выше хребта, но выносливость у меня полная, а потом можно и спланировать обратно. Хотя нет, там же южные отроги перекрывают вид на восток, а так было бы здорово. Кстати – молнией мелькнула мысль, – а ведь когда мы пере-

валим северный отрог, то с высоты должно быть видно море! Вернее, Восточный океан, что омывает центральный крупнейший материк ФанВирта.

Я же не был на море уже сколько? Да года два с половиной. В тот раз до моря мы так и не добрались. До того был в ноябре, когда приезжал в Крым на выходные полетать на Клемухе.

А в игре я моря еще не видел. Инкубатор расположен хоть и не в самом сердце материка, но от побережья далековато. Так что море у меня впереди. Интересно, как его реализовали? А как нарисовали рассвет над ним? Очень хочется посмотреть. Я читал, что Рассветный Утес получил такое название потому, что с его вершины рассвет виден раньше всего. Скорей бы туда! Эх!

Еще раз оглянулся на спящих. Нет, не буду бросать: кто его знает, вдруг какая тварь вылезет из зарослей? Так я хоть разбудить ребят успею. Наверное. Ну вот какого они спят в игре, что им в реал не выходит? Ради каких–таких ощущений полное погружение? Не понимаю.

Чтоб чем–то заняться, открыл чат – мое сообщение висело непрочитанным. Глеб что, на работу забил? Хотя зря я наезжаю, может, дела или командировка. Усмехнулся: может, запил в конце концов!

Набрал: «Уважаемый разработчик! Есть предложение по привлечению к тесту участников не из расы икаров. Это даст возможность к выпуску проекта в релиз подготовить гайды

взаимодействия, что, несомненно, сразу привлечет к расе внимание игроков». Перечитал. Поймет, о чем речь? Ерунда, увидит – появится, а там на словах объясню. Смахнул вкладку чата.

Не решившись оставить тушки ребят без присмотра и чтоб не скучать, занялся переборкой принесенной травы. Прошелся по полянке и опушке леса, идентифицируя все, что попадалось. После поднятого уровня травничества получалось лучше. В итоге я здорово продвинулся в навыке, прежде чем кулек «Анахита» заворочался, перевернулся на спину и резко сел. Сидящий кокон раскрылся, из складок одеяла показалась взлохмаченная голова, повертелась вправо–влево, нашла взглядом меня.

– Феникс? Привет... ой! – И резко отвернулась, вновь нырнув вглубь одеяльного кокона. – Не смотри, пожалуйста. Я, наверно, вся взлохмаченная.

Ага, а еще и не покрашенная! Отвернувшись, я стал демонстративно разглядывать лес.

– Доброе утро!

А вот и Руслан.

– Привет, Рус, как спалось? Кстати, – идея возникла спонтанно, – ребята, вы что с травой собираетесь делать?

– Да ничего, оставим здесь. Все равно, пока дойдем до ближайшей скупки, она испортится.

Сзади раздалось гроыхание крышки котелка. Я повер-

нулся – Рус уже подложил дров и доливал в котелок с чаем воды из бурдюка, Анахита расчесывалась.

– Феникс! Я же просила!

– Да ну вас...

Опять отвернулся, поворошил пук травы.

– Не против, если я ее тогда заберу?

– Конечно! Только зачем она тебе? Это же без пяти минут мусор.

– Во–первых, я все–таки травник, и у меня в инвентаре трава портится в несколько раз медленнее. А во–вторых, хочу кое–чего проверить, пока наш знахарь красится.

Я решил попробовать полученное от Якуба умение по консервации растений. Достал кинжал и принялся измельчать лежащую перед собой зеленую массу.

Через минуту–другую на плечо легла рука. Повернулся – рядом стоял Руслав, протягивая самый обычный ножик.

– Возьми. Кинжалы – выраженное колющее оружие, ими что–то резать... – парень поморщился, недоговорив.

Взял протянутый предмет, присмотрелся: *«Простой универсальный нож с деревянной ручкой. Одноручное оружие и предмет хозяйственно–бытового назначения»*. И, как обычно – урон, прочность. Урон, кстати, так себе. Отказываться неудобно. Неожиданно дело пошло веселее.

– Однако! – хмыкнул я, – надо будет обзавестись чем–нибудь похожим, как до обжитых мест доберемся.

Измельченную массу щедро посыпал солью и завернул в

чистую тряпицу. Якуб советовал в вощеную бумагу, но где ее тут возьмешь? Пометил себе заpastись при случае. Мигнул системный запрос: «*Желаете законсервировать растения?*». Я подтвердил и получил небольшой легкий сверток, который тут же отправился в мешок. Посмотрим, что из этого выйдет. Повернулся, протянул нож Руслану:

– Спасибо!

– Оставь себе. Ты же, наверно, и продукты своим штык-ножом режешь?

Я усмехнулся, оценив юмор.

После завтрака выдвинулись. Погода, как я и предсказывал, была отличной.

– Ну ты просто шаман!

– В смысле?

– Небо чистое, ни облачка, ветра тоже нет. Как правильно говорится – мертвый штиль?

– Облака, Аня, я тебе гарантирую, но чуть позже. Штиль тоже ненадолго, стоит только солнышку нашу долину осветить.

Шли ходко. Рус, как обычно, первый, я замыкающий. В начале траверсили²² вдоль кромки зоны леса по западному отрогу, вглубь горной системы Небесного Утеса. Она представляла собой звезду с расходящимися восьмью луча-

²² Идти траверсом – перемещение в горизонтальной плоскости без существенного набора или сброса высоты, например, движение вдоль склона хребта.

ми—отрогами, причем ориентированные по сторонам света были более высокие и вытянутые, скорее уже не отроги, а целые гряды. Покидаемый нами западный оканчивался скальной башней – настоящим скалистым бастионом. Расположенные между этими грядами отроги, которые я мысленно назвал «промежуточными», были короче, ниже и сходили на нет, как, собственно говоря, и положено порядочным отрогам.

Через час пути остановились на совет, как двигаться дальше. Можно было свернуть и по диагонали пройти через лес, в обход северо—западного промежуточного отрога. Или попытаться дойти до основания нашего луча, перебраться уже на северный и по нему идти к венчавшей башне. Последнее представлялось сомнительным, так как по мере приближения к утесу гряда становилась все более крутая: дальше наверняка начнут попадаться расщелины, осыпи, камнепады.

От южной гряды к западной ребята шли по первому варианту. Но при этом получался очень длинный путь по плохо проходимому лесу.

Я предложил компромиссный – пройти по гряде сколько можно, а это на самом деле не так уж и далеко: через несколько сот метров наш путь упирался в нагромождения огромных валунов. Далее спуститься, перейти распадок между западным и северо—западным лучами, перевалить промежуточный и далее через следующий распадок выйти к северной гряде, где устроить длительный привал перед штурмом око-

нечности.

– Выигрыш в расстоянии, конечно, есть, вот только сможет ли Анахита подняться на этот отрог?

– Рус, посмотри, он ниже, а там, где планируем переваливать, еще и достаточно пологий, отсюда же видно.

Я, честно говоря, преследовал свою цель. Часа через два, как раз когда мы дойдем и, наверно, даже поднимемся на отрог, солнце станет достаточно высоко, осветит обращенный к нам склон северо–западного отрога. И там должен заработать термодинамик, в котором я могу часок–другой попорхать, пока попутчики направятся к северной гряде через лес. А потом я их с легкостью догоню.

Так или иначе, Рус согласился. Анахите, похоже, было все равно. В итоге через полтора часа мы вышли из леса на обращенном к югу склоне промежуточного отрога. В вершинах шумело, над головой повисли первые редкие клочки ваты. Солнце уже показалось из–за могучих плеч Рассветного Утеса и ощутимо припекало.

– Ну ты кудесник! Все как и говорил – ветер, солнце, облака. Феникс, откуда?

Мы остановились передохнуть после вскарабкивания почти под сорок пять градусов по лесистой части отрога. Впереди нас ждало продолжение, только уже без леса.

– Ничего сложного, – пожал плечами, – насчет солнца я говорил. Что касается ветра...

В отличие от Анахиты, я даже дыхание не сбил: все–таки

полет по затратам энергии несопоставим с подъемом в гору. Поэтому устал даже меньше, чем здоровяк Рус.

– Мы на южной экспозиции склона, – увидев непонимающие глаза, поправился, – на склоне, обращенном на юг. И склон прогревается солнцем, особенно та его часть, которая свободна от леса. А что происходит с воздухом, когда он нагреется?

– Поднимается?

А одышка – то у Руслava заметна. Я мысленно расплылся в довольной улыбке – показал вам щуплый подросток! Прищелкнул пальцами, указывая на парня:

– Точно! Нагретый воздух от склона поднимается, но! – указательный палец вверх, обвел попутчиков взглядом, поддержал паузу, но никаких идей не услышал. – Ну, ребята? Воздух над склоном улетел... освободил место... а природа не терпит пустоты...

Развел руками: дескать, что же вы? Похоже, все же устали, ибо игру «учитель – ученики» не поддержали. Я сдался:

– На освободившееся место подсасывается воздух из долины. Вот этот перемещающийся воздух и создает ветер, который сейчас дует вверх по склону.

В этот момент над нашими головами зашумел очередной порыв.

– А почему тогда ветер дует неравномерно? Ведь если механизм работает так, как ты нам рассказываешь, ветер должен дуть постоянно, как поддувало в печи.

– Давай определимся, что такое ветер. Вот ты как считаешь?

– Ну–у–у... Это когда...

– Понятно. Рус, смотри, есть некая масса воздуха, эдакий воздушный пузырь гигантских размеров. И эта масса воздуха движется под действием тех или иных сил, – я изобразил движение руками. – Представим ситуацию наоборот: ты едешь на мотоцикле в гигантском ангаре. Что ты ощущаешь? Как будто тебе навстречу дует ветер, хотя никакого ветра в ангаре нет и быть не может. Все потому, что ты движешься относительно воздуха. Так и в нашей ситуации: ты стоишь, а мимо тебя, вернее, вокруг тебя движется воздух. Поэтому, грубо упрощая, ветер – это проходящая мимо тебя масса воздуха.

– Так и причем тут порывы? – у часто кивавшей Анахиты глаза светились искреннем интересом.

– Порывы, – кивнул я, – это во–вторых. Нагретый воздух от земли не поднимается постоянно. Чтоб лучше понять, представьте себе мокрый потолок, имеющий такой же рельеф, как земля. Есть выступы, впадины, наклонные поверхности. На потолке собирается влага. Ну не знаю, конденсат какой–то. Собирается в капли. Но капли же не отрываются от потолка там, где образовались. Если это место наклонное, капля покатится под действием силы тяжести. И только когда дойдет до какого–нибудь заусенца, выступа, то оторвется. И то не сразу, а сначала наберет массу, которую уже не

сможет удержать. Так и пузыри нагретого воздуха: они, так сказать, цепляются за землю, могут перемещаться по ней, если есть наклон, но когда набирают какой-то критический объем или наползают на такой заусенец, мы их еще называем триггером, – отрываются и улетают. И вот как только такой пузырь оторвался и улетел, на его место устремляется новая порция воздуха. А для тебя это выглядит как порыв.

– Феликс, а ты учителем работаешь?

– С чего вдруг?

– Тон этот менторский, прям школой пахнуло, – чуть замялась Анахита, – а еще...

– Унылый зануда? – выдавил я грустную улыбку.

– Не-е-е, не унылый, – потом озорно стрельнула глазами, скорчила рожицу, потянула мотая головой, – но зануда-а-а... а...

Глава 23 Двое крылатых

Наконец мы поднялись на гребень отрога. За нашими спинами вниз обрывался только что преодоленный подъем – двести метров, поросших жесткой травой да редким, низким и очень колючим кустарником; проплешины осыпей, скальные выходы в виде здоровенных продолговатых глыб. И еще столько же, но уже с лесом.

От наших ног вниз убежал его полный брат близнец, за исключением того, что не был освещен. Ниже на те же двести метров начинался лесной язык, раскинувшийся в распадке между этим отрогом и нужным нам северным.

Я протянул Анахите ее сумку:

– Ребята, поскольку в горной местности я передвигаюсь быстрее, давайте вы пойдете вперед, а я здесь по округе пробегусь. В кои-то веки сюда попал, не прощу себе, если уйду, не поискав травы. Наверняка здесь растет что-нибудь интересное. А потом вас догоню. Смотрите, – поманил парня, и вытянул руку в указующем жесте, – вам лучше всего держаться вон на ту одинокую скалу, на северном хребте, – показал пальцем, – она как раз на границе леса, там должно быть подходящее для привала место. Там отдохнете и меня и дождетесь.

– Какая скала, ничего не вижу, – тяжело дышавший Рус попытался проморгаться от заливавшего глаза пота. Неудиви-

тельно, он тащил основную тяжесть. – Аня, посмотри, ты же эльф, у вас лучшее зрение из всех рас.

Я сдержал усмешку. Анахита, хоть и была во время подъема освобождена от всей поклажи, буквально ловила ртом воздух, как вытщенная на берег рыба.

– Сейчас Рус, дай... отдышусь, – наконец она отпустила русово плечо, за которое была вынуждена уцепиться, смогла выпрямиться, вгляделась. – Да, вижу, действительно, скала. Ну ты и глазастый. Слушай, Феникс, ну что ты тут найти собрался? Выжженный камень да колючки какие-то, чуть все платье не изодрала. Пошли с нами, на следующей горе вместе поищем твои травы.

– Аня, посмотри на себя, – я, в отличие от ребят, говорил ровно, как будто за плечами не было никакого подъема. Неудивительно, это не по прямой ноги переставлять, шаги короткие, сапоги почти не натирают, а выносливости вагон. Да и привычно мне по склонам вверх-вниз ходить. – Ты на следующей, как ты выразилась, горе будешь без задних ног валяться, а не мне помогать. Так что давай, помощница, топай за сильным плечом, я догоню. – Посмотрел ей в глаза. – Ну честно-честно.

– Ладно Фес, будь по-твоему. Похоже, ты знаешь, что делаешь.

Я пожал плечами.

Руслав посмотрел на меня, перевел взгляд на Анахиту. – Аня, иди за мной, если упадешь – кричи. И давай сюда свою

сумку.

Парень подпрыгнул, подкинув громадный мешок, поправил лямки и сделал первый шаг вниз. Из-под подошвы посыпались мелкие камешки, но нога встала надежно. Рус перенес на нее вес, шагнул второй раз...

Спуск начался. Я остался один на гребне.

Склон «работал». Та часть, что была выше зоны леса, уже неплохо прогрелась, а над скальниками вообще дрожало ма-рево. На самом гребне ветер не впечатлял, однако я видел рябь, бегущую по лесному морю под моими ногами, раскачивающиеся верхушки деревьев. Более того, на некотором отдалении от склона кругами ходил орел. Он крутил, набирал, потом вываливался из восходящего потока, и было видно, как начинал проваливаться. Снижался в гигантской размазанной вдоль склона спирали, помогал себе парой взмахов и снова втыкался в «плюса», раскидывая свои широкие крылья. Поток подхватывал птицу, и она вновь набирала высоту над отрогом. Кстати, орел вываливался из потока и входил в него всегда в разных местах, как бы обозначая его границы. Я помахал ему – спасибо!

Вот и «дежурный» термик, буду знать. Глянул вниз – спины попутчиков только-только исчезли среди деревьев. Теперь, даже если я поднимусь над гребнем, вряд ли они меня заметят. Спустился чуть ниже. Плащ долой, сапоги... о да, наконец-то! С наслаждением потоптался по ссохшейся

земле. Потом достал выданный Анахитой пузырек, еще раз смазал потертости и мозоли: пока буду летать, подтянутся. С этим снадобьем эльфы мне в самом деле было значительно проще.

Холстину сменила кожа. Собрал все пожитки в мешок, потоптался, держа его в руках в кратком раздумье, и сунул под ближайший относительно крупный камень. Вот не хочу его тащить, и все тут! Потом заберу. Вроде незаметно. Взглянул со стороны, подложил еще несколько камешков поменьше. Чертыхнувшись, разобрал получившийся тур, вытащил из мешка саадак, прицепил его на бедро, после чего проделал действия по маскировке пожитков заново.

Еще раз осмотрелся, подбирая площадку для старта. Вон тот участок метров пять длиной, без крупных камней и кустов, вполне мне подходит. Вышел в начало, пару разминочных взмахом, несколько наклонов и приседаний. Бросил взгляд на орла. Тот с интересом, как мне показалось, поглядывая на меня, продолжал свои эксперименты с термиком. Ветерок хоть и слабый, но что-то лицо холодит: два – два с половиной метра в секунду по ощущениям.

Готов? Готов, вдох–выдох, разбег. Когти пробуксовали по выжженной земле. Назад полетели мелкие камешки и куски земли. Склон рванул навстречу. Шаг, другой, третий, толчок, крылья в стороны, взмах. Лечу! Раскинулся, крен, доворот под спиралящего орла, и вот мягкий теплый воздух подхватывает меня, слабенькая перегрузка в самом нача-

ле подхвата чуть дополнительно напрягла связки и мышцы, удерживающие крылья разведенными. Встал в вираж, земля отдалается, склон ползет мимо, вижу побежавшую куда-то вниз мою тень, вот и гребень. Секунда—другая, и я уже выше, продолжаю набор.

Замечаю небольшую быструю тень слева — это орел: подлетел, выровнял скорость, подравнялся параллельно внутри моего поворота. Стоим в спирали буквально крыло к крылу. Летит, поглядывает на меня, любопытный. И дружелюбный. Я не добыча (при таких-то размерах, почти в два раза крупнее птицы), но и не угроза. Вероятно, в данном ареале у орлов нет летающих врагов, вот и решил посмотреть, что за чудо тут появилось. Высоты над хребтом набежало метров пятьсот. Ну что ж, посмотрим, насколько ты любопытен. Рву спираль, резко вправо и вниз в разгон. Свист ветра, традиционные слезы. Секунда—другая—третья... подо мной буквально в метре—полтора, поджав крылья, проходит орел. Опережает метров на пять и переходит в набор. Вызов принят, давай играть! «Сажусь» ему на «хвост». Вижу, как по мере потери скорости орел расправляет крылья, потом переходит на махи, продолжая лезть в горку. Вот и моя инерция исчерпана, крылья заработали, с шумом загребая воздух. Жух—жух—жух.

Отстаю всего лишь на пару метров. Крылатый хищник выполняет классический переворот через крыло, что твоя

«штука²³», складывается и падает отвесно вниз. На следующем махе поджимаю правое крыло, энергичный толчок левым, горизонт крутится перед глазами на сто восемьдесят градусов, земля и небо меняются местами, прогиб в спине, и вот уже прямо по курсу земля. Макушки деревьев летят мне на встречу, на их фоне замечаю рыже-пестрое пятно птицы. Складываю крылья за спиной, оставляя малюсенькие кончики, руки вытягиваю вперед, как прыгун в воду, закрываясь предплечьями от бьющего наотмашь урагана. Только сирены не хватает!

Секунда—другая—третья. Вот и гребень. Деревья приближаются, растут в размерах, я уже различаю отдельные листочки. Да что там, мне кажется, я вижу траву между деревьями! Липкой змеей заползает страх, под сердцем начинает посасывать. Да что же ты, Джонатан Ливингстон недоделанный, выводи! Начинаю притормаживать кончиками крыльев, выставляю в поток лапы, расцепляю руки, их тут же выворачивает в плечах и отбрасывает назад вдоль тела.

К черту, вывод! Я буквально слышу, как трещат мои сухожилия. Мышцы, удерживающие крылья, свело судорогой, в глазах потемнело, в носу запах крови. Горизонт опустился, вполз в поле зрения, но я еще пикирую, несусь под углом головой вперед в деревья и каждое мгновение жду удара. Я даже представляю, как это будет, ощущаю всем телом, каждой клеточкой. Кажется, ору, из последних сил вытягивая себя

²³ Ju-87. Уж очень характерный переход в пикирование

из пике.

Наконец горизонт точно по курсу, я мчусь к нему сломя голову. Прямо подо мной несется смазанная тёмно-зеленая мешанина – это верхушки деревьев проносятся в считанных сантиметрах ниже с такой скоростью, что сливаются в одно полотно. Стоит одной из них вырасти чуть выше других, и меня разматывает в кровавые брызги. Но лес, как английская лужайка, стандартизован и калиброван. На мое счастье.

Сзади меня догнал пронзительный орлиный крик. Торжествующий. Вот мелкий засранец! Хотя какой мелкий – каждое крыло более метра! Все-таки вынудил отвернуть раньше и сел на хвост. Догнал, выскочил вперед.

– Засранец! – ору ему весело

Думаю не услышал, звук относил назад набегающим ветром. Мы неслись над лесом, как две стрелы, вдоль отрога. Но вот, качнувшись вправо, «засранец» подвернул ближе к склону, полез в набор, повторяя рельеф. Включил махи, когда скорость снизилась. Я повторял все в точности, отставая буквально на полкорпуса. Своего. Снизу промелькнула опушка, потянулся открытый склон, и вот нас опять подхватывает очередной термик, раскинув крылья, мы встаем в восходящую спираль. Меня переполняет чистым, концентрированным кайфом. Грудь разрывает радость и восторг. Они не помещаются во мне, и я, смеясь, кричу во все горло:

– Да пошли они все!

Спустя два часа, уставший, но довольный и счастливый, как дорвавшийся до сметаны кот, я сел на место старта. Орел отвалил чуть раньше: по-видимому, полетел кормить домашних: под конец мы охотились на зайцев, он утащил в каждой лапе по откормленному косому. Моей добычей стали два таких же. Думаю, он принял меня за великовозрастного птенца и решил поучить летать и охотится.

Раскопал мешок, достал вяленого мяса и кусок сыра, плюхнулся прямо на землю и с жадностью впился зубами в еду. Голова заполнена переживаниями полета, эдакое послевкусие. Какое-то время просто сидел, наслаждаясь ощущениями, смакуя в памяти тот или иной элемент пилотажа.

Наконец буквально усилием вырвал себя в реальность: надо догонять ребят, они наверняка уже подходят к северной гряде. Идти пешком? Ну уж нет! Потрачу то же время, и потом, какой в этом смысл? С другой стороны, наглеть и лететь сразу на северную гряду не буду. Хотя прикольно опуститься прямо к костру – посмотреть на их глаза! Особенно Анины. Я на секунду-другую провалился в фантазии... Хм, ладно, проехали.

С высоты разглядел, что лес за этим отрогом достаточно разреженный. В лес я уже садился, опыт есть, хотя по большей части нечаянный. А вот сейчас попробую осознанно и целенаправленно.

Встал, огляделся, вроде ничего не забыл. Мешок опять приладил спереди. Вот только заячьи тушки в него не поме-

стились, уж очень крупные. Перебрал несколько вариантов, ничего не устроило, в результате прижал руками к груди – авось не уроню.

Старт, набрал над гребнем и сразу спланировал к середине долины, между отрогами. Теперь аккуратно. Как там нас учили? При посадке на лес и высокую траву принимать макушки за поверхность земли? Был опыт, как-то недотянул и садился в высокую пшеницу. Потом пришлось срочно делать ноги, пока фермер не углядел безобразия. И до того разок принял с высоты кукурузное поле за обычное. А когда осознал ошибку, что-либо делать было поздно. Жесть, аж сейчас передернуло.

Пора, а то уже подъем к следующему отрогу начинается, того гляди выскочу под удивленные взгляды. Мне этого пока не надо, Глеб молчит, планы не утверждает.

Выровнялся как можно ниже, верхушки опять мелькают в считанных сантиметрах под свисающим мешком. Подождал, пока скорость снизится, резко развернул крылья поперек потока. Оттормаживаясь, прокачнулся ногами вперед–вниз и тут же убрал крылья за спину. Удачно! Влетел в кроны градусов под сорок пять, целясь ногами в ствол дерева, больше всего напоминающего сосну. Несколько хлестких пощечин по лицу ветками, ожидаемый удар по ногам, спружинил, а когти надежно впились в толстенные суки у вершины. На этот раз даже не кувыркнулся: удержал равновесие, схватившись для страховки руками. Заячьи тушки закономерно по-

летели вниз. Ерунда, подберу.

Отдышался, осмотрелся. Все же здоровья процентов десять потерял. Добавился небольшой разрыв на штанине. Блин, надо было утром не травой заниматься, а снарягу подлатать, вон и на мешке одна лямка на соплях держится. Спустился, переделся, подобрал многострадальные тушки и бодро пошагал в горку, в направлении виденного с воздуха ориентира – одинокой скалы, нависавшей над кромкой леса.

Глава 24 Я дельтик

И вновь полянка на обрете зоны леса, упирающаяся в крутой склон. Их что, под копирку рисуют? Ах да, еще нависающая высокая известковая скала, похожая на козырек от дождя. Но место уютное. Под скалой весело трепещет язычками пламени небольшой костерок, по виду только-только разведенный. У огня сидит Руслан, Анахита возится с котелком.

– Привет! – я кинул к костру принесенную добычу, – надеюсь, пригодится.

– О да! Спасибо! Мясо у нас почти закончилось, – Анахита тут же стрельнула глазами, – так ты траву собирал или охотился? Кстати, что-то быстро, не верится, что в прошлый раз нам тебя ждать приходилось!

Скинув мешок, рухнул у огня. И на какой вопрос отвечать?

– Здесь горы, местность привычная: вверх да вниз, широко шагать не надо. Плюс средство твое волшебное, я до сих пор не представляю, как тебя благодарить.

– Тебе помогает? – Аня как-то застенчиво обрадовалась, будто и не ждала.

– Конечно! Просто огромное тебе спасибо, ты настоящая волшебница!

Откинулся, заложив руки за голову и прикрыв глаза. В

ушах снова крик и клекот орла, лицом чуть ли не физически ощутил набегающий ветер. Перед глазами – крутящийся горизонт; небо, сменяемое лесом и склоном; потом снова небо. Отлично полетал!

– Фес, ты чем там занимался? У тебя лицо, как... как... – повисла пауза, я приоткрыл один глаз: Рус косился на эльфу, та стояла, уперев кулачки в боки. – Как у кота, дорвавшегося до сметаны.

Хм, выкрутился.

Я отмалчивался, довольно щурясь. Накатила блаженная слабость: хотелось ничего не делать и не говорить, а просто находиться в этом состоянии, в котором я теперь бываю только в игре. Аня возилась с обедом, Рус что-то чинил в амуниции, а я предавался лени и безделью и ничуть по этому поводу не смущался, что вообще-то мне несвойственно.

– Посмотрите ребята, в самом деле кучевые облака. Какие красивые! – эльфа, наконец, закончила свои хлопоты и устроилась на траве, опершись на руку и подняв к небу щурящуюся мордочку.

Рус, глянув в небо, согласился: дескать, да, облака, действительно красивые. Анахита фыркнула.

– Феникс, а тебе нравятся облака? Или ты, как некоторые, – косой взгляд на сосредоточенно-серьезного парня, – тоже видишь в них лишь элемент пейзажа?

Кивнул. Кучевку я любил. И не только как индикатор потоков. Мне нравилось наблюдать за облаками: смотреть, как

они растут, меняют форму. Что-то в них было величественное и неуловимо прекрасное. Впрочем, до увлечения полетами я не помнил, чтоб относился к облакам как-то иначе, чем сейчас Руслан. Людям это свойственно: подумаешь, какой-то привычный элемент. Висит над головой, иногда закрывает солнце, и хорошо, если оттуда не падает вода.

С началом занятий облака стали чаще попадать во внимание, сначала как бы походя. Мне повезло: в лето, когда начинал, было много дней с хорошей погодой. Занимались в поле, вдали от деревьев, строений, ЛЭП. А когда набегаясь с учебным крылом так, что ноги уже не держат, развалишься в траве вот так же, как лежу сейчас, сунув под голову шлем или подвесную систему, хочешь не хочешь, а взгляд упирается в эти величественные белые громады, плывущие над нами по своим делам.

Потом мы изучали метеорологию, разбирали виды облаков, их взаимосвязь с потоками, учились определять по их виду погоду, направление ветра.

А потом я увидел их вблизи...

Незаметно провалился в воспоминания, поэтому почти прослушал следующую восторженную реплику:

– Эх, как же хочется взять и нырнуть в этот клубок белой ваты. Набрать целую охапку...

Как со стороны, услышал свой голос:

– А вот этого лучше не делать, нет там ничего хорошего. Темно, сыро и колбасит не по-детски. Вблизи они не такие

интересные, так, лохмы.

– Откуда ты знаешь? – надула губки Анахита, но скорее притворно, – говоришь, как будто бывал там.

Бывал. В памяти всплыла Юца, утро. Первые облачка только–только начали формироваться: по утреннему времени еще низко, почти на уровне и даже чуть–чуть ниже старта. Одно такое повисло как раз напротив площадки восточного старта. Я видел, что легко прошью его: облако не касалось склона, кроме того, это был четвертый или пятый летный день, в крыло я был влетан на сто с лишним процентов и чувствовал себя максимально уверенно. Все равно те несколько секунд, что я пронзал белую муть, шел в балансире, без маневров, просто по прямой. Поэтому из–под облака я вывалился достаточно далеко от горы, и пришлось, теряя высоту, возвращаться в зону динамика, чтоб потом потихоньку выскребаться наверх. А спустя буквально полчаса облачность поднялась выше старта, и благоразумно повременившие приятели стартовали уже безо всяких приключений.

В горле почему–то защемило, появилась резь в лазах. Вынырнул из воспоминаний, как из того облака, поднял глаза. Анахита встала и пристально смотрела мне в лицо. Рус тоже прервал свое рукоделие.

– Феникс, что с тобой?

Я отрицательно помотал головой, говорить не получалось. Потом зажал щепотью нос – обычно помогало. Выдохнул.

– Да все нормально, дым, наверно.

– Точно? – успокаиваясь и садясь снова на свое место, продолжила Аня уже прежним, легким и беззаботным тоном. – Так ты не ответил. Я спросила, откуда ты все это знаешь? Ну, про облака, и про погоду, и про ветер? Ты метеоролог, там, в реальной жизни?

– Нет, – опять помотал головой, – там я обычный офисный планктон.

– Тогда откуда? Можно подумать, что ты летаешь?

Вдруг накатила тоска, сжала сердце и опять вцепилась стальными пальцами в горло. Напрягая связки, выдавил:

– Летаю... – поправился, – летал.

Затянул паузу, и в тот момент, когда следующий вопрос уже готов был сорваться мне навстречу, добавил:

– Я дельтапланерист..., – поперхнулся, выдавил сквозь спазм горла, – вернее, я им был.

Сверху, как тонна кирпичей, обрушилось принятие. Лицо окаменело, чувства вслед за мыслями вымело из головы, словно было невозможно сейчас их коснуться, как обнаженного нерва.

Мир резко сузился, словно во время выполнения опасного маневра. Я встал и, ничего не говоря, спешно направился в лес. Углубившись достаточно, когда, по прикидкам, с полянки уже не должно было быть видно, уперся лбом в твердую прохладу древесного ствола и раздвоился сознанием.

Одной моей половине остро хотелось разреветься, как какому-нибудь пятилетнему пацану, у которого поломалась

любимая машинка, и папа сказал, что починить ее уже нельзя, – просто отпустить эмоции и рыдать, принимая невозвратность потери.

Вторая с какой-то злостью на первую удивлялась: да что же с тобой? почему так тяжело? ты же летаешь! Пусть в игре, пусть фактически понарошку, но ты же все ощущаешь, чувствуешь, видишь. Ты же не слабак и не кисейная барышня, тогда почему звенящая пустота внутри и душат слезы?!

Откуда-то издалека в голове закрутились слова «Я тоже был, я мог, умел и знал, я видел сверху горные вершины...»²⁴.

Я ведь никогда до этого не говорил вслух «был». И никогда после произошедшего никому из посторонних не сообщал, что имею отношение к дельтапланеризму. На моей нынешней работе все знали, что я попал в автокатастрофу. И все. Старых друзей я не видел, из всех общался только с Глебом. Машка ушла. Я оборвал все или почти все, что могло напомнить, чего я был лишен в реале.

В какой-то момент мне показалось, что за моей спиной кто-то стоит. Я выпрямился, но повернуться боялся. Прошло несколько мгновений, сзади тишина. Наверно, ребята, заметив мое состояние, пошли посмотреть, а я тут стою и рыдаю. Интересно, как они смотрят: с сочувствием, с укоризной? Почему-то я больше всего боялся увидеть в их глазах сочувствие. Пусть осуждают, что такой взрослый мужик

²⁴ Слова из песни Вадима Захарова «Я тоже был».

рыдает, как девчонка; пусть разочаруются во мне, пусть скажут «вон ты, оказывается, какой, а мы-то думали...». Только не жалеют.

Не знаю, сколько времени так прошло, может, несколько секунд, а может, и десятки минут. Наконец я набрался смелости, заготовил приличествующую ситуации фразу и обернулся. Шелестел листвой лес, в вершинах посвистывал ветерок, солнышко пробивалось сквозь ветви, играя легкими тенями и отсветами. Никого.

Продышался, вроде отпустило. Почувствовал, что снова владею голосом, ничего не душит, не сжимает горло. Что ребятам сказать-то? Почему так споро ломанулся в лес? В голову ничего не лезло, решил, что ничего объяснять не буду: дескать, ушел и ушел, мало ли у кого какие дела. Усмехнулся про себя, необходимость отбегать «за кустик» разработчики не предусмотрели, а иногда это самое простое объяснение.

Пока я отсутствовал, на полянке ничего не поменялось: Рус возился с все той же амуницией, Анахита помешивала в котелке. Вернулся на свое место и принял прежнюю позу.

– Извини, Феникс, я отвлеклась, ты вроде сказал, будто летаешь. Что, правда? А на чем?

Живая непосредственность эльфы, похоже, не заметившей моей выходки, помогла. Осталась тихая печаль.

– Да, летаю... летал. На дельтаплане.

– А это что такое?.. А, погоди, у меня подруга в Турции вроде на таком летала. По крайней мере, я фотки видела.

Внутри шевельнулся червячок сомнения.

– Аня, не части, давай по пунктам. У тебя подруга пилот?

– В смысле? – девушка непритворно удивилась, будто я спросил что-то неприличное. – Да не, там просто предлагали прокатиться.

– Тогда она не летала, а каталась, – снисходительно улыбнувшись, я не удержался от ироничной шпильки, – даже не каталась, а ее возили.

– А какая разница?

– Такая же, как между налетом и навозом²⁵!

Эльфа оскорбленно поморщилась.

– Ладно, извини, это наш пилотский юмор, – примирительно помахал рукой. – Теперь второе: если в Турции, то, скорее всего, это был не дельтаплан, там для нас с посадками непросто. Турцию порнопланерасты оккупировали.

– ?

Ну нельзя же так округлять глаза, даже если ты эльф по расе! Я весело расхохотался:

– Парапланеристы. Это просто мы их так называем, в шутку. Братья наши бесхребетные, – не давая вставить реплику или вопрос, уточнил: – На фотках она в подвеске сидит?

– Ну да, а как еще?

– А сверху у нее такой большой купол, как длинный парашют? Хотя его, может быть, и не видно, если фоткалась в полете.

²⁵ Налет – от слова «летать», навоз – от слова «возить».

– Да, большущий такой парашют. Там были снимки со стороны.

– Параплан. Каталась в тандеме, – сказал, как гвоздь в доску забил. Настроение как–то незаметно поднялось.

– А ты на чем летаешь? Как ты назвал?

– Дельтаплан, – немного кольнуло, но уже совсем тихо–тихо, – это такая треугольная штуковина, полужесткая. И пилот в ней располагается лежа, головой вперед.

Не удержался, добавил:

– Как и положено порядочной птице. Птицы сидя не летают!

В этот момент Анахита заявила, что обед готов, и принялась раскладывать еду в подставленные миски.

Вначале ели молча, каждый в своих мыслях. Не знаю, о чем размышляли мои попутчики, я прислушивался к своим ощущениям и пытался разобраться, что происходит. Только что я вскрыл нарыв, который оберегал два года, боясь прикоснуться, боясь признаться самому себе. Было больно. Да и сейчас нет–нет, но прощупывая мыслями как зондом хирурга область поражения, я натыкался на болевые точки. Когда прикосновение отзывалось паузой в пульсе и вакуумом в душе. Например, я подумал, что так ни разу и не собрался в Казахстан, несмотря на то что знал очень многих тамошних пилотов, да и наши к ним в гости ездили. И мне уже точно никогда не стартовать с Ушконыра. Да и в Болгарию, где у меня одна из двоюродных сестер, теперь мне только тури-

стом...

– Слушай, Феникс, а почему ты так отреагировал, когда я сказала, что у меня подруга летала в Турции?

Вопрос вырвал из размышлений. Впрочем, эльфа тут же сменила тон:

– Да прекрати ты ломать голову над тем, где и как найти эдельвейс. Сейчас поедим и пойдем, расскажи лучше о полетах!

Вот спасибо, что напомнила! А то я, честно говоря, даже забывать стал, зачем мы здесь...

– Ну ладно, о полетах так о полетах.

– Как «так»?

– С каким-то недоверием. Это по твоим глазам было видно.

Неужели мои чувства так легко читаются? Тогда бы ты поняла, что у меня сейчас в душе.

– Все просто. Ты сказала «кажется, летала». То есть ты не уверена в этом. Но если бы у тебя были знакомые, друзья, которые летают на дельтапланах, ты бы об этом увлечении знала точно.

– Почему? Почему человек не может несколько раз в год где-то полетать и не афишировать это? У меня есть знакомые, которые катаются на горных лыжах пару-тройку раз за год, например на зимних каникулах и еще разок во время зимнего отпуска. И все! Не обязательно же быть упоротым горнолыжником!

Я расхохотался. Облегченно, не сдерживаясь. Пришлось даже миску поставить, чтоб не расплескать, после чего откинулся назад и, опираясь на руки, затрясся всем телом в приступах хохота. Вероятно, туго свернутая глубоко внутри пружина продолжала рваться, на этот раз проявляясь в безудержном смехе.

Наверно, это было настолько заразительно, что даже Руслав, не удержавшись, прыснул пару раз, прикрывая рот рукой с ложкой, и замотал головой, будто что-то отгоняя.

И только эльфийка обиженно переводила взгляд с меня на Руса и обратно:

– Да что я такого сказала? Вы ржете, будто услышали какую-то глупость! Рус, ты-то что?

Парень открестился: дескать, ничего не знаю, этот вон ржет заразительно, не мог не поддержать, и вообще вы болтайте, я тут так, для мебели сижу.

– Аня, извини, до слез, – вытер я глаза рукавом холщовки, – но это на самом деле глупость.

Девушка, кажется, обиделась еще сильнее:

– Ты пойми, дельтапланом нельзя заниматься время от времени, полгода перерыв – и как заново начинаешь влетываться. Поэтому ты или летаешь, или нет.

– Почему? – в глазах эльфы загорелось любопытство, Рус тоже кинул заинтересованный взгляд.

– Очень сложный моторный навык, который долго формируется и легко утрачивается. Человек не рожден пере-

щаться в трехмерном пространстве, мы всю эволюцию провели на поверхности.

– А деревья? Мы же когда-то по ним лазили. Это если ты про эволюцию.

– Если и лазили, то настолько давно, что даже костяк сформировался под прямохождение. Посмотри на древолазающих обезьян, как у них устроены конечности. Впрочем, отвлекся. Главное, запомните: человек не рожден летать. Поэтому для полета приходится вырабатывать очень много моторики, для обычной жизни, как правило, ненужной. Стоит сделать перерыв побольше, и она забывается.

– И как же при таких-то трудностях люди все же осваивают этот твой дельтаплан?

– А их мало, тех, кто освоил. У нас тусовка настолько тесная, что я почти всех активно летающих знаю, по крайней мере российских. Вот тебе для понимания: из тех, кто учился одновременно со мной, летаю один я.

Осекся, помолчал, поправился:

– Правильнее, наверно, так: за те полгода, что я шел от первой пробежки к первому полету на круг, через клуб прошло человек двадцать. И это еще не считая тех, кто пришел на одно занятие и больше не появлялся. Кто-то приходил пару раз, кто-то прошел со мной почти весь путь, а кто-то даже полетел. Вот только спустя два года летал я один.

– А почему так? Летать – это же так прекрасно!

– Летать прекрасно, да падать больно. А кроме падений,

есть еще труд и физические нагрузки. Надо «пахать», а современный человек к этому не готов – ему нужно все и сразу. Но это не к нам. Помню, на первом занятии Саныч, наш инструктор, сказал, что обучение в дельтапланеризме идет от сложного к простому и от тяжелого к легкому.

– Это как? Обычно же наоборот? Рус, ну ты что молчишь?! Какое–то странное это занятие... Зачем?

Вздыхнул, подбирая слова, всегда было сложно это объяснить. В свое время я это принял просто как данность. Но не все были готовы к такому.

– Представь, что для обучения горным лыжам есть только красные трассы, Я сам катаюсь, но редко, поэтому не лезу на трассы сложнее синих. Я это к тому, что с категоризацией трасс знаком. Кстати, – взглянул я на ребят, – а вам–то зачем объяснять? Аня, у тебя же есть знакомые горнолыжники?

– Я тоже каталась когда–то.

Мысленно отметил грустную интонацию. Интересно, а у нее–то что?

– Хорошо. Вот и представь: ты решаешь начать заниматься, а склона проще красного нет. Стартовать сразу на красной трассе без выработанных навыков, без закрепленной моторики – это гарантированные травмы, если не хуже. Согласна?

Анахита кивнула.

– Вот и приходится эти навыки сначала закреплять на ровном, там, где нет шансов поломаться.

– А как же... – не выдержал Руслан, – как можно научиться... ну не знаю, плавать, что ли? В сухом бассейне?

– Вот в этом–то и сложность. В принципе, для уверенного и безопасного старта нужно выработать автоматизм как минимум по трем каналам управления: крен, тангаж, скорость бега. После отрыва следить за кренами, тангажем, скоростью подъема–спуска – так называемой вертикальной скоростью, иметь устойчивые навыки посадочных действий. На мой взгляд, это достаточный минимум, чтобы пилот мог слететь с небольшой горочки или подлететь на лебедке на небольшую высоту по прямой, без поворотов.

Посмотрел на ребят. По–моему, не проняло.

– Проблема в том, что, когда ты приходишь учиться, у тебя нет ни одного из перечисленных навыков, к тому же их невозможно развивать и закреплять одновременно – только по одному. Приходишь в клуб, берешь крыло и начинаешь с ним просто бегать по прямой. Бегать в подвеске, пристегнутым к крылу, непривычно. Поначалу оно просто мешает, наминает тебе огромные синяки на плечах: постоянно старается свалиться в крен или задрать нос, превращаясь в огромный аэродинамический тормоз. Или опустит нос, и тогда ты просто не можешь за ним угнаться. В результате ноги отстают, и ты падаешь лицом вниз, получая по голове килевой трубой.

На минуту прервался, провалился в воспоминания. Спутники молчали, как будто что–то почувствовав. Я вынырнул

из прошлого, продолжил:

– Сначала ты учишься контролировать крен: кто–то пробежке к десятой, кто–то к сотой более–менее уверенно компенсирует его и может теперь переключить внимание на тангаж, то есть насколько задран нос, – показал ладонью, не хватало еще терминами народ грузить. – Когда ты и это будешь контролировать на автомате, можно уделить внимание быстроте бега.

– А бег–то зачем? Вы же летаете.

– Чтоб разогнать крыло до взлетной скорости – двадцать пять, а у спортивных аппаратов может быть и за тридцать километров в час. Иначе крыло тебя не поднимет. Если стартуешь в горах – площадка старта кончится, крыло еще не набрало скорости, не несет тебя и не рулится. А под тобой уже метров тридцать, иногда сто...

Со значением помолчал. Эльфийка передернула плечами:

– Брр. Страшно, как представляю себе... Феникс, а летать страшно?

Задумался, прислушиваясь к ощущениям. Не то чтобы у меня не было ответа. Нет. На этот вопрос за десять лет я отвечал достаточно. Тут было другое. Мне страшно хотелось, просто горело рассказать им обо всем. И о первом старте как о первой любви. И об Альпах и Кавказе. О роторах и потоках. О том, как выглядит земля с высоты. Я так долго хоронил внутри себя весь этот мир, а теперь он прорвался наружу через вскрытый гнойник и требовал, чтоб им с кем–то по-

делились. Но я боялся, что загружу ребят избытком информации, и за массой цифр, терминов и правил они не смогут разглядеть это чудо – мир летающих людей.

– Ты что молчишь–то? Извини, если спросила что–то личное...

– Да нет, все нормально. И бояться – тоже. Знаешь, у нас говорят: пилот может быть смелым или старым, но одновременно смелых и старых не бывает. Я, если можно так выразиться, старый пилот, – взглянул в смеющиеся глаза, – расскажу тебе такую историю. Однажды, еще совсем мелкими пацанами, мы забрались на вышку для прыжков на лыжах с трамплина. Было лето, она простаивала и не охранялась. Я тогда представил, что вот сижу на этой лавочке, в лыжах, и сейчас прыгать... Мне стало так страшно! Подумал, что просто обоссался бы. Вцепился в сиденье, и вниз спихнуть меня можно было бы только с этой злосчастной лавочкой.

– Ой, я тоже, как посмотрю на их прыжки, как представлю себя на их месте – я бы на этой лавке просто от разрыва сердца померла!

– Я продолжу. И вот, помню, это было уже на втором году занятий, но не так чтоб задолго от первого полета. Я стоял на старте, встегнутый в аппарат, готовый, и вдруг поймал себя на мысли, что мне не страшно! Вот абсолютно. Нет, есть небольшой предстартовый мандраж, но в основном из–за каких–то рабочих моментов: правильно ли оторвусь, сумею ли выдержать красивый угол, справлюсь ли с учебной задачей.

Но я не боюсь, как тогда, на прыжковой вышке. Так поразился этому чувству, что почти проморгал команду «Пошел». Среагировал только на «Пошел, твою так разэдак...» – Саныч у нас был страшный матерщинник. Потом, после приземления, наслушался всякого из-за того, что туплю на старте.

Отложил, наконец, миску, которую держал в руках уже некоторое время, несмотря на то что она давным-давно опустела. Как-то автоматом принял протянутую кружку с чаем. Мимолетно отметил, как Анахита подняла мою миску с явным намерением после помыть. Продолжил.

– Потом, конечно, бывало страшно. Например, когда я на совершенно новом, более спортивном, а значит, строгом крыле позволил уговорить себя летать с Ай-Петри и долго стоял на старте, будучи не в состоянии справиться с крылом. Я его поднимаю – всё, сейчас два шага, и в воздухе! Но встречные порывы настолько сильные и нестабильные, что я не могу удержать крыло ровно. Его постоянно заваливает то в одну сторону, то в другую. Старт с креном – это сразу циркуль, и врезаешься в склон. А на Ай-Петри под стартом обрыв, и кувыркаться мне вниз далеко.

Или вот еще, летали на равнине, ветер был сильнее, чем я тогда мог справиться, но все равно полетел. И в воздухе вспомнил поговорку: «Лучше быть на земле и жалеть, что ты не в воздухе, чем наоборот», – я даже рассмеялся, вспомнив тот случай, как меня тогда колбасило! И это я еще был на

учебном крыле, вот что значит недостаточный налет! – Но ты знаешь, никогда это не был тот парализующий страх, который я испытал в детстве на прыжковом трамплине. Как бы его описать ...

Пощелкал пальцами, подыскивая подходящее слово, отхлебнул чаю. Обвел ребят взглядом. Анахита сидела в испуганно–восторженном внимании, прижав мою миску к груди, словно пытаюсь загородиться ею от чего–то. Руслан замер с такой же, как у меня, кружкой. Лицо спокойное, но я отметил, как побелели костяшки удерживающей кружку руки.

– Я бы сказал, что это был «рабочий» страх. Скорее даже просто опасение. Я говорил сам себе: «Чего ты трясешься? Ты же все умеешь. Может, не в этих условиях, но ты делал это десятки раз, и у тебя получалось!». А потом делал то, что нужно было. И все получалось.

На несколько секунд над полянкой повисла тишина. Даже не трещал потухший костерок. Только шум ветра фоном, да шелест листвы, да какие–то кузнечики.

Я, наконец, замолчал, обхватил кружку обоими руками и стал пить горячий чай маленькими глоточками. По телу разливалось тепло то ли от чая, то ли оттого, что я хоть немного поделился миром, бывшим для меня когда–то смыслом жизни, с людьми, которые за короткий промежуток времени стали мне не чужими. Шли секунды, складывались в минуты, а я старался впитать этот момент, это чувство, боялся спугнуть его.

Вдруг мир словно слегка изменился: я как будто оказался там, в прошлом, за чертой двухлетней давности, словно и не было ее. На миг показалось, что сижу я не в игре, не у виртуального костра и не с аватарами неизвестных мне в реале людей, а как раньше – в перерыве между полетами, на бивуаке. Где-то рядом дельтапланы, собранные, уже готовые к старту. И сейчас кто-нибудь скажет: «Ну что расселись, летать сегодня кто-нибудь собирается?», и мы пойдем, распределяя на ходу очередность, чтоб оторваться от земли, от ее проблем и суеты в мир, где есть только ветер, высота и свобода.

Глава 25 Дилемма

– Слушай, Фес, я что-то не пойму. Если так любишь летать, почему в игре ты пешеходный травник? Тебе подошел бы, ну не знаю, наездник на драконе какой-нибудь. Или... да разве мало в Фанворде летающих профессий!

– А почему ты не лучник?

Повисла пауза. Парень несколько секунд молча смотрел на меня, потом просто кивнул.

– Ну что, отдохнули? – Руслав обвел взглядом наш небольшой отрядик. – Тогда в путь. Не хочу в темноте по вершине шариться, а нам еще идти.

Что-то царапнуло меня в его словах, однако под сильным впечатлением от произошедшего – еще бы, впервые за два года разговаривал с кем-то о полетах – я просто не обратил внимания. Но что-то, видимо, отразилось на лице, поскольку Рус решил пояснить:

– Нам после спуска все равно двигать к следующему отрогу, останется только восточный. Поэтому сюда возвращаться нерационально. Сделаем временную стоянку под вершиной и оттуда выдвинемся дальше.

Собрались быстро. Закидали остатки костра землей, двинулись в обычном порядке: впереди Рус, нагруженный как ишак; между нами почти налегке Анахита, я замыкал. Судя по карте, до конца отрога было чуть больше двух километ-

ров в земных измерениях. Опять траверсили по границе зоны леса. В этом месте, видимо из-за стыка двух текстур – лесной и горной, образовалась как бы небольшая полочка, вполне проходимая.

Наша скорость могла быть выше, если бы не любопытство эльфы. Она беспрестанно поворачивалась, где можно – шла рядом и засыпала меня вопросами о полетах, об облаках, о горах и всем-всем, что могло быть связано с полетами. Не буду отрицать, мне эта беседа нравилась.

– Феникс, расскажи, а в чем смысл ваших полетов?

– Не понял.

– Вы летаете для чего? Ну там, бросить вызов, преодолеть страх... не знаю, испытать себя наконец...

– А, ты об этом. Вот так вот с ходу и не ответишь...

Я надолго задумался, уткнувшись взглядом под ноги. Какое-то время наш отрядик шагал в молчании, слышно было только скрипение каменной осыпи под тяжкими шагами Руся да буханье моих ножных колодок. Анахита, как и положено эльфам, двигалась почти бесшумно. В такт шагам заплечный мешок постукивал по сложенным под плащом крыльям.

– Знаешь, Аня, полет – это и есть смысл. Я тебе одну историю расскажу, а ты понимай как хочешь.

Помолчал, подбирая слова.

– Мне повезло быть знакомым, хоть и недолго, с удивительной женщиной, одной из основательниц известной дельтапланерной школы. Первый раз мы пересеклись на Юце, я

был еще совсем зеленым новичком, только–только научившимся висеть в динамике. Приземлились почти одновременно, оттащили дельты в сторонку, чтоб освободить площадку. Там такой удачный пяточок, защищенный от ветра, не приходится постоянно аппарат контролировать. И стали вместе разбирать крылья. Естественно, разговорились. Татьяна дала несколько советов, мы ведь перед этим почти час у одного склона крутились. То, что я учлет, было очевидно: и по тому как летаю, и по амуниции – учебный крыл, учебная подвесь. Впрочем, никогда не игнорировал советы более опытных пилотов, даже когда начал вполне уверенно летать. А потом она как–то так внезапно спросила, нравится ли мне летать. Что я мог тогда наговорить? Да еще адреналин не отпустил. Она выслушала мою восторженную ахинею, а потом сказала: «Летать – это единственное, ради чего стоит жить».

Я замолчал на некоторое время, вслушиваясь в ритм нашей группы, потом добавил:

– Тогда я еще не знал, что врачи поставили ей диагноз «неоперабельный рак» и отвели полгода. Она прожила целый год и посвятила этот год полетам, – поджал губы, пытаюсь изобразить улыбку, – вот такой вот смысл.

Мы продолжили топтать, каждый в своих мыслях.

И тут внезапно, как нечаянная зубная боль, наконец–то дошло, что зацепило меня в речи Руслава. Я поднажал и пошел рядом с парнем, благо местность позволяла.

– Рус, погоди. Мне показалось, или ты на самом деле хочешь сам, – я подчеркнул последнее слово, – подниматься за травой?

– Почему сам? – тот пожал плечами. – Пойдем вместе. Подстрахуем друг друга. Всяко получится быстрее, да и надежнее. У меня веревка есть, можем в связке.

Удивленно взглянул на равномерно шагающего парня: да какая на фиг связка?! Он сорвется – мне его не удержать... Впрочем, о чем я думаю? Это же исключено!

Пока еще не веря в происходящее, уточнил:

– Ты предлагаешь подниматься вместе?

Как будто он только что не об этом же самом говорил. Все еще на что-то надеясь, спросил:

– Рус, зачем? Я сам схожу, мне это несложно, вы убедитесь.

Включилась эльфийка:

– Ага, видели, как несложно, полвечера тебя отхаживать пришлось. Рус дело говорит, ходите вместе, я внизу подожду.

– Ну так это ж... – замолчал. Чуть было не ляпнул, что руку сломал из-за сильного ветра на вершине, а сейчас условия комфортные. Ветерок на северном отроге, конечно, будет, но приземлюсь без проблем. Да уж, не самая подходящая аргументация!

– Слушайте, зачем тащиться наверх вместе? Я, в конце концов, и растение изучил, теперь без проблем опознаю. И

поднимаюсь я лучше.

Но Руслан был непреклонен:

– Фес, прекращай ерунду нести. Я верю в то, что ты и один отлично справишься, ты это показал, нет вопросов. Но нам надо торопиться: непонятно еще, сколько времени мы на одну вершину потратим, а потом на переход обратно. Вдвоем быстрее и надежнее.

Я подвис. Блин, парень кругом прав, если не брать мои особые обстоятельства, про которые им знать пока не нужно. И это была проблема! Медленно начало подступать осознание катастрофы. Мозг сопротивлялся, не верил, искал варианты, но сосущее чувство в груди как бы намекало – не выйдет. Да как же так–то?!

Рус уверен, что я имею высокий скилл в Скалолазании. Ну правильно, иначе как бы я добрался до прошлой вершины? Вот только, по здравому размышлению, если у нас, икаров, и есть это умение как расовое, так сказать врожденное, то вряд ли сильно развито. Его же никто целенаправленно не развивает. Так... приземлился, взлетел со скальника. Это не то же самое, что подняться на него ручками–ножками. Я просто уверен, что скилл Руслана выше моего. Вот будет здорово, если пойдем вместе и я буду постоянно срываться, повисая на страховке как бесполезный груз.

– Рус, ты что, предлагаешь Аню оставить внизу одну? Нет, я на это пойти совершенно не могу – кто–то должен остаться с нашим лекарем.

Эльфийка посмотрела с теплотой и каким-то умилением. В другое время я, наверно, испытал бы приятные чувства по этому поводу, но не сейчас.

– Феникс, я тебе так благодарна, что думаешь обо мне. Я, честно говоря, даже стала отвыкать от такого. Но ты не беспокойся: я девочка большая, постоять за себя могу. Тем более вы же быстро?

Ага, вот успокоила так успокоила. Нет, совместный подъем исключен, соглашаться на такое нельзя. Причем это даже не предложение. Да и как? Я же нормально держусь на наклонной поверхности в основном за счет когтистых лап.

Хм, а может, это выход – как-то оправдать лапы? Дескать, это такое проклятье, последствия неудачного колдовства, заболевание, врожденное уродство.

Да, скажу, что когда создавал персонажа в редакторе, перед первым входом в игру, пьяный был, вот и нарисовал себе всякого. А что? Прокатит!

– Фес, или ты не хочешь идти со мной, потому что есть секреты, которые не надо светить?

– Да не, ну какие секреты? – пробормотал на автомате, – никаких секретов нет...

Да, светить лапы не вариант, по любому начнутся вопросы. Все равно, если смотреть в букву договора о неразглашении, это уже будет нарушением. Блин, что делать-то?!

– Рус, а давай тогда соревнование устроим? – я попробовал зайти по-другому. – Ты поднимаешься с одной стороны,

я с другой. Посмотрим, кто быстрее?

Ответный взгляд Руслava был разве что не с сожалением. Ну да, так смотрят на слабоумных и недалеких детей.

– Зачем мне с тобой соревноваться? Видно же и так, что победишь. Ты и выносливее, когда не по ровному, и вон даже в сапогах умудряешься подниматься там, где мне разуваться приходится. Нам нужна скорость и надежность, а я заодно у тебя подучусь немного. Ты не переживай, я тебя сильно тормозить не буду, в конце концов не самый полный нуб на вертикальных стенках, у меня и реальный опыт есть, правда–правда.

Ну и утешил! Причины отговорить Руслava у меня кончились. Я видел правильность его аргументов и не находил в себе сил спорить дальше. Значит, не иду я. Но как? Машинально огляделся по сторонам. Может, ногу сломать? Невесело усмехнулся: вот так вот шел, упал, потерял сознание, очнулся – гипс²⁶. Хотя сознание мне терять не резон. Ладно, нога – это слишком радикально. Я не смогу идти, ребята из-за своей совестливости останутся со мной, все равно задержка. А вот сломать руку – это вариант! Со сломанной рукой не много по горам налазишься, зато идти можно. Да это выход!

Итак, ломаю руку. Как? Сейчас придумаю. Предположим, я иду, оступаюсь, а здесь склон, падаю с него, выставляя руку, – хрусь, дело сделано!

Сквозь хаотично мечущиеся мысли медленно проступа-

²⁶ Кто не узнал – Феникс цитирует фразу из фильма «Бриллиантовая рука».

ло холодное, отчетливое осознание бесперспективности всех найденных вариантов. Сломать руку? С чего я решил, что рука обязательно сломается, если я в падении ее неудачно подставлю? Можно подумать, что постоянно так делаю и результат гарантирован. Да и потом, если все же сломаю, – с нами классный лекарь. Учитывая важность восхождения и отводимую мне в нем роль, Анахита восстановит мне руку за считанные минуты.

Все не то! Похоже, благовидного предлога отказаться от совместного восхождения придумать не удастся. Внутри все заныло. Оставался один–единственный вариант, к которому прибегать очень не хотелось, – слинять безо всякого предлога так же, как сбежал в первую нашу встречу. Сейчас дойдем до конца отрога, до того места, с которого надо начинать подъем, и я, как и в тот раз, скажу... Что? Да неважно. Скажу: «Надо», и все. Ребята примут и, наверно, поймут. Они замечательные, лишних вопросов не будет.

Но в том то и дело, что они такие замечательные. Мне до жути, до сосущей пустоты внутри или крика в небеса не хотелось с ними расставаться. Я ведь только нашел людей, которым впервые за столько лет фактически начал приоткрывать душу. Ведь впереди еще так много дней и вечеров у костра. Мой взгляд невольно упал на опять идущую впереди меня эльфийку: на ее волосы, стан, походку. Перед мысленным взором встали ее улыбающиеся глаза, слегка скошенный в усмешке рот. Я не хочу ее терять!

И если я сейчас просто уйду, как я смогу снова как ни в чем не бывало присоединиться к ним через несколько дней? Нельзя просто так без объяснения причин уходить всякий раз, а потом возвращаться. Захотел – ушел, захотел – вернулся. Так неправильно, они тоже люди.

Запоздало мелькнуло сожаление. Надо было не колбаситься с орлом в свое удовольствие, а слетать и сорвать этот злосчастный эдельвейс. Сейчас бы дошли до места, а я как фокусник – раз цветок из кармана, и никуда подниматься не надо! Или нет, начали подъем, ну влез бы я чуть повыше, как–нибудь получилось бы. И тут вроде случайно – опа! – смотрите–ка, в этот раз он низко растет!

Ведь мог же предвидеть такой поворот событий. Не мучался бы сейчас, не искал варианты. Как же мы сильны задним умом!

А может, просто отстать? Задержаться вроде на чуть–чуть, дескать, скоро догоню, погодите немного. Потом быстро сгонять за растением и дальше по намеченному плану.

Поздно! Лес слева от нас отхлынул как приливная волна, потерявшая инерцию. Перед нами открывался вид на долину. Склон, тянувшийся справа и на протяжении последнего полукилометра постепенно увеличивающий свой наклон, превратился почти в вертикальную стенку. Между ней и крутым склоном на месте леса вилась узенькая тропка, делала петлю и поворачивала за валун. Наш путь приближался к то-

му месту, откуда мы с Русланом, по идее, должны начать восхождение. Или к той точке, где наши пути неизбежно разойдутся, и скорее всего – навсегда. Тяжкий камень на душе превратился в неподъемный груз, готовый вот-вот сорваться вниз и похоронить под собой все мои надежды и мечты. Я стал набирать воздуха для непоправимых слов, голова закружилась – неужели гипервентиляция?! Пришлось остановиться и опереться рукой о скалу. Анахита начала оборачиваться.

И в этот момент шедший впереди Рус, собираясь обогнуть преграждавший путь валун, внезапно отпрянул.

Как-то удивленно мельком оглянулся на нас и осторожно-осторожно, самым краем глаза, выглянул из-за препятствия снова. Мгновенье, опять быстрый поворот к нам, палец прижат к губам. Вполне понятный жест! Мы с эльфой встали как вкопанные, Анахита – с занесенной ногой.

Я вскинул брови: дескать, что там? Руслан показал жестами: подходи, но тихо.

Очень осторожно ступая под умоляющим взглядом, устремленным на мои сапожищи, я обогнул стоящую соляным столбом Анахиту и приблизился. Аккуратный взгляд за угол – и тут же назад.

Перед глазами застыла картинка небольшой скальной площадки метров десять длиной, и не более двух – двух с половиной шириной, с немного скругленным левым краем,

обрывающемся на север: площадка была как раз торцом (или как правильно выразиться?) этого отрога. Правый край ограничен крутым склоном, но не вертикальным, как с нашей стороны, и на мой взгляд вполне «восходибельным». В общем, подниматься можно. Под ним россыпь крупных камней: поменьше того валуна, из-за которого я выглядывал, но все же достающих мне где по пояс, где по колено.

Посреди площадки в три четверти оборота к нам стоял крупный... Человек? Ростом метра полтора, зато почти с такой же шириной плеч. До полностью квадратного силуэта не хватило совсем чуть-чуть. Одной рукой субъект прозаически почесывал себе задницу сквозь штаны грубой кожи. Второй, прикрываясь как от солнца (странно, оно же сзади, а мы вообще в тени отрога!), взглядывался куда-то вдаль. Руки, надо сказать, мощные, с бугрящимися мышцами – бодибилдерам на зависть – и выдающейся длины: наверно, когда опускает, достают как раз до колен.

На голое тело накинута безрукавка длинным темно-бурым мехом наружу, грубо состеганная кожаными ремешками. На голове белым пятном бросился в глаза обыкновенный платок, завязанный с четырех углов, как у какого-то дачника, по виду влажный.

Рядом, буквально под рукой, стояли прислоненные к крупному камню большой круглый щит и копьё с толстым древком примерно на ладонь выше головы владельца.

Уже после того как отпрянул, до меня дошло, что кожа

незнакомца серая, почти под стать цвету камню.

Вопросительно взглянул на Руса. Тот мотнул головой в сторону, откуда пришли: отойдем?

Так же осторожно вернулись назад, туда, где лес еще подступал к тропинке, и даже спустились вниз, за деревья.

– Орки, северные горные орки, – вполголоса выдохнул наш боец – и пожал плечами, – их не может здесь быть!

Мы с Анахитой не сговариваясь выжидательно уставились на парня.

– Я пересекался с ними на Северном хребте. Незадолго до того, Аня, как мы познакомились, —парень взглянул на спутницу. – Бойцы сильные. Я тогда уровнем пониже был, но и сейчас сомневаюсь, что легко справлюсь.

– Почему ты сказал, что их не может здесь быть?

– Это же северные орки!

Я пожал плечами: ну и что?

– Они живут на Северном хребте, в условиях почти что вечной мерзлоты. Отлично переносят холод, живут преимущественно в пещерах. А вот тепла не любят, поэтому встретить их южнее привычного ареала почти невозможно. Кстати, прямые солнечные лучи вызывают на коже сильнейшие ожоги. Как вампир не сгорит, – парень невесело усмехнулся, – но боевую устойчивость понижает.

– Понятно. Гадать о том, откуда они здесь, будем позже. У нас, если помните, сейчас другая задача. Поэтому вопрос у меня простой: с этим, – я мотнул головой в сторону пло-

щадки, – справиш... Справимся?

– С этим, – Рус повторил мое движение, – я и один на один справлюсь. Я же не ребенок.

Наш воин развел руками, как бы показывая: вот, мол, я какой.

– Только по одному они вне своих пещер не ходят, по крайней мере не видели ни разу. Поэтому их здесь минимум 9 бойцов плюс походный шаман. Стандартная группа для дальних разведвыходов.

– Настоящий шаман?! – по интонации эльфийки было непонятно, чего в ее голосе больше: интереса или испуга.

– К сожалению. Орки сами по себе магией не владеют. Правда, к заклинаниям стихийной магии, особенно огня и холода, устойчивы. А вот шаманы–стихийники – тот же самый холод, и кажется, еще земля. В общем, артподдержка у бойцов будет. И хорошо, если нам не попадется некромант: тот может своих погибших поднимать. Эти зомби еще тупее и медлительнее, чем живые орки, зато их убить – только если в мелкий фарш порубить.

Меня заинтересовало другое:

– Дальний разведвыход?

– Да, практика известная. Орки постоянно рассылают подобные группы в разные стороны на десяток дневных переходов. Это именно разведка, поэтому стараются в драки не лезть, на поселки и деревни, даже маленькие, не нападают, вообще светятся по минимуму. Разве что не везет «счаст-

ливчикам» вроде нас, которые могут их «запалить». Так что если эти поймут, что мы их вскрыли, – плохо.

– Насколько?

– Они же горные жители, здесь их территория. В горах от орка не убежать – настоящие машины убийства: сильные, выносливые, реакция отменная, пониженный болевой порог.

– Да уж, нарисовал ты картину. Как с ними справляются?

– В ближнем бою они страшны и почти непобедимы. Но в этом же их слабое место – луков и другого метательного оружия не знают. Если за такое не считать камни, которые они весьма удачно могут сбрасывать на головы: всегда посылают группу наверх, а скилл скалолазания у них запредельный – что твои горные козлы. Умудряются проходить там, где без крючьев и гирлянды веревок делать нечего. Поэтому их стараются выманить на открытое место и расстрелять издалека.

– Смотри, Рус, здесь как раз узкая тропка. Если они все же ломанутся на нас, ты будешь сдерживать. Больше чем по одному на этом участке на тебя переть не получится. А мы с Аней дамажить.

– Нет, Фес, не выйдет, – парень посмотрел на меня с сожалением и отрицательно покачал головой. – Извини, но из твоего лука только мух стрелять.

Меня кольнула обида, хотя и понимал, что Рус прав. Тот продолжал:

– Для охоты он, наверно, подходит. Но ты представляешь, с чем придется столкнуться? Орки почти не пользуются же-

лезом: в их землях месторождений руды нет – слава всем богам и разработчикам! – поэтому у них нет железных доспехов. Но ты видел на нем безрукавку? – дождался моего кивка. – Она трехслойная, сверху шкура мехом наружу. Это северный горный як. Шерсть длинная и очень–очень набитая. В ней одной, например, вязнет нож. Нижний слой – толстая вываренная кожа буйвола, а между слоями роговые или костяные пластинки, тоже очень прочные. Эдакий бронезилет.

– Бригандина?

– Она самая, только пластины не изнутри, а между слоями. А так очень похоже. Не каждый удар копья пробьет. Мощный арбалет, да еще метров с десяти, конечно, шьет. Но вот с луком, особенно если это не эльфийский лонгбоу, делать нечего. Как, впрочем, и с мечом.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно! – кажется, Рус начал терять свое фирменное хладнокровие. – А стреляешь ты как?

– В птицу на лету попадаю, – меня, если честно, заело: да чего он?

– А сможешь вогнать стрелу в щель между щитами так, чтоб попасть в какое–нибудь уязвимое место? В глаз например? Или подмышку?

– Скьяльборг? – решил я блеснуть знаниями.

– Ну да, классическая викингская стена щитов, вполне логичное построение при таком вооружении и одоспешенности, из–за которой они как швейные машинки тыкают сво-

ими копьями. Их даже таранный удар латной кавалерии не всегда берет.

Я внезапно успокоился:

– То есть справиться с несколькими и уж точно со всем отрядом мы не сможем?

– Без вариантов.

– По–тихому снять этого часового? Подождать, посмотреть, когда у них смена, чтоб на развод не попасть?

– Вряд ли. Если, конечно, среди твоих талантов не найдется навыка стелса, чтоб незаметно подкрасться к нему и воткнуть кинжал в ухо. А слышат они будь здоров.

Теперь настала моя очередь качать головой.

– И с одной стрелы, даже если попасть в голову, ты его не снимешь. Уж больно здоровые. Да и шаман, скорее всего, почувствует. Хотя информация непроверенная.

Я даже облегченно выдохнул:

– Ну тогда нам и не нужно с ними воевать, в конце концов не за этим мы здесь! Сейчас отходим назад, где стенка не такая крутая, и я лезу наверх.

Руслав посмотрел на меня с благодарностью, но потом опять закачал головой. Да что у нас сегодня такое? Минутка отрицаний?

– Нет, Фес, не выйдет. Мы когда шли через долину, я специально смотрел. Оконечность как отрезана от остального отрога. Там расселина, так что, по всей видимости, не перебраться поверху, подниматься можно только по торцу.

Парень помолчал немного и добавил:

– Иначе бы давно предложил этот вариант.

Я призадумался. Ну–ка, вспоминай: когда перелетал эту долину, неужели не бросил взгляда на возвышавшийся впереди хребетик? Что–то такое начало всплывать в памяти: понижающийся каменный язык из центрального узла горной системы, его гребнистая спина. Та–а–ак... Ну точно – глыба скальной башни, которой заканчивался отрог, как будто отделенная узкой на таком расстоянии трещиной. Да, Руслав прав, пешком там переправиться невозможно. Но вот только кто сказал, что я это собрался делать пешком?

Ободряюще улыбнувшись обоим, я несильно хлопнул парня по плечу:

– И все же это надо попробовать сделать. Только на восхождение я иду один. Согласен, что оставлять Аню одну, когда здесь по округе шарятся эти серокожие, нельзя?

Руслав медленно кивнул. Выбора, похоже, у него не было.

Глава 26 Орки

Ребята повернулись и, стараясь не шуметь, пошли на выход из леса.

– Сейчас догоню, – я присел на землю и достал из мешка эльфийкину мазь, – буквально одну минуту, надо к восхождению подготовиться.

Уже привыкнув к тому, что я всегда обрабатываю ноги уединившись, мои попутчики двинули дальше, только Рус кинул через плечо:

– Хорошо, только не отставай сильно.

Когда я вышел из леса на тропинку–полочку, ребята были от меня метрах в пятидесяти, в коридоре меж кромкой леса и склоном. Путь впереди полого извивался, огибая небольшой язык каменной осыпи. Увидев меня, Рус призывно махнул рукой, и они скрылись за поворотом.

Стараясь максимально тихо переступать своими сапожищами (нет, все же надо шить нормальные, по ноге!), я поднажал и через минуту или полторы дошел до места, где последний раз видел спины ребят. Поворот впереди был довольно пологим, просматривался на добрый десяток метров. Когда навстречу мне послышались шаги, я немного разозлился: как же – орки кругом, а они топают как слоны! Ну ладно, не слоны, но я их слышал! Я стал набирать воздуха в легкие, чтоб шикнуть на потерявших осторожность ребят... и нос к

носу столкнулся с парой здоровых серокожих громил. В лицо их увидел впервые. Оба, как минимум, на полголовы выше уже виденного мной часового. В глаза бросились небольшие, но мощные клыки, выглядывающие из-под верхней губы. На головах невысокие темные меховые шапки из все той же длинношерстной шкуры, что и безрукавки, из-под которых на этот раз выглядывали кожаные рубахи. Щиты висели закинутыми за спину на каких-то подобиях подвеса, копья в положении «на плечо». Один из орков в свободной руке держал что-то вроде фляги и пил. По всему, они только что негромко переговаривались на ходу. Ну чисто нормальные солдаты в успевшем надоесть за десятки раз хоженом-перехоженном патруле где-нибудь на просторах моей родины.

Сердце, пропустив удар, в испуге замерло. Я застыл с полуоткрытым ртом на начинающемся выдохе. Мои визави, по всей видимости, тоже. Или это кто-то поставил время на паузу?

В следующее мгновение время пустили снова, только на этот раз в режиме ускоренной перемотки. Лук будто сам прыгнул мне в руку. Стрела буквально материализовалась на натянутой одним движением тетиве. Благо, саадак я с момента последнего привала приторочил на бедро, на всякий случай. Видимо, вот как раз на этот.

Но и мои противники не зедали – раз, и они уже прикрыты щитами, что висели за спинами. Хорошие такие щиты, круглые, побольше метра в диаметре, с темнеющими на фо-

не покрывающей кожи тарелками умбонов.

Ну и куда тут целиться? Орки, стоя впритирку друг к другу, прикрылись щитами по самые глаза. Сверху торчали лохматые шапки. Справа и слева от голов сверкнули нацеленные в меня наконечники копий. Оба пригнулись и наклонились вперед, так что снизу выглядывали только голенища сапог.

Сердце ударило и рухнуло куда-то вниз, в холодеющий желудок, потому что в следующий момент оба орка молчком рванули в атаку.

В сознании запечатлелась мысль: ну вот и все!

Тренькнула тетива – мой лучший выстрел: стрела прошла впритирку с кромкой щита! Но в последний момент орк чуть опустил голову. Удар пришелся в шапку. Ну и? Похоже, тот просто не почувствовал, даже с шага не сбился. Все это я увидел уже на бегу. Пяток шагов бежал спиной вперед, но надежда нашпиговать их стрелами, отступая таким образом, робко вякнув, померла, разбившись об реальность. Я могу выпустить все, итогом будут чуть-чуть потяжелевшие щиты, куда весь мой боезапас попадет. А потом они меня догонят, и даже копья не понадобятся. Каждый орк весил раза в два меня больше. Этим двум «локомотивам» достаточно пробежать по мне с тем же, что и у поезда, результатом.

Поэтому, выпустив на четвертом шаге еще одну стрелу, целясь в мелькающие под щитами ноги и поняв на пятом шаге, что никуда не попадаю, на шестом развернулся и, как заяц, разве что, не поджав уши, рванул уже по-взрослому.

Шаги за спиной меж тем, похоже, не отставали. Сто метров до валуна, а за ним – еще один здоровяк.

Сердце молотило, легкие методично качали воздух, мозг в бешеном темпе перебирал варианты – на эмоции ресурсов не оставалось. Если человек в экстремальной ситуации кричит, визжит, фонтанирует эмоциями, – знайте: рациональное мышление у него отключено. А у кого оно работает на полную, как у пилотов во время экстремальных ситуаций, эмоций нет – им не до того. Эмоции придут потом. Если будет куда.

Варианты? Справа – почти гладкая вертикальная стенка. Слева лес. Свернуть в лес и под уклон попробовать оторваться? Хм... В лесу я буду медленнее, уже проходил. Остановиться и принять бой? Так просто растопчут. Вперед? При беге я грохочу, заглушая несущуюся сзади погоню, – значит, часовой на торце отрога меня услышит заранее и встретит с распростертыми объятиями. Что делать, что делать?!

Так вот же: они – «неписи», NPC, а значит, я могу смело светить крылья! Десяток метров вдоль леса, далее чистый склон. План созрел мгновенно: как только выбегаю на открытое место, ломлюсь что есть силы вниз. Плащ, развевающийся сейчас за спиной, сорвать – одно движение. Убрать в мешок можно и позже будет. А вот сапоги скинуть некогда, придется попробовать разогнаться в них. Метать копья они мне в спину не будут, если верить Русу. Что там, кстати, с ними? Ладно, мне главное сейчас – убраться от догоняющей

смерти.

Пять метров. Лук уже в саадаке, зафиксирован хорошо. Правая рука пошла к застежке плаща, гашу желание оглянуться. Четыре...

Сзади свист рассекаемого воздуха и хлюпающий удар. Все-таки оглядываюсь. Орки в каких-то пяти-шести метрах. Как же близко! Тот, кто ближе к стенке, уронил щит с копьем и двумя руками держится за шею, бежит скорее по инерции. А между ладоней торчит наконечник сулицы. В этот момент в его спину влетает огненный сгусток. Шарах!

Вот ведь блин: так мне что, радоваться? Меня спасут?! Раненый орк начинает приотставать, но его товарищ пока держит темп и, кажется, нагоняет. И как теперь лететь?

Еще один свист, сулица попадает первому орку в затылок и тот падает бесплотной тушкой на землю. Второй не стал испытывать судьбу и резко развернулся. Видно, как огненные брызги разлетелись вокруг его щита. Успел-таки!

Торможу, аж пропахал сапогами полметра по камню. К черту застежку, рву из саадака лук и стрелу. Орк в пяти метрах, но куда стрелять?! Спина прикрыта меховым «броником», да и шапку мои стрелы, по-видимому, не берут. Решение приходит моментально, и через миг оперенный конец стрелы торчит у орка из подколенного сгиба. Серокожий бросает на меня через плечо быстрый взгляд: в глазах никакой паники – ну чисто терминатор! Оценил, что пока будет прихлопывать меня, как надоедливую комара, за спиной

окажется противник поопаснее. Но все же поворачивается вполоборота и прижимается спиной к скале. Щит перебросил так, чтоб прикрыться от меня.

Теперь вижу ребят. Рус мчится впереди, закрывшись своим миндалевидным щитом. В правой руке оставшееся метательное копьё. До него метров двадцать. Это он с такой дистанции оба броска – и в цель?! Да он реально крут! Метрах в десяти позади русского витязя мелькает зеленое платье.

Орк снова бросает взгляд на меня. Я прямо чувствую, как в его мозгах сейчас решается уравнение: успеет ли он прибить надоедливую лучника, прежде чем новые противники добегут? Продолжая выцеливать его ноги, снова спиной вперед разрываю дистанцию. В этот момент еще один фаербол, прошуршав над плечом Руслана, вонзается в нашего врага. Тот успевает инстинктивно прикрыться щитом, снова в стороны летят брызги пламени. Я использую этот момент, чтоб добавить к первой стреле еще одну – сделаю ежика!

Орк бочком, контролируя обе угрозы, начинает быстро смещаться в мою сторону. Э, так дело не пойдет! Скорость у него при этом небольшая, убежать успею, но где-то сзади подмога. Третья стрела поражает многострадальное колено. Следующий шаг – и орк с трудом удерживает равновесие: все-таки нога перестает слушаться. Серый пытается кое-как ковылять в направлении площадки на торце отрога. Но продвижение здорово замедлилось.

С мощью тепловоза набегает Рус и, подпрыгнув, бьет дву-

мя ногами в подставленный щит. Я ждал, что наш враг полетит кувырком на землю. Ага, сейчас! Тот просто отбежал на пару шагов назад, удерживая равновесие, и даже попытался достать нашего воина копьем. Впрочем, Рус принял удар на свой щит. Четвертая стрела вонзилась в икру – я все ж поторопился с выстрелом. Пятая ударила опять под коленку, и та наконец подогнулась.

– Не подходи к нему, – крикнул Руслав, вытанцовывая вокруг стоящего на одном колене орка, но продолжающего прикрываться и норовить ужалить в ответ.

Я одну за другой вогнал еще три стрелы в другое колено. В щит влетает еще один фаербол, а Рус, снова подпрыгнув, достает все–таки противника. Куда попал, заметить я не успел: удар поверх кромки щита был молниеносный с таким же быстрым отскоком. Но у орка здорово просело здоровье: вторая нога подогнулась, теперь наш враг стоял на коленях, но еще не был повержен и все еще опасен.

Осмелев, я подбежал ближе, и метров с трех смог наконец рассмотреть щель между меховой шапкой и верхним обрешком безрукавки. Тут же вогнав туда еще одну стрелу.

Видно было, что противник замедлился. Рус смог обойти его сбоку и нанес мощный колющий удар в основание шеи. В этот же момент в голову орка с другой стороны влетел огненный шар. Моей стрелы, снова ударившей в то же место, наверно, никто и не заметил, так как наш противник сунулся носом в землю и потерял телесность.

– Собирай стрелы, и рвем, – Рус глядел мне за спину.

Я оглянулся. Из-за валуна показалась приземистая фигура приснопамятного часового. А через мгновение за его спиной возникли новые.

– Уходим?

Руслав покачал головой. Что-то мне начинает надоедать этот жест.

– От них не убежим. Но отойти нужно. Чуть дальше есть место подходящее.

И мы рванули.

Впрочем, недалеко. Пробежали памятный язык осыпи, у которого я столкнулся с орками, пробежали еще метров пятьдесят, и Рус остановился.

– Все. Здесь я их продержу, сколько получится, а вы уходите.

– Ты же говорил, что в горах от них не убежать?

– Это если всем вместе. Но если я их здесь задержу, у вас будет шанс.

Я осмотрелся. На самом деле, место как будто специально созданное для обороны. На склоне слева близко к тропке подступали густые, все в перепутанных гибких ветках, и очень колючие заросли. Проломиться сквозь них было бы весьма проблематично. Для меня вообще нереально. Плюс склон в этом месте был круче, уходя в долину этакой впадиной. Скала справа не просто становилась вертикальной, она даже немного нависала над проходом, создавая козырек, за-

щищавший от падающих сверху камней. Проход между зарослями и скалой суживался настолько, что пройти по нему на протяжении десятка метров можно было только по одному.

Я вспомнил, что, когда шли еще туда, так и теснились, правда, мне было не до разглядывания местности. Мой мозг искал варианты отмазаться от совместного восхождения. Навивный! Я думал тогда, что это самая большая проблема!

Сейчас проблемой стало то, что идти дальше я не мог.

Демонстративно достав лук, пересчитал стрелы, посмотрел, насколько легко выходит из ножен кинжал:

– Никуда я не пойду. Так что остаемся вдвоем.

Потом, взглянув в удивленные глаза, пояснил:

– Ногам хана, стер на бегу, так что отсюда только ползком или на руках. Или на крыльях, ни у кого, кстати, нет?

Рус усмехнулся, оценив шутку. Я про себя подумал: «А у меня вот есть. Только не могу я вас тут бросить!». Потом посмотрел на тяжело дышавшую Анахиту:

– А ты чего стоишь? Ну–ка брысь отсюда... чтоб пятки мелькали.

– Я не уйду. – упрямо помотало головой, – Да и что вы стоите без лекаря? До первой раны!

– Аня, мы зря, что ли, уродовались, доставая твой эдельвейс? Так сейчас все потеряем. Уходи.

– Феникс, какой ты смешной!

Опять это покачивание головой! Да сколько можно! Прав-

да, взгляд... за такой и умереть можно, тем более виртуально. В светящихся глазах благодарность, тихая печаль и... мне показалось? Нет, наверно, еще не любовь... Но так смотрит женщина на небезразличного мужчину, уговаривая не связываться с хулиганами.

– Даже если я унесу все, что вы собрали, без двух других частей – это бессмысленно. Пока вы возродитесь, пока соберем остальное, собранные уже пропадут. Да и не уйти мне одной от них.

В этот момент из-за поворота появились первые враги. Бежали неспешно, так же прикрываясь щитами. Впереди двое, за ними маячил еще один.

Руслав протянул мне одну из своих сулиц, поудобнее перехватывая прихваченное орочье копьё.

– Не силен на копьях, – я извиняясь, развел руками, – ребята, я лучше с луком.

Руслав уже встал в стойку, прикрывшись своим миндалевидным щитом, копьё на изготовку над плечом. Бросил быстрый оценивающий взгляд на меня:

– Блин, Фес, не обижайся, но от твоего лука против орков толку никакого.

Я задохнулся от обиды. Спустя секунду пришло осознание, что в общем – то так и есть. Но легче не стало.

– Ты бы лучше отошел чуть назад и посмотрел, чтоб нас через лес или поверху не обошли. Я вижу троих. Часового они оставили на месте. Значит, еще трое плюс шаман сейчас

стараются выйти нам в тыл.

Орки тем временем, увидев, что добыча никуда не денется, перешли на шаг, потом вообще остановились как раз перед узким коридором, в конце которого их ждал изготовившийся к бою витязь.

На мое плечо мягко легла женская рука.

– Феникс, а ты можешь идти?

– Я бежать не смогу, а здесь по месту перемещаться сумею.

– А лезть в гору?

Я обернулся. Анахита стояла буквально в полушаге, наши глаза встретились. Несмотря на критичность момента, несущийся табун мыслей принял романтическую окраску.

– В смысле? Зачем?

– Ну как же ты не понимаешь! Мы с Русом уже вполне сложившаяся двойка. Мы их подержим сколько-то, а ты поднимайся на вершину. Вот, возьми, – и протянула мне пожелтые, но все еще представляющие алхимическую ценность растения. – Если что, встретишь нас у точки возрождения. По крайней мере то, за чем шли, не потеряем. Потом останется только четвертая вершина.

Эх, Аня, план близок к идеальному. Но как же, черт побери, тяжело бросать фактически обреченных товарищей. Даже если ты выполняешь ответственное задание. Наверно, так чувствовали себя на войне счастливики, которым выпало нести донесение, пока остальные бойцы прикрывают их

отход, жертвуя своими жизнями. Да, приказ. Но как потом смотреть в глаза их родным, молча отвечая на невысказанный вопрос: почему именно ты, а не мой?

– Кстати! – была бы возможность, Рус хлопнул бы себя по лбу. – Аня права. Фес, давай наверх! Ты же хороший скалолаз. Всё не зря ходили.

– Ребята, я не могу. Получается, что я вас бросаю...

– Ерунду не говори, – жестко отрезала эльфийка, я даже опешил, несмотря на момент. – У тебя не меньше шансов столкнуться с орками, которые пойдут поверху. И тогда нам здесь будет проще, чем тебе на склоне.

– Тогда какой смысл нам вообще разделяться? – попыталась еще раз «съехать» моя совесть. Или это самолюбие?

– Нет, – бросил через плечо Рус, – их как минимум еще семеро. Допустим, одного оставят на посту и еще одного у лагеря. Есть же у них лагерь? Против пятерых нам по любому втроем не удержаться. А еще шаман... Нет, Фес, самое разумное сейчас – тебе лезть наверх. Иди, может, успешешь проскочить. Если обойдут сзади, здесь даже ты не поднимешься.

Глава 27 Северная вершина

Оглянувшись на медленно подступавших к Русу врагов, я тяжело вздохнул и направился в тыл. По идее мне надо было пройти назад еще метров двести: там угол склона снижался и теоретически можно было начинать подъем. Правда, пришлось бы как-то перебраться через глубокую трещину, которая отсекала от отрога его оконечность. Но меня, по понятным причинам, все это не беспокоило. Так же я, по идее, должен был не переживать за возможность столкнуться на подъеме с орками. Но именно они-то и засели в моей голове. В способность Руслava продержаться против тройки бойцов в узком месте, да еще при поддержке мага и лекаря в одном лице, я верил. Но в моем воображении крутилась картина выходящих им в тыл врагов. Вот Анахита, увлеченно палящая в наступающую стену щитов фаерами, получает в спину удар копьём и оседает посмертным облачком. И вот уже Рус оказывается под ударами с двух сторон, тщетно пытаюсь закрыться и нанося напоследок удары в подставленные щиты. Но круглые щиты орков сходятся над тем местом, где он только что стоял, как ножи бульдозеров... И я остаюсь один.

Конечно, собранные ростки эдельвейса я сохраню и даже встречу ребят на точке возрождения. Но как мы вернем им снаряжение и амуницию?! Скорее всего, их орки заберут с собой. И куда мы пойдём без оружия, без брони, без эликси-

ров и всего, что необходимо в длительном путешествии по горам? Нам придется возвращаться обратно к цивилизованным местам. Останутся ли у ребят средства, чтоб закупить хотя бы какое-то снаряжение?

Я-то все свои средства оставил в лавке алхимика. На мгновение перенесся назад, в уютную аптеку добродушного местного. Сознание выхватило из памяти его крайний «подгон. Как наяву, перед глазами проплыли уже потраченные эликсиры и ампулы со взрыв-зельями. Взрыв-зелья! Да! Я баран! У меня же есть два десятка заготовок для фугасных стрел, как я их сам назвал. Вот то, что уравнивает мои шансы с орками и делает мой лук крайне убойной штукой.

Первый порыв был вернуться к ребятам. Теперь я не бесполезный лучник с крайне слабым луком. Действие стрелы с привязанной ампулой, на мой взгляд, было не слабее удара фаерболом. Теперь-то мы эту тройку быстро раскатаем!

Но потом засомневался. Куда я попаду, в щит? Ну и сколько раз нужно попасть, чтоб он разлетелся? У меня взрывных ампул всего-то два десятка. Другое дело – попадание такого снаряда в голову! Но для этого нужно стрелять с других ракурсов. А это в том коридоре невозможно. Значит, обойти со спины! Потом вспомнил про тех, кто должны зайти нам со спины. Точно! Эти пойдут поверху. Значит, цепляясь руками и ногами, прикрыться щитом возможности не будет. Вот и расстреляю их с лету, они «неписи», можно не стесняться. Да и потом – они не возрождаются и никому не расскажут.

А уже после обойду нападающую троицу со спины.

Хищно усмехнувшись, расстегнул мешок, достал сверток с ампулами и катушку ниток. Вот блин, ниток оставалось маловато. Уже имея некоторый опыт, начал приматывать зелья к стрелам. Хорошо, что это игра. Когда система понимала, что я хочу сделать, ампула фиксировалась к стреле почти намертво, в реале пришлось бы затратить больше времени и ниток. Все равно хватило только на дюжину стрел. Ладно, попробуем обойтись этим.

Оглянулся. Очередной изгиб горы скрывал меня от ребят стенкой из леса. Впрочем, им сейчас не до меня. Впереди метров пятьдесят ровной тропки. Лес в этом месте как раз слегка отступал от склона, имевшего уклон градусов шестьдесят–семьдесят. Коридор как бы расширялся кверху, имея на высоте двух моих ростов метров шесть ширины. Подойдет! Сапоги и плащ долой.

Разбег, толчок, взмах. От правого крыла до ближайших деревьев почти метр, зато левое в нижней точке взмаха «лизнуло» камни. Зарождающийся страх кольнул где-то в районе желудка, но уже следующий взмах прошел без проблем: крена нет, с виду заломов на маховых перьях незаметно. Я продолжил набор.

Вновь встречный ветер холодит лицо. А поскольку я в холщевке – задувает и запазуху. Треплет штаны и рукава, хлопает складками одежды. Переодеваться в кожу я не стал... хм... входит в привычку, и мне это не нравится. Форс–мажор

форс–мажором, но нарушать регламенты не следует. Пообещал себе, что это в последний раз.

Сначала протянул вдоль склона от оконечности. Набрал метров двести над точкой старта, развернулся и к месту боя подошел уже с превышением порядка полукилометра. Острое зрение позволило разглядеть ситуацию в деталях. Орки пытались теснить Руслava, но возможность действовать только по одному играла на нашего бойца. Все же, несмотря на всю видимую мощь серокожих, Рус был более чем на голову выше самого рослого из своих врагов. Сзади работала «артой» Анахита, посылая в серых фаеры. Держатся ребята – это хорошо. А что с возможным обходом верхами?

Странно, со своего положения (а я просматривал склон вплоть до самого торца отрога и вверх почти до вершины) никого заметно не было. Гадать о причинах не стал. Тем лучше – заберу цветок и помогу ребятам.

Я встал в широкую восходящую спираль, ждать динамика не приходилось, буду палить выносливость. Надеюсь, ее хватит на задуманное, наверху восстановлюсь.

Когда поднялся над склоном, тряхнуло: выше гор задувало, но не так, как вчера. По ощущениям не больше шести метров в секунду. Впрочем, у вершины за счет эффекта Вентури будет побольше. Не беда, условия можно считать вполне комфортными, особенно после вчерашнего топленинга.

Перед тем как загнестись, решил как следует осмотреть вершину, поднялся над ней метров на пятьсот. И не зря – фигурку на самой вершине я заметил издали. Еще один часовой! Обзор у него козырный, контролирует обе долины и подход ко всей горной системе с севера. Интересно, у него есть связь с подмогой? Да конечно есть, иначе какой в нем смысл?

А успеют ему помочь? С одной стрелы завалить орка я не надеялся. Посчитаем: двоих мы уже прикончили, один на посту на северной оконечности внизу. Трое атакуют ребят. Если в группе девять бойцов, то где-то еще двое. И шаман. Как можно забыть? Для меня пока что неизвестная фигура. Что он может против крылатых? Вдруг что-то может? Ладно, об этом после, сейчас есть текущая задача – очистить себе посадочную площадку. Орк вверх не смотрел. Что, у них в горах нет никакой крупной летающей живности?

Вариантов атаки я видел всего один: расстрелять, используя эффект неожиданности, желательно за один заход. Я, конечно, могу летать над ним чуть ли не бесконечно, и он меня не достанет. Даже если все орки округи соберутся внизу, я в безопасности, пока выносливость не закончится. Но есть неизвестный фактор – шаман. А кроме того, я тоже ничего не сделаю: закроются щитами, и все. Нет у меня бесконечных патронов. Значит – в пикировании, со спины.

Впрочем, направление атаки диктует ветер. Попробуй я зайти по ветру, скороснижение окажется таким, что один раз

прицелиться не успею.

С боковиком? Ветер без порывов, скомпенсировать и выдержать траекторию смогу. Но сам выстрел? Я не мегалучник, чтоб учитывать снос ветром. Куда там, кстати, будет сносить стрелу по ветру? По какой-то необъяснимой причине в памяти всплыли совершенно бесполезные сейчас знания про выстрел из гранатомета, который как раз доворачивает на ветер. Эй, а у стрелы тоже оперение, на которое боковой ветер будет оказывать большее влияние, чем на наконечник? Блин, я сейчас запутаюсь. Ну нафиг! Всё, захожу против ветра, то есть четко с севера.

Я встал против ветра и, подбирая угол и форму крыльев, стал планировать к цели градусов под шестьдесят. Пикированием не назовешь: скорость хорошего лифта. Стрела на тетиве, еще три зажал в зубах, больше не поместилось. Значит, буду надеяться, что четырех попаданий хватит!

Четыреста метров. Разглядываю цель. Щит и копьё в сторонке. Это хорошо для меня и плохо для него. Хуже, если б щит был за спиной. Хотя кого ему бояться на вершине? А щит – это дополнительная парусность, все ж на вершине задувает.

Триста метров. Рано.

Стоит ко мне боком. Но я выше, в периферийное поле зрения попасть не должен. Куда он там смотрит? Куда-то вниз, в направлении, где оставленные мной попутчики ведут бой с его сородичами.

Двести метров. Нет, далековато, промахнусь.

Как он вообще заметил ребят? Над местом боя карниз, да и конфигурация горы такова, что с вершины склона не видно.

Сто пятьдесят. Еще подожду. Хотя если затяну, не успею все отстрелять. Я же не авиационный пулемет!

Так, а кто это там, на склоне?! Куда смотрит моя цель?

Некогда! Сто метров. Выстрел!

Вспышка микровзрыва в районе бедра. Вторая стрела уже в полете!

Попадание в плечо. Начинает разворачиваться, наклоняясь за щитом. Выстрел!

Крит! Голова скрывается во вспышке взрыва, здоровье орка в красной зоне. Последний выстрел с дистанции 20 метров. Больше не успею!

Поторопился! Взрыв между лопаток. Здоровья осталось на волосок, но он жив! Если уйти на второй круг – спрячется за щитом. Наверняка есть эликсиры, восстановит здоровье. Вот блин! Решение приходит моментально: выпускаю лук, поджимаю крылья, разворачиваюсь в полете ногами вперед. Освободившиеся руки ложатся на рукояти кинжала и ножа. Удар распрямляющимися ногами в спину и, проскальзывая вниз, удар с двух рук клинками в шею. Враг теряет телесность, я проваливаюсь сквозь его посмертную туманную тушку.

Ноги пружинисто встречают землю, по инерции делаю два

шага вперед. Разворот, быстро осмотрелся. Вокруг никого, но я же заметил шевеление! Подобрал лук и пробежался в направлении, куда смотрел мой ныне покойный противник.

От вершины на запад шел крутой уклон, метров через соток переходивший в вертикальную стенку. Я бы там точно не поднялся, на север уклон был гораздо меньше. И кого туда понесло?

Осторожно выглянул за край. Ну ничего себе! На почти вертикальной стенке, не изобилующей трещинами и уступами, я заметил парочку орков. Удивительно ловко перебирая руками и ногами, они быстро спускались с таким расчетом, чтоб выйти в спину моим друзьям. Нас разделяло уже метров двадцать.

Ну нет, ребята, живыми я вас отпустить не могу! Там внизу мои товарищи, а вы – их гарантированная смерть. Уперся левой ногой в край, правую отставил подальше назад для баланса, сам навис над бездной. Взгляд выцепил ближайшего противника, второй был ниже на пяток метров. Затрещал натягиваемый лук. Вдоль стенки несильно задувало, взял прицел чуть-чуть правее – выстрел! Дистанция небольшая, стрелял я вдоль стенки: ничего удивительного, что стрела ударила точно в голову. Ну и? Я даже застонал от разочарования. Так надеялся, что сейчас увижу, как враг, размахивая руками и ногами, полетит вниз. А там метров сто или больше, какой бы крепкий ни был, сомневаюсь, что переживет падение.

Нет, орк с ополовиненной шкалой здоровья поднял голову, нашел меня ничего не выражающим взглядом терминатора... и не менее быстро начал подниматься. Вот черт!

Второй выстрел. Поторопился, стрела почти чиркнула по плечу. Где-то далеко внизу негромко бабахнуло, но я не обратил внимания. Липкий холодок пробежался по спине.

Рука метнулась к колчану, третий выстрел. Оперенье возникло над плечом орка: видимо, попал в вырез безрукавки. Стрела почти отхватила правое ухо. Где взрыв?! Бросил взгляд в колчан. Вот ведь, схватил не ту стрелу!

Орк все ближе. Заряженная стрела на тетиве, выстрел. Вспышка взрыва на том же плече. Здоровье орка в красной зоне, но он жив. Его правая рука на секунду повисла вдоль тела, все-таки два попадания в одно плечо. Но вот она поднялась, отломил торчащее оперение... И в следующее мгновение орк прикрылся щитом!

Ну и как будешь подниматься без одной руки? Пат? А вот и нет! Рывками переставляя левую руку орк продолжил подъем. Медленнее, чем до этого, но также неотвратимо. Пару секунд я просто наблюдал, пораженный ловкостью серокожего. Настоящая машина убийства! А потом мне стало не до любования. Четвертая стрела шарахнула по щиту. Безрезультатно, орк даже не сбавил своей скорости.

На миг меня охватила паника. Если бы враг приближался, извергая угрозы, ругань, фонтанировал эмоциями, то так страшно, наверно, мне бы не было. Все-таки живой понят-

ный человек, ну или орк. Перед лицом бездушной неотвратимо приближающейся машины мне захотелось просто исчезнуть, раствориться. Я даже забыл, что могу улететь!

В попытке рассмотреть его здоровую руку высунулся вперед и потерял равновесие. Нелепо взмахнул руками, совершенно забыв про крылья. Крылья, да! И, продолжая движение вперед, шагнул правой ногой в бездну.

В ушах свистнул ветер. Я надеялся, что прикрывавшийся щитом орк проморгает мое движение. Иначе вместо щита меня встретит наконечник копья.

Додумать, что будет, не успел – удар в ноги. Чуть отталкиваюсь, чтоб меня немного отбросило от стенки, с резким хлопком за спиной раскрылись крылья. Пара взмахов, заложил вираж, взгляд по сторонам.

На стене один враг. Он уже здорово ниже меня и продолжает резво спускаться. А где мой? И успеваю заметить, как какое-то тело падает на небольшой поросший травой уступчик под стенкой – часть карниза, нависавшего над тропой. Снова взгляд шарит по тому месту, где только что был мой враг. Никого! Ура!

Но остался еще один. До уступа ему осталось уже метров пятьдесят. Стрелять сверху – промахнусь в половине случаев. Закладываю широкий правый вираж, лук в руках, стрела на тетиве. На третьей четверти разворота спрямляю траекторию, держа курс под сорок пять градусов к стенке, в точку, где, как паук, опускается смерть моих друзей. Взгляд ло-

вит плечевой сустав. Хорошо, что щит висит чуть ниже. Двадцать метров, десять, пять – выстрел! Отворот с креном под девяносто. Немного отлетов, разворачиваюсь.

Орк висит на одной руке, вторая висит плетью. Встречаюсь с ним взглядом. А ты не железный! Во взгляде ненависть и обещание скорой смерти. Да что ты сделаешь?!

Повторив заход, стреляю метров с восьми, тут же отворачивая. Ну его, еще как прыгнет! Не уверен, что попал точно в плечо, тем не менее, развернувшись, орка на стене не вижу. Вот он – падает мешком на камни уступа рядом с посмертным сгустком своего сородича. Ай да я! Три орка в активе! Вот тебе и небоевой персонаж! Захотелось запеть нечто браваурное. Или как–нибудь по–геройски высказаться, дескать «что–то мало сегодня я орков настрелял, кхе–кхе, даже не разогрелся. Дайте еще парочку». Даже усмехнулся своей ребячливости.

Ну что там у ребят? Широкая спираль, нахожу взглядом наших. Вот блин! И, сложив крылья, резко пикирую вдоль стенки за спины нападающим.

Мягко приземлился на тропинку за поворотом. Как бы ни шли дела плохи, первым делом плащ и сапоги. Вот теперь сыграем в кавалерию из–за холмов!

Передо мной открылась картина схватки. Один орк лежал посмертной тушкой. Второй, привалившись к скале, торопливо бинтовал ногу выше колена прямо поверх штанов. Здоровья чуть, но еще жив: видимо, скоро восстановится. А тре-

тий добивал нашего воина.

Рус стоял на одном колене и закрывался остатками измочаленного щита от ударов сверху. Сил отвечать, по всему, не оставалось. Впрочем, наверно, и нечем: под ногами я заметил обломки как минимум двух сулиц. Жить ему оставалось не больше трех–четырёх ударов. Анахиты нигде не видно.

«Минут у нас не будет, но секунды есть всегда», — в голове голос моего учителя по первой помощи. Только не спешить. Не бежать.

Четыре шага. Проходя мимо «трупы», подобрал валяющееся копьё. Еще два шага. Удар сзади в шею раненому. Я, может, и не боец, но тому хватило. Выпустил копьё из руки, нащупал в колчане оставшиеся два «фугаса». Одну стрелу в зубы – я не могу сейчас ошибиться. Вторую на тетиву.

Останавливаюсь буквально в трех метрах от последнего противника. Скрип натягиваемого лука, орк пытается оглянуться. Поздно! Стрела бьет точно в голову, на которой нет шапки, видимо, потерял в бою. Взрыв! Я слишком близко, чувствую, как меня на излете достает ударная волна. Орк отшатывается, рука с щитом рефлекторно тянется закрыться, но не успевает. Последняя стрела влетает орку прямо в лицо, его отбрасывает назад, на землю с грохотом падает щит и копьё.

Рядом со стоном на землю опускается Рус:

– Фес, ты успел.

– Жив? Двигаться можешь? Где Аня?

– Жив. Была сзади.

Я поднял взгляд. Шагах в трех позади Руслava, свернувшись калачиком, лежала Анахита. Из-под ее тела растекалась большая темная лужа. Слишком большая. Внутри что-то оборвалось, и холодная тоска сдавила сердце. На миг мир вокруг остановился. Захотелось выть. Кажется, у меня подкосились ноги, уровень земли неожиданно подрос и оказался где-то рядом, так что я смог опереться рукой.

Глава 28 После боя

– Как?!

– Меня оттеснили с узости и стали зажимать. Аня бросилась на помощь, пропоролла одному ногу. А потом нарвалась на удар копьём.

– Как же ты...

Я не договорил: мне было достаточно, что лежащее калачиком тело пошевелилось. Подскочил, коленки глухо стукнулись об камень, рывком развернул на спину. Лицо бледное, губы синюшные, глаза закрыты. Мое тело работало на рефлексах: ухом почти уткнулся в нос девушке, взгляд на грудь, мысленный отсчет до десяти. На третьем счете уха коснулось теплое дыхание, потом заметил слегка вздымающуюся грудную клетку. Жива!

Правая сторона платья в складках и густо залита кровью. Рывком разорвал ткань от горла до пояса, и откуда только силы взялись! Мельком отметил высокую, правильной формы левую грудь с небольшим ореолом вокруг соска и рассеченную страшным ударом правую с раскрывшимися краями раны, откуда толчком выбросило еще одну порцию алой крови. Ступор на мгновение, перед глазами со скоростью ускоренной перемотки сотни картинок. Эх, сейчас бы гемостатик! Да где его здесь взять то? Что тогда? Тампонирувание! Только чем?

Взгляд рассеянно заскользил по сторонам, наткнулся на спокойно сидящего Руса, пьющего что-то из небольшого флакончика. Где мой мешок?!

– Феникс, ты чего? – еле различимый слабый голос.

Руки что-то оттолкнуло. Я опустил взгляд на распростертую девушку: глаза открыты, сколько же в них изумления!

– Молчи, тебе нельзя говорить, истечешь кровью. Не дай бог задето легкое. Сейчас я тебя перевяжу.

– Феникс, – голос окреп, и в нем послышались нотки укоризны: только сейчас заметил, что Анахита прикрывает грудь ладонями, – мы же в игре. Отвернись... и дай мне мою сумку.

Господи! Накатила слабость, будто из перекачанного матраса вытащили клапан. Ну конечно! Будь она мертва, здесь сейчас бы лежала полупрозрачная тушка, имеющая черты Анахиты, и мои руки проходили бы сквозь нее. Вот баран!

Пошатываясь, я встал и огляделся. Лекарская сумка эльфийки валялась шагах в пяти. Нетвердой походкой сходил за ней, старательно отворачиваясь, протянул владелице. Потом два шага в сторону и, рухнув на землю, сел, уставившись куда-то перед собой.

Со стороны раненой раздалось бульканье, затем приглушенное шипение:

– Как жжется-то! Долбаный реализм!

С характерным звуком открылся еще один флакончик.

– Ну вот, теперь я буду жить! – констатировала эльфийка.

И секунду погода добавила: – Черт, Феникс, ну зачем платье–то было рвать? Как я теперь пойду, у меня же нет другого!

О женщины! Ей копьём грудь разворотили, а она переживает за тряпки!

Раздался голос Руса:

– Платье зашить можно, у меня есть нитки. Но сейчас отсюда нужно уходить. И чем быстрее, тем лучше. На вот, накинь пока мою рубаху.

– Ты давай тоже отвернись.

Несколько секунд за моей спиной ничего не происходило. Потом эльфийка спросила, как выглядит.

– Нормально. Великовата она тебе, но идти можно. Фес, а ты что расселся? Идем, пока сюда оставшиеся орки не нагрянули.

Я поднялся на ноги, повернулся: Анахита в русовой рубашке выглядела весьма привлекательно. Подол доставал ей до середины бедра, рукава пришлось закатать до локтей. Талию перехватил тонкий поясик. В рубашку можно было засунуть двух эльфиек, поэтому плечи съехали, а широкий ворот превратился в откровенное декольте.

– Феникс, а ну прекрати меня раздевать похотливым взглядом! Рус, я его боюсь, он и эту рубашку разорвать хочет, маньяк сексуальный!

Подсознание без моего участия отметило, что вариант интересный. Расценивать как предложение? В тоне Анахиты я

уже не слышал обиды или злости.

– Аня, прости. Честное слово, без задней мысли, я совсем–совсем ничего не видел.

– То есть ты хочешь сказать, что там и смотреть не на что?

Ну вот, традиционный девичий троллинг. Понимаю, после драки и всего пережитого начинает отпускать и на кого–то надо спустить пар. Но сейчас совершенно не было сил изображать подушечку для булавок, куда эльфийка могла запускать свои остроты. Как–нибудь потом дам ей такую возможность.

– Рус, а с чего ты решил, что будут еще? Я, между прочим, троих со склона снял. Значит, остался один часовой да шаман где–то шарится. Кстати, а может они вообще без него пришли?

Закономерно недоверчивый взгляд в ответ. Этот недомежок – уделал троих терминаторов?

– Троих?

– Ну да. Да не смотри ты так подозрительно, я просто оказался выше, а они на отвесной стенке. Не так уж и сложно в подобной ситуации.

– Их так же, как и последнего? Кстати, чем это ты его?

Кольнула совесть: можно подумать, я нарочно зажмотил!

– Представляешь, забыл про них, – я вытащил из мешка оставшиеся ампулы, – вот, взял еще в лавке у алхимика и забыл напрочь. Помнишь, вы тогда в лесу на взрывы побежали? Вот они и есть.

Рус отмахнулся: ну забыл и забыл, бывает. Принялся прикидывать:

– То есть трое на склоне, двое на тропе вначале, и сейчас трое?

– Ну да. Получается как раз девять с тем типом, что на посту остался. Правда, шаман...

Парень несколько мгновений молчал, что-то соображая, глаза разве что не мигали как у компьютера.

– Тогда еще хуже.

– ?

– Как думаешь, почему часовой пост не покинул и не присоединился к веселью? Еще один боец с их стороны, и нам хана.

– Откуда ему знать? Боя не видел, стоит ждет, когда кореша вернутся и расскажут.

– Вполне возможно, – Рус окинул нас взглядом. – А может он там, потому что отвечает за пост не только перед своей девяткой?

Неприятный холодок опять пробежался по телу.

– Так ты думаешь... – я не закончил фразу.

– Точно! – кивок в ответ.

– Вот блин! – я мимоходом отметил, что наконец-то парень сменил стереотип движений головой, вот только это кивание меня несколько не обрадовало.

– Надо уходить. Если эти, – Рус кивнул в сторону «трупов», – были не одни, то скоро их придут искать. А когда

найдут, то будут искать уже нас. И искать будут до тех пор, пока не найдут.

– Тогда... – эльфийка вопросительно уставилась на нас с парнем, – уходить совсем?

– Да, и лучше к людям. Надо сообщить, что здесь орки. Пойми, Аня, орки – это очень серьезно. Так далеко на юг они еще не забирались. По–хорошему, о них надо сообщить на ближайший пост стражи.

– Ближайший пост – это который на южном отроге? Где вы лошадей оставляли?

– Да, – ответил Руслав. Затем перевел взгляд на девушку и добавил: – Эх, жалость. Оставался один цветок...

– Так, подождите, – я обвел взглядом попутчиков: не сказать, чтоб у меня появился план, но некая еще не оформившаяся мысль забрезжила. – Подождите хватать мешки, вокзал отходит. Согласен, что прямо здесь рассиживаться нельзя. Но и пускаться в дальнюю дорогу без того, чтоб подготовиться и восстановиться тоже неправильно. Нам ведь нужен небольшой привал? Ане вон платье зашить, да и тебе, Рус, не мешает амуницию подправить. Не дай бог еще на кого–нибудь наткнемся.

– Да кто же спорит!

– Ну вот. А пока вы будете отдыхать, я по–быстренькому сгоняю наверх за цветком. Ну что вы так уставились – когда б я его поисками занимался?

Ребята переглянулись:

– Хорошо. Ты прав, остановку нам сделать придется. Тогда поступим так: мы уйдем вниз по склону и немного назад, вот таким азимутом, – Руслан махнул рукой градусов под сорок пять к кромке леса. – Расположимся как раз напротив того провала, что вершину от основного массива отъединяет. Ты после восхождения четко вниз спускайся. Костра зажигать не будем.

Подождав, пока ребята отойдут подальше в лес, я вышел на то же место, с которого взлетал в предыдущий раз. Отметил про себя, что нужно держаться чуть ближе к лесу. Никого? Плащ и сапоги в мешок. Холщовую одежду сменила кожа. Подвязал мешок, чтоб не болтался. Готов? Мысленно пробежался по «чек–листу»: подвязано, затянуто, проверил. Несколько раз подпрыгнул: ничего не болтается? ноги пружинят? Пара взмахов проверить, как работают суставы. Готов.

Разбег, толчок, полетели. Набирать решил по той же схеме – сначала протяну вдоль склона, потом развернусь.

Крылья равномерно рассекали воздух, набегающий поток охлаждал лицо. Мысли крутились вокруг произошедших событий. Почувствовал жалость, что не забрал цветок в первый раз: сейчас бы не махал крыльями в одиночестве, а шел в компании с ребятами к месту будущего ночлега.

И в ту же секунду, как осознал эту мысль, в сознание вонзилась другая: это что получается? Да я же только что пожа-

лел, что лечу!

Возможно ли такое?! Я, для которого каждый полет, что в реале, что здесь, в игре, – это событие! Я даже когда стал летать уверенно, все равно я летал чтоб лететь. На время, на дальность, как угодно. Да я живу только ради этого!

А сейчас? Я поднялся в воздух просто «сгонять» за цветом, сейчас цель полета – не полет? По правде говоря, предыдущий был таким же. Да и вчерашний (как же давно это было!), на западную вершину. Хотя нет, там все же я был больше сосредоточен на полете.

Блин, блин, блин! Во что я превращаюсь?! Память тут же подсунула давний случай. Приехал как-то давно к своим старикам в деревню, где отец обосновался после выхода на пенсию. Разумеется, на машине. Мать попросила что-то купить в магазине. До ближайшего сельпо километра четыре по проселку, или два, если по тропе через лес. Вот я и собрался пойти пешком. Видели бы вы моего отца при этом! Как он удивился! Еще бы, ведь с молодых ногтей я буквально бредил машинами. Отец даже сажал меня к себе на колени, когда я до педалей еще не доставал, но уже рулил во всю. Позже, научившись водить самостоятельно, я готов был сесть за руль по любому поводу, неважно куда ехать, лишь бы дорога стелилась под колеса, мимо мелькали дома, столбы, деревья, а в открытое окошко задувал встречный ветерок.

И тут я заявляю ему: «Пап, дай хоть здесь пройдуся, а то так пешком ходить разучусь. Тошнит уже от руля». Вооб-

ще—то, моего отца сложно удивить, но тогда я сумел.

Да, последние годы вождение превратилось в рутину: на работу, с работы, на физиопроцедуры, к врачам. В магазин в конце концов! Когда я последний раз наслаждался вождением? Уже и не помню, наверно, в ту злополучную поездку. Все—таки предвкушение от нового крыла, нескольких дней свободы, хорошая компания, отличная дорога...

Ну нет! Я не хочу, чтоб полет для меня превратился в рутину. В то же самое, что сейчас поездка на автомобиле. Только не это!

А раз так, я заложил крутую спираль, ввинчиваясь в воздух до скипа в суставах. Дыхание перехватило, в ушах засвистел ветер, из глаз потекли слезы. Да когда же я наконец очками обзаведусь?!

Вывод: я распрямил сжатую пружину спирали, выстреливая себя вдоль стенки, с которой совсем недавно сшибал беззащитных орков. Хотя таких ли беззащитных?

Переворот, сложил крылья за спиной, ухнул вниз. Раскрыл крылья, выходя из пике, чуть не растянув сухожилия при этом. Опять пульс бабахает в висках: что там с выносливостью? Еще есть на пару «безобразий». Набрал высоты в широкой спирали, а вот и тот перегибчик, с которого я стрелял по орку. Разворот через крыло, оттормаживаюсь, на мгновенье зависнув над краем и поджав крылья, так чтоб торчали самые кончики, бросаюсь вниз параллельно стенке. Скала серым смазанным полотном несется в полуметре

от меня, при желании можно чиркнуть по ней рукой. Перед глазами всплыл мультик про бескрылую птицу киви и ее тягу к полету, помоему так и называется. Нет только прибитых к стенке деревьев и у меня, в отличие от киви, крылья есть! Потихоньку раскрываюсь, выходя из пикирования. Со скоростью пушечного ядра просвистел над уступчиком и двумя туманными фигурками почивших орков. Хорошо—то как! Захотелось заорать что—нибудь, распугивая тишину леса внизу. Понятно, что не стал. И в завершение заложил пару бочек. Все! Теперь можно и по задаче, тем более что выносливости половина шкалы, а мне еще наверх махать.

Памятуя об орках, перед посадкой на вершину облетел ее на приличном удалении. Вроде никого, можно приземляться. Наверху тоже предпочел не отсвечивать, передвигался пригибаясь, разве что не ползком, постоянно напрягая слух в надежде сквозь порывы ветра расслышать чужие шаги.

Эдельвейс нашелся как—то буднично, он опять выглядывал из трещины в камне. Вот чем он здесь питается — солнечным светом? Неужели реальные эдельвейсы тоже растут в голом камне? Надо будет загуглить потом, а то меня терзают смутные сомнения.

Давай—ка, икар, осмотримся, что ждет нас за этим отрогом? Уселся прямо на камень, в верхней точке вершины, похожей на покатый купол. Подобрал под себя ноги по—турецки, а крылья раскинул в стороны и опустил по бокам. Обыч-

но, когда в плаще, я их подкладываю под себя, благо ниже задницы они уже весьма гибкие. Такое вот допущение игры. Не представляю, чтоб в реальности птичье крыло можно было так изгибать. Но если бы разработчики пошли по пути реализма, то икарам или стоять, или лежать: сложенные крылья достают кончиками перьев до середины голени.

Впрочем, сейчас нет необходимости прятаться, да и без подстилки перья по камню карябать не хочу. Тем более в такой позе, как у меня сейчас, человеческий силуэт не угадывается – всего лишь еще один холмик поверх вершины.

Взгляд заскользил вперед, ощупывая раскинувшийся подо мной лес и возвышающийся над ним северо-восточный отрог. Кстати, отрог оказался очень коротким, но в отличие от покатога северо-западного, где я совсем недавно оттягивался в компании с орлом, достаточно высоким, скалистым, утыканным острыми пиками, изрезанным трещинами. Вот уж точно, его лучше облететь вокруг.

Правда, лес под ногами при более внимательном рассмотрении оказался менее проходимым, чем тот, по которому мы шли сегодня. Проплешины ветровалов, заросшие молодняком–мордохлестом, утыкали его, как лишайные пятна на бродячей собаке: сказывается близость моря с его ничем не сдерживаемыми ураганами.

Как я ни вглядывался, какого-то движения внизу углядеть не смог. Либо Руслан перестраховывается, думая, что, помимо убитых нами орков, есть еще. Либо я их просто не вижу.

Все же предположу, что внизу затаился отряд—другой серокожих, с которыми нам точно не справиться. Значит, придется обходить их по широкой дуге, через лес.

А может?.. Искра азарта заставила пульс участиться. Задумался, прикидывая: на этот раз мешок со мной, кое—какие запасы имеются. Сейчас восстановлю выносливость полностью, до северо—восточного отрога долечу по—любому. Тем более северный ветер сам меня снесет туда, куда мне нужно. Там я или нахожу динамик, или, что более вероятно, отдыхаю на какой—нибудь вершине. Не могут же орки занять все тамошние пики? Оттуда рывок на восточную оконечность, забираю цветок и возвращаюсь героем. Да, это было бы эпично!

Но сомнения остудили пыл. Заманчиво, конечно, вот только как я это объясню? Ребята, представляете, здесь росли сразу два эдельвейса! Нам не нужно на восточный! Ага, как там в задании говорилось? «С четырех сторон света»? Или, может, сказать, что тут оказалась потайная тропка, по которой я волшебным образом за пару—тройку часов туда—обратно успел пешком смотаться и теперь мы можем со спокойной душой возвращаться по известной дороге назад. Да ну, бред, самому смешно.

Какая—то дурацкая ситуация. Принести цветок я могу, а объяснить, как это сделал, не получится. Ребята и так на меня косятся, рано или поздно количество странностей превысит некий порог и появятся вопросы, на которые я пока не

могу дать ответов. И тогда... Тогда нам придется расстаться.

Сердце сжало тоской: нет, этого я не хочу. Вот не хочу, и точка! Открыл чат, сообщение Глебу висит непрочитанным. Странно.

Ну да ладно, солнце вон уже клонится к закату, а нам бы сегодня хоть сколько–нибудь пройти. Чувствую, завтрашняя дорога будет долгая и непростая. Пора мне возвращаться.

Глава 29 Идем на восток

– Фес!

Я аж вздрогнул, явственно дернув плечами и полуобернулся на источник звука.

– Спокойно, это я.

Из-за ближайшего дерева вышагнул Руслав. В лесу царил полумрак, а зеленая рубаша и штаны неплохо маскировали на фоне растительности. Надо бы и мне такие же, а то хожу в светлом и с вышивкой, как какой-то лубочный крестьянин.

– Тебя караулю, чтоб мимо не протопал.

– Спасибо. Честно говоря, я уж и сам подумал: как найдемся? Нельзя на карте метку поставить?

– Можно, но только для участников группы.

– Понятно. Аня где?

– Платье зашивает, – подмигнул Руслав, – поминая недобрым словом одного сексуального маньяка. Пошли, надеюсь, уже закончила.

Я вздохнул, скрипнув зубами: блин, сколько мне теперь оправдываться?!

Приземлился там же, где взлетал, предварительно осмотрев тропинку. Движения не заметил, но все же по лесу шел осторожно, прислушиваясь на каждом шагу. Как и договорились, спускался точно под девяносто градусов к тропинке от точки разлома. Честно говоря, если бы не встроенный в

интерфейс компас, вряд ли бы выдержал азимут: лес хоть и хвойный, но с разросшимся подлеском. Тем не менее вполне мог промахнуться, если бы Рус не расслышал топот моих сапог. Вот тебе и «крадучись»!

Вдвоем вышли к временной стоянке. Анахита, снова в платье, перебирала содержимое лекарской сумки. Пошутил, что в рубашке она выглядела значительно лучше и предложил вообще выкинуть платье. Как в пустоту... Хм...

– Держи, – протянул ей цветок.

– Спасибо, конечно, – не поднимая глаз, девушка кивнула и рефлекторно упаковала его к остальным.

У меня создалось впечатление, что она с трудом сдерживает слезы. Уставился в спину Руса. Тот сосредоточенно разглядывал кольчугу. Чего там разглядывать? Не знаю скилл нашего воителя в починке доспехов, по мне так проще в переплавку. Блин, мы кого-то хороним?

– Так, послушайте, пожалуйста, меня.

Две пары глаз выжидательно уставились.

– Давайте исходить из того, что нас ищут. С этим согласны?.. Хорошо. Кроме того, ты, Рус, говорил, что про орков надо сообщить?

– Да, это слишком серьезно. Они никогда так далеко на юг не забирались.

– О'кей, о'кей, – я выставил перед грудью руки, ладонями вперед, – я тебя услышал. То есть нам надо на южный отрог, ведь это ближайший пост стражи?

– Да, Фес, но я тут подумал, что именно на пути туда нас и будут искать...

– О как! Мы, похоже, думаем одинаково, – перебил я парня, – и куда, по–твоему, тогда нам лучше рвануть?

– Ну... места здесь глухие, малоосвоенные... – Руслан тянул кота за хвост, – к тому же боеспособность наша теперь совсем аховая. Он развел руками и продолжил: – В общем... я думаю, надо двигать напрямик в Коровий Холл. Это долго, но более безопасно!

Да уж, наконец–то разродился.

– Без дорог по лесу мы туда и завтра не доберемся. Добавь всякую живность, что в лесах должна водиться... Хочешь мое мнение? Плохая идея, – я скривился, как от лимона.

– Тогда пост южного отрога, – парню вроде как даже полегчало от определенности.

– Хорошо, Феникс, значит, идем на южный, – заявила эльфийка. Она перекинула лямку сумки через голову и добавила: – Я, в принципе, готова.

– Пять минут, ребята, и идем, – парень ускорил сборы.

– Погоди, Рус, я недоговорил, – я обвел взглядом попутчиков. – Нам на южный, так? Мы на северном, так? Нам любому нужно крутануть половину длины окружности. Так почему бы...

– Назад дорога уже хоженная, – перебил Руслан.

– Но как раз там–то нас и будут искать, – отпарировал

я. – Послушайте, я смотрел сверху, в открытую орков не видно. Лес впереди труднопроходимый. Северо–восточный отрог короткий, но я предпочту обойти его по большой дуге. Тем не менее это реально. Рус, ты же сам говорил, что лес – это непривычная среда для орка, и нам останется только незаметно залезть на восточную оконечность. Но это оставьте мне.

– Что думаешь? – после некоторого раздумья, в течение которого несколько раз переводил взгляд с меня на Анахиту и обратно, воин наконец обратился к девушке.

– Русик, если пойдем назад, квест не завершится. Уже сорванная трава не будет храниться вечно. Пока соберем новую... если соберем, Снорри умрет. Если он умрет, цепочка заданий прервется, и когда я смогу получить новую?.. Не знаю, – эльфийка, с виду спокойная, говорила ровным, ничего не выражающим тоном. – В общем, если есть хоть малейший шанс закончить квест, я пойду хоть в лагерь всей орочей армии.

Но я представляю, что творилось у нее в душе! Теперь две пары глаз уставились на воина. Тот пожал плечами:

– Ну значит, идем к восточному отрогу.

И вот мы шагаем по лесу. Северный отрог обогнули, держа его вершину в поле зрения, сквозь кроны деревьев. Когда Руслан заинтересовался, не посмотрел ли я сверху, на месте ли часовой, я соврал, что с вершины площадка не прогля-

дывается. И мысленно обозвал себя ослом, уж дать круг над краем я мог бы. Впрочем, это с дивана мы все такие умные.

Теперь шли по азимуту, в расчете выйти чуть севернее восточного отрога, и из леса его осмотреть.

– Сильно снаряга пострадала? – меня начало раздражать молчание попутчиков, топали мы уже около часа.

– Сулицы в хлам, и щит пришлось бросить – прочка кончилась, – начал перечислять Руслав, тащивший теперь орочий щит и одно из копий серокожих, – шлем меньше пострадал: к счастью, нет у них ни мечей, ни палиц.

– Интересно почему?

Руслав хмыкнул:

– Насчет палиц согласен, странно. А что касается мечей, так это только писатели всякой фэнтезийщины насыщают ими какие-то отсталые народы. У разрабов нашего мира явно были неплохие консультанты.

Взглянув на мою вытянувшуюся физиономию, усмехнулся:

– Ну откуда полудикий народ, живущий в северных горах, где по легенде никаких месторождений, возьмет железо? Обрати внимание, у них даже металлические детали встречаются очень редко. Ты не заметил, у четверых из напавших наконечники копий были каменные.

Я против воли покосился на копьё парня:

– Да, взял это, потому что наконечник металлический, – заметив мой взгляд, пояснил Рус, – так еще и пластинки в

их замечательных безрукавках роговые. А при такой редкости металла откуда такая роскошь, как килограмм–полтора отлично выделанной стали?

Теперь очередь хмыкать пришла мне. Никогда не задумывался!

– А что с кольчугой?

– Плохо, – парень вздохнул, – фактически уничтожена, с моим уровнем ее не починить. Теперь это двенадцать килограммов металлической проволоки. Считаю, я остался без брони на тело.

– Слушай, а почему ты не взял одну из орочих безрукавок?

– У них? Как это? – Рус даже пальцами пощелкал, слово забыл. – Короче, их другая раса надеть не может. В слот не поместить, только в инвентарь. Продать, конечно, можно, берут хорошо, но не тащить же ее отсюда?

– Кольчугу же тащишь!

– Фес, эта кольчуга стоит... стоила как десяток безрукавок, если не больше. Положу пока в Личной Комнате, как накоплю – отдам в починку: это всяко дешевле, чем новую. Прости, но я, как ты, швыряться сотнями золотых не имею возможности.

Мне показалось, или он метнул взгляд в сторону сосредоточенно бредущей девушки? Ладно, не буду лезть в их отношения. Но от ответной реплики не удержался:

– Знаешь, я тоже такой возможности не имею. На траве

много не зарабатываешь.

Дальше, вплоть до остановки на ночевку, мы шли молча.

Шли до темноты, остановились только тогда, когда сгустившийся сумрак оставил не более метра для обзора. Еще миг – и ночь зальет все вокруг непроницаемой тушью. На мой взгляд, этот момент в игре – перебор, никогда даже в лесу не встречал такой непроницаемой темноты. Но зато антуражненько. Обустроивались уже на ощупь, огонь решили не зажигать. Конечно, по идее мы в лесу и орки далеко, но, как говорится, береженого бог бережет. Ну а не береженого – орк стережет. Судя по карте, мы почти прошли траверз северо–восточного отрога, но долина здесь понижалась, а с верхотуры должно быть видно далеко. Коллективно согласились, что костер в такой ситуации не лучшее решение. Наскоро погрызли сухари, я поделился сушеным мясом и сыром, и стали укладываться спать. Подъем ранний, дежурства распределили как обычно – я под утро. Пожелав спокойной ночи, завернулся в плащ и нажал выход.

Крышка кокона, поручни, разминка. Перекинул ноги через край кокона, прислушался к ощущениям в теле. Интересно, и как к такому привыкнуть? Сегодня я много летал, много ходил по пересеченке, – в общем, день получился насыщенным. И что? Да, моя нервная система потрудилась на славу, я чувствую себя опустошенным, как хорошо отжатая

тряпка, но вот мышцы... Конечно, после четырнадцати часов лежания тело плохо слушается, в мышцах слабость, но это не идет ни в какое сравнение с тем, каким я возвращался с тренировок, особенно зимних! Опять накатили воспоминания...

Сначала всей толпой в глубоком снегу мы выкапывали «взлетную полосу» – площадку метров тридцать–сорок длиной и не уже размаха крыльев дельтаплана для разбега. Потом наступала очередь троса – неотъемлемой части лебедочных полетов. После каждой затяжки его нужно возвращать на старт, чтоб прицепить следующего пилота. Для этих целей в клубе была мотособака – гусеничная штука со слабым китайским движком. Она постоянно застревала в сугробах, нужно было спрыгивать и шагать рядом в снегу по колено. Иногда витой синтетический трос вмерзал в снег, тогда приходилось возвращаться и выдергивать.

И вот моя очередь лететь: стойки на плечи, трос зацеплен за подвеску. «Готов?» – «Готов!» — «Тяга пошла!» Трос тащит за грудки, стараюсь изо всех сил успевать переставлять ноги. Иногда трос тормозится о снег, тяги не хватает. Тогда разбег затягивается, очищенный участок кончается, и я мчусь, как лось по глубокому снегу, ожидая, что же произойдет раньше – крыло наберет скорость или я в конце концов споткнусь.

Наконец–то отрыв! Чувствую, как трос поднимаясь вслед за мной, освобождается из снежного плена, лебедке все лег-

че тянуть, тяга нарастает – и вот я возношусь над заснеженным миром. Горизонт убегает в стороны. Где-то вдалеке крошечные машинки ползут по тонкой темной ленте асфальта; лес, с земли такой далекий, оказывается совсем рядом. Из-за ближайших домиков коттеджного поселка, прилегающего к полю, выступают следующие участки. Взгляд выхватывает опустевшие по зимней поре дворы, заснеженные качели, круги и овалы бассейнов, скелеты парников.

Но вот верхняя точка подъема. Взглядом успеваю заметить, как где-то на горизонте проступают высоты далекого города, а трос еще немного, и станет тянуть вниз – блок почти под мной. Отцеп! Высвобожденная синтетическая нить резко сжимается и улетает вниз, весело маша на прощание большой красной тряпкой, прицепленной для облегчения ее поисков на земле.

Если прошляпил, не зажал ручку перед отцепом и дельт еще в наборе, то, лишенный тяги, он подвисает на какие-то мгновенья, заставляя сердце ёкнуть, а воображение – представить беспорядочное кувырканье вниз. Но вот кивок носом, разгон, и я в свободном полете! Взгляд на прибор: четыреста, ну максимум пятьсот метров. Для активной лебедки неплохо.

Взгляд привычно обегает ориентиры: вон ЛЭП. Проводов на фоне земли, как обычно, не видно, но вижу мачты и знаю – туда не надо! Жареные дельтапланеристы – плохое блюдо для всех. Вон дорога, где мы побросали свои машины. А зна-

чит, где-то рядом старт, до которого от машин тащили все свое барахло. Поток нет – зима, над заснеженным полем ничего не держит, лечу напрямик к старту.

Чем заняться? Можно постараться максимально экономно расходовать высоту, все развороты – блинчиком, и тогда смогу провисеть минуты три-четыре. А можно, разогнавшись в пикировании, быстренько скрутить пару спиралек-восьмерок, – и все, на посадку.

На посадку захожу по-самолетному – по «коробочке», как говорят. Сначала тяну обратным курсом по отношению к направлению старт-посадка, по ветру и немного в стороне. Взгляд бегаёт между приближающимся справа стартом и надвигающимся прямо в лоб лесом. Блин! Опять старт почти от деревьев, а все жадность – лишние метры затяжки. Значит, предпоследний, третий поворот у деревьев, за них залетать нельзя: учебный крыл медленный, если придет усиление ветра, я против него не пробьюсь и буду гнеститься прямо на макушки, приятного мало. Сыграть могу дистанцией между третьим поворотом и четвертым, так чтобы при выходе из четвертого оказаться на пятнадцати-двадцати метрах высоты. Тогда, учитывая довольно крутую глиссаду учебного крыла, плюхнусь как раз на старте. Вот и деревья, кренюсь вправо, ручку от себя, аппарат бодро ввинчивается в поворот. Ну да, это учебный, в крене он сыпется, то есть быстро теряет высоту. Выхожу из поворота, подо мной восемьдесят метров – это много, до четвертого всю высоту не растеряю.

Теперь, чтоб стартующему угодить в меня, надо крупно на-косячить.

Провожая взглядом очередной взлет. Встречного ветра нет, бежать нужно быстро, вижу, как пилот, взрывая фонтаны снега, выбегает за пределы расчищенной площадки, три шага, пять... Бамц! Дельтаплан резко клюет носом, освобожденный трос зеленой змеей стреляет вперед. Что с пилотом? Нормально, встает, машет рукой, стойки тоже вроде целы. Мотособака стартует за тросом, тот улетел недалеко. Пилот уже поднял крыло и тащится снова на старт, пара человек берет лопаты, решив удлинить взлетку еще. Ладно, нечего в сугробе рассиживать, надо крыл тащить на старт, там на него очередь. Встаю на ноги, измеряю взглядом расстояние, мда... Делать нечего, хочешь меньше таскать, учись садиться на старте.

Тяжело дыша и утирая катящиеся из-под шлема капли едкого пота, добредаю до расчищенного места. Отдаю крыло очередному страждущему, сильное желание рухнуть прямо в сугроб, и только здравый смысл удерживает от возможности заработать воспаление. Я щас сдохну!

Кто-то из «стариков» бросает: «Все правильно сделал, лучше перелететь и потом тащить крыло обратно, чем разложиться на старте. Хорошая посадка, молодец!».

О да! Обычно от «старичков» похвалы не дождешься. На душе разливается теплое масло удовлетворения: я, оказываюсь, крут!

Накинув сверху теплую куртку, в обнимку с термосом бреду к лебедке: «Что там у нас с очередью? Пишите меня. За кем буду?». День продолжается, до темноты есть шанс еще пару раз окунуться в воздушный океан.

Неудивительно, что вечером, дома, после такого времяпрепровождения мышцы ломило, а сил хватало только доползти до кровати. А сейчас? Мышцы ломит только от многочасового ничегонеделанья. Встроенная в кокон миостимуляция не сильно помогает. Во что я превращаюсь? В дистрофичного игрока—задрота с конечностями—веточками. Хотя какой выход? Не знаю.

Ладно, хорош расслаживаться и предаваться ностальгии. Взгляд перепрыгнул на тренажеры: уж кем—кем, а дистрофиком вы меня не сделаете!

Через полтора часа, с еще влажными после душа волосами, облачившись в спортивный костюм, с неизменным пенопластовым лотком какого—то жаркого «Грибное лукошко», я проковылял к компьютеру. Ну—с, приступим, долги надо отрабатывать.

Настучал название «Термодинамик». Отправил в рот первую ложку горячего хрючева, отхлебнул пива из высокого бокала, пальцы забегали по клавишам: «В условиях, когда южная экспозиция склона хорошо прогревается солнцем, может возникать такое явление, как термодинамик, иногда называемый термическим бризом. Механизм образования...».

Глава 30 Ночные откровения

Вход. Появились ощущения: чувствую тело, пошевелил пальцами ног – ага, сапоги привычно сдавливают стопы. Скрещенные на груди руки вцепились в полы плаща, даже пальцы немного занемели. Щекой чувствую грубую ткань мешка – порядок, лежу в той же позе, как выходил. Слух донес стрекот насекомых, различил поскрип деревьев. Странно, неужели ветер? Ах, да, рядом же море, видимо, ночной бриз. Вот только глаза отказывались предоставлять информацию: что поднимаю веки, что закрываю, – как говорится, хоть глаз выколи.

– Феникс, ты проснулся? – негромкий голос, почти шепот. Молчу, не двигаюсь, прислушиваюсь.

– Феникс, я слышу твое дыхание. Значит ты вошел в игру. Ох уж эти пинкертоны, ничего–то от них не скроешь!

– Да не сплю я, Ань, не сплю, – таким же шепотом.

Сел. Ух, ты, оказывается, что–то все–таки видно – сквозь завесу из веток то тут, то там пробиваются звезды.

– Как тут? Тихо?

– Тихо...

– Ну спи тогда, всё, я на посту. Утром будить или сама проснешься?

– Слушай, а можно я с тобой немножко посижу?

– А смысл? Тебе нужно выспаться, завтра топать и топать.

– Ничего, я недолго. А ты мне про полеты расскажешь.

– Хм, дело, конечно, твое. Мы Руса не разбудим?

– Не переживай, у него сон богатырский, – по интонации понимаю, что эльфийка улыбается, – ты, если что, его еще не добудишься.

– Хорошо. Что тебе рассказать?

– Ну... вот скажи, а как высоко можно подняться на дельтаплане?

– На высоту восходящего потока.

– Феникс, – перебила девушка, – ну не будь занудой, ладно? Выключи уже учителя. Я же не лекцию прошу прочитать. Расскажи по-простому.

– По-простому? – Вздохнул. «сложно рассказать просто, просто рассказать сложно», есть такое выражение. – Что ж, попробую попроще. Только поверь, без минутки теории никак, ты уж потерпи.

– Ладно. – интонация... как будто сказку приготовилась слушать.

– Дельтаплан относится к парителям, то есть сам он не поднимается, его поднимает восходящие потоки. Так же, как и парапланы, и планера. Фактически – паритель опускается, но если воздух поднимается быстрее, то относительно земли мы будем подниматься. Сложно?

– Пока нет

– Хорошо. Главная проблема, найти восходящий поток, это же воздух, его не видно. Как это сделать? Видела кучевые

облака? Они образуются на вершине такого потока, когда влага, содержащаяся в воздухе, начинает конденсироваться, потому что воздух, поднимаясь, остывает. Вот до подошвы облака и можно подняться, это верхняя граница термических полетов. Мы эту высоту называем базой.

– А как это высоко?

– По-разному, много от чего зависит: давление, влажность, температура. Утром облака обычно низкие, меньше тысячи метров, потом поднимаются. Хотя все равно у нас, в средней полосе, выше двух тысяч мне не встречались.

– Ух ты! Два километра! И ты залетал так высоко?

Мысленно вижу ее восторженные глаза.

– Я и выше поднимался, в Калмыкии. Там база до четырех тысяч бывает, представляешь? Кстати, знаешь какая там температура?

– Где?

– Наверху, под облачностью.

– Ну... наверно холоднее, чем внизу.

– А насколько?

В ответ молчание.

– Ладно, не буду мучать. В обычных условиях воздух охлаждается на шесть с половиной градусов каждую тысячу метров. – подержал паузу, чтоб осознала. – Вот и представь: внизу: плюс тридцать, жарыща. А на четырех тысячах? ...

Опять пауза. Видимо считает.

– Ух ты... Так холодно?

– Ага. Представь: выходишь на старт, жара, а на тебе термомобелье и флиска. Если долго буксировщика ждать, можно тепловой удар схватить.

– Да уж... Ну у вас и спорт.

– Кстати, в Австралии, говорят базы бывают еще выше, но мне, – вздохнул, – уже не узнать.

– Почему? – оживилась.

– Давай не будем... – попытался съехать с темы. – А ты знаешь, каков мировой рекорд высоты на дельтаплане?

– Откуда же мне знать?

– Анжело Д'Арриго в 2006–м году, в Андах, поднялся на 9 тысяч 100 метров.

– Ничего себе! Это же выше Эвереста!

– Хм, Эверест он перелетел в 2004–м, но там было только 9 тысяч ровно.

На некоторое время воцарилось молчание. Потом Анахита протянула в задумчивости:

– Да–а–а... Я бы хотела посмотреть на землю с высоты четыре километра.

– Если честно, в Калмыкии и смотреть–то не на что – степь да степь кругом. В средней полосе и то интереснее: леса, реки, дороги, деревни, поселки. А лучше всего в горах. Мне Альпы очень нравились.

Опять повисла тишина, я ненадолго залип в воспоминаниях. Со вчерашнего дня я все чаще вспоминал свою «летучую» жизнь, видимо, признание разрушило какую–то пло-

тину. Я даже вечером, перед сном, почему-то ясно вспомнил свою последнюю поездку в Альпы. Хотя почему «последнюю»? Вполне может быть что и «крайнюю», на машине же я езжу? А кто мне мешает мотануть куда-нибудь километров так под «дцать», чтоб целый день в дороге, слушать радио или аудиокниги, смотреть, как асфальт стелется под капот, а мимо пролетают столбы, рекламные щиты, тянутся поля-леса-города. Останавливаться в придорожных кафешках, смотреть на несущийся мимо поток машин, жуя какой-нибудь бутерброд... Вот только куда ехать? Я не могу без цели, мне нужно ехать «куда-то», а не просто куда глаза глядят.

– Феникс!

Шорох где-то рядом, как будто кто-то поменял позу, вырвал меня из мечтаний

– Да?

– А есть девушки-дельтапланеристы?

– Аня, да полно! Хотя..., – задумался, – меньше, конечно, чем парней, но есть.

– Феникс... а у тебя девушка есть?

Ну вот, начинается. Ехидный внутренний голос зашептал на ухо: «ну так ты же сам этого хотел! Давай! Не теряйся». Да, но что мне с этим делать?

– Сейчас нет, – ответил я после длительной паузы.

– Почему?

Какой простой вопрос. Был бы на него такой же простой

ответ.

– Видишь ли, – вздохнул, – сейчас я не самый лучший вариант для женщин.

– Почему? Только не говори, что ты нищий, ведь даже самый простой аккаунт стоит недешево. Тогда что? И почему «сейчас»? Ты стал пить? Я почему–то сомневаюсь. И уж точно не бабник. – Анахита даже похоже усмехнулась: – Или это из–за игры?

Господи, ну сколько вопросов! Ты же вроде о дельтаплапах хотела поговорить? Не удержался от иронии:

– И как же ты поняла, но я не алкаш?

– Мне кажется, ты на него не похож...

Кажется ей. Много ты, алкашни в своей жизни видела? Запойные в ремиссии выглядят и говорят вполне здраво, никогда не поймешь. Ты же мой реальный фейс не видишь, да и пересекаемся мы только по выходным. Впрочем... как же тебе сказать?!

– Видишь ли, Аня. – опять пауза, девушка даже хотела что–то сказать, я услышал вдох, как перед началом фразы. – Я инвалид. Инвалид–колясочник.

Со стороны собеседницы – тишина, никакой реакции. Я, правда, не придал значения, погруженный в собственные размышления.

– Два года назад я разбился, и моя... – да кто же меня за язык–то тянет!

– Жена?

– Не были мы женаты, просто жили вместе. Моя женщина... короче, она ушла.

– Вот сука!

– Не вини ее, не надо. Ты не представляешь, что такое жить с лежачим на тот момент инвалидом.

И стал торопливо объяснять, как будто Анахита могла недослушать, как будто это было важно:

– Я ей очень благодарен, понимаешь? Она ездила за мной в Италию, она сидела со мной в больницах, она ухаживала за мной, когда я вернулся в наш дом. И ушла только тогда, когда я смог сам перемещаться по квартире. – Опять тяжкий вздох прервал мою тираду. – Как я могу ее винить после всего этого? Она хотела детей, а я все отшучивался и пропадал на полетах... Надеюсь, она теперь счастлива.

– Странный ты, Феникс. – после некоторого молчания проговорила Анахита, – Она тебя бросила одного, а ты ее защищаешь. Хорошо, не буду об этом.

Мы снова замолчали. Почему я вспомнил ту поездку? Мысленно пожал плечами, хотя... Тогда мы ехали компанией друзей на полеты, а сейчас? А сейчас я иду в компании... друзей? Наверно, да. Куда? На полеты! Да, черт побери! Я иду с друзьями на полеты!

– Феникс.

– Что?

– Можешь мне кое-что пояснить? Ты сказал, что на травах не разбогатеешь. Так?

– Когда? А, ну да, днем, Русу, – хмыкнул, – Да, сказал, а что?

– Ты действительно выглядишь как игрок, с трудом сводящий концы с концами, – задумчиво продолжила Анахита, – эти твои сапоги, плащик: заплатка на заплатке...

– Что ты прицепилась к плащу и сапогам? Они меня устраивают. Сапоги не сваливаются, плащ греет, что еще надо?

– Феникс, – девушка как будто не услышала моей последней фразы, – тогда объясни мне, что это было? Там, в Корольем Холле, неделю назад.

– Ты о чем?

Я почему-то представил, как Анахита с прищуром меня рассматривает.

– Ты тогда отдал мне шестьсот золотых. Просто так, широким жестом. Что это было?

Вот жеж! Можно подумать, я сам знаю! Затмение какое-то!

– Ну, во-первых, не тебе, а вам с Русом. Во-вторых, не шестьсот, а меньше, я говорил. А почему?...

Да, блин, хороший вопрос!

– Почему? – переспросила девушка.

– Знаешь, Аня, это были шальные деньги. Считаю, я нашел на дороге кошелек, ничейный. Как бы тебе объяснить... Понимаешь, я не могу вносить в бюджет случайный доход. Потому что я не могу на него рассчитывать. – прервался, подбирая пример, – Вот представь: ты живешь, ведешь хозяйство, у тебя есть какой-то регулярный доход. И ты пла-

нируешь свои траты соразмерно этому дохода: покупаешь одежду, определенного класса, еду, определенной категории. Сводишь дебет с кредитом. А потом случайно тебе в руки попадает большая сумма.

– Ну да, кошелек, я помню.

– Да. И что ты сделаешь?

– Я? Станный вопрос. Как минимум – сменю тряпки на нормальную одежду...

– Ага, понятно, не продолжай. Вот смотри: моя холщовая одежда стоит десяток серебрух, плащ я уже не помню, он со мной с самого начала, как и сапоги. И сколько ты предлагаешь потратить на одежду? Сотню золотых, две?

Девушка издала неопределенный звук.

– Не знаешь. Понимаю, ты не задумывалась над этим. А теперь слушай, что будет дальше. Одежда не вечная. Кстати, даже уход за дорогой одеждой более затратный. На какой-нибудь атласный плащ я своими кривыми ручонками заплатку уже не поставлю, нужно нести к портному. Впрочем, неважно. Важно другое – рано или поздно ресурс одежды кончится вместе с деньгами. И что тогда? Снова переодеваться в лохмотья?

– Зато какой-то период тыходишь как человек!

– Возможно ты права. Но это не мой метод.

– Ты говоришь, как старый дед! Тебе сколько лет в реале? Этот вопрос я проигнорировал.

– Знаешь, у меня на работе есть чувак, – я усмехнулся, –

им с женой однажды подвалило счастья – умерла бабушка, оставив каких–то денег. И вот он, всю жизнь проездивший на корейских малолитражках, купил джип «Лексус». Не новый, конечно, но вполне свежий, двух– или трехлетний. Так он у них теперь стоит большую часть времени.

Хохотнул, забывшись, прислушался. Вроде тихо. Продолжил опять шепотом: – Крайний раз Серега на нем ездил уже месяцев пять назад.

– Расход большой? – с пониманием поинтересовалась девушка.

– Не только. Запчасти. Они обычно полгода копят на ТО у каких–нибудь гаражных умельцев, а тут что–то накрылось посерьезнее и теперь откладывают на замену.

– Так пусть продадут.

– Думаешь, ему не говорили? Знаешь, что отвечает: «Чтоб я с Лёхуса на корейский таз слез? Никогда!».

– Ладно, – отсмеявшись, я продолжил другим тоном, – так и я не хотел потом, когда парча и бархат протрутся, снова влезать в свои лохмотья. А знаешь, что еще хуже? Привыкнув пользоваться эликсирами, однажды оказаться без них. Нет уж, я лучше так, без них.

– Понятно, – задумчиво протянула Анахита, – ты не знал, куда деть деньги, а тут мы..., и ты решил сделать доброе дело.

Мне показалось, или в голосе ее послышалось разочарование? Не понимаю я женщин!

Звезды как-то незаметно пропали. Верхушки деревьев все четче вырисовывались на фоне светлеющего неба. Пройдет совсем немного времени, и в туманной дымке начнут проступать детали нашей стоянки.

– Вот что, Феникс, мне надо немного поспать, а то я что-то совсем с тобой заболталась.

Глава 31 Восточный отрог

– Ну что, видно что–нибудь?

Анахита, задрав голову и щурясь от пробивающегося сквозь кроны солнца, пыталась дозваться Руслava, который болтался над нами на раскачивающемся дереве.

– Представляешь, а вдруг никаких орков здесь нет и в помине? Вот мы посмеемся!

Это уже мне. В принципе, я ее оптимизм разделял, но при голосовании поддержал осторожного парня. Раз он сталкивался с серокожими, его опыту надо доверять, каким бы небольшим тот ни был. Ибо у нас этого опыта не имелось совсем. Поэтому аргументацию девушки «я думаю, что их здесь нет» отмел сразу.

Перевалило за полдень, когда мы подошли к заключительной цели путешествия. Добрались сюда без приключений. Не считать же за таковое долгое хождение по лесу? По дороге разговаривали мало, берегли силы.

Хотя почему «заключительной»? Потом еще как–то надо до безопасных мест добраться. Но это – потом, а сейчас мы пытались рассмотреть сквозь деревья возвышавшийся перед нами скальный массив восточного отрога. Прикинув так и эдак, решили, что с дерева это сделать будет правильнее. Наконец, ловко перебирая руками, сверху спустился наш дозорный.

– Ничего не вижу, – Рус помотал головой, – и как ты умудрился тогда что-то рассмотреть?

Это я рассказал ребятам, как разглядел Анахиту с дерева при нашей встрече.

– Рус, надо на самую вершину залезть. Ты мог еще на пару метров вверх подняться.

– Фес, дерево меня не выдержит. Там знаешь, как мотает?

– А чего ты хотел? Это бриз, море рядом. Эх, сто лет на море не был!

– А я был недавно. Но только на Ледовом. Как раз оттуда возвращались, когда тебя первый раз встретили.

– Да я про реал. Здесь-то я вообще ни разу моря не видел!

– Да ладно! Серьезно?

– Так, мальчишки, – довольно грубо перебила эльфийка, – вот сдадим квест, я сама вас на море отведу за ручки, как детей. А пока давайте думать, как последний цветок забрать, если вы оба так уверены, что орки здесь есть.

– Ладно, Русик, я полегче, давай теперь я попробую.

Скинул свой мешок, поправил плащик.

– Подсади, а то до нижних веток не достать.

Сил у меня, конечно, поменьше, зато в ловкости могу и посоревноваться. А еще я раза в два легче, поэтому спустя минуту-другую я уже раскачивался на самой верхушке дерева, более всего напоминавшего сосну. «Сосна» возвышалось над остальными деревьями, но все равно из-за того, что мы находились на склоне, деревья, растущие ближе к границе

леса, перекрывали часть обзора. Из-за риска столкнуться с патрулем обосновались мы метрах в пятидесяти от опушки.

Наверху светило солнышко и было ветрено. К запахам леса начинал примешиваться солоноватый аромат йода. Высоко над головой выстроились облачные улицы – ряды кучевых облаков. Эх, сейчас бы плюнуть на все, вспорхнуть с макушки, и вверх! При таком бризе меня мигом выстрелит над вершиной отрога, дальше надо только снестись немного по ветру, и я окажусь в зоне динамика самого Утеса. Думаю, полчаса от силы, и я «закрою задачу» – окажусь на господствующей вершине этой части материка. А дальше, да по таким «улицам», да при попутном ветре я за пару часов досвищу до Коровьего холла.

– Ну как, что видно?

Я вздрогнул, выдернутый из мечтаний. Ниже меня метра на три и чуть в стороне Руслан изображал наездника на взбесившемся дереве. Я сразу вспомнил аттракционы, на которых надо удержаться на деревянной фигурке быка. Дерево под парнем во всю скрипело, угрожая сломаться.

Ну да, я же здесь совсем за другим. Взгляд обежал видимую часть стены. Вершины не видно. То, что открывалось взгляду представляло собой весьма зализанную гору, без заметных уступов или карнизов. Никакого движения, только где-то под самыми облаками заметил кружившую птицу. Еще один орел? Высоко, не разглядеть.

Обнимая одной рукой ствол, второй изобразил жест «раз-

вел руками».

Рус в ответ так же пожал плечами и показал жестом – «спускайся».

– Я думаю, надо держать в голове наличие орков. Анахиту спрячем где–нибудь в лесу, чтоб на нее случайно не наткнулись, а сами пойдем на восхождение. Вдвоем у нас шанс отбиться все же повыше.

Парень посмотрел на меня, как бы ища поддержки. Я устало вздохнул: опять он про совместный подъем.

– Что не так?

– Рус, может все же обойдем отрог? Смотри, нам все равно потом на юг. Поднимались бы втроем, просто могли спуститься с той стороны.

– Не, ребята, нет у меня навыка скалолаза, – девушка виновато улыбнулась.

– Вот и я о том. А так заодно сможем осмотреться получше. И еще, – мысль возникла у меня только что, – ты же сам говорил, что солнце им вредно? Вряд ли они облюбовали хорошо прогреваемые солнцем склоны. Если сидят – то на тех, что на север обращены.

Руслав задумался. В этот момент я обратил внимание, что над нами что–то мелькнуло. Задрал голову. Странно, ничего... а, нет, вот опять: солнце, пробивающееся сквозь мельтешение веток и листвы, на миг загородила какая–то крылатая тень. Хм, немаленькие здесь птицы.

– Хорошо, – воин кивнул, – идея здравая, так и сделаем.

Тогда надо выдвигаться, времени мало.

Я подхватил мешок, эльфийка поправила сумку.

– Идем в зоне видимости горы. Черт!

Рус присел, разглядывая полуразвалившийся сапог:

– Идите, я сейчас.

Переглянувшись с девушкой, неторопливо двинулись вдоль по склону. Деревья здесь росли не очень часто, подлеска мало, можно не бояться, что потеряешься в двух шагах друг от друга. Пройдя десяток шагов, оглянулся: Рус бинтовал носок сапога каким-то огрызком веревки. Вот блин! У меня же где-то на дне мешка, среди прочего барахла, валяется ремонтный набор сапожника! Я остановился и начал поворачиваться, чтоб окликнуть парня, в этот момент эльфийка с приглушенным всхлипом схватила меня за руку. Еще не понимая, проследил за направлением ее взгляда. Вот черт! Между деревьев, ниже по склону, поднимался орк. Копье в опущенной руке, щит заброшен за спину. Не видит? Видимо, он заметил нас одновременно: щит тут же прикрыл грудь, рука с копьем взлетела к уху, наши глаза встретились. Я рванул лук.

Пока шли, Анахита примотала мне остатки ампул к стрелам. Получилось у нее не хуже, а учитывая, что проделала она это на ходу, что мне было совсем недоступно, результат превзошел ожидания. Вот только оставалось их всего восемь штук, а противник неплохо закрывался щитом. Но до подхода Руслava протянуть, пожалуй, сумею.

Орк, уставившись на нас ничего не выражающим взглядом начал неторопливо приближаться. Блин, куда стрелять?!

– Бежим!

Я обернулся – что? Анахита, схватив меня за край плаща, не церемонясь потащила меня дальше.

– Не тормози, там еще один!

Выше по склону, но чуть дальше, чем первый, меж деревьев показался новый враг. Сердце ухнуло. Ну вот и доигрались! Я позволил протащить себя несколько шагов, механически переставляя ноги, пока не сообразил, что мы удаляемся от единственного бойца в нашей тройке.

– Аня, стой! Мы не туда бежим!

– Бежим!

В глазах девушки я не увидел растерянности или страха. Ну что ж, наверно, ты знаешь, что делаешь. И я наконец перешел на нормальный бег.

Через три шага бросил взгляд по сторонам. Нижний орк тоже побежал, довольно уверенно перепрыгивая торчащие то тут то там корни, а вот верхний отставал. Ну что ж, не только людям бежать под горку сложнее, тем более по лесу.

– Сюда! – Анахита опять схватила меня за руку, увлекая под уклон. Мы почти поравнялись с нижним. Ну все, сейчас он нас догонит!

Девушка резко остановилась, разворачиваясь. Я по инерции сделал еще два шага. Повернулся, вскидывая лук. Ну все, нам хана, – отметил как-то отстраненно, на автомате.

Эльфийка выставила руки с активированным фаерболом.

Орк перешел на шаг, потом остановился. Конечно, чего ему торопиться, сейчас второго дождется!

За спиной орка показался Руслан. Я почувствовал, как расплываюсь в улыбке. Видимо, орк что-то услышал или глупо улыбающийся человек, загнанный в угол, заставил его насторожиться, но он начал поворачиваться и явственно вздрогнул. Он продолжил движение, парень просто отступил на шаг, перехватил меч двумя руками – блеснула молния отточенной стали, и орочья голова покатилась под уклон.

Три пары глаз уставились на второго серокожего, который только-только появился из-за деревьев. Он остановился, оценил ситуацию и, рванув вверх по склону, опять скрылся среди деревьев.

Рус подхватил орочье копье и щит.

– Ходу, ходу, ходу! – не скрываясь крикнул он нам.

Анахита развернулась, и бросилась вперед.

– Рус!

– Фес, бежим, он же за подмогой!

– Рус, стой!

Парень затормозил рядом:

– Что?

Я вцепился в его рукав:

– Рус, это шанс, понимаешь? Только обещайте, что от орков вы уйдете!

– Черт, ты о чем? В таком лесу они задолбаются нас ло-

вить!

– Вот и отлично! Тогда бегите!

– Фес, ну–ка отставить героические помыслы! В чаще нас еще попробуй отыщи, да и по лесу орки бегают плохо.

– Я тоже. Со мной не уйдете.

– Феникс...

– Дослушай. Вы уходите, а я наверх. Во–первых, лажу по горам я не хуже этих, а во–вторых, сейчас все рванут за вами в погоню. Это же шанс забрать последний цветок!

– Черт, – парень на миг задумался, уставившись на мыски своих сапог, – похоже, ты прав!

Я хлопнул его по плечу. Анахита стояла в нескольких шагах, полуобернувшись.

– Береги ее, – бросил я, не отрываясь глядя в раскрытые глаза эльфийки.

– Не переживай. Кстати, где встретимся?

Я замялся.

– Вот что. Сразу как спустишься, дуй на юг. Встретимся на посту, ты его не пройдешь.

– Давайте ребята, удачи!

Хлопнул парня по плечу еще раз, изобразил воздушный поцелуй девушке.

– Ходу!

И они побежали.

Быстро осмотрелся —пока никого. В стороне, где скры-

лись ребята, явственно хрустнуло. Потом еще раз. Спасибо! Явно утягивают погоню за собой. Так, откуда взлететь? На мгновенье припомнил, как раскачивался на сосне. Учтывая, что лес на склоне, если поймать амплитуду и прыгнуть вниз в долину... а, не то, с такой шаткой опоры не оттолкнусь. Тогда наверх, куда же еще!

Сунул сапоги в мешок – некого стесняться, саадак с луком туда же – толку–то от них? Цепляя землю когтями, рванул наверх. Впрочем, сильно не спешил: столкнуться с погоней нос к носу я не собирался.

Лес кончился как обрезанный. Шаг – и я на пустом каменистом склоне. Так, а где тропка на границе двух поверхностей? Эй, разрабы, нельзя было под копирку повторить то же самое, что на предыдущем отроге? Сразу от деревьев начался довольно крутой откос. Между ним и деревьями щель – не втиснутся.

Сверху посыпались мелкие камешки. Это еще что? Склон чуть выше имел небольшой перегиб. Поэтому, стоя под стенкой, рассмотреть, что надо мной происходит, я не мог. Осторожно отступил под защиту деревьев.

Камешки посыпались левее. Отлично! Кто бы это ни был, он идет поверху в направлении оконечности отрога. Придется подождать.

Наконец на фоне неба вырисовались три фигуры. Горько усмехнулся про себя: орки, ну кого я еще рассчитывал увидеть? В очередной раз поразился, насколько ловко и споро

у них получается. Спускались по диагонали в направлении, куда скрылись ребята. Сейчас серокожие были выше меня метров на пять и левее почти на пятьдесят. Наблюдая, я выглянул из-под прикрытия деревьев. Вот сейчас они нырнут в лес, немного подожду, и можно подниматься.

Над головой мелькнула тень, раздалось громкое и противное карканье. Вот блин, что здесь за вороны такие?! В порыве любопытства высунулся еще сильнее и, ухватившись руками за дерево, чтоб не грохнуться, уставился вверх. Никого. Видать, птица скрылась за деревьями. Ну что там мои орки, спустились?

Опустил взгляд да так и прикипел к дереву. Сердце снова дало сбой, во рту пересохло, а желудок ухнул в район пяток. На меня смотрели три пары ничего не выражающих глаз в окаймлении меховых шапок и таких же безрукавок. Первый порыв – в лес, вниз, бежать! Я даже дернулся было назад, за деревья. Мигом пришло осознание: что дальше? Как я бегаю по лесу, уже проверял – хреново. Выносливости у меня хоть отбавляй, но ведь догонят! Взгляд метнулся вправо, вдоль деревьев. Нет, слишком узко, да и не разбежаться!

Орки совершили образцовый поворот «все вдруг» и бодро припустились ко мне, щиты и копья уже привычно материализовались на своих местах. А я, чуть ли не буксуя когтями по камням и обдирая пальцы на руках, рванул по склону.

Четыре метра вверх. Взлетел почти одним рывком. Орки поравнялись со мной по высоте, до них метров сорок, может,

чуть больше. Пульс молотит, но это от страха. Мыслей нет. На заднем фоне сознания второе Я в офигевании качает головой: ну ду—ра—ак.

Восемь метров. Сорвал ноготь на левой руке, вижу кровавые следы, которые оставляет моя пятерня, но боли нет. До орков уже метров тридцать, высоту набирают синхронно со мной.

Правая нога соскользнула, вслед за ней левая. В последний миг, когда я уже увидел, как скольжу на брюхе, пальцы вцепились в какую—то расщелину. Запоздало прокатилась волна паники. Правой щекой воткнулся в скалу, до орков метров двадцать. Бегут гуськом, в руках оружие. Да как же они здесь держатся то?! Скосил глаза. Вниз метров двенадцать. Где—то рядом раскачиваются верхушки деревьев, но еще выше меня. Рывком подтягиваюсь, нога находит опору, вверх!

На пятнадцати метрах достиг перегиба, скала немного уменьшала наклон. Подъем пошел веселее, я почти перестал помогать себе руками, но и орки ускорились. Короткий взгляд — между нами остается не больше десяти—двенадцати метров. Я вижу их детально: отблески на гранях черных каменных наконечников копий, колыхание длинной шерсти меховых шапок, ничего не выражающие пустые глаза.

Появилась отдышка, пульс уже в висках, сознание застыло от ужаса. Жилы на ногах рвутся от напряжения. Взгляд высматривает места, куда наступать, боковым зрением вижу

приближающуюся снизу—сбоку смерть. Топот их ног отдается в мозгу, я слышу их дыхание – шесть метров!

Мешок уже в правой руке, левая рвет застежку плаща. Краем глаза вижу, как ближайший силуэт заносит руку для удара. На очередном шаге выношу правую ногу чуть дальше и, с силой толкнувшись, ухожу в прыжок назад, прогибаясь в спине.

Время застыло. Скручиваясь влево, вижу, как наконечник копья проходит в считанных сантиметрах от моего тела, а головной орк проваливается вперед в глубоком выпаде. Мне кажется, или у второго орка признаки удивления на лице? Действительно, странно, жертва, которую уже почти загнали, предпочла прыгнуть вниз и разбиться!

Потом в поле зрения вползает бескрайняя лесная ширь. Верхушки деревьев, образующие зеленый ковер, сбегающий вниз, в долину. Они ниже меня!

Хлопок сзади, меня подбрасывает, на миг больным зубом пронзает мысль: я же не проверил крылья! А вдруг повреждены маховые перья? А вдруг не размяты мышцы? Я же с самого утра не имел возможности их осмотреть. Но проходит мгновенье, другое. Меня не скручивает болью, кренов нет, значит, крылья работают!

Время запускают вновь, я хочу крикнуть в ликование, но рано. Верхушки деревьев несутся на меня с угрожающей скоростью, а крылья еще не работают, скорости мало. Миг, и те немногие метры над вершинами деревьев, которые я успел

запасти в своем забеге вверх, растаяли, разменянные на скорость полета. Но их хватило, чтоб над самыми макушками я перешел в относительно управляемый полет. Скорости все еще недостаточно, но это же горы! Поверхность леса убегала вниз, повторяя склон отрога, а я скользил в считанных сантиметрах над ней, разгоняясь в пологом пикировании.

Поверхность леса слилась в зеленое полотно. То слева, то справа мелькали вершины выступающих над лесом деревьев, но пока везло. И вот воздушная подушка под крыльями отвердела настолько, что на нее можно стало опираться, чуть поджав вниз заднюю кромку. Я уменьшил угол пикирования, и тут же зеленое мельтешение отдалилось. Слава уравнению Бернулли! Ех-ху-у!

Я перешел на маховый полет. Несколько взмахов, широкий вираж – и мимо проносятся застывшие на склоне орки. Недоумки!

Мне захотелось смеяться или сделать какую-нибудь глупость. Эх, почему у меня так мало стрел с «фугасами»? Сейчас бы погонял этих уродцев. «Ладно, икар, давай по задаче», – мысленно напомнил себе, впихивая плащ в мешок, который до сих пор держал в руках. Главное – эти трое в погоне за ребятами участвовать не будут. Меня трясло от пережитого и, чтоб как-то сбросить напряжение, я заорал песню, которую когда-то слышал на одном из бивуаков.

«Я стою на вершине горы,
Ветер дует не с той стороны,

Я приготовился к разбегу,
Внизу стоят, разинув рты,
И все ж в удачу веришь ты,
И сердце рвется, рвется, рвется к небу »²⁷

²⁷ Сергей Борзенков «Мой дельтаплан». Текстom ни где не встречал, есть песня за «зайцев.net»

Глава 32 Гарпия

Я набирал высоту в широкой спирали, поглядывая в направлении, где скрылись ребята. Упомянутая тройка серокожих, упустившая одного очень шустрого икара, уже скрылась под пологом леса. Хоть Руслан уверял, что оркам в лесу их не поймать, беспокоиться о судьбе попутчиков я не переставал. Появилась даже мысль покружить с торца отрога, чтобы высмотреть ребят сквозь деревья. Но потом отбросил ее. Даже если я увижу что-то, например, засаду на пути, то как вмешаюсь? Сверху расстреляю из лука, учитывая, что фугасов осталось восемь, а остальными стрелами даже поцарапать орка не могу?

Предупредить? Как? Кидать записочки? Были бы мы в группе, мог бы написать сообщение, но мне нельзя – члены одной группы видят не только характеристики и статьи друг друга. Представляю, как будет выглядеть окошко такой группы:

«Руслан, человек.

Анахита, эльф.

Феникс, икар?»

Хм, не сказать, чтоб это не вызвало вопросов. Даже хуже, чем крылья засветить. Крылья – а может, это такие приспособления, надевающиеся на плечи? Впрочем, о чем я, под NDA попадает даже сам факт полета игрока. Но обозначить

расу, которой нет, – тоже верное средство нарушить все что можно.

«Хорошо, что Рус не предложил вступить в группу, когда я заговорил про метки на карте», – мелькнуло в голове. Вот бы пришлось искать причины, почему я отказываюсь! Мало что ли, что приходится отказываться от совместного восхождения? И в тот же миг другая мысль завладела сознанием.

Пораженный, я продолжал на автомате махать крыльями, удерживать угол тангажа и радиус виража, а перед глазами стоял Руслав, встретивший меня в лесу, после приземления с северного отрога. Я тогда спросил:

– Нельзя на карте метку поставить?

– Можно, но только для участников группы, – ответил Рус.

Подождите–ка, но это мне не резон вступать в группы. С точки зрения игрока, действующего по совместной задаче, объединиться в группу – это норма. Даже нет – это правило! Уже с момента, когда я первый раз решил отстать от группы, обещая догнать, уже тогда любой другой игрок мог бы сказать: «Кстати, кинул тебе приглас в группу, вступай, так не потеряемся».

Ну хорошо, до этого не подумали. Но потом я сам заговорил о том, как видеть положение друг друга на карте. Так какого лешего Руслав, сам заговоривший о подобном функционале, не хлопнул себя по лбу и не сказал: «Феникс, блин, а чего это мы еще не в группе?».

Мозг стал подсовывать различные варианты типа «стесняется», «не навязывается» и тому подобное. Нет, все не то! Парень просто обязан был предложить мне группу, вся логика игрового процесса об этом говорит, а то, что действует он вполне логично, я убедился.

Ох, ребята, да вы тоже непростые персонажи...

Не знаю, что меня заставило насторожиться. Я на высоте, подо мной уже не меньше полукилометра, от стенки отрога я тоже был далеко. Хоть Рус и говорил, что орки не знают метательного оружия, но я предпочел не проверять этот тезис на собственной шкуре.

И все же что-то как будто дернуло, заставив обернуться назад и вверх. Тело сработало на рефлексах, сознание даже не успело включиться: поджал правое крыло, энергичный взмах левым – меня кинуло в сторону.

Мимо, с противным то ли криком, то ли карканьем пронеслось нечто: оперенные крылья, побольше моих в размахе, выставленные вперед когтистые лапы, и сморщенное старушечье лицо, с носом крючком и прищуренными глазами. Гарпия?

Минуточку! Я вызвал в памяти карту, составленную перед тем как покинул Инкубатор. На ней я отметил места, где в диком виде водилась летающая живность Фанворда. Неужели я случайно забрел в ареал обитания гарпий? Точно нет, я уверен! Они же живут на севере, в Полярных горах. Точно! Они земляки орков! Тогда понятно откуда они здесь.

Тем временем промахнувшаяся гарпия заходила в новую атаку:

– Хочешь поиграть, птенчик?

До чего противный голос! Я энергично погреб вверх, лихорадочно вспоминая все, что знаю о гарпиях. Вот, блин, почти ничего, разве что летают бесшумно – это да, убедился. Обладают интеллектом. И как мне это поможет? Еще они сильные, в состоянии поднять некрупного человека. Ха, я не человек...

Крылатая старуха догоняла. Страха пока не было, скорее удивление. Мозг, как компьютер, обрабатывал информацию. Ну да, раз может поднять такой груз, значит, крылья о-го-го какие. Глянул вниз: черные, как у меня, только длиннее раза в полтора крылья росли из плеч, модифицированные руки. И как она с такими ходит? Не дракон, конечно, но сильнее меня – это точно, грудь на грудь лучше не сходиться. Постойте! Вот оно! Ну не может грузоподъемный летательный аппарат при одинаковой конструкции быть маневреннее более легкого!

– Куда ты, птенчик? Я давно не обедала.

Еще и облизывается, зараза. Да, вспомнил, они же плотоядные. Когда между нами оставалось не более полутора метров, резким поворотом через крыло ушел вниз. Старуха выполнила маневр с заметной задержкой. Пара взмахов для разгона, и тут же вверх. Страшные когти опять пронесли мимо, гарпия заметно просела по высоте. Я опять значительно

выше и продолжаю набирать.

– Все равно не уйдешь! Ты не сможешь играть вечно. Такие птенчики, как ты, быстро устают!

Блин, старуха права: три четверти шкалы выносливости, и продолжает убывать. Интересно, откуда она знает о «таких птенчиках»? Впрочем, это же непись, с не очень развитым интеллектом. Скорее всего, принимает за орла, которых гарпии ненавидят. А у меня и крылья орлиные, и лапы похожи.

О чем я думаю! Меня хочет поймать и сожрать крылатая тварь, от которой я пока ухожу, но силы не бесконечны, а я тут в орнитологию ударился! Или в монстроведенье? А, неважно! Я снова увернулся, повторив маневр.

Так, конечностей у нее две пары, в отличие от меня, хватать будет ногами. Ноги снизу, значит, надо все время держаться выше. Ага, как, если у нее скороподъемность выше? И сколько можно набирать? В космос? Вон и облака уже рядом! Но в пикировании она меня точно догонит – она тяжелее.

Снова повторил маневр: переворот через крыло, короткое пикирование и уход в набор. Старуха снова промахнулась, я чередую стороны, через которые уклоняюсь, но когда-нибудь она меня подловит. Поднимающийся откуда-то от желудка страх заставил мозги шевелиться еще активнее. В сознании, как киноплёнка на ускоренной перемотке, замелькали сотни вариантов: а что, если... нет. А вот так... Не выйдет. А может... Не получится.

Блин, блин, блин! Страх постепенно сменяла паника.

После очередного маневра бросил взгляд вверх и чуть не застонал от обиды. В нескольких метрах надо мной во все стороны простиралось подбрюшьё огромного кучевого облака, и я почти влетел в его середину – пяточок подошвы, свисающие то тут то там грязно–серые лохмы. Наслаждаетесь белоснежными барашками? Посмотрите их поближе, а я все, приехал! Выше нельзя, в облаке же ничего не видно, как я буду контролировать положение врага? Заметался туда–сюда, уворачиваясь от крылатой гадины. Надо как–то выбираться под чистое небо, там я хоть смогу набирать высоту. Впрочем, горизонтальный маневр пока удавался, только не лететь по прямой – догонит!

Вдруг в какой–то момент самым краешком сознания, тщетно ищущим варианты спасения, я зацепился за то, что гарпия усердно облетает облачные лохмы. Я иногда их прошиваю, а она вроде как облетает. Случайность? И тут же прошил по прямой здоровый облачный язык, свисающий вниз на десяток метров. Гарпия облетела. Она что, как Бастинда из «Волшебника Изумрудного города», боится воды? В ту же секунду перед глазами красным транспарантом вспыхнули строчки из когда–то читанного описания: «Летают гарпии бесшумно, что конструктивно достигается за счет подавления аэродинамических шумов мягким и пористым краем задней кромки маховых перьев, как у совы. Эта же особенность делает невозможным полет гарпии в дождь».

Вот! Лучик надежды робко постучался в оцепеневшее от ужаса сознание. У них намокают крылья! Так надо мной же тоны воды в виде пара и конденсированной взвеси. А я боюсь туда сунуться! Да, мои перья тоже мокнут, ухудшаются характеристики, но лететь я смогу. А гарпия? И я тут же подскочил чуть выше.

С боков навалилась мутная тьма, я даже боялся смотреть по сторонам, чтоб не потерять ориентировку, – только вниз. Земля внизу как будто подернулась белесой пленкой, детали размазались, зелень поблекла. Через секунду снизу промелькнула тень. Гарпия проскочила вперед, но вернулась, уверенно держась подо мной. До слуха, как сквозь вату, донесся ее скрипучий голос:

– Куда это ты собрался? Думаешь, я тебя не вижу? Я слышу, как бьется твое трусливое сердечко. Спускайся, и я вырву его!

В неосознанном испуге я судорожно взмахнул крыльями, отдаляясь от опасной твари, и мир вокруг померк. Грязно-белая мгла окутала меня. Она была выше, она была сбоку, она была ниже. Мгла была вокруг. Спустя секунду–другую я уже не мог понять, где верх, где низ. Тело тут же стало мокрым, по лицу заструились потоки воды. Холщовка! Я в который уже раз летел в такой одежде, забыв ее поменять сразу после расставания с ребятами. Эх, вот и давай зароки! Она тут же напиталась водой и стала весить, как кольчуга. Крылья отяжелели, так, по крайней мере, мне стало казаться-

ся. Благо в облаке можно было держаться и без взмахов.

Вообще в реале у нас был строжайший запрет на влет в облако. Во–первых, как и здесь, ничего не видно, а значит, есть шанс столкнуться с таким же, как ты, любителем полетать в облаках. Во–вторых, так же, как сейчас, – полная потеря ориентировки. Если нет приборов для слепого полета, понять, что с тобой происходит, невозможно. В наборе ли ты и сейчас потеряешь скорость и свалишься, или в пикировании и сейчас превысишь конструктивный предел по скорости и развалишься? А может, в крене? А еще в облаке сильная турбулентность – любой, кто пробивал облачность пассажиром самолета, может подтвердить. Процесс конденсации водяного пара идет с выделением тепла, и это тепло заставляет содержимое облака буквально бурлить, как кастрюля на огне, – читал я такое сравнение. А еще эти процессы могут забросить тебя на такую высоту, где без кислородного оборудования не выжить. Из всех счастливиц, которых облако затянуло и выплюнуло, я знаю только об Эве Виснерске. Грозное облако в Австралии выкинуло ее почти на десять километров. Ну так она одна такая на весь мир, кто после этого выжил.

Здесь я облака еще не исследовал, максимум – прошивал по кромке. Причины все те же: ни фигу не видно, мокро, никакой ориентировки. Так глубоко внутри я оказался в первый раз. Болтало, но не так чтоб очень: я парил, расправив крылья, без взмахов. Если облако не засасывает, то через

некоторое время я опущусь ниже и вывалюсь из него. Шли минуты, но по-прежнему вокруг был мокрый, душный сумрак. Выносливость почти не тратилась, поэтому я решил задержаться: вдруг эта гадина на самом деле меня слышит? Через такой слой «ваты» это вряд ли, но рисковать не хотелось.

Мысли стали собираться, я успокаивался. Так, скорее всего, именно эта тварь засекала нас. Наверно, когда мы с Русом раскачивались на вершинах елок, играя в великовозрастных медвежат. Может ли она рассмотреть людей под кронами? Если «да», то у ребят проблемы – с таким авиаразведчиком орки их не потеряют. А что хуже всего – смогут устроить засаду. Гадство! Ну чем я могу помочь? Гарпия тяжелее меня, сильнее, летает не хуже. Спикировать с таким расчетом, чтоб угодить когтями в голову? Но я же не сова! Она меня услышит заранее. Может, сбросить ей на голову каменюку? А что, десяток килограммовых булыжников я подниму запросто. Если кидать метров со ста или больше, то таким булыганом, да по башке... Ага, только сначала надо попросить: «Мадам, не могли бы вы лететь по прямой с равномерной скоростью, мне прицелиться надо». Как мне справиться с этой старухой двукрылой?

Стоп! Кажется, я что-то нащупал. Двукрылой! А я? У меня те же два крыла и две ноги, но руки... Я поднес свои почти к лицу, будто впервые их разглядывая. Ну да, у меня на пару конечностей больше! Вот же пришлось когда-то пому-

чаться из–за этого. А еще у меня есть лук и восемь стрел с взрывными зельями.

Я расхохотался, разрывая цепи напряжения. Господи, да как же все просто! Я бегал от этой летающей курицы по всему небу, даже в облако забрался, а решение было у меня в мешке, вот же оно! Меня колотило то ли от пережитых эмоций, то ли уже замерзать стал, – продолжал заливаться истерическим хохотом до колик в животе.

Фух! Наконец успокоился, пульс пришел в норму. Значит, сейчас вываливаюсь из облака, достаю из мешка лук. Нет, не так. Вдруг она по–прежнему ждет меня под облаком? Вдруг и правда слышит стук сердца? Самонаводящаяся, как акустическая, чтоб ее, торпеда! Я спешно залез в мешок, вытащил и пристроил на бедро саадак, проверил, как выходит лук. Потом взял его в руку – так быстрее, если что. На ощупь попытался определить, где мои «фугасы». Не получается, надо доставать, но здесь не видно ничего. Вытащил одну стрелу наугад, ощупал кончик. Не угадал. Эх, надо на будущее для «фугасов» какое–нибудь отличное оперение придумать, чтоб на ощупь в колчане определять. Ладно, если что, обычной стрелой собью первую атаку, а там уж посмотрим, чье конфу круче!

Вот теперь я готов, пора покидать это гостеприимное облачко, только как? Это в реале реальная проблема, а здесь – да здравствует гравитация! И я сложил крылья. Какое–то время ничего не происходило, меня по–прежнему окружала

муть. Я падаю? Да, вроде. Что за лифт, который никак не дойдет до первого этажа?! Я уже начал беспокоиться, и тут рывком, как зонтик, передо мной распахнулся мир во всей своей цветной красе. Зеленый ковер бескрайнего леса, голубое небо, белые облака и солнце! Как я люблю солнце!

С хлопком за спиной раскрылись крылья, меня даже брызгами обдало. Так, а где вражина? Я крутанулся, высматривая цель и одновременно натягивая лук, – никого. А где я?

Посмотрел вниз, пытаюсь зацепиться за знакомые ориентиры. Где–то должен быть восточный отрог, где он?

Прямо подо мной проплывал какой–то горный пик, в нагромождении скал. Взгляд скользнул дальше. Ниже центрального массива во все стороны лучами разбегались хребты поменьше. Раз, два, четыре... восемь. Это что, Рассветный Утес? Цель моего путешествия до того, как встретил ребят? До которой я не могу добраться уже сколько дней? Мозг отказывался считать. И сейчас вот так вот просто спланирую на вершину, и все? Цель закрыта?

«А высокая сегодня база, – отметил про себя, – и какой из них восточный?». Точно, вон же море! Море... Взгляд прикипел в хребтику, который тянулся в сторону побережья, – какой же он игрушечный отсюда! Свел крылья, оставляя маленькие треугольнички, лук прижал к телу, стрелу в колчан. В лицо дохнул плотный поток, опять из глаз побежали слезы. Мгновенно просохшие рубашка и штаны затрепетали в набегающем урагане. Без фанатизма, икар, нечего опять одежду

трепать. Немного скинул скорость. Рассветный Утес уполз куда-то назад, море отдалялось, а восточный отрог постепенно увеличивался в размерах.

Ну и где же? Неужели ошибся? Взгляд обшаривал лес вокруг отрога. Не-е-ет, не ошибся. Вон она, тварь, ходит кругами, уже намного южнее торца. Видать, ребята прошли узкое место и теперь держат путь к посту стражи. Кстати, где он? А то столько разговоров... Взглянул на юг. У различной с высоты оконечности южного отрога, чуть выступая над лесом, раскинулось поселение. Я почти рассмотрел высокий тын, крыши. Над одной, повыше, колебалась какая-то тряпица на шпиле. Ладно, пост от меня не сбежит.

Снова нашел взглядом гарпию. Машет крылышками, подлюка, высматривает моих друзей. Как ворона – той тоже недоступен парящий полет. Это ж какая у нее выносливость? Ну сейчас долетаешься!

Раскрывшись, встал в широкий вираж. Так, где мои «фугасы»? Вытащил шесть штук. Четыре прихватил пальцами левой руки, удерживающей лук. Еще две сунул в зубы. Две пусть побудут в резерве: мне же еще за травой слетать надо, наверняка на вершине кто-нибудь дежурит.

Гарпия кружила восьмерками почти над самыми деревьями, смещаясь со скоростью пешехода. Периодически она подлетала к хребту. Ага, вот и наведение – в этом месте на скале я заметил фигурку. Орк? Не разглядеть, хотя кому тут еще быть?

Дождавшись, когда очередная передача информации завершилась и гарпия вернулась к патрулированию, завис метров на пятьсот выше моей будущей жертвы. Ну, отсюда мне ее точно не достать! Приноравливаясь к ее полету, начал снижение. Стрела на тетиве. Взгляд на цели. В голове и сердце вакуум, только «щелкает» вычислитель: ветер восточный, шесть–семь метров в секунду; скорость цели около сорока километров в час, значит, одиннадцать–двенадцать метров в секунду. Буду бить на курсе девяносто, то есть точно против ветра. Дистанция триста метров. Далеко.

Двести метров. Вверх не смотришь, гадина, хорошо. Чувствуешь себя в безопасности. Кстати, а у меня как? Крутанул головой – вроде никого.

Сто пятьдесят метров. Цель вошла в правый разворот в конце нужного мне курса. Подождем, я замедлил снижение. Только не смотри вверх. Зачем тебе смотреть вверх? У тебя же нет здесь летающих врагов! Откуда им взяться! Тот птенец сбежал давным–давно.

Гарпия вошла в левый разворот. Я параллельно ей слил еще пятьдесят метров. Фигурка на склоне, видимо, заметив меня, активно замахала ручонками. Поздно, дядя. Всё, цель на курсе, превышение сто, эмоции вон, атака!

Семьдесят метров. Рано! Лук натянут, взглядом держу точку упреждения. Шестьдесят. Еще! Пятьдесят. Черт! Холстина флаттерит, издавая трепещущий звук, – ну почему я ее не поменял! Гарпия оборачивается, вижу, как расширяются

ее глаза, перекашивается криком рот. Н–на, гадина!

Промах! Стрела проходит впритирку к ее голове. Хватаю следующую стрелу, натяг, выстрел, тридцать метров. Крылатая старуха уворачивается и, развернувшись в воздухе, выставляет мне навстречу здоровенные когтищи. А, блин! Увернувшись, подныриваю; используя набранную скорость,рываю дистанцию; стрела на тетиве, разворот. И тут же выстрел – гарпия почти меня настигла. Промах! А я, сложив крылья камнем, падаю на несколько метров, уходя от страшных лап.

Стрела на тетиве, краем сознания отмечаю, как внизу рвутся мои «фугасы». Интересно, а где ребята? Прилетит Ане в лоб знакомая стрела, вот удача так удача! Некогда, разворот. Опять мимо мелькает пернатое тело. У нее что, голая грудь? Разрабы, вы маньяки?! Вы видели старух с девичьей грудью? Выхватываю стрелу из зубов, в руке кончились, изо всех сил гребу вверх, мне нужно секунду, чтоб прицелиться.

Нагоняет, дистанция метров двадцать. Разворачиваюсь, зависнув над гадиной на распахнутых крыльях. Полсекунды задержка оперенья возле уха, поймал взглядом довольно скалящееся лицо. Нет, морду! И в эту морду н–на! Стрела бьет в грудь – вспышка!

Крик боли лупит по ушам ультразвуком, но тварь жива, хотя здоровье просело наполовину. Вот же живучая какая, сдохни уже, наконец! Последняя стрела опять не попадает в голову, но бьет в плечо, в основание руки–крыла. Вспыш-

ка, и я вижу, как брызнули в стороны перья, а оторванная конечность кружась отлетает в сторону. Да-а-а! Поверженная гарпия, кувыркаясь, как сбитый самолет с отстреленной плоскостью, падает на камни. Камни?

Я лихорадочно осматриваюсь. Ну точно: пока мы кружили, сместились к самому отрогу, вот он, почти подо мной. А что с выносливостью? Зараза, последние проценты!

Наскоро осмотревшись, плюхаюсь на отрог между усеявшими его гребень валунами. Неудачно бьюсь ногой. Фигня, синяк не травма! Грудь ходит ходуном, накачивая в легкие кислород, набатом отдает в висках и ушах, перед глазами плавают круги, в рот попадает соленая капля. Кровь? Нет, пот, вытираю рукавом лоб. Ноги подрагивают, чувствую, что сейчас они откажутся держать мою тушку.

А это что? Как в прострации, отмечаю, что по склону в мою сторону мчится какая-то фигура, ловко перепрыгивая с камня на камень. Высокий, сухощавый, на плечах то ли пальто без рукавов, то ли плащ из знакомого черного меха. На голове высокий меховой колпак. Сухощавенькие ручки потрясают узловатым посохом. Ты кто, дедуля? Гарпин муж? Судя по личику, такой же сморщенный, вполне возможно. Совершенно бездумно достаю предпоследнюю стрелу с ампулой, механически натягиваю лук, подпуская поближе. Дед останавливается от меня метрах в десяти, разводит руки и что-то голосит. Да отстань ты уже! В правый глаз попадает капля пота, прищурившись, ловлю цель левым. Щелк.

Бах! Вспышка! И фигурку сносит со склона. Убил? Да пофиг, на меня наваливается апатия, ноги подгибаются, я рушусь на камни.

Глава 33 Один

Пульс постепенно приходил в норму, одышка ушла, пот на ветерке просох. Нога болела все сильнее, видимо, я здорово приложился. Пощупал пальцы, вроде целые, вот и ладно.

Я был выжат как лимон. Не физически, шкала выносливости постепенно подрастала. У меня эмоциональное истощение: еще бы, такое количество переживаний за сравнительно короткий отрезок времени! Забег от орков, пятнашки с гарпией, блуждание в облаке, снова гарпия. Прикинул, с момента как расстались с ребятами прошло едва ли полчаса, офигеть! А как будто вчера. Наш поход через лес от места ночевки, наверно, был вечность назад. Да-а, я даже присвистнул, давненько у меня не было таких насыщенных выходных.

Челюсти механически перемалывали волокна сушеного мяса, мозг перематывал недавние события без анализа, как кинолентку, думать не хотелось. Взгляд скользил по макушкам деревьев в ожидании, когда восстановится выносливость. Усмехнулся, вспомнив, как под утро втирал эльфийке, что не хочу зависеть от эликсиров. Усмешка вышла горькой, сейчас бы я от соответствующего эликсира не отказался.

С вершины крутого склона хорошо просматривалась опушка. С отстраненным интересом я смотрел, как две пары орков, выбежавших только что из чащи, синхронно закинули щиты за спину и споро начали карабкаться по стене в

мою сторону. Какие забавные торопыжки! Откинулся назад, опершись на руки, взгляд устремился к облакам.

А погода сегодня классная! Солнце, высокая кучёвка выстроилась грядами, свежий морской ветер. Почему—то вспомнил Ай—Петри. Странно, был один раз, да и перепад высот там значительно больше, и внизу не лес, а виноградники. Но что—то неуловимое заставило сердце дрогнуть в ностальгической тоске. Команда была тогда неплохая! Дельтаплан штука одноместная, но мы никогда не бываем на полетах одни. Всегда есть кто—то, кто придержит «птичку» за трос на старте, всегда кто—то приедет забирать, если сел где—нибудь в «бебеньях».

Шорох осыпи рядом, нехотя оторвался от созерцания неба. Гости. Незваные. Вон лезут, перебирая конечностями. С тяжким вздохом встал. Что там с выносливостью? Почти треть. Не торопясь, обвел взглядом окрест, дождался, пока ближайшему орку останется до меня пяток метров, развел крылья и оттолкнулся прямо в поток.

С разогретого на солнце скального склона пыхало жаром. Почти не тратя сил, в парении я поднялся метров на сто и без затей отлетел чуть дальше по гребню. Отрог явственно повышался в направлении Утеса.

Орки бросились за мной, вот упрямыцы! Пока они добирались, выносливость еще подросла. И опять я стартанул над самыми их головами. Тупыми зергами серокожие небыли проводили меня холодными взглядами профессиональных

убийц и, развернувшись, удалились на склон, обращенный к северу. Вскоре я потерял их среди нагромождения валунов. Вот и славно. У меня осталось незаконченным одно дело. Но сначала дождался, пока шакала выносливости заполнилась полностью. И переделся в летный кожаный костюм.

Старт, набор высоты под облако, протянул против ветра к оконечности. Что тут у нас? На гладкой вершине стоял одинокий боец. Меня он заметил заранее, так что атаковать с единственной разрывной стрелой будет глупостью. Немного покружив над часовым, я отлетел вдоль гребня и приземлился метрах в пятидесяти от орка. Тот смотрел на меня и не реагировал.

Валунов на самой оконечности не было, от меня к орку тянулся вполне прозаичный каменистый гребень, образованный двумя ровными склонами как двускатная крыша. Строем не погуляешь, даже парочкой, но одному места вполне хватает. Хотя оступиться и полететь кувырком к раскачивающимся далеко внизу верхушкам деревьев вполне реально. Впрочем, ни я, ни орк по понятным причинам этого не боялись.

Ну и что с тобой делать? Я с интересом разглядывал противника. М—да, задачка. И как же справиться с этой машиной—убийцей один на один? Может, взлететь и ткнуть его сверху копьём? С сомнением представил эту картину: налетаю, как коршун, с размаху бью копьём... А он закрывается шитом и отвечает.

И где я копьё возьму? А может, разогнаться да с налету ка–а–ак дать ногами? Так, чтоб закувыркался вниз, ручонками размахивая. Убить не убью, но дорогу расчищу. Вот только я не гарпия, на высоких скоростях свищу как пикировщик. Не с сиреной, конечно, но аэродинамические шумы слышны явственно. Так что выставит навстречу то же копьё, я на него как на шампур и наденусь.

Все не то, что–то фантазия не помогает. Досадливо поморщился, подошел поближе, метров на тридцать. Орк не реагирует.

– Эй, серый, дай пройти, – слова относил ветером, но противник услышал, – мне на минуту, не больше. Не собираюсь я нападать, нужен ты мне больно!

Ноль эмоций.

– Слышь, братан, будь человеком, тьфу, орком. Мне вон ту травку только забрать. Наплевать мне, что вы тут затеяли, у меня свои мутки.

Продолжая заговаривать зубы, я бочком–бочком приближался к серому. Теперь до него оставалось не более двадцати метров и я явственно видел небольшой зеленый росточек, трепещущий у орка под ногами.

– Да пойми ты, каменная башка, мне самому к людям соваться не резон: я же, как и вы, вне закона. Вас если запалят, так просто убьют. А вот у меня проблемы будут посерьезнее.

Пятнадцать метров. Орк не сводит с меня пустого взгляда. Блин! Смотрит, как сквозь прицел, – дескать, ты говори–го-

вори и давай поближе, чтоб наверняка. По спине побежали мурашки.

– Гляди, у меня пустые руки, я тебе ничем не угрожаю, – я выставил открытые ладони на уровне лица.

Десять метров. Нацеленный на меня наконечник копья слегка опустился, как и щит, ранее закрывавший серокожего по самые глаза. Его взгляд направился на мои когтистые лапки.

– Ну, дружище, теперь ты видишь? Мы же с тобой одной крови. Почти что. Понимаешь, что я не побегу к людям рассказывать, кого здесь видел?

Восемь метров. Орк как бы сдулся, расслабляясь. Я начал делать еле заметные пассы руками: дескать, сдай чутка.

– Хорошо, молодец. Сделай пяток шагов назад, будь другом, а то нам не разойтись...

Как лопнувшая пружина, орк выстрелил собой в выпаде. Копье блестящей черной молнией прошило пространство там, где мгновенье назад находилась моя тушка. Не успев испугаться или что-то подумать, на одних рефлексах я прыгнул в пропасть, раскрываясь.

В полете вытащил лук. С сомнением сунул назад вытасченный было последний фугас, попробую сначала обычные. Совершив полный круг, имея орка центром, приземлился на тот же гребень, но десятью метрами дальше, и тут же пустил стрелу. Сухое «бам» – стрела пришлась в щит. Орк повторил свой бросок. Я повторил старт.

Облетел по кругу, приземлился в десяти метрах, шелк-бум – бросок орка. На этот раз на гребне я даже движение не замедлил и стартанул чуть ли не раньше атаки серого. Смерть опять проскочила мимо, а я, сломав красивый конвейер, через миг после старта рванул вдоль склона в направлении оконечности. На развороте мазнул левым крылом по камням. Взмах, тут же торможение. В голове картинка: ястреб хватает кролика и не останавливаясь улетает.

Ноги, гася инерцию, прились в скалу как раз по сторонам эдельвейса. Сгибаясь и продолжая движение вперед, мазнул пальцами – хватать–хватать. Промаях! Хватать! Проклятое растение отказалось покидать свою удобную трещинку! А инерция несет вперед. Чтобы не грохнуть, пришлось сделать шаг. Да чтоб тебя! Зацепил кончиками пальцев стебелек, потянул... Сзади топот, оглянуться не успеваю. Наконец росток сдался и я тут же прямо из сторбленного положения прыгнул вперед. М–да, хреновый из меня ястреб. Только сейчас страх окатил волной озноба.

Накручивая спиральки над оконечностью отрога, аккуратно спрятал растение в мешок. Господи, как же я устал за эту трехдневку! Хочу в трактир, пива, чего–нибудь жирного и жареного. М–м–м... Даже слюна потекла. А потом откинуться с книжкой, слушать музыкантов; может, кто–то будет плясать в свете свечей. Может, это будут симпатичные селянки.

С селянок мысли перетекли на Анахиту. В любом слу-

чае надо же отдать последний эдельвейс. Вторгаясь в лирический настрой, когтем царапнуло беспокойство: как там ребята? Тех четверых мог дедуля отозвать, дескать, фиг с ними, с бегунками, спасайте меня от какой-то хрени крылатой. А могло быть по-другому: возвращались они, выполнив задачу, а тут я на скале сижу такой красивый. Ага, и решили подойти спросить документы.

Вот черт! Что делать-то? Трактир, пиво и селянки выветрились из головы. Думай, икар, думай. Какие у меня варианты? Собственно говоря, их два: поймали орки Руса с Аней или не поймали.

Во втором случае все просто – лечу к южному отрогу, есть же там трактир? По крайней мере, лошадей ребята где-то оставили. Нахожу трактир, заказываю себе... хм, тут понятно, и тупо жду. Открывается дверь, понурые попутчики плетутся за столик, а тут я – весь из себя героический: «Аня, вот тебе последний ингредиент, иди закрывай квест». Ага, белого плаща в такой картинке не хватает. Восторженные эльфийские глаза: «Было сложно?». Я скромно шаркаю ножкой: «Ерунда, детка, пара гарпий, десяток орков. Ты же знаешь, для тебя я и не на такие пустяки готов». Тьфу, аж противно.

Набрав достаточно высоты, осмотрелся. Бескрайняя лесная ширь, из которой на западе вздымается грандиозная горная система с величественным Утесом посередине. Интересно, почему Утес? Наверно, легенда какая-то есть. Хорошие горы: склоны под все направления ветра, с разным релье-

фом, прогреваемые солнцем и затененные. Интересная аэрология, я бы здесь задержался.

А на востоке от меня, уже ясно видимая, раскинулась другая безбрежная ширь. Море. Хоть и далеко, но мое зрение позволяет рассмотреть белые каемки пены на барашках. Береговой черты не видно – значит, берег высокий. Интересно, там есть пляж? Песчаная или галечная полоса вдоль воды? Наверняка ведь есть.

Странно, что там, куда достает взгляд, ни кораблика, ни лодочки. Это какой-то «медвежий угол» – третий день ни одного игрока, кроме нас. Разве так бывает? Это же пространство, оно жрет ресурсы, требует места на сервере, его кто-то прописывал... Я-то как раз за обеими руками, но все-таки странно.

Ладно, хорош философствовать, я вернул себя к действительности. Есть плохой вариант: буду сидеть в трактире, а никто так и не объявится. За грудиной появилась сосущая тоска, зубы скрипнули. Потом отпустило – блин, это же игра, все время забываю. Явятся. Прямиком с локации возрождения, но придут. Наверняка на лошадях есть запасные шмотки, которые не стали брать с собой. Ибо вся снаряга, все вещи и поклажа останутся медленно таять на бестелесных тушках в опасной близости к отрогам, населенным орками.

Вот! У меня все еще есть задача! Анахита получит свои четыре эдельвейса с четырех вершин от четырех сторон света. Один у меня. Блин, и почему я остальные не взял? В кон-

це концов, кто здесь травник?! У кого трава должна лучше храниться?

Усталость забылась вместе с хандрой, мозг привычно вгрызся в задачу. Ну что ж, критерии однозначные. Срок? Понятно, что сегодня, эльфийка говорила – время поджигает. Достижимо? А почему нет? Пути решения? Я на автомате почесал затылок, зацепив локтем крыло.

Хм... Есть вариант сгонять на северный и западный отроги. Займет, конечно, значительное время, но до темноты управлюсь, тем более мне ль не знать, где растут эти эдельвейсы! Не будут же они каждый раз на новом месте респавниться! Сознание, зацепившись за слово, мотануло клубочек чуть дальше. А какой у них вообще срок респа? Новые растения уже появились на своих местах? А вдруг только через неделю? В локации нет потока игроков, жаждущих выполнить аптекарский квест, вот и нет необходимости возрождать квестовые предметы каждые полчаса.

Прикинул: если я сейчас полечу на северный отрог и этого эдельвейса нет на своем месте... то менять план будет уже поздно. Да–а–а... дилемма. Кстати, я вспомнил об орках. Что–то эта затея мне нравилась все меньше и меньше. Что тогда? Тогда то, что мне нравилось еще меньше, – попытаться найти «трупы» ребят. Задача из серии иголки и стога сена.

А еще я представил, как запущу руки в бестелесную фигуру, имеющую очертания Анахиты... Меня передернуло от

такой перспективы. Не знаю почему. Все равно самого игрока там не будет, это просто туманный слепок. В конце концов, я же облутал «труп» Скайхоррора и никакими угрызениями совести не мучался. Но то неизвестный и, прямо скажем, неприятный мне чувак. Я его победил в честном... хм, бою. А тут... как сказать—то? Тело? Нет, конечно, не в прямом смысле. «Виртуальный труп», по—другому и не назовешь, девушки, которая мне, откровенно говоря, нравится. Блин, в конце концов это же просто туманный сгусток в форме игрока в одежде без каких—либо анатомических подробностей! Ну ладно—ладно, уговорили. Правда, все равно это же копать в личных вещах! Да я не позволял себе заглядывать даже в Машкину сумочку или проверять содержимое карманов ее курток.

«Что—то ты слишком загоняешься», — сказал я сам себе, подлетая к району, над которым в последний раз кружила гарпия. Сначала их найти надо, может, ребята живые и здоровые уже подходят к посту стражи, а я тут себя накручиваю!

Не знаю, как ищут людей с воздуха в реальной жизни, никогда ни в чем подобном не участвовал. Дельтаплан не вертолет, привлекать его к поисковой работе никому, находящемуся в здравом рассудке, не придет в голову. Так что для меня это дебют.

Окинул взглядом лес. Да уж... Сплошной зеленый ковер! Вспомнил мемуары одного вертолетчика²⁸, который за-

²⁸ Хью Миллс. Нижние уровни ада.

нимался воздушной разведкой в джунглях: надо взгляд фокусировать не на кронах, а как бы проникать им сквозь. Попробовал. Блин, ерунда какая—то получается.

Наконец, опустив взгляд вертикально вниз, смог углядеть землю. Пятно земной поверхности оказалось очень маленьким, к тому же мешали качающиеся верхушки деревьев, перекрывая обзор. Еще и ветер на мою голову! Да такими темпами я на несколько сот квадратных метров потрачу оставшееся до темноты время! Причем без гарантий. А ребят могли выцепить чуть в стороне. Запросто пролечу в метре—другом от их полупрозрачных «трупиков» и не замечу.

И как тут быть? Мелькнула зарождающаяся злость: я что, собираюсь здесь хоть кого—то найти? Только время впустую потрачу! На что я хочу убить несколько ближайших часов? На бесплотные попытки? Я могу их провести с куда большей пользой. В конце концов, мне давно пора снаряжением заняться, вон хотя бы плащ подшить, а то как покромсал в первый день, так и бархатится понизу. «Лайкру» подштопать надо, слишком много я последнее время в ней хожу. Кстати! У меня же запас стрел на исходе! Я что, хочу начало следующей сессии слить в подготовке к полетам? А как же «готовы сани летом»? Все, решено: сейчас же на южный отрог, сниму комнату в гостинке... Должна же там быть гостиница? Но сначала плотный ужин, почитаю немного, размякну душой.

А ребята сами дойдут. Да чтоб такого парня, как Рус, какие—то орки поймали? А если поймали, то только на свои

головы. Я видел, какой он боец, – один пятерых! А если все ж поймали... Да черт побери! Разве это моя «война»? Решение созрело. Все, сейчас набираю под базу и по облачкам спокойненько сдуваюсь к посту.

Но где-то глубоко внутри (то ли в голове, то ли за грудной) зудел тоненький такой комар. Зудел о том, что для меня эти несколько часов – так, повод побалдеть за столиком после полетов, вроде как заслуженная награда после трудов праведных, по сути дань привычке. А для Анахиты запоротый квест – весьма серьезно, судя по реакции. Я могу оказаться последней надеждой. Для меня это не сверхусилия, надо просто делать метр за метром, квадрат за квадратом. И поэтому мои крылья продолжили равномерно подниматься и опускаться, взгляд устремился вниз, сквозь листву и ветки, скорость сбросил.

Постепенно выносливость подошла к концу, прошел почти час как отдыхал последний раз. А я почти все время использую маховый полет – над лесом потоков нет. Нужно прерваться. Закончив галс, не стал разворачиваться, а протянул к отрогу и на последнем проценте шкалы плюхнулся сверху.

Осмотрелся, выбрал место наверху здорового валуна. Хоть торчу, как маяк, видимый отовсюду, но и мне видны подходы. Так ко мне хотя бы не подкрадутся. С досадой поморщился: если враги появятся вот прямо сейчас, мне кранты – выносливости хватит только чтоб стартовать, а потом тут же рухну на лес или на камни, что для меня и то и то

катастрофа.

К досаде добавилась злость: ну почему я не подумал об отдыхе парой галсов ранее? Сейчас бы не оглядывался в тревоге по сторонам. Блин, ну сколько еще можно лепить ошибки! В сердцах шарахнул себя по лбу.

Не знаю, полегчало мне после этого или просто не осталось сил бояться, но злость и досаду сменила апатия. Вытащил из мешка плащ, кинул на камень, чтоб перья не шкрябались, плюхнулся. Оглядел остатки еды – небольшой кусочек уже засохшего сыра и последнюю полоску вяленого мяса. Побултыхал баклажку – тоже негусто, может пара глотков. Отсалютовал самому себе – твое здоровье!

Все–таки я вымотался – леплю ошибку за ошибкой, легко раздражаюсь и злюсь. Господи, да когда же кончится эта сильно затянувшаяся игровая сессия?! В реале, отследив такую симптоматику, я бы уже собирал крыло. Как говорится – не война и не соревнования, чтоб убиваться. Дельтаплан быстро отучает от наплевательского отношения к безопасности полетов. А здесь? Я с кем–то соревнуюсь? Или у меня тут война? Эх... Не знаю.

И тут до меня дошло: ну хорошо, высмотрю я сверху «трупки» ребят, а дальше–то что? Со стоном уткнулся лбом в ладонь, перестав жевать. Вот баран, ну почему я об этом сразу не подумал! Чтобы что–то забрать с «труса», в туманный сгусток, изображающий павшего, надо запустить руки. Значит – приземляться. Ладно, на лес я сяду, не впервой, а взле-

тать? Взгляд зашарил по поверхности леса в поисках полянки или прогальчика. Ничего. Для взлета мне придется пешком дойти до склона, а это не меньше километра по лесу.

Все, я сломался. Извините, ребята, но у каждого есть предел. Мой достигнут. С холодной отрешенностью дожеввал мясо, прикончил остатки вина, неторопливо запихал плащ в мешок. Проверил выносливость и стартовал в направлении оконечности южного отрога.

Глава 34 Южный пост

Я шел «дельфинчиком» на высоте километра. Набирал плюс сто метров, затем, раскинувшись в парении, сливал полученный запас и опять включал махи. Взгляд привычно сканировал пространство по сторонам, над собой, не забывая оглядываться: одной гарпии мне хватило. Но все чаще он устремлялся прямо по курсу, туда, где из леса поднимался бревенчатый тын с уже различимыми башенками под шатровыми крышами. Еще немного, и придется садиться, не могу же я влететь прямо на главную площадь! Да мне и не дадут. Скорее всего, утыкают стрелами, как подушечку для булавок. Местная стража – ребята серьезные.

Наконец решил, что ближе подлетать рискованно, пора вниз, опять превращаться в щуплого пешехода. Варианты? Лес пошел вполне разреженный, можно было бы просто сложить крылья и проломиться сразу до земли, но... Внизу не секвойи, конечно, но для меня и двадцать метров многовато, разобьюсь на фиг в двух шагах от таверны с пивом. Вздохнув, решил, что придется опять «тормозить в березу».

И в этот момент, выглядывая подходящее дерево, глаз зацепил внизу движение. Высоты оставалось метров пятьдесят над макушками, лес внизу уже начинал мелькать, собираясь превратиться в смазанное зеленое полотно, когда снижусь еще, поэтому был соблазн сказать себе «показалось»,

на всякий случай протянуть чуть дальше и забыть. Но крылья уже сами закладывали вираж с набором.

Сквозь нечастые, почти переставшие качаться макушки я рассмотрел двоих: парень и девушка с длинными светлыми волосами. Заложив пару восьмерок, прикинул направление (хотя куда тут можно еще направляться!) и вломился в лес метрах в ста пятидесяти прямо по их курсу.

Не сказать чтоб прошло гладко. Деревце, в которое я прицелился когтями, оказалось слишком гибким, меня мотануло на нем взад–вперед сквозь строй веток, изрядно надавав по лицу и отхлестав по всем частям тела. Четверть здоровья как корова языком слизала. К тому же я подзабыл о ушибленной ноге, так–то в полете они просто болтаются. Напоминание вышибло слезу. Привет с Юцы!

Когда–то, только начиная, провисел в учебной подвеске часа два в динамике, хотя и знал, что она не рассчитана на длительные полеты. В итоге ременная система, больше предназначенная для пробежек, передала на ногах сосуды. Мне садиться – а я ног не чувствую. М–да... Между прочим, разминать ноги перед посадкой начал как раз после того случая, не забывал и в «новой жизни». Что ж, еще косяк в копилочку, обусловленный усталостью.

Так или иначе, к моменту, когда на меня наткнулись ребята, я уже в холщовке, плаще и сапогах восседал на поваленном дереве. Изображать усталость было не нужно.

– Феникс!? Ты... ты как здесь?

– Аня, не кричи, медведей распугаешь. Ребята, есть что перекусить? Что–то я вымотался.

Руслан молча скинул с плеча отощавший мешок, покопался, вытащил кусок черствого хлеба.

– Через час уже на посту будем, пошли. Там в трактире отдохнем, нормально перекусим...

– Ладно, Аня, давай короткий привал сделаем, – вступился за меня парень, глядя на то, как я жадно вгрызаюсь в краюху. – Рад тебя видеть, Фес. Живым.

Костра не разводили. Руслан вытащил все съестное, которого оказалось очень мало, они с эльфийкой жевали чуть–чуть, больше за компанию, так как некий гордый травник отказался есть «в одно лицо».

– Как прошло? – не прекращая жевать, обвел попутчиков взглядом.

– Да так, – сидящий прямо на земле парень изобразил неопределенный знак рукой. Лица у обоих отрешенные, одежда драная и в пятнах крови, у Руса из оружия на виду только меч. – Живы.

– Тяжко пришлось?

– Тяжко, – без затей кивнул Руслан. – Представляешь, сколько ни петляли, орки всегда на нас выходили. Черт, я понимаю, если бы мы от эльфов пытались убежать, но эти никогда не были лесными жителями!

– Слушай, Рус, я когда наверху был, видел, как над лесом кружила какая–то крылатая гадина. Не знаток, но мне пока-

залась, что это гарпия была. Может, она на вас наводила?

– Гарпия? – парень приподнял брови. – Не, исключено! Орки ненавидят и стремятся убить всех, кто не является орком. Гарпии такие же. Благодаря этому они не могут объединиться, хотя живут относительно рядом. И слава богу, а то на севере стало бы жарко.

– Да, но... – я чуть было не ляпнул «я же видел», вовремя прикусил язык.

– К тому же вряд ли виденная тобою тварь была корректировщиком. Орков в какой-то момент как обрезало, а она еще долго над нами кружила.

– Ага. Я вообще минут двадцать назад ее видела. Ты, кстати, не заметил?

Я с самой честной мордой покачал головой и поспешил перевести разговор со скользкой темы:

– А ты, Рус, говоришь «орков как отрезало». В каком смысле?

– Да понимаешь, нас ведь почти добили, – Рус вздохнул. – Сначала догоняли по двое, максимум трое почти сразу, как расстались. Но мы свеженькие были, раскатали их быстро. После две или три пары, не помню – все слилось. А потом мы прямо на засаду вышли, они словно ждали. Четверо. Двоих мы все же убили, но и у нас все – край. У меня из оружия только меч оставался, а тут и он...

Парень вытащил из ножен полторник, от клинка оставалась едва ли треть.

– Вижу, Аню один недобиток за плечо схватил, а я и помочь не успеваю. Тут еще двое набегают... Если честно, уже локацию возрождения мысленно представил, – Рус замолчал, видимо, заново переживая недавние события.

Молчала, уставившись землю, Анахита. Пауза затянулась, я уже хотел было влезть со своим «и что же дальше?», как Рус словно очнулся:

– И вдруг, представляешь, орки разворачиваются и ходу! Я было решил, что подмога какая. Оглянулся – вокруг ни души. Стоим мы с Аней, смотрим друг на друга ошалевшие, отдышаться не можем. Ты знаешь, я понял, что чувствуют те, кому у стенки помилование оглашают. До сих пор голову ломаю, что могло их спугнуть?

И добавил, уже другим тоном:

– А вот уже потом, времени... – вопросительно глянул на Анахиту, – ну прилично так спустя, прилетела твоя хрень кружить над нами.

Сам ты хрень, Русик!

– А у тебя как? Расскажешь?

Ох уж это женское любопытство!

– Да чего рассказывать–то? Вы, наверно, всех наличных орков за собой утащили. Видел, как трое за вами помчались. Извините, стрелять им в спину не стал.

Руслав только кивнул с пониманием. Я продолжил:

– Потом подождал чуть–чуть. Поднялся – никого. Нашел эдельвейс, спустился и пошел напрямки к посту, его сверху

немного видно. Вот, собственно говоря, и все, – развел я руками.

– Ты у нас прямо, как Бильбо Беггинс, незаметный маленький вор. Постой–ка, – девушка игриво подмигнула, – а ведь ты маленький и щупленький. Да ты хоббит, точно!

Ее взгляд скользнул вниз:

– Так вот зачем тебе такие сапоги! Скрывать свои лохматые ноги! Ну–ка, показывай их немедленно!

Анахита сделала вид, что тянется, я инстинктивно отдернул ногу.

– Аня, хватит дурачиться, – Руслан, пытался сохранить серьезность, – ты же знаешь, что в игре нет хоббитов!

– А этот, наверно, экспериментальный!

И девчонка закатилась в приступах хохота. Глядя на нее, воин тоже прыснул раз–другой, утер слезу, а потом, не выдержав, сам залился смехом. Я откинулся назад, прикрыл глаза и почувствовал, как лицо само–собой растягивается в блаженной улыбке идиота.

Через час, как и обещала Анахита, мы подошли к посту. Лес вокруг оконечности южного отрога был вырублен на сотню метров ниже своей обычной границы. Привычная тропка между той зоной, где раньше был лес, и голой стеной упиралась в ворота деревянной башни под конусообразной крышей. От башенки вниз сбегала стена из вертикально установленных, заостренных поверху бревен и подковой опоясыва-

ла расчищенное пространство, оставляя метров двадцать до первых деревьев. Еще одну башню я рассмотрел как раз посередине этой подковы. И надо думать, с той стороны – третья, такая же.

Наверху, там, где по идее должен расти пресловутый эдельвейс, стояла еще одна башенка, на этот раз каменная. От нее вниз тянулась ниточка ступенек, вырубленных в камне.

– Кто такие? Назовите себя! – окликнули сверху воротной башни, когда мы подошли ближе.

– Путники мы, лекарственную траву собираем. Я Руслан, воин, человек, – проорал в ответ Рус.

– Я Анахита, знахарь, эльф. Мы у вас были четыре дня назад. Руслан еще наверх ходил, помните? Нам лекарственный эдельвейс был нужен, который под самой дозорной вышкой растет.

– А–а, так это вы лошадей оставляли? Да, помню вас. А третий кто?

– Это с нами, он травник, – вступилась Анахита.

– Сам пусть скажет, он что, немой?

– А ты глухой? Че глотку–то рвать? – пробормотал я под нос и крикнул: – Я Феникс, травник.

– Раса какая?

Какого черта? Какая–какая? Не видишь, что ли?

– Человек я, человек!

И добавил опять под нос:

– Открывай уже, что ли, и так на ногах еле стоим.

Наконец небольшие ворота, в которые на лошади только по одному и пригибаясь, с протяжным скрипом раскрылись. Отворявший их здоровенный стражник – борода лопатой, длинный бехтерец, глубокий шлем с наносником – проворчал, глядя на нас:

– Открываю, проходите.

– Начальник поста на месте? – поинтересовался наш воин.

– Подождать придется, караулы он обходит.

– Долго?

– С полчаса. А вам зачем?

– Информация есть, его заинтересует.

– Ну так посидите в таверне, все равно он к себе через зал будет проходить.

– Спасибо, – Рус изобразил полупоклон, приложив руку к груди.

– И не глухой я, служба такая, – донеслось уже нам вслед.

На территории поста оказалось тесно и довольно грязно. Высокая стена затеняла пространство, не давая быстро высохнуть грязи, и все дорожки оказались вымощены деревянным настилом. Странно, что за любовь к дереву, когда у них под рукой гора камня? Упомянутая таверна занимала центральное место поста. Приткнувшееся к оконечности отрога здание, по–видимому, совмещало в себе много функций. На первом этаже, как я понял, размещалась вожденная тавер-

на. Второй этаж, по пояснениям Руса, отводился сменному караулу в два десятка человек. Третий – жилье и рабочий кабинет караульного начальника, по совместительству склад. Короной венчала все сооружение еще одна смотровая площадка.

Как ее назвать? Таверной? Донжоном? Подсказал желудок – таверной. Так вот, между ней и стеной ютились кузница, конюшня и некий сарай неопределенного назначения. И все это на наклонной поверхности, конусом расходящейся от центрального сооружения. Ну правильно, это же середина склона, самая граница зоны леса. Почему я решил, что здесь будет ровная площадка?!

Три окошечка давали мало света. Им помогали масляные светильники на занятых столах и у стойки, но получалось это у них плохо. Вот тебе и дрожащий свет! А с танцами я обломлюсь, все пространство – это шесть столиков на четверых в два ряда вдоль стен, проход между ними, и все. Как пояснил Руслав, обеденный зал занимал менее трети площади первого этажа, деля его с кухней и небольшой общей гостевой. Надо переночевать? Вот тебе койка, вещи кинь в тот угол, у нас не воруют. То ли общага, то ли хостел.

Два столика были заняты. За столом напротив входа сидели двое. Ну вот и первые игроки! Мне показалось, один из них кивнул входящему первым Русу, но, заметив меня, предпочел уделить внимание большому кувшину, единственному украшению стола. Похож на эльфа, одет с претензией на

изящество, щупловат, если сравнивать с нашим воином. Не хочет афишировать свое знакомство? Ну так мне на руку. Его приятель, даже на фоне стражников выглядящий гигантом, уткнулся взглядом в высокую деревянную кружку и, казалось, не замечал ничего вокруг.

За следующим столиком расположилась компания стражников, коротавших время за игрой в кости. Им не тесно? Шестеро кряжистых мужиков почти соприкасались плечами.

Мы заняли дальний стол, оказавшись в углу. Я вытянул гудящие ноги и с наслаждением откинулся на высокую спинку. Хорошо хоть стулья, а не лавки. Трактирщик изобразил было намерение выйти к нам, но Рус, скинув мешок, сам направился к стойке.

Стараясь не пялиться, пригляделся к соседям: настроение приподнятое, броски сопровождаются остротами и подначками. Не знаю, как тут с уставом, на столе все те же кружки. Весело, в меру шумно, не буянят, на нас ноль внимания.

– Ну вот, сейчас поедим, – Руслав поморщился на мою попытку полезть за деньгами, – а потом у нас свободное время.

– В смысле?

– А чего тут непонятного? – парень даже удивился моему вопросу. – Для завершения квеста нам нужно в Коровий холл, но скоро стемнеет. Идти ночью, почти без оружия – чистое безумие, на мой взгляд.

– Кстати, – он переключился на эльфийку, – а мы с квестом успеваем?

– Пара дней в запасе есть, – отстраненно проговорила та.

– Ну и отлично! Надеюсь, квестовая логика не подведет и следующее задание в цепочке будет нудным, длинным и не экстремальным, – он открыто улыбнулся, – а то у меня почти вся снаряга накрылась. Кстати, ты же видела? Кракатук с Акзодом здесь – шифруются, делают вид, что незнакомы. Конспираторы! Может, подкинут что–нибудь, еще в прошлый раз предлагали.

– Не знаю, Русик, дела у них какие–то странные. Да и не нравится мне этот Кракатук, склизкий он.

Руслав пожал плечами:

– А мне он показался нормальным парнем. Дела? Не криминал и не темнота. Аня, нам деньги нужны.

– По идее, за Снори должны отсыпать, купим тебе меч или что там нужно.

– Да мне много чего нужно, – парень потух и, чтобы переключить тему, повернулся ко мне, – ну а у тебя, Фес, какие планы?

– Да какие планы! Мне завтра на работу. Там, в реале. Еще часок–другой, и по любому выходить.

– Слушай, если не секрет, кем работаешь?

– Ничего интересного, обычный офисный планктон.

– Вот как? – несколько разочарованно протянул парень, – а я, честно говоря, думал, какая–то сменная работа, сутки–трое. В каких–нибудь «структурах».

Последнее слово он подчеркнул.

– С чего бы?

– Ну как? Насколько знаю, офисный планктон работает пять–два, а ты в игре по трое суток кряду. Это во–первых. А во–вторых, ты слишком хорошо обращаешься с ранами, я помню, как ты к Ане кинулся, – и подмигнул мне.

– Ты не забыл, чем я занимался? Полеты, знаешь, сопряжены с некоторым риском для здоровья. Вот и старался хотя бы раз в год на курсы первой помощи ходить. А что касается графика, так я все же начальник отдела, а не хвостик собачий. К тому же, – бросил взгляд на эльфийку, но та по–прежнему была где–то «в себе», – с некоторыми проблемами со здоровьем. Так что работаю четыре–три, отпускают, куда им деваться. Правда, четыре дня по десять часов, но тут ничего не поделаешь.

Я сморщился.

– Сурово, – согласился парень, – небось, еще и дорога?

Я кивнул.

– А как же домашние? Ты, получается, то на работе, то в игре, то спишь.

– Нет у меня домашних, даже кота. Так что некому возмущаться.

– Понятно, – Руслан обернулся, глянул в сторону кухни, – что–то еду долго не несут, а говорили, все готово. Ладно, пойду тогда лошадей гляну.

И буквально в тот момент, как наш воин вышел на улицу, трактирщик – седоусый ветеран, слегка подзаплывший жир-

ком, но еще крепкий, прихрамывая принес поднос с едой. Густая похлебка, почти гуляш, в глиняных мисках; краюха черного хлеба, кувшин вина и неизменные деревянные кружки.

– Разносолов не держим, – буркнул, видимо, заметив мое удивление, – у нас тут пост государственной стражи, а не увеселительное заведение.

Горячее варево проваливалось в желудок, волна тепла разбегалась по всему телу. Как же мало мне надо!

– Феникс, можешь ответить на один вопрос? – эльфийка задумчиво ковырялась ложкой в миске.

– Мням, мням... конечно!

– Помнишь, когда мы только познакомились, ты говорил, что все мы и окружающее нас здесь лишь пиксели и биты информации? Поэтому можно рубить деревья, убивать животных, да и самим умирать не страшно.

Когда это я такое заявлял? Хотя отрицать глупо, мысли–то мои. Кивнул.

– А тогда, после боя с орками, когда ты на мне еще платье порвал...

О господи! Ну сколько можно вспоминать!

– Почему ты тогда так отреагировал? Вот смотри, при тебе Руслан был на грани смерти сколько раз? Раза три? Больше? Но никогда ты так... не пугался, что ли. Не знаю, как сказать, – она помолчала, – я ведь помню твой взгляд.

Та–а–ак. Я отложил ложку, откинулся. Ну и что ей ска-

зять? Люблю тебя больше жизни? Или что вместо нее я увидел совершенно другую девушку? Или все же Анахиту? Блин, да что же со мной?!

– Понимаешь... Видел я такие тела, свернувшиеся калачиками, из-под которых вытекала лужа крови.

– Где?

– Ну-у... Неинтересно. Видел. Вот и забыл на минуту, что мы в игре.

– Понятно. Что ж... – она вздохнула, натянуто улыбнувшись, – что это мы все о грустном? Вот расскажи лучше, почему ты так смешно называл этих, ну с которыми моя подруга летала?

– Порнопланерасты?

Девушка прыснула, прикрывшись рукой.

– Да нет, ты не подумай, что у нас с ними какие-то терки, – в одном небе летаем. Буквально. Как правило, большинство летных мест подходят и для париков, и для нас. Ну разве что у них требования к местам для посадок поменьше, поэтому в той же Турции дельт не встретить. А так нормальные они ребята, у меня масса друзей среди мягкокрылых. Просто у них порог вхождения ниже и их больше, – усмехнулся я, – так получилось, в большой толпе полетел только на второй сезон. Естественно, за все то время, пока варишься в тусовке, успеваешь проникнуться всеми требованиями и регламентами. А у них? Представь, человек приехал куда-нибудь учиться, у нас это скорее Крым или Юца. И уже через неде-

лю он вылетает в динамике в большой толпе. Посмотреть с земли, когда в воздухе много парашютов, – так это же натуральный суп! А у парня еще никаких представлений: ни о правилах расхождения, ни о том, как себя вести на посадке! Вот и косячит...

Тут я заметил, что девушка меня совсем не слушает. Вот блин, а я тут, понимаешь, оседлал любимого конька!

– Ладно, Аня, я тебе поесть не даю. Давай как–нибудь в другой раз?

Эльфийка подняла на меня глаза:

– А он будет? Этот другой раз?

Я осекся. Внутри что–то сжалось и ухнуло вниз, как будто влетел в сильную турбуляку, крыло резко просадило и я на миг лишился опоры. Сглотнув, протянул руку, накрыл кисть девушки. Физически ощущая тяжесть своего взгляда, оторвал его от стола, поднял и растворился в ее глазах.

– Конечно будет, – в горле внезапно пересохло, я с трудом вытолкнул слова.

– Кхм...

Надеюсь, я все–таки не вздрогнул – у столика стоял Руслан. Когда он подошел? Впрочем, о чем я? Секунду назад весь мой мир состоял из куска дощатого стола, небольшого масляного светильника и девушки напротив.

– Там это, начкар пришел. Я пойду расскажу об орках. Вы тут ешьте, но он может захотеть с каждым поговорить, потому что орки – это серьезно. Ну я уже рассказывал. Ладно,

пойду.

Как нехорошо получилось! Я проводил взглядом рослую фигуру. Парень прошел в угол у стойки и по винтовой лестнице поднялся наверх. Перевел взгляд на девушку, набрал воздуха...

– Сколько лет, сколько зим! Феникс?! Здорово! Какими судьбами?

Глава 35 Дела тестовые

Возле нас стоял классический местный селянин: безрукавка из грубой ткани, из-под нее синяя вышитая рубаша, свободные портки, заправленные в просмоленные сапоги. Ага, «местный», как же!

– Привет! Присядешь?

Издеваюсь, конечно. Как же, присядет он!

– Да не, что-то душно здесь. Подышим?

– Ну пойдём покурим.

Мы вышли. Солнце скрылось, тени поблекли и почти растворились в начинающем сгущаться сумраке. На вышках и над входами зажглись огни. Сейчас самое время, устроившись с кружкой в освещенной таверне, слушать музыку, предаваться застольным беседам «а вот помню, был со мной случай». Но нет, пожаловали по мою душу.

– Феникс, а вы не думаете, что обращаться к НПС-персонажу с предложением «пойдем, покурим» это как-то неосмотрительно?

– Да кто ж тебя здесь за непись-то принял?

– Мы разве настолько знакомы, чтоб тыкать? Я, между прочим, с вами на вы.

Здрасте, приехали. Ты меня на место что ли поставить решил? Ладно.

– Так и с чем вы пожаловали? Нельзя было обычного ад-

мина прислать?

Обычные представители игровой администрации, призванные, с одной стороны, приглядывать за игровыми правилами, а с другой – работать первой линией техподдержки, были стилизованы под ангелов: светлые и сияющие одеяния, белоснежные крылья, золотистые нимбы. Униформа, так сказать. Девяносто девять и девять в периоде игроков сталкивались только с ними.

– Давайте знакомиться. Я ваш новый куратор в проекте «Икар», можете называть меня Радамант. С недавнего времени отвечаю за взаимодействие с тестировщиками.

– А где Глеб?

На мгновение мелькнули нехорошие предчувствия, но разработчик «успокоил»:

– Не понимаю, почему должен отвечать на ваш вопрос, но один раз сделаю исключение. У Глеба Игоревича и так слишком много работы, чтобы еще и подтирать сопли тестерам. Это, в конце концов, нерентабельно.

Я в изумлении уставился на собеседника. Что за обуревающий персонаж? Но поскольку события дня вымотали меня вконец, обострять не стал:

– Вернусь к своему вопросу: чем обязан?

Собеседник как будто не слышал вопроса. Пару минут он в задумчивости разглядывал окружающий пейзаж, небо, еще подсвеченные закатным солнцем облака. Не сводя с них взгляда, проговорил:

– Красиво. Как подумаешь, какие усилия вбуханы, чтоб игроки могли наслаждаться всем этим... Ну ладно, к делу. Некоторое время назад руководство проекта решило, что нужен отдельный человек, который бы организовывал и контролировал работу тестировщиков. Как вы понимаете, это я. Я на эту должность не просился, но раз уж назначен, то должен обеспечить порядок на вверенном участке. Несколько дней я разбирался. И честно признаюсь, нахожу, что наши тестировщики... как бы выразиться—то? Охреневшие, вот самое точное определение. Участие в тесте – это не способ поиграть в свое удовольствие в еще не введенный в игру персонаж. Это прежде всего работа. И выполнение поставленных задач. И, что не менее важно, отчетность. Но кого ни спроси – никто не знает, какая задача сейчас на поставлена тест, никто не пишет ежедневных отчетов.

– Я, вообще—то, пишу...

Разраб наконец соизволил повернуться ко мне и уставился как на неизвестное науке насекомое.

– А вот с вами вообще какая—то непонятка. Милый вы мой, вы как вообще здесь оказались? Это в сотнях километров от курятника!

– Что?!

– А, ну да, извините. Инкубатора. Ты что, родной, думаешь, я сейчас перед тобой оправдываться буду?

– Скажите, уважаемый, – добавил я желчи в голос, – тестер икар может самостоятельно покинуть тестовую локу?

Которую вы так неосмотрительно называете курятником?

– Ну я же уже поправился.

– Я задал вопрос.

– Самостоятельно – нет. Насколько понимаю, тест идет на отдельном сервере, хоть и в рамках общего мира. Так вот мне и странно, вы–то как оказались во внешнем мире?

– Продолжу свою мысль, вы позволите? – я старательно гнул свою линию. Дождался кивка разраба, продолжил: – То есть самостоятельно, без ведома технической службы, я сделать это не мог. Так?

Собеседнику ничего не оставалось, как согласиться.

– Вы можете, конечно, проверить, вдруг я в сговоре с кем–то из технарей. Но, думаю, прекрасно осведомлены, что для переноса игрового аватара в общий мир нужно цифровое подтверждение руководителя проекта. И никого более. Вы ведь в курсе?

А куда деваться? Покажи он свою неосведомленность, и дальнейший разговор точно пойдет не в его пользу. А мне того и нужно. Правда, что–то он слишком борзый, светить свою связь с Глебом вне компании мне точно расхотелось.

– Ну а раз я оказался в открытом мире, значит, это согласовано. А если вас, – я специально сделал ударение на «вас», – не поставили в известность, значит, не посчитали нужным.

Раунд за мной. «Селянин» поиграл желваками.

– Хорошо, – наконец разродился мой «начальник», – я

еще уточню, может про вас просто забыли. Вернусь к тому, с чего начал. Где ежедневные отчеты о проделанной работе?

– Я же говорил. Я пишу.

– Да? Давайте посмотрим! – собеседник буквально сочился желчью. – Итак, вчера. Никакого отчета. Позавчера? Опять пусто. Так, ну три дня назад вы в игру вообще не входили...

– Что значит вчера пусто? Я, вообще–то, вчера здоровенную статью накатал, о термодинамике.

– И что? Напомните, какая у нас сейчас задача? Ну не надо на меня так смотреть, вижу, что не в курсе. Сейчас тестируется механизм прокачки выносливости в процессе махового полета. То, что вы там написали, это никому не нужный мусор. Когда надо будет, тогда и напишут. И не вы, а те, кому поставят задачу. А ваша работа... Повторю, ра–бо–та – он принялся тыкать меня в грудь пальцем, – делать то, что скажут, а потом писать об этом отчет.

– За работу вообще–то платят, – я сделал шаг назад.

Оппонент снисходительно усмехнулся:

– Не платят? А давайте посчитаем, сколько сейчас стоит платиновый аккаунт и премиум–капсула? Или компания должна вам за просто так предоставлять элитное оборудование за то, что вы просто соизволили поиграть в свое удовольствие?

Намек разраба был прозрачен. Когда начинали тест, выяснилось, что для правдоподобного восприятия полета необ-

ходима очень высокая скорость передачи данных, от рецепторов игрока к серверу и обратно. Такую скорость обеспечивала только линия на сверхпроводниках, которую сервисная служба тянула отдельно. Цена удовольствия была запредельная, поэтому такая линия полагалась только платиновому аккаунту, который в свою очередь могли себе позволить очень и очень немногие игроки. Большинство тестировщиков, как я знал, сидели на минимально возможном серебряном аккаунте для участия в любых тестах. Уже достаточная скорость для комфортной игры пешим персонажем, но без разных фишечек «золота» в виде возможности звонить по реальному телефону прямо из игры или непосредственному доступу к форуму.

Решение руководства было компромиссным. Тестировщикам, скрипя зубами, раздали платиновый аккаунт, провели выделенные линии и даже подогнали вип-капсулы. Видимо, из списанных. Ну а я прикинул, что по завершению теста такую халяву вряд ли оставят «нищевородам» (то есть «тест завершен, спасибо за участие. Можете конечно переподключиться по необходимому для игры крылатым персонажем аккаунту, но если нет, то извините») и поэтому отказался от «роскошного предложения» Глеба сэкономить: проплатить «серебро», а «платину» получить для служебного пользования.

Зато теперь я с удовольствием смотрел на лицо оппонента, которому только что озвучил:

– Вы, видимо, плохо изучали профили своих подопечных. У меня в графе «аккаунт» нет приписки «арендован на время теста». Я свой акк оплачиваю сам. То есть мне все–таки не платят.

Лицо разраба вытянулось, глазки метнулись туда–сюда. Мне показалось, или он даже стал чуть ниже ростом? Похоже, в жизни он несколько иначе разговаривает с людьми, которые в состоянии выкинуть почти две среднемесячные по стране зарплаты на игру. Я даже могу поспорить, что ему и половины этих денег не платят. А как ты хотел? Думал, я очередной школьник, которому родители скинулись на поиграть?

Я, конечно, не олигарх. И будь у меня нормальная семья, то я вряд ли бы столько тратил на игрушку. Или женщина, которая тянула бы с меня деньги. А так я отдыхать не езжу, не говоря уж о поездках на полеты; не бухаю, не хожу по ресторанам или клубам. Я даже питаюсь какой–то готовой фигней из супермаркета. На что мне еще тратиться? А полет – это моя жизнь.

– Повторю, мне – не платят. Плачу – я. Я, мать его, клиент. Из категории VIP. Который по своей доброй воле решил помочь компании «Фанворд Интернейшенел» с тестированием.

– Извините, – буркнул «селянин» и пропал, будто его выключили.

Я поежился. Подступающая ночная свежесть намекала, что внутри таверны намного уютнее, чем под открытым небом. Само небо успело потемнеть, как будто в лазурь понемногу добавляли туши. Потянулся всем телом до скрипа суставов. Хорошо—то как! В приподнятом настроении повернулся и взялся за ручку двери.

– И все—таки...

Я снова развернулся.

– И все—таки я закончу, – разраб стоял на том же месте, где он пропал парой мгновений раньше. Глаза сощурены, желваки так и ходят по скулам. – Да, вы действительно самостоятельно оплачиваете свой доступ в игру. Но это ничего не меняет. Вы подписались быть тестировщиком и, значит, выполнять определенную работу, платят вам за это или нет.

– О чем, речь, дорогой вы мой! Я обязательно в следующую же игровую сессию посвящу часть времени на тестирование механизма развития выносливости. Или чего там от нас потребуется. И даже вечером обязательно отпишу отчет, о проделанной работе. Все?

– Нет, не все. Вы подписали NDA, помните?

– Конечно.

– Вы обязались не раскрывать информацию о еще не введенной в игру расе икаров.

– Да я, собственно...

– Я продолжу, можно? Так вот. Я еще уточню, на каких основаниях и с какими ограничениями вас выпустили в от-

крытый мир. Но уже сейчас я точно знаю, что ваше совместное времяпрепровождение с игроками, ничего о тесте не знающими, грозит нарушением NDA.

Ах ты ж! Теперь скулы стало сводить у меня.

– Ваши попутчики угроза не только проекту, но и всей игре. Вы хоть понимаете, какие репутационные потери могут быть у компании, если информация о проекте, находящемся в стадии альфа–теста, вырвется наружу?

– Да какие там потери!

– Более того, информация о находящемся в стадии теста проекте «Икар» является коммерческой тайной. Если возникнет риск, что данная информация может утечь к конкурентам, дело будет передано службе безопасности компании.

Вот черт!

– Я думаю, уже сейчас у ваших соратников накопилась масса вопросов, вызванных определенными нестыковками в вашем игровом процессе.

– Ты о чем вообще? Они же ни хрена не знают!

– Я думаю, вскоре они или сделают правильные выводы, или зададут вам прямые вопросы, или решат сами проверить, что это за фрукт с ними путешествует. И тогда у всех нас будут очень серьезные проблемы.

– Ну так давайте задействуем их в тесте!

– Кем? Тестировщиками? Свободных мест нет.

– Мы сформируем команду из икара и двух обычных персонажей, чтоб потестить их взаимодействие. Это даст воз-

возможность привлечь к расе внимание кланов сразу после релиза, если мы сможем показать, какие преимущества дает сотрудничество икара с другими типами персонажей...

– Что, самый умный? Без тебя никто не знает, как продвигать игровой контент? Ты – тестер, твоя задача – тестить то, что скажут, а не придумывать себе удобные занятия. Значит, так: я за тобой слежу. Одно твоё неверное движение, одно действие, которое я смогу расценить как нарушение NDA, – и ты вылетишь из теста быстрее, чем успеешь сказать «мама».

– Слышь, друг, а у тебя настройки аватара на минималках? Просто мне интересно, если я тебе лицо разобью или нож под ребро засуну, ты что–нибудь почувствуешь?

– Я не закончил. С этими, – он ткнул пальцем в направлении таверны, – ты либо расстаешься сам, либо мы их зачистим. Как прямую и непосредственную угрозу коммерческой тайне компании. А что, они могут догадаться или по твоему разгильдяйству напрямую узнать о существовании не введенной в игру расы? Могут. И они не связаны NDA, то есть мы не сможем привлечь их в судебном порядке. Но мы должны как–то себя обезопасить?

– Ты че, придурок? Ты ща чего несешь? Ты мне только что заявил о криминальных намерениях. Я же просто обязан как законопослушный гражданин заявить в соответствующие органы!

– А что такого? Ты меня неправильно понял. Мы просто

обнулим им персонажи. Сбой системы. Такое бывает, хоть и редко. Мы принесем им извинения, может, даже каких-нибудь бонусов отсыплем. И начнут они новую игру где-нибудь далеко-далеко от тебя. А если ты захочешь заново установить контакты, так это точно будет расценено как нарушение соглашения о неразглашении. И в эту игру ты уже не вернешься никаким персонажем – ни летающим, ни ходячим. Забанен навечно, понял?

Глава 36 Бегство

«Селянин» давным–давно растворился в вечернем сумраке, а я все стоял оглушенный, со звенящей пустотой в голове. Мыслей не было, словно я боялся прикоснуться к этому ящичку Пандоры. По сути, этот гад прав, а я нет. Ну и кто там говорил: «Признайся – легче будет»? Вот, признаю, не прав. Только ни хрена не легче. Наконец, почувствовав холод, я вернулся в трактир.

Первое, что заметил, – стол напротив двери пустовал. За соседним стражники продолжали свою игру, ничего вокруг не замечая. А вот за нашим произошли изменения. Анахита отсутствовала, Руслав, наоборот вернулся и сейчас что–то обсуждал с переместившимися к нему эльфом и человеком–горой. Все трое склонились друг к другу, почти соприкасаясь головами, и выглядели как шалашик над столешницей. Заметив мое возвращение, эти двое слегка напряглись. Здоровяк уставился на меня холодным, как у орка, взглядом, эльф слегка насмешливым. Ответил им таким же ледяным, повернулся к трактирщику.

– Хозяин, найдется что покрепче?

Трактирщик навис над стойкой

– Гномья водка подойдет?

Знаю такую, по крепости как ром, а на вкус – самогон самогоном.

– Подойдет...

Так, а что у меня с наличными? Вытащил на ладонь несколько монеток, среди меди блеснули пара серебух. Трактирщик, вероятно заметив мою заминку, внезапно улыбнулся:

– Не бойсь, пацан, тебе хватит. Садись, сейчас принесу.

– Спасибо.

Проходя к своему месту, разошелся с непонятной парочкой, опять обменялись оценивающими взглядами.

– Аню начкар позвал, – ответил Рус на мой невысказанный вопрос, – он и с тобой поговорить захочет, уж очень он возбуждился, услышав про орков так близко отсюда.

Ну это вряд ли, Русик, придется начкару обломиться с моим допросом. Подошел трактирщик, поставил на стол стакан из толстого стекла грамм на сто.

– Хозяин, будь другом, налей сразу еще один, – и высыпал на стол мелочь.

Трактирщик хмыкнул, забрал одну серебрушку, пробормотал:

– Смотри пацан, будешь потом под столом ночевать...

Я только криво усмехнулся.

– Фес, а что происходит? – у Руслava, до этого улыбающегося, брови полезли вверх.

Но я его не слушал, махом опрокинул стакан и даже не замети обжигающего действия. Механически отломил кусочек хлеба, на автомате занюхал, кинул в рот. От столика

стражников удостоился нескольких уважительных взглядов. Все мимо! Мысли, только что разморозившись, понеслись вскачь, как при сложном маневре.

А ведь гад не шутил. При таких ставках ребят могут обнулить не только в игре, и попробуй что докажи. Есть ли у меня варианты? Несколько минут обкатывал ситуацию так и эдак. Вот черт! Выходит, что вариантов нет. Надо расставаться сейчас, пока удастся сдерживать эмоции под крышкой кипящего котла.

На столе появилась еще порция водки. Поблагодарил хозяина взглядом, мотнул головой на предложение повторить, вцепился в стакан с мутноватой маслянистой жидкостью.

Господи, ну почему именно сейчас?! Да появись ты парой дней раньше... да даже вчера вечером, мне бы не было так тяжело.

Хорошо, что Анахиты здесь нет, иначе мне было бы еще больнее. Внезапно подумал, что для нее вся эта движуха больше чем просто игра и что даже просто обнуление персонажа будет тяжелым ударом. Я не знаю, почему, но мне кажется, она не играет. Второй шот полетел вслед за первым.

– Ты с чего решил набраться, дружище?!

Русик. Ну конечно, я уйду, а он останется с девушкой. Поймал себя на мысли, что хочу вонзить ему нож в глазницу. Даже увидел, как хватаю лежащий на столе нож, тот самый, что он подарил мне три дня назад. Одним движением вгоняю в глаз, потом захват левой рукой за затылок и резко на себя и

вниз, лбом о стол, чтоб даже рукоятку вбить внутрь черепа.

Да нет. Во-первых, он сильнее, боевой опыт в игре опять же. Скорее всего, отработает на автомате, а потом еще удивится со своей святой наивностью и спросит, что это на меня нашло. Потом оправдывать даже будет, дескать, стресс, усталость, решил выпить, чтоб расслабиться, перебрал, организм слабенький, масса маленькая, вот и привиделось незнамо что. Это при моем-то метаболизме, с которым напиться очень сложно – все перегорает, как в топке паровоза! А во-вторых, он ведь действительно хороший.

В голове снова вакуум. Все мысли додуманы, решение принято, а эмоции собраны в кучку и засунуты в дальний уголок сознания, чтоб не мешали. Встал, молча вышел из трактира. Итак, задача – покинуть территорию поста, но так, чтоб не вызвать переполох и... И, черт побери, не нарушить клятвое NDA.

– ...Не, мил чек, не положено ворота после заката открывать. Вот если бы у тебя был приказ старшого.

Понятно, через ворота не выйти. Не идти же, в самом деле, к начкару за разрешением? Обвел взглядом стены. Хм. В принципе, на стену можно попасть, по самому верху идет что-то вроде боевой галереи, только открытой. К ней со двора ведут лестницы. Уверен, по галерее сейчас ходит часовой, но ведь не вывели же они на стены всех? Вон, часть стражи до сих пор кости гоняет. Интересно, когда они меняются? Выждать момент и стартануть со стены можно. Но я помню,

что от стены до ближайших деревьев максимум метров двадцать. Узковато для взлета. В задумчивости я поднял голову. В темноте не видно, но память подсказала про вырубленные в скале ступеньки к сторожевой башенке наверху отрога. Должны же они начинаться внутри дворика? И тут мой взгляд зацепился за таверну–донжон. Точно! Наверху есть площадка!

Не смотря по сторонам, прошагал через обеденный зал, винтовая лестница привела на второй этаж. В свете все тех же масляных светильников заметил двухъярусные нары, открытую пирамиду с оружием. Тут же начиналась еще одна лестница, уже прямая, в два пролета – самый тонкий момент моего плана. А ну как начальник сидит ничем не отделенный? Нет, на третьем этаже обнаружилась небольшая площадка, налево дверь с ручкой, направо – толстенная, с висячим замком. И вертикальная лестница на крышу. На одном дыхании взлетел наверх.

Пусто. Площадка не такая уж и маленькая, совсем не освещалась. Понятно, почему по ночному времени на ней никого не было. А смысл? Все, что с нее видно, – скудно освещенный внутренний двор да стена и башенки. Дальше все укутывала тьма. А вот днем с нее, наверно, открывается отличный обзор – метров на двадцать выше стены за счет уклона горы и на двадцать пять ближайших деревьев, которые начинались не ближе ста метров. Идеальная стартовая площадка.

На ходу, прозаически прыгая то на одной, то на другой

ноге, стянул сапоги. Рывком сорвал плащ. Переодеться? На фиг! Как шел, так и прыгнул в ночную бездну. И тут же с остервенением, до рези в сухожилиях заработал крыльями, выжигая чрезмерной нагрузкой рвущиеся на волю эмоции.

Сколько времени прошло? Судя по тому, что от шкалы выносливости осталась половина, полчаса, не меньше. Наконец встречный ветер охладил разгоряченную голову настолько, что появилось осознание происходящего. И первая мысль: «Где я?».

Освещенная подкова поста осталась где-то внизу сзади и давно пропала из виду. Временами из-за туч мелькала луна, и, поскольку это происходило всякий раз то справа, то слева, то спереди, то сзади, попетлял я в небе изрядно. Высота? Да кто ж мне скажет, если внизу – глаз выколи. А приборов нам не дали. Летайте, птенчики, по правилам визуальных полетов. Положение? Ориентиров не видно. Судя по мини-карте, где-то над горной системой Рассветного Утеса. Как говорится, к черту подробности – страна какая?

Уйду на фиг из теста! И чего, будешь обычным игроком? Как тот же Руслан? Не-е-е, к черту! Не привлекает меня тупой кач. Да и что я здесь делать буду? Заделаюсь каким-нибудь лучником-мечником-магом? К черту! И игру туда же!

В этот миг меня что-то довольно мягко подхватило под работающие крылья. Вариометра нет, но и без него чувствую – начался подъем. Термик ночью? С ума сошел, какие терми-

ки без прогрева? Это динамик, идиот! Тут же заложил крутую спираль. Точно, ночной бриз набегает на какой-то склон или стенку, о которую я вполне могу размазаться! Вот блин!

Ощущение опасности мигом смело любые другие мысли из головы. Ничего же не видно! Только редкие звездочки мелькают сквозь тучки, позволяя визуально подтвердить: да, стою в вираже. Вернее, в спирали. Так, кажется с этой стороны темнота сильнее. Ага, точно, и в той части спирали поднимает лучше.

Показалась луна. Ну наконец-то! Где ты раньше-то была? В свете луны мимо меня пронеслась испещренная скальными выступами стенка. Ух ты! Когда не видно, не так страшно, а сейчас только морозец по коже пробежал. Вспомнился старый анекдот от лица таксиста: «Посадил в такси гота. Жить они, готы, видите ли, не хотят. Провез так, что и маму вспомнил, и как молиться о спасении...».

Но вот на очередном витке мимо меня мелькнул перегиб, я влетел выше стенки. Как сел на вершину? Спросите – не отвечу. На инстинктах, на наработанном годами автоматизме. Подключил бы сознание, точно расфигачился бы об какую-нибудь скалу. Дотащил свою тушку до какого-то то ли валуна, то ли просто выступа и рухнул в его ветровой тени. Меня начало отпускать: пульс приходил в норму, дыхание восстанавливалось, вымывался выброшенный в кровь адреналин.

А ему на смену возвращались эмоции. Я вспомнил разго-

вор с куратором от разработчиков. А еще я вспомнил Анахиту, запах ее тела, этот непередаваемый прищур, когда она улыбалась, слегка опущенный уголок рта. Пульс снова начал бухать в висках, в груди изматывающей нотой зазвенела сосущая пустота. Зубы скрипнули, а челюсти свело судорогой: «Что ты раскис, икар? Ты же дельтик! Ты прошел через учлетство, ты выжил там, где отсеялись девятнадцать человек из двадцати. Ты пережил аварию и не опустил, не спился. Так неужели ты сейчас сломаешься? Подумаешь, девочка понравилась! Подержал за ручку, увидел сиську, она тебе улыбнулась разок, и все? Люблюнемогучужениться? У тебя просто давно не было женщины, вот ты и бесишься от спермотоксикоза».

Кулак с размаху впечатался в камень. Шкала здоровья мигнула и просела, но мне нужна боль. Физическая боль, чтоб заглушить душевную. И поэтому я еще и еще раз молотил обеими руками в скалу. Кулаки давно превратились в две разmozженные окровавленные культы, но это не беспокоило. Ведь здесь все – понарошку, все – ненастоящее: смерть, увечья, люди. Даже девушка, в которую я, наверно, влюбился и разрыв с которой так болезненно переживал, – ненастоящая, пиксельная, цифровая. Вот только больно почему–то все–таки по–настоящему!

Вдруг перед глазами встал образ довольно ухмыляющегося Радаманта. Твою же мать! Я же цифровой персонаж! Представил, как эта скотина пролистывает логи моей сессии

и удовлетворенно скалится. Ну уж нет! Моих слез он не увидит!

И я нажал кнопку «Выход».

Крышка открывалась слишком медленно. Не дождавшись поручней, сорвал с себя шлем, перекинулся через край кокона, попытался опереться о трость, но бесчувственная левая рука за что-то зацепилась и я с грохотом рухнул на пол, потянув за собой паутину остальных датчиков. Резанула боль, во рту привкус крови, а я, скрючившись, пытался запихнуть внутрь себя рвущиеся наружу рыдания.

Наконец тело начало слушаться, поднялся. Злость высушила так и не прорвавшиеся слезы. Опираясь на трость и пошатываясь, потащился на кухню, уговаривая себя: «Из-за кого-ты раскис? Она толстая прыщавая уродина, лежащая сейчас в таком же цифровом гробу где-нибудь у себя в Нижнем Урюпинске!». Ну, действительно, а какая еще, если проводит все время в этом цифровом гробу? Фитоняшка? Злая ухмылка перекосила лицо.

Встроенный бар, «Мартель», зубами отвинтил крышку, добрый глоток ожег гортань. Непроизвольно зашипел, когда коньяк попал на рассаженную в падении губу.

«Спермотоксикоз, говоришь? Так это лечится! Ну-ка, где телефон?». Ну конечно, лежит на столике у кокона. Левая рука вроде отошла достаточно, чтоб доверить ей мое «лекарство». Тяжело опираясь и не забывая прикладываться к бу-

тылке, вернулся в комнату. Уронил тело на стул. В поисковой строке вбил «Досуг. Девушки». Сейчас сниму свое напряжение.

Но прежде чем набрал номер, другая мысль озарила мое уже затуманенное сознание: «А быстро придет?». По-хорошему, хоть чуть-чуть надо привести себя в порядок, хотя бы умыться, а лучше – смыть пот, ведь я двенадцать часов провалялся в капсуле. Да и размяться, а то откажут ноженьки-рученьки в неподходящий момент...

Часть 4. Крылья

Глава 37 Дела реальные

Утро началось с похмелья и знатного сушняка. Опираясь на трость и шатаясь от стены к стене, я поплелся на кухню. Проходя мимо рабочего кабинета, краем глаза заметил ждущую с вечера бутылку изотоника. Аллилуйя! Дохромав, вцепился в пластиковый цилиндрик и жадно выбулькал все. Как же хорошо!

Рассеянно блуждающий взгляд зацепился за распахнутую капсулу виртуальной реальности и торчащие из нее, как кишки поверженного животного, провода датчиков. Некоторые выдраны с мясом. В голове сквозь похмельный туман на ускоренной перемотке промелькнули вчерашние события: довольное лицо Радаманта, его слова про нарушение соглашения о неразглашении: «Забанен навечно!»...

И как будто пластырь с гнойника сорвали: «А ну и хрен с ней, с капсулой! Все одно – кончился икар! Пусть им прихлебатели из диванных летунов физику полета ставят да гайды по аэрологии пишат!». Как заново увидел атакующую гарпию, на плече фантомной болью отозвался ожог от драконьего пламени... У меня второй раз отнимают крылья! Настроение переключилось словно тумблером. В руке жалобно

пискнула бутылочка. Ах ты ж, блин! Раздавил. А ведь она меня сопровождала последние лет пять, столько пережила...

К злости добавилась досада. Отшвырнул от себя треснувшую флягу, два шага – и прилип лбом к прохладному стеклу. Двенадцатый этаж. Может, вот прямо сейчас – шаг через низкий подоконник, и все. Решение всех проблем.

Жизнь закончилась вчера. Если не летать, то какой смысл ее продолжать? Как будто в полете оборвало боковой трос: секунду назад ты был король неба, и все у тебя замечательно. Но вот предательское «тыньс»... и беспорядочное падение. Говорят, при обрыве есть полсекунды, чтоб бросить запаску, ибо потом перегрузки такие, что можно просто не дотянуться.

Думать не хотелось. К головной боли и злости на весь мир добавилась сосущая пустота за грудиной. Только тудяга мозг какой–то своей частью на автомате анализировал входящую информацию. До земли метров сорок, внизу асфальт парковки. С этой высоты даже запаска может не успеть раскрыться и наполниться. Удивительно, но никогда не замечал: сорок метров, стоя у окна, – это очень высоко, тогда как сорок метров в воздухе – это офигеть как мало. Если не влётан в крыло, на этой высоте уже надо занимать посадочное положение, находясь в глиссаде.

Блин, что за ерунда лезет в голову. Какая запаска, какая глиссада?! Все, я отлетался! А раз так, то и жить незачем. Пальцы легли на ручку окна. Вот сейчас. Только не ду-

мать, как перед стартом в сложных метеоусловиях: вышел на старт, поймал момент, поднял крыло и вперед. Иначе можно в сомнениях стоять, перегорая, а воображение будет рисовать всякую фигню.

Давай, тряпка! Если не сейчас, то потом только спиваться, жалея себя, будучи обиженным на весь мир. Ну зачем я выжил два года назад? Зачем оттягивал в этом суррогате жизни под названием «Виртуальная реальность»? Теперь вот и ей пришел конец.

Ну... Ручка поднялась, из щели пошел уличный шум, не сдерживаемый стеклопакетом. Вдох, выдох...

«Самоубийство – удел слабаков». Отец...

Отчетливо увидел – отец за столом, уже навеселе. Справа и слева – однополчане, все в форме. На столе – фото с траурным уголком: их общий сослуживец, потерявший в одной из командировок обе ноги. Его жена вскоре не вынесла жизни с инвалидом и ушла, а он выстрелил себе в голову из наградного пистолета. На отца шикают: «Как так можно? Это же твой боевой товарищ». Но батя непреклонен: «Он просто струсил, а значит, и жить недостоин, и нечего тут сырость разводить».

А я? Я тоже инвалид, тоже потерял смысл жизни. И, кстати, от меня тоже ушла женщина. Замер с полуоткрытым окном. Смерти не боюсь, заглядывал ей в глаза. «Хвостов» не оставляю: у меня нет детей или престарелых родственников. За родителями сестра присмотрит. И перспективы впереди

никакой. Так что же держит? Потянул на себя створку...

Отец и его осуждение: «Струсил, слабак, и сбежал!». Даже вижу, как он сплюнет. Да что мне до него?! Мы не виделись четыре года, возможно, он вообще не узнает!

«Господь не дает испытаний, которых человек не в силах пережить», – его слова. После выхода на пенсию отец здорово ударился в религию. А я? Я современный человек...

Только сейчас заметил, что буквально задыхаюсь, грудь ходит вверх–вниз, будто марафон бегу. Распахнул окно, вдохнул полной грудью. Прохладный утренний воздух окатил разгоряченную голову. От гипервентиляции голова закружилось, меня повело, схватился за раму.

Нет. Не сегодня.

На кухне чуть не споткнулся о пустую бутылку. Вот блин, почти литр «Мартеля» в одного. Не удивительно, что сейчас так штормит. В сознание стукнулась другая мысль: «А я никого вчера не вызвал?». Не помню, совершеннейший вакуум. С трудом разыскал телефон, в исходящих за вчера пусто. Фух... Ну слава богу!

Кое–как запихнул в себя традиционную яичницу и утреннюю порцию таблеток, немного постоял под контрастным душем и поехал на работу. Там промучился до вечера, стараясь не попадаться на глаза начальства и не лезть к подчиненным. Вечером по расписанию заявился на физиотерапию.

Врач, молодой парень, даже немного встревожился:

– Послушайте, ваш прогресс последнее время меня как

специалиста радовал. Но сегодня вижу: тонус мышц снижен, легкая раскоординация. Не понимаю, с чего?

– Извините доктор, вчера у хороших друзей днюха была, – беззастенчиво соврал я, – вот и нарушил режим...

– Дорогой вы мой! – тот даже расчувствовался, – с одной стороны, я не могу приветствовать злоупотребления алкоголем в вашем положении, но то, что вы наконец–то перестаете замыкаться в себе, это просто замечательно!

Он налил мне каких–то шипучих витаминов и сократил процедуры. Прощаясь, не удержался от нотации:

– Но, ради бога, не злоупотребляйте! Поверьте, это – он щелкнул по горлу, – не выход.

Спокойно, док, знал бы ты, с какого дна достал меня Глеб, когда после аварии ушла Машка. Поблагодарил его, конечно, заверил, что никогда–никогда, это так, случайно вышло.

Во вторник проснулся рывком, как из ведра окатили. В голове свербело: «Минуточку! А кто сказал, что мои полеты в "Фанвирте" закончились?». Сел на кровати рывком, как встающий мертвец в дешевом триллере. Организм отозвался резью и болями, но все затмевала мысль: «Мне же не запретили летать!». Да, за мной будет следить этот безумный «брат царя Миноса», но меня даже в Инкубатор не возвращают!

Господи, до чего же можно додуматься на фоне усталости и алкогольной интоксикации! Ведь чуть в окно не сиганул!

Весело насвистывая, я первым делом добрался до компа и

оформил заявку в техподдержку. Надо восстановить датчики, да и профилактика капсуле не помешает. Только потом я отдался на растерзание тренажерам. Пропустил два занятия: воскресенье вечер и в понедельник. Так дело не пойдет: жалеть себя – путь на дно общества. Это не для меня!

На традиционной летучке начальников отделов шеф отметил хорошую работу моего отдела и даже поставил в пример остальным. Эх, мне бы лучше деньгами, но, как говорится, доброе слово и кошке приятно. Вернулся, собрал подчиненных, порадовал. На резонный вопрос «А премия–то будет?» похлопал Серегу по плечу, сказал, что в это непростое для нашей компании время высшее руководство особо ценит тех сотрудников, которые, несмотря ни на что, высоко несут флаг своего профессионализма и не опускают планку стандартов своей работы. «Понятно, с деньгами, как обычно, облом...». А раз понятно, Сережа, – продолжаем работать. Ну не говорить же, что десятью минутами ранее задавал тот же вопрос шефу. И получил почти тот же ответ.

Дома вечером, после сеанса мазохизма на тренажерах, полез в компьютер. Хотел же я купить мультиварку? Ну вот и надо планы претворять в жизнь. В результате неожиданно увлекся и закопался: читал статьи, отзывы, разбирался в терминологии. Попутно попался форум домохозяйек, почти полчаса пролистывал рецепты, даже есть захотелось. Через два часа, почувствовав, что глаза сейчас закроются сами собой, а половины прочитанного уже не осознаю, поплелся спать.

Среда пролетела в буднично–рабочей суматохе, вечернее физио сюрпризов не преподнесло, показалось, что давешний врач вздохнул с облегчением, когда увидел мою трезвую физиономию.

А в четверг я решил, что раз отдел неплохо справляется с планами, я имею моральное право срулить с работы чуть раньше. То есть в семь вечера.

Четверг всегда был «клубным днем». Народ съезжался, пил чай/кофе или что покрепче (хотя «покрепче» конечно, не поощрялось, но все же люди взрослые, как говорится, каждый баран отвечает за свои принадлежности самостоятельно). Строили планы на ближайшие выходные или на перспективу. Вспоминали совместные выезды: «а вот я помню...», «а вот в таком–то году...», «а вот еще случай произошел...». Все как у всех рыбаков, мотоциклистов, лыжников – тех, кого объединяет общее увлечение. У нас разве что традиционная «мужская» лексика перемежалась терминами из аэродинамики, метеорологии, навигации, особенно когда «старшие» наставляли «молодых».

Помню, как когда–то зеленым новичком слушал эти байки бывалых и дух захватывало от того мира, к которому прикоснулся и который может стать моим, если приложу достаточно упертости.

А как я внутренне задираю нос, когда наконец–то сам смог включиться в беседу на правах бывалого: «так у меня на прошлом выезде такая же хрень произошла. Захожу на посадку,

а тут...».

Клуб стал мне второй семьей, иногда подвигавшей так и не оформленную первую. И вот теперь, впервые после аварии, я решил навеститься туда. Знакомый вход в полуподвальное помещение, пяток ступенек вниз. Толкнул дверь...

– Теперь тыходишь к земле и надо принять посадочное положение. Переходи в вертикалку!

Посередине большой комнаты к проходящей по потолку балке прицеплена трапеция от дельтаплана и тросиками оттянута в положение, имитирующее полетное. В трапеции болтается ученик: шлем, учебная подвеска зацеплена за крюк. Идет отработка перехода из взлетно–посадочного положения (вертикального) в полетное (горизонтальное).

— Нет–нет–нет, что ты делаешь! – мой старый добрый Саныч пока еще не матерится и даже не сильно злится. – Ты же при переходе оттолкнулся от стоек. Знаешь, что произойдет? Ты завесишь аппарат без скорости, а высоты у тебя на исправление уже нет. Дальше клевок или сваливание на крыло, и ты в больничке, понял? Давай еще раз!

Вижу, учлет старается. Насупленные брови, сжатые губы, сосредоточенный взгляд, куда–то в центр земли...

– И не смотри вниз! Не смотри! Смотреть надо вперед. Повторяю, не смотри на землю, ее надо чувствовать!

– Денис Александрович, а как ее чувствовать, если не смотреть?

Ого, среди стайки учеников одна девчонка. Молоденькая,

щуплая, волосы убрала под яркую бандану. На мой взгляд, грудь маловата... Так, эй-эй, ты вообще зачем в клуб пришел?

– Чтоб научиться контролировать землю, надо посадок сто сделать без больших перерывов и начнет получаться, – махнул рукой от двери. – Привет!

– О, привет, – Саныч немного рассеяно подошел поздороваться, – извини, я тут с молодежью занимаюсь...

– Ок, не буду мешать. А вы, ребята, его слушайте. Этот человек половину клуба научил летать! – я по очереди пожал руки всем пятерым.

Новички отвечали на рукопожатие, хотя на лицах читалось: «а ты что за фрукт?». Понятно, значит уже не первокурсники, актив клуба успел примелькаться, а тут какое-то новое лицо нарисовалось.

Вспомнил, как сам, будучи «молодым», поражался: появляющиеся на новичковых тренировках или в клубе пилоты тепло, буквально по-братски здоровались с Санычем. Но нас, учлетов, для них все равно что не существовало! Чуть позже я понял: зачем запоминать лицо и имя, если на следующей тренировке его уже может не быть? Как в анекдоте про мотоциклистов: «Чего с вами знакомиться? Вы каждый раз новые». У нас, правда, выбывали, потому что «тяжело», «времени нет», «семья», «быт» и т. п. Стандартный набор отмазок, чтоб не чувствовать себя просто ленивой задницей.

Неспеша прошелся по помещениям. Здесь, вон на том

стеллаже, хранились мои крылья. Сначала мачтовый «Дискус», потом его сменило «лысое».

Мастерская. Верстак. Инструменты, как обычно, хаотично свалены. Видать, Димон недавно хозяйничал. А вот и наши лебедки, ждут своего времени.

Прошел на кухню. Вернее, в комнату со столом, диваном, посудой и чайником. Чайник как раз горячий, намешал кофе.

– А вы тоже летаете?

В дверях – любопытная мордочка. Вроде как кружку принесла поставить. Молоденькая, лет двадцать, наверно.

– Да.

– А на чем?

В нашей тусовке это как опознавательный знак. Чем круче пилот, тем спортивнее крыло. Скажи я «На Таргете» или другом, учебном, сразу ясно: вчерашний выпускник, скорее всего и крыло у него не свое, а клубное. Если на переходном, это значит уже продвинутый пилот. Ну а самые крутые перцы летают на «лысых» аппаратах.

– Лайтспид. Это безмачтовое крыло.

– Я знаю, нам Денис рассказывал, их еще лысыми называют. А почему мы вас раньше не видели?

Действительно, почему? Как объяснить другому то, что самому себе не получается?

– Да у меня пока некоторые проблемы, – кивнул на трость, прислоненную к дивану.

– Ой, а что случилось?

– Ничего страшного, небольшая авария. Все живы–здоровы. Ладно, – я вздохнул, поставил чашку: кто–нибудь поможет, как же без дедовщины. – Пойду тогда, думал ребят повидать, да что–то никого.

В большой комнате произошла смена. Сейчас в подвеске смешно раскачивался другой парень, строя страдальческие гримасы, – ножные ремни немилосердно впились в пах.

– Да как же в них летают? Мне же всё... – увидел вернувшуюся даму, смутился, покраснел.

– Нормально летают, – инструктор проверил карабин, поправил ученику ремни на спине. – Во–первых, летают в горизонтальном положении, в которое ты сейчас научишься переходить. Во–вторых, это учебная подвесь. Станешь летать, купишь себе кокон и настроишь под себя. Давай, помнишь, как проговаривали? Одну руку на спитбар...

– Слушай, Саныч, не в курсе, где Глеб? Что–то дозвониться не могу.

– Что? – Денис отвлекся от ученика. – А, так они еще в прошлую пятницу в Македонию укатали. Глеб, Пух и Миха Молчанов.

– Понятно, – я помахал рукой ученикам, – всем пока, надеюсь увидеть вас на полетах!

– Ты сам–то появляйся, – услышал в спину голос Дениса. Дверь закрылась.

Пока катил домой, не мог разобраться в чувствах. Ехал

как в родительский дом после долгого отсутствия. И вроде ничего не поменялось. Те же стены, тот же Денис, все те же дельтапланы по стеллажам. Понятно, что за два года в клубе появились новые пилоты, Саныч каждый год готовит молодежь. Это только в мой выпуск так получилось, что «выжил» только я. Обычно два–три, иногда четыре пилота каждый год начинают летать. Кто–то уходит, кто–то остается. Так что же? Отряд не заметил потери бойца? Видимо, так и есть.

Дома осмотрел работу ремонтников. Накладную получил еще днем, по почте – поменяли датчики, заменили гигроскопическую подкладку да один сервопривод на массажере.

На кухне стояла новенькая мультиварка, уже распакованная. И записка от Тамары. Оказывается, она по собственной инициативе купила мяса, овощей, все помыла–почистила, мне утром только закидать, да поставить нужный режим. Инструкция от нее же прилагалась с припиской: «Наконец–то хоть питаться нормально начнете. А всю эту замороженную дрянь я в следующий раз выкину».

Точно, пусть в следующий приход забирает комбайн себе в подарок.

Глава 38 Рассветный Утес

Вход. Появились ощущения в руках и ногах. Ау–у... Все затекло из–за неудобной позы, в которой я оставил свой аватар. Да еще и холодно! Холщовая одежда вымерзла и здорово холодила кожу. Встал, потянулся, разгоняя цифровую кровь по цифровым венам, поделал наклоны, поприседал. Ну вот, так–то лучше! Хм, а где это я?

Небольшая неровная площадка, не больше десяти–двенадцати квадратных метров, на ней два крупных валуна, под одним из которых я и «отдыхал». Открыл мини–карту. Отметка светилась в самом центре восьмилучевой звезды под названием «Рассветный Утес».

Неужели? Подошел к краю. Да, это он. Из–под ног вниз убегала утыканная выступами скальная стенка, постепенно расширяясь. Самый пик. Ниже метров на сто он начинал резко расширяться, превращаясь в массивную гору. А еще ниже разбегались во все стороны отроги, отсюда такие мелкие, незначительные.

Прошелся по кругу. Вон он, западный отрог, на который я с таким трудом приземлился в не самых простых условиях. Отсюда – ничего особенного.

А это что? Северо–западный коротыш, над которым мы резвились с местным орлом? Вот над этим холмиком? Это на него здоровяк Рус еле поднялся, крипя легкими и заливаясь

потом?.. Даже странно.

Северный отрог. Там я чуть не расстался с ребятами, но появились орки. Да лучше бы там! Не было бы перед глазами беспомощной тушки с залитой кровью грудью. Впрочем, другая, без раны, очень даже ничего... Блин, ты опять? Усилиям воли отогнал картину. Зато на северном я неплохо повоевал с серокожими. Скольких завалил? Пятерых? Вдруг с иронией подумал: «Интересно, если разработчики проекта узнают, что их дохленький икар способен за час справиться с пятеркой местных терминаторов, они возгордятся? Или еще порежут характеристики, дабы не давать в руки игроков настолько имбалансного персонажа?».

Где-то там, в лесу, между северным и восточным отрогами, Анахита спрашивала, есть ли у меня девушка. А вон и восточный отрог. Мне показалось, что я даже рассмотрел место, где соревновался в забеге вверх с орками. Где-то там же крутился с гарпией и выхватывал эдельвейс из-под ног бегущего серого. М-да... Будут ли у меня еще подобные приключения теперь?

Перед входом в игру я дисциплинированно залез в рабочую конфу теста. Сегодня и на ближайшее время основная задача – баланс расхода выносливости при маховом и парящем полете. Увидев, ржал в голос! Если девять десятых икаров-тестеров в Инкубаторе не умеют держаться в восходящих потоках, как они сравнят? С маховым все понятно: взлетел с полной шкалой, полетел, маша крыльями, дождался об-

нуления, рухнул. Пишешь в отчете: время обнуления выносливости – столько–то минут. А как вы собираетесь тестировать парение? В тестовой локе нет термиков, да и динамики узенькие, навроде Ласточкиного Утеса. Полкилометра туда, полкилометра обратно, чтоб мои шесть часов вымотать, надо туда–обратно бешеным челноком мотаться.

Кстати! Я, честно говоря, прифигел, по–другому и не скажешь, когда прочитал отчеты некоторых коллег по тесту. Полтора часа махового полета! Это как же они выносливость прокачали? Я летаю много... В смысле – летал много, пока не встретился с попугчиками. Но у меня – час. Да...

Незаметно взгляд переместился на южный отрог и возвышающуюся вокруг его оконечности крепостицу. Поселение тонуло в утренних сумерках, солнце еще не поднялось.

Солнце! Я вспомнил, утес получил название, потому что его вершина первой окрашивалась восходящим над «Фанвиртом» солнцем. Взгляд устремился на восток. Через несколько километров зеленый лесной ковер обрывался неровной линией, за которой начиналась поверхность, отличающаяся по текстуре. Цвет еще не различим, хотя вполне светло, но мозг понимает – это море! Поверхность тянется вдаль и где–то там безо всякого перерыва переходит в небо, сейчас плохо отличимое от моря. Никакой линии горизонта. Можно подумать, что лист бумаги, раскрашенной акварелью, просто загнули вверх, и мы на дне получившейся чаши. Хотя нет, не чаши – там, где небо смыкается с сушей,

линия горизонта видна четко. Даже на западе, где еще доживает последние минуты темнота. А вот у моря горизонта нет. Даже мое сверхострое зрение не позволяет различить, где же сливаются море и небо.

И вдруг, я не понял в какой момент, но между двумя листами одинаковой текстуры появилась слабая красная полоска. Непостижимый миг, и она расширилась, стала чуть толще, сменила цвет на золотистый. Полоска росла, росла, и вот уже посередине ее появился первый золотистый лучик. А вот и самый краешек ярко-алого диска чуть выступил из-за края горизонта. На него еще можно смотреть не щурясь, но он уже набирает силу, растет. И отступая под его напором, утренняя мгла побежала в стороны, эдакий мгlistый отлив. На земле появились длинные тени, в низинах за клубился туман, южный и северный отроги обросли крыльями теней, отбрасываемых на лес.

Завороженный, я наблюдал, как встает из моря огненный шар, даря всему, что под ним, тепло и свет. Да-а-а... Программисты потрудились на славу. Интересно, а кто еще мог видеть рассвет на этой вершины до меня? Сами разработчики? Эти-то понятно, для них здесь нет закрытых уголков. А другие игроки? Кто-нибудь из особо упертых наверняка прокачал «Скалолазание» достаточно, чтоб подняться сюда. Прилететь на драконе? Я осмотрелся, оценивая посадочные возможности площадки. Да нет, непонятно как я сам-то сюда загнездилился, а с дракона только десантироваться, он здесь

не уместится.

Вот и достиг своей цели! Я на Рассветном Утесе. Рад? Прислушался к ощущениям. Что-то не пойму. Ясно одно – от счастья точно не писаюсь. Открыл блокнот, давненько я его не трогал.

В списке глобальных планов напротив пункта «Рассветный Утес» поставил галочку. Что там дальше из глобального? А, пока к черту! Если глядеть правде в глаза, пока тест не выйдет из стадии закрытого, мне в половину локаций хода нет. Значит, с самодельным квестом «Все высочайшие вершины» пока придется погодить.

Открыл страничку с текучкой.

«Сапожник». Хм. Мысленно побарабанил пальцами по мысленному столу. Пока непонятно.

«Травник». Взято, даже слегка прокачано.

Арсенал так же требует восстановления. Глянул в саадак – один сиротливый фугас и три срезня. Даже с охотой проблемы будут.

Финансы. Две серебрухи, полтора десятка медяшек. Этого крайне мало. Даже если не удастся взять эликсиров и ампул гремучего зелья, мне нужны наконечники, сушеное мясо...

В общем, с ближайшими задачами понятно – надо лететь в Коровий Холл, по пути набрав высокогорных трав (травник я, или где?). Там закупаться и только потом строить дальнейшие планы.

Окинул взглядом еще раз величественную панораму окрестностей и стартовал на запад.

Только к обеду подготовительные хлопоты наконец закончились. За это время я успел набрать трав в отрогах Рассветного Утеса. На самой вершине, как ни смотрел, ничего не попало. Жаль, учитывая ту сложность, с которой простой игрок мог достичь утеса, редкость этих трав была бы очень высокой, а значит, и цена. Но нет так нет. Может, опыта или уровня не хватило. Впрочем, из того, что набрал, я и половину не мог идентифицировать, потащил с собой больше в надежде, что хоть что-то стоит.

Травы скинул все тому же Якубу, разжившись десятком серебрушек. Не густо, конечно. Но сюрприз ждал в гостинице, когда надумал посетить Личную Комнату.

При входе меня окликнул портъё, тощий и уже лысеющий хмурый тип. Ну просто классический клерк из банка, и чего это его в гостинку посадили?

– Тщедушный, кутается в плащ и носит сапоги не по размеру... Эй, малой, ты, часом, не Феникс?

Я мгновенно напрягся. Взгляд метнулся по сторонам, вверх по лестнице, оглянулся на успевшую закрыться дверь. Никого. Метнуться на улицу? Или там уже поджидают? Наверх?

– Ну предположим, что я, – выдавил с подозрением, продолжая оглядываться. Вот сейчас откроются те двери из вроде как подсобки. Щелкнут наручники на запястьях: «Гражд-

данин Феникс, вы арестованы по подозрению...».

– Так предположим, или все же ты? – все с той же ленцой переспросил портье.

– Да, Феникс – это я. А что надо?

– Передача у меня для тебя от твоих приятелей, эльфийки Анахиты и человека Руслava.

Удивился – это мягко говоря! Вот так вот пытаешься не светиться, а тебя чуть ли не любой портье знает и точные твои приметы выдает на раз. Наверно, этот чертов Радамант в чем-то прав.

Забрал конверт, поблагодарил, поднялся в номер. В конверте обнаружилось обычное письмо:

«Привет Феникс. Ты продолжаешь интриговать? На этот раз даже не попрощался. Русик наутро обегал всю стражу, говорят, ты не выходил. Ну значит офнулся прямо на посту. К сожалению, не смогли оставить твою долю прямо там же, трактирицику (все равно ты бы мимо еды не прошел), решили, что хоть в Коровий Холл забредешь обязательно. Нам за окончательное излечение Снорри выдали 90 золотых. Треть из них по праву твоя. Приложили к письму. Спасибо тебе большое, без тебя мы этот квест точно не закрыли бы.

Р. S. Согласись, какой-то глупый реализм! Почему нельзя послать письмо через мессенджер человеку, если он не активен и не в группе?

Р. P. S. Если решишь нас найти, у нас квест на побережье,

прямиком на запад от Коровьего Холла.

Твои друзья А. и Р.».

Тренькнуло. Открыл кошелек. Мне только что упало тридцать золотых. Забавная стабильность – прошлую сессию я начинал с таким же активом.

В итоге закупился готовыми стрелами для экономии времени да у все того же Якуба взял парочку зелий на восстановление выносливости: одно «малое целительное» и четыре десятка малых ампул для снаряжения стрел. Из них половина заморозок, по действию как жидкий азот: то, на что попадает, промораживает до стеклянного состояния. Идея пришла в голову среди недели – а что, если во время «инцидента с драконом» я бы попал тому в крыло заморозкой? Ампулки, конечно, маленькие. Переморозить крыло, чтоб оно отломилось, содержимого недостаточно, но вдруг перестанет управляться?

Оценил холщовую одежду. М–да, дырка на дырке. Зашел к портному, починил. Хотел было новым плащом прибарахлиться, но финансы уже кончались, а подходящие мне оказались неожиданно дороги. Отдать в починку не удалось – по механике игры вещь надо передать мастеру, то есть снять. Пометил в блокноте «обзавестись вторым плащом».

Ну что, готов? Мысленно пробежался по чек–листу. Да, ничего не забыл. Тогда в дорогу, есть у меня дело одно: передать весточку брату крестьянина Михана. Живет брат на

побережье, вот как раз наконец—то на море побываю. А потом? Пока не знаю, что—то засиделся я в этом краю карты, у меня полмира еще не обследовано.

Вышел через южные ворота. Впереди через поля расстилась относительно широкая наезженная дорога. Одновременно со мной из города выполз небольшой обоз, несколько конных и четверо пеших игроков. Конные быстро оставили нас далеко позади глотать дорожную пыль, поднятую копытами. Обоз из шести больших крытых телег, запряженных парой мулов каждая, не развивал высокой скорости, и я с компанией пешеходов, взявших сразу хороший темп, оторвался от них.

Некоторое время мы шли вместе и даже несколько раз обменялись ничего не значащими фразами, потом парни пожелали мне удачи в сборе лекарственных трав и, свернув с дороги на какую—то из тропинок, оставили одного. В одиночестве я прошагал еще с километр, пока дорога не стала огибать одну из небольших рощиц, раскиданных то тут, то там. Оглянулся — обозники только что проезжали место, где я остался один. И больше сзади на дороге никого не было видно.

За поворотом тоже никого не оказалось, от умчавшихся конников даже пыль успела осесть. Обозники заняты собой и пока скрыты рощей. Сапоги и плащ отправились в мешок. Переоделся в кожу, усмехнулся — выгляжу как извращенец: обтягивающие черные кожаные штаны, обтягивающая чер-

ная кожаная «лайкра» с балаклавой. Никогда в реале не носил ничего обтягивающего, но аэродинамика дороже.

Опять старт с дороги. Мне не привыкать, тем более в реале у меня как раз большинство стартов – лебедочные. От нашего города до ближайших гор неблизко, вот и заменила нам лебедка склон. Учебные старты на активке – привод от скутерного движка сматывает трос на барабан. Сам трос тянется через блок, и оператор лебедки видит стартующего. А когда подросток – пассивка: гидромотор используется как тормоз при размотке барабана, установленного на машине, пилот изображает воздушного змея. Машина тянет, гидropассивка обеспечивает стабильную тягу. Ну и стартуешь с дороги. Как я сейчас.

Все, мешок на живот. Разбег, оттолкнулся, крылья распахнулись и ритмично заработали, загребая воздух. Для начала пошел над дорогой, скрываясь за макушками деревьев от обоза. Роща кончилась, дорога устремилась дальше в поля, а у самой опушки замерла какая-то местная девочка, задрала голову и открыв рот. Похоже, даже не успела испугаться. Впрочем – не страшно, кто ей поверит? Какая-то большая черная птица? Похоже на человека? Тебе померещилось, маленькая.

Сначала хорошенько разогнался, паля выносливость. Здесь, в игре, мне важнее скрытность, а старт с дороги – риск. Пока наберу достаточную высоту, меня видно отовсюду. Хоть тем же игрокам–пешеходам, которые сейчас от меня

справа. И пойдут потом по форумам ненужные вопросы на радость этому долбанному «координатору тестировщиков». Со склона лучше, там есть складки местности.

Пора. Используя набранную скорость и не переставая работать крыльями, выскочил метров на триста вверх. Почти сразу почувствовал, как мягко, но настойчиво повело влево. Я как бы скатывался с поверхности большого шара. Это восходящий поток, пришедшийся в правое крыло, выталкивал меня из себя. Не дождешься! Доработал левым крылом, правый крен, и ввинтился в поток. Вот и славно. Теперь выносливость будет убывать буквально в час по чайной ложке. Жаль, что она не восстанавливается во время парящего полета – приходится тратить силы на удержание крыльев в раскрытом положении. А так бы я смог летать практически с бесконечной дальностью. На это разрабы пойти не могут. Или не хотят.

Встал в спираль, начал набирать высоту. Внизу штиль, потоки стоят столбами. А вот верховой ветер в наличии – облака бегут на юг. Правда скорость небольшая. Выкрутив под облако, я бросал поток и устремлялся вперед и левее для компенсации сноса. Разменяв набранную высоту на расстояние, находил следующий восходящий «лифт» и принимался запасаться высотой. Время послеобеденное, облака успели подняться выше двух тысяч метров, путь вперед не представлялся чем-то сложным, люблю так летать.

Поля сменялись перелесками, перелески – отдельными

лесочками, которые постепенно укрупнялись, разрастались вширь, расплывались широкими кляксами. А поля тем временем становились все уже, встречались все реже. И вот они превратились в узкие «языки» меж разросшимися лесными массивами, а затем и вовсе пропали, выпустив из себя лишь узенькие ленты дорог да пунктиры тропинок. Однако лесу в этой местности не суждено было долго властвовать. Постепенно относительно ровная местность стала сморщиваться холмиками и оврагами все больше и больше, как будто хорошо застеленную скатерть кто-то небрежно схватил и смял. И вот уже на вершинах холмов начали попадаться проплешины, сначала еще зеленые, поросшие травой и невысоким кустарником. А потом как будто зеленая кожа холмов местами дала трещины, и сквозь них стали прорываться костяные выходы скальников и каменистых осыпей. Постепенно лес стал скатываться с вершин неровными волнами, как вода с рубок всплывающих подводных лодок, кое-где цепляясь за вершины брызгами кустарника. Волны леса в промежутках холмов образовывали непроходимые для человека и крупного зверя буреломы. Наконец лес сам собрался в неширокие ручейки, скатываясь с боков становящихся все более крутыми холмов.

И вдруг – я даже забыл о пожелтевшей шкале усталости – где-то впереди, вдалеке, там, где за горизонт уходили гряды кучевых облаков, я увидел море. Нет, не так. Я вдруг осознал, что какая-то часть синего полотна, поднимающегося вверх от горизонта, уже не только небо. Традиционной дым-

ки над морем не было, поэтому линии, где море смыкалось с небом, я разглядеть не мог. Мог только догадываться, что вот эта часть синевы чуть ниже облаков (а я шел немного ниже нижней кромки, где боковой верховой ветер был еще не слишком силен) – это еще небо. А вот эта, что над неровной линией, уже, наверно, море.

А я ведь так и не смог добраться до вождя моря! Честно, не знаю, что мне в нем? Для икаров водная среда недоступна. Одно из многочисленных ограничений расы, можно подумать, их и так мало. Чего разрабы боятся? Что икары станут мегапопулярными, внося дисбаланс в игровой процесс? Бред! Уже сейчас икар – слишком сложный персонаж для освоения. Я бы на их месте переживал, будет ли он вообще востребованным. Сдается мне, что только такими же, как я, кто потерял реальные крылья.

Все равно на море хочу, хотя бы окунуть в набегающую волну свои когтистые лапки да зайти в воду по колено.

Впрочем, про шкалу усталости забывать было опрометчиво, и я стал осматриваться, где бы перевести дух. Взгляд зацепился за развалины некогда небольшой крепости на вершине невысокого холма. Зеленое море леса доходило почти до самого подножья разрушенных стен.

Сделал два широких круга над развалинами. Крепость представляла собой почти ровный квадрат со стороной метров сто. По углам когда-то возвышались четыре круглые башни, еще одна размещалась в середине одной из стен, по

всей видимости воротная. Стены и башни разрушены в разной степени: воротная только угадывалась, как и стена, в которой она размещалась. Дальние от воротной башни сохранились получше, на левой даже боевая площадка в окружении остатков стены наличествовала. Вот только сама башня была как выгрызена со стороны двора, видны были обрушившиеся перекрытия. Посреди крепостного двора высились остатки то ли дворца, то ли донжона – теперь не разобрать: сплошная мешанина из разрушенных стен, перекрытий, кое–где виднелись остатки лестниц.

Вроде бы никого. Стараясь не шуметь, не хлопать, я мягко спланировал на площадку левой башни. Сложил крылья, на автомате накинул плащ. Прислушался. Тишина. Только ветер шумит в верхушках деревьев да шуршит какой–то мусор, перекатываемый ветром. Впрочем, заниматься исследованием развалин я не собирался. Уселся под огрызком стены с внешней стороны, достал мясо, флягу с вином. Откинулся, уставившись в небо, и ушел в воспоминания.

Вспомнил очень похожую крепость, которую мы с ребятами когда–то обнаружили в горах Македонии. Тогда ездили компанией из пяти человек на двух машинах. Только–только приехали, более суток за рулем сменяясь. Понятно, что никаких полетов в этот день не планировали. Но и спать ложиться было как–то неоправданно. Поэтому пошли прогуляться по окрестностям, тем более в оставшиеся дни погулять по хорошей погоде нам вряд ли бы удалось. А в нелет-

ные дни и гулять то особо не тянет: какие прогулки под дождем, низкой облачностью или при ураганном ветре?

Уже после полудня, когда ноги начали немного гудеть, а желудки настойчиво напоминать о себе, набрали на старые развалины и решили устроить привал. Так же, как я сейчас, расположились на нагретых южным солнцем камнях. На них же пристроили купленную в одной из деревень снедь – копченое мясо, какую-то зелень и местное вино. Мы были молоды, здоровы, отпуск только начинался. Веселились, обсуждали маршруты, которые было бы неплохо пролететь.

Для меня это был второй выезд в эти места. Двое из нас были в Македонии впервые, поэтому живо интересовались у «старожилов» местной аэрологией, особенностями старта и посадки, их наличием. Эдакий импровизированный брифинг в узком кругу. Делились планами на ближайшую жизнь. Я как раз начал подумывать о том, что пора свой верный мачтовый «Дискус» сменить на что-нибудь более спортивное и быстрое.

Ровно через год я поехал в Доломиты.

Глава 39 Руины. Какая встеча!

Залипнув в воспоминаниях, даже не заметил, как шкалы восстановились, можно продолжать путь. Но я не торопился, продолжая предаваться ностальгии под шепот и бормотание ветра в верхушках деревьев и разрушенных конструкциях развалин. Бормотание...

Блин! Да это же не ветер! Негу и расслабленность смыло, как будто из ведра окатили. Остатки воспоминаний унеслись вместе с очередным порывом. Это же не ветер «бормочет», а приглушенные голоса! Я обратился в слух, прикидывая свои дальнейшие действия. Сколько мне нужно, чтоб стартануть? На плечах плащ, рюкзак на земле. Значит, так: одно движение – вскочить на ноги, разворачиваясь лицом к внешней стене; второе – рюкзак в правую руку, плащ в левую. Стенка за моей спиной не выше метра, перепрыгну без разбега. Внизу метров пятнадцать – достаточно, чтоб раскрыться и набрать скорость. Потом разгон вдоль склона и резкий уход... вправо? Я не запомнил конфигурацию склона, когда подлетал. Впрочем, разберусь на месте, главное – максимально быстро уйти из прямой видимости, чтоб не получить стрелу в спину. Или какое-нибудь заклинание вроде огнешара.

Но я медлил. Нападения все не было... Опять голоса. О чем говорят – не разобрать. Это не за мной. Разговаривали

негромко, но не сильно таясь. И где-то внизу, в районе центральных развалин. Пульс стал приходить в норму, сердце уже не билось испуганным воробьем.

Собрал рюкзак и пристроил на его «полетное» место. Стараясь не шуметь, свернул плащ, сунул в рюкзак, не выпрямляясь подобрал под себя ноги. Медленно развернулся к стене. Теперь надо просто прыгнуть и, стараясь держаться в тени башни, без взмахов отойти как можно дальше. Никто и не заметит моего отлета...

Вероятно, изменился ветер или говорящие повысили тон:
– ... пряткий, четверых уделал... дротиком... девка... не ожидал... огнешаром...

Эти голоса... Я их уже где-то слышал... вот только где? Что-то не давало мне взять и просто улететь. Мало-ли на огромных пространствах мира игроков? Вообще-то эти самые пространства и создавались для них, глупо предполагать, что где-то есть места, где игроков «не ждут». Что мне до чьих-то разборок? У меня в этих краях «своих» нет, все «мои» локализованы в весьма небольшой по местным меркам местности, куда посторонних не пустят. И все же я не улетал, а продолжал прислушиваться.

– Брэн приведет еще людей, а нам – продержаться этих двоих до их подхода.

– Жаль, не удалось завалить парня, говорил же этому утырку. На открытой местности просто массой задавили бы. А теперь выковыривай их из норы. Я даже рад, что парняга

достал старого упыря.

– А как же мы без него? Кто ритуал проведет?

– Я думаю, Брен разберется. Такие помощнички только и ждут, как бы место мастера занять.

Теперь голоса звучали более отчетливо, меня как кольнуло. Здоровяк и эльф из таверны поста, которых я видел в компании с Русом? Возможно, и что? Здесь могли быть какие угодно «парень с девкой». Дротики, фаерболы – да мало ли кто их использует? Почти все.

Аккуратно отстегнул рюкзак, чтоб не мешался, поправил плащ и, распластавшись на каменной плите, медленно пополз к краю. Я, конечно, не «тихушник», хотя при моей скрытной жизни некоторый арсенал их приемов не помешал бы точно. Но все же удалось выглянуть из-за края, не обнаружив себя.

Двое. Те самые. Только теперь здоровяк в латной броне, шлем в руке. На эльфе, похоже, бригантина, из-под которой выглядывают кольчужные рукава. Предплечья защищены наручами. На голове легкий шлем. И еще – у эльфа просевшая жизнь.

Итак, диспозиция: от края башни до лаза, из которого скорее всего вылезли противники, метров двадцать. Кроме того, они ниже меня метров на десять. Дистанция не для самого крутого лучника. И они не ждут нападения. Что-то слишком беспечны, может, я чего не заметил? Неважно.

Против меня то, что их броню моими «зубочистками» не

пробить, даже бригантину. А фугасов и заморозок я заготовил по десятку каждого. Эх, вот она лень и неподготовленность. Впрочем, человек без шлема, а у эльфа открыта шея, бармицы или койфа под шлемом не видно.

Шанс один, против двух опытных «боевиков» мне не выстоять. Соблазн завалить «танка», используя внезапность, велик, однако латник стоял ко мне лицом, правда, опустив голову. А вот эльф повернут спиной. Он что-то увлеченно толковывал своему подельнику, жестикулируя обеими руками. Ну что ж, такая «синица в руках» меня тоже устроит.

Не торопясь повернулся набок, отстегнул саадак. Взял лук. Поколебавшись, отобрал две заморозки и два фугаса. По хорошему их бы воткнуть перед собой с землю, но тут плита, да и колбы повредить можно. Еще раз осмотрелся, прислушался. Вроде бы, кроме этих двоих, никого. Впрочем, кто-то мог остаться сторожить «нору», да и про какую-то подмогу речь шла. Надо поторапливаться.

Одним движением из положения лежа на боку перекачиваюсь в стойку на колене, одновременно натягивая лук и удерживая взглядом затылок эльфа, «тыньс-с-с» – ушла первая. Не дожидаясь попадания, хватаю вторую стрелу – «тыньс-с-с». Словно в каком-то замедленном кино, успеваю увидеть, как здоровяк, что-то заметив, поднимает голову, у него расширяются глаза, и в этот момент эльф ловит первую стрелу. Бинго! Стрела попадает в незащищенную шею, пробивает ее насквозь. Крит! Вижу, как начинает по-

крываться инеем шея, верх плеч и затылок шлема. И в этот момент туда же влетает стрела с привязанной ампулой греческого зелья – шарах! Эльфа кидает на напарника, его жизнь проседает почти до нуля. Третья стрела, оказавшаяся тоже фугасной, влетает в спину и добивает. Четвертую я направляю уже в лицо латника, но ее он с легкостью отбивает топором, неизвестно когда оказавшимся у него в руках.

1:0 – я веду. Перерыв. Мне нужно достать новые стрелы.

– Что за?.. Здоровяк уже в шлеме и прикрылся шитом впечатляющих размеров. Он несколько раз резко оборачивается по сторонам, ожидая, что пока я валил его напарника, другие обходили со всех сторон. Похвальная предусмотрительность, вот только я один.

– Какого хрена? Кто ты? Чего хочешь?

Не отвечаю. Ситуация патовая. Мне его точно не взять. Это не просто танк, а танк сверхтяжелый, куда там оркам. У тех хотя бы незащищенные места попадались. Мои стрелы для него – все равно что горох. С другой стороны, меня он здесь не достанет.

Только я это подумал, как тело само, на автомате, дернулось в сторону, пропуская мимо метательную франциску. Все же у него есть дистанционное оружие. Великовата дистанция, я не попадусь.

Противник это тоже сообразил:

– Ну и что дальше?

Справедливый вопрос. Если бы я еще знал!

– Послушай, чувак, – продолжая закрываться щитом, он решил вступить в переговоры, – девка наша. Мы ее вторую неделю пасем. И только так мы сможем провести ритуал.

Опять ритуал. Да что здесь происходит?! И он что, решил, что я – «конкурирующая фирма»? Ну да, у меня же скрыт ник, лицо закрыто балаклавой, только глаза видны. И сам я под плащом весь такой черно–облегающий. Ну чисто ниндзя. Не допускает мысли, что могу быть подмогой для запертых в подземелье ребят?

Как же его взять? Он превосходит меня по броне и наносимому урону. Чтоб взять этот броненосец, мне потребуется ракета воздух–поверхность... Стоп. Броненосец. Подвижность. Шлем. Так он же в рыцарском шлеме! Как его? Гроссбацинет или как–то так. Особенность – он опирается на плечи. А вот обзор – ахиллесова пята. Враг видит только перед собой. Интересно, как быстро он крутится?

Резко подняв лук, выпустил несколько стрел, добавив в очередь один взрывной. Как и ожидалось, противник все принял на щит и расхохотался:

– Ты этим решил меня достать?

Но я даже не видел попаданий фугаса. Как только крайняя стрела пошла в направлении цели, развернулся, в три шага достиг края башни, по пути срывая плащ, и ухнул в бездну. С креном под девяносто градусов заложил вираж и, скрываясь за стеной, перемахнул на правую башню. Вернее, на ее стенку, так как площадка наверху отсутствовала. При посад-

ке чуть не ухнул вперед, не до конца погасив инерцию. Удержался, вцепившись когтями в край. Здоровяк стоял, закрывшись щитом, спиной ко мне.

– Идиот, – в его голосе сквозило разочарование, – это же бесполезно. Лучше спускайся и...

Я не дослушал, что он там мне предлагал, – поговорить? сойтись, как мужчина с женщиной? – и направил ему в спину поток стрел, чередуя заморозки с бронебойными. Дистанция от края правой башни до противника была метров семьдесят, поэтому пошли первые промахи. Нет, в цель–то попадал, не настолько я плохой стрелок, чтоб промахнуться с семидесяти метров по ростовой фигуре. Но на нем кираса с юбкой, наплечники, наручи и горшкообразный шлемище. Ноги тоже защищены. Пробить их можно только из хорошего арбалета. Из гигантских эльфийских луков тоже, наверное, получится. Мне же остается надеяться только на попадание наконечника в сочленение. Сочетание заморозки с последующим ударом гремучего зелья должно дать хороший эффект, но их у меня слишком мало. Кончатся раньше, чем жизнь этой стальной башни.

Поймав момент, когда противник стал разворачиваться (а наступило это на попадании второй–третьей стрелы), я вспорхнул со своего места, заходя ему за спину по сужающейся спирали с набором высоты. Теперь стрелы поражали плечи и верхушку шлема. Здоровяк поднял свой щит, больше похожий на дверь. Что ж, тем лучше. Резко спикировал, в

самый последний момент выставляя вперед ноги. Удар. Противник пошатнулся, но, видать, моей массы маловато, чтоб его свалить. Я попытался захватить край щита когтями и вырвать. Не тут-то было. Еле увернулся от удара топора, которым тот весьма шустро орудовал. Я опять поднялся метров на десять, стараясь держаться за спиной громилы в латах. Блин, выносливость уходила весьма быстро: висеть на махах крыльями затратнее почти в четыре раза, чем простой маховый полет.

С этой дверью в руке полуорка надо что-то делать. Я не могу висеть над ним вечно, выдохнусь быстрее противника, после чего нужно будет восстанавливаться. А на второй заход стрел уже не останется. Две крайние «заморозки» ушли в центр щита, через секунду туда отправилась последняя «фугасная» стрела. И не дожидаясь ее попадания, я опять камнем рухнул вниз, поджав под себя ноги. Снизу полыхнуло... слишком близко, мне немного подпалило перья. А потом в центр щита влетела моя тушка, в самый последний момент резко выпрямив вперед ноги. Наконец-то щит удара не пережил и развалился. Латник тоже оказался сбит с ног, но довольно быстро перекувырнулся и выпрямился. Он, прогнувшись в спине, чтоб поднять смотровые щели шлема вверх, резко разворачивался в разные стороны, пытаясь поймать меня взглядом. Но я опять висел у него над головой, ощутимо громко хлопая натруженными крыльями. Две трети выносливости минус. Надо что-то делать. Бронебойные стрелы

почти закончились. Срезни против бронированного противника бесполезны. И совсем нет стрел с примотанными ампулами. Если бы я не поленился и снарядил все зелья...

Мысленно хлопнул себя по лбу (уже который раз, входит в привычку). Зелья есть, но не привязаны к стрелам. Ну и что? Я же над ним! Вот только они у меня в рюкзаке. Надежно упакованы, чтоб не побились. А рюкзак валялся на площадке левой башни, где я устраивал передых. Стараясь не попасть в поле зрения мечущегося рыцаря, размахивающего в разные стороны топором, метнулся на башню. Где же этот рюкзак?! Вот он, валяется под стенкой. Тяжело дыша, рухнул рядом. Руки не слушались. Наконец извлек на свет перевязанный бечевкой тряпичный сверток с аккуратно завернутыми маленькими стеклянными ампулками. Разрывая пальцами бечевку, метнулся к краю и еле увернулся от пары франциск, которые этот любитель топоров в меня отправил.

– Вот ты где! Иди сюда, гад, я тебе устрою...

Не стал дослушивать, что он мне устроит, и повторил трюк с облетом, заходя со спины. Только теперь не стал останавливаться на удалении, а завис над целью. Второпях я схватил сверток с «заморозками». Вот же невезуха! Но возвращаться поздно.

Пара первых ампул влетела точно в шлем. Тот на глазах покрылся инеем. Здоровяк поднял левую руку, чтоб протереть смотровую щель шлема, и в этот момент в плечо ударила следующая заморозка. Отлично! Рука замерла, не достиг-

нув цели. Что я там ему переморозил, не знаю, но эффект мне нравится. Осмелев, снизился так низко, что в нижней точке взмахов кончики крыльев почти касаются шлема врага. Лишь бы за крыло не схватил!

Но еще пара ампул попадают точнехонько в правое плечо. Теперь подо мной робот – настолько скованный, хаотично дергающийся латник напоминал их первые изображения в старых фильмах.

Одна ампула пролетела мимо, но не успел я пожалеть, как латный сапог с хрустом раздавил маленький стеклянный цилиндр. Следующие две я отправил опять в макушку шлема. Да когда же ты сдохнешь?! У тебя должны были мозги проморозиться!

В отчаянье ухнул вниз, выхватывая кинжал левой, и со всего маху врезал рукояткой по кумполу. «Бах» – шлем раскололся, я по инерции проскользнул до самой земли за спиной противника.

Не знаю, почувствовал он меня, догадался или просто совпало, однако в этот же момент он развернулся ко мне лицом. Но только мои лапы коснулись земли, как я выпрыгнул вверх, напружинившись. Лицо здоровяка запрокинулось мне вслед. Не знаю, видел ли он что-нибудь сквозь кристаллы инея, забившие ему глаза. Его лицо, замороженное, с заледеневшими волосами и белыми разводами было ужасно. Соображал ли он что-нибудь в этот момент? Не знаю. Но он по-прежнему оставался смертельно опасным противником

и я отправил две последние ампулы точно ему в лицо, а потом, в который уже раз, рухнул вниз, снова за спину врагу.

Кинжал успел переложить в правую руку, так как левая все еще оставалась онемевшей от удара, расколовшего шлем. Удар, удар, удар! Я просто шинковал промороженный затылок и шею, как безумная швейная машинка.

Есть! Наконец очередной мой удар пришелся в потерявшую телесность фигуру, и мы вместе валимся на землю.

Моя шкала выносливости тревожно мигает. Я на последнем издыхании. Если сейчас будет нужно, то просто не взлечу, выносливости не хватит. Сердце бухает в ушах, мир застлан красной пеленой. Но победил!

Отползаю в сторону, чтоб не быть частично погруженным в посмертную фигуру. Что-то в этом есть неправильное. Не знаю, что, но не хочу. Наконец откидываюсь на спину, раскидав в стороны руки и крылья. Над головой, как кусочки белоснежной ваты на насыщенном голубом фоне, плывут красивые кучевые облака. С удивлением замечаю, что где-то за стенами крепости поет пичуга. Услышал треск цикад. Теплый ветерок трепал мои короткие волосы (капюшон стянул) и перья.

Как странно устроена жизнь! Я тут сейчас чуть не сдох сам, отправил на перерождение двоих других игроков, а окружающему миру на все на это наплевать. Конечно, мы пошумели – взрывы зелий, наверно, немного припугнули окружающую живность. Но вот из трещины в камне выполз жук,

осмотрелся и пополз по своим жучиным делам. Вот ведь не лень же было разрабам прописывать всю эту цифровую живность!

Наконец сел. Пульс потихоньку приходил в норму. Осмотрелся. Прислушался. Никого. Пошатываясь, встал. Осмотрел «труп» латника, доспехи, оружие. Никакой алхимии. Несколько золотых (кстати, не так и много), кольцо с каким-то камнем. Как обычно, определить, что за камень и что дает кольцо, интеллекта не хватило. Что-то мне стало надо-едать быть тупеньким. Кроме того, на трупе обнаружился рогалик и кусок копченого сала. Еда тут же отправилась по назначению – в мой желудок. Попытался собрать стрелы. Да-а-а... Целыми оказались только три бронебойные, остальные переломаны. Со сломанных стрел удалось снять пять нако-нечников. Хоть что-то, нужны древки и оперения, и мой арсенал немного пополнится. Ибо у меня остались только десяток срезней. Но это исключительно для охоты.

Осмотрел свой кинжал. Клинок в зазубринах, кончик сло-ман. Короче – фактически безоружный. Что-то стало неуют-но внизу, сразу захотелось подняться повыше. Тем более вы-носливости уже хватало. Разбег, прыжок, несколько взмахов. Шкала выносливости опять в красной зоне, зато я призем-лился на площадке. Первым же делом накинул плащ. Теперь можно подкрепиться и подумать, что делать дальше...

Глава 40 Подземелье

Я сидел, свесив ноги в сапогах, на самом краю боевой площадки первой башни, в том самом месте, откуда полчаса назад наблюдал за противниками, жевал сушеное мясо, запивал вином. И неотрывно смотрел на лаз. Предположим, там Анахита и Руслан... Вернее, не так. Что если там Анахита и Руслан?

До сих пор никаких претензий ко мне со стороны администрации теста быть не могло. Я как самый законопослушный тестирующий честно тестил маховый и планирующий полет: то вовсю махал крыльями, то парил в потоках. Есть логи, вечером еще и отчет черкну.

Потом, правда, напал на других игроков, но это в рамках игровой логики. Ну подумаешь, проявил акт агрессии: таких, как я, сотни. Главное – я не оставил свидетелей: одна жертва вообще меня не видела, вторая видела, но кого? Какого-то неизвестного чувака в плаще и сапогах. Потом, конечно, этот чувак оказался почему-то сверху, но сквозь щели забрала здоровяк вряд ли что-то разглядел, он и голову-то поднять не мог. Я мог быть над ним на каком-нибудь летающем питомце. Соотнести меня и крылья нельзя, меня самого не опознали. То есть пока я ни на йоту не приблизился к нарушению NDA.

И вот теперь я завис, не зная, как поступить дальше. Мо-

жет, просто свалить подобра–поздорову, не зля админов? А что если там ребята... Блин! Что же делать–то?

Угрозы Радаманта почти недельной давности к этому моменту поблекли и почти смылись из памяти. Сейчас я списывал ту свою реакцию, которую сам называл неадекватной, сначала на усталость. Еще бы, моя нервная система три дня подряд подвергалась осязательному стрессу. Пусть физическое тело, лежащее в коконе, и не напрягалось до ломоты, но ЦНС работала на полную катушку. Я же в мозгу переваривал все, что происходило, управлял полетом, заставлял мышцы совершать сложно скоординированные действия, оценивал, думал, искал решения, пугался, переживал, испытывал болевые ощущения... Да мало что ли было того, что изнашивает нервы? Вот они и подрасшатались к памятного разговору, и я просто не смог адекватно оценить потенциальную угрозу.

А потом до кучи закинулся сверху алкоголем! Тоже мне, блин, лекарство! Меня даже сейчас передернуло. Бухло для неудачников, ищущих оправданий своему бездействию в спиртном, предпочитающих замещать активные действия жалостью к себе сквозь пьяные слезы.

Внутри опять постепенно стала закипать злость на самого себя. Из–за того что сорвался «в синьку», что повелся на какого–то клоуна, взявшего себе ником имя брата царя Миноса (посмотрел на досуге в интернете), – слабак! Интересно, ведь именно от Миноса сбегали Икар с Дедалом.

То же мне, заточитель хренов! Что ты мне сделаешь? Лич-

но мне? Ни фига ты не можешь, пока я в рамках договора о неразглашении. Ребятам? Думаю, если бы мог, полюбому уже что-нибудь сделал. И вообще, чего такого страшного может случиться? Это же игра! Как будто никто не встречал «серьезных» угроз в интернете: «я тебя найду по IP в реале и морду набью!». Ржунемогу. Если бы хотя бы половина... да нет, хотя бы треть интернет-угроз исполнялась! Ха-ха.

Наконец, перегорев, волна злости отхлынула, освобождая мозг для спокойной аналитики. Сейчас мне понятно одно: как бы там потом ни было, я не могу просто так взять, и улететь. Меня не отпускает подслушанная реплика про какой-то ритуал. Вроде бы ерунда, мы в игре, что может случиться? Потеря опыта? Вещей? Игровой валюты? Да если даже реальных денег, никто же последнее в игру не вкладывает! Но все равно какой-то червячок сомнений точил и точил мое желание покинуть это место не вмешиваясь. Что-то, чего никак не могу уловить.

Полеты в реале научили прислушиваться к подобным червячкам. Помню, как я первый раз летал в Крыму на горе Крокодил (сленговое название). Был хороший дульник с порывами. Так получилось, что я стартовал последним. Все улетели, пока ковырялся; соответственно, выпускать меня было некому. Да тут спешка, да к тому же стресс, поскольку в таких условиях стартов у меня в ту пору было еще мало. Подстегнулся, вышел на склон.

Вот тут-то этот самый червячок и ковырнул сомнением.

Можно, конечно, плюнуть на него – что за паранойя, я же все проверил! Да и в тех условиях ходить туда–сюда от старта до места, где можно спокойно поставить дельт, – не сахар. Крыло буквально рвется из рук, того гляди опрокинет. А надо подняться на пару метров назад, зайти за перегиб, под деревьями аккуратно, чтоб не перевернуло, развернуть дельтаплан, отстегнуться, и только тогда заново осматривать аппарат. Если перевернет, то буду барахтаться, как жук: без посторонней помощи из такого положения не выбраться – очень неудобно карабин переворачивается.

Но я все–таки вернулся не без приключений и, обходя дельт, увидел болтающийся задний трос, который забыл подстегнуть! Как же меня проняло при этом! Увидел в деталях, как у меня на высоте складывается крыло и я с не успевшей раскрыться запаской падаю на камни. Бр–р–р.

Может быть, поэтому я и потом очень серьезно относился ко всякого рода «червячкам», и сейчас, бездумно перетирая челюстями сушеное мясо, не мог оторвать взгляда от темного отверстия в мешанине плит и блоков.

Итак, ребят надо вытаскивать. Точка. Но желательно не светясь при этом. Скорее всего, они там закрыты в каком–то помещении. Тогда сделаю так: спускаюсь, открываю, чем там они закрыты, и по возможности остаюсь в тени. Может, там на месте где–нибудь затаюсь, а может, как в детстве – шелк задвижкой (позвонил в дверь) и ходу по лестнице!

Но было в этом деле еще одно. Ладно, уже решил: хрен

с ним, с Радамантом. Но как же мне не хочется лезть в эту дыру! За все время игры я никогда не спускался ни в какие подземелья. Зачем? Моя стихия над землей, а не под. Да, какие-то пещерки наподобие ласточкиных гнезд в моей игровой жизни присутствовали. Опять же, было дело – ночевал я в пещерке на памятной горе. Но это были небольшие углубления, и все они находились высоко над землей. А тут мне буквально первый раз за всю игровую практику нужно будет спуститься под землю.

Может, не надо? Я же и так сделал даже больше, чем мог, – убрал двух высокоуровневых бойцов. Может, дальше без меня?

Наклонившись вперед, позволил телу соскользнуть с края, в последний момент оттолкнулся руками от камня и, раскрывшись, мягко спланировал к самому лазу. Еще раз осмотрел кинжал (будто он тоже восстанавливается!), проверил, насколько легко выходит лук (как я под землей стрелять собираюсь?), бросил взгляд по сторонам и заглянул внутрь.

Когда-то это была обычная лестница в подвалы замка: с каменными ступеньками, кирпичными стенами и потолком, укрепленным балками. Но потом обвалившиеся балки и частично осыпавшиеся стены сильно сузили проход – теперь он действительно напоминал дыру. Прислушался. Снизу что-то капало и пахло сыростью.

К тому же вижу я хорошо, но не под землей. Придется поискать, чем буду светить. Кстати, а чем светили мои зна-

комцы? Я заново осмотрел их останки. Никаких фонарей, факелов, масляных ламп и чего-то подобного не обнаружил. Ладно.

Снова заглянул в лаз, пощупал рукой возле входа, там, где обычный цивилизованный человек ищет выключатель. На что рассчитывал? Ну хотя бы на факел в держателе. Странно. Ни факелов, ни рубильников не обнаружилось. Жаль. Еще раз осмотрелся по сторонам, вздохнул и обреченно нырнул в темноту прохода.

Нырнул – сильно сказано. Я тут же сначала зацепился полкой за какой-то острый каменный осколок и чуть было не порвал многострадальный плащ. А потом здорово приложился сгибом крыла, выступавшим у меня над плечом, о каменный выступ. Вот незадача, а я еще и двух шагов не сделал. Прошел еще десяток ступенек, туда, куда свет от входа уже не достигал, оглянулся. Никаких факелов в держателях. Ну что ж, как-то же вниз спускались? Надо дождаться, пока глаза немного адаптируются. Тем более у икаров это происходит быстрее, чем у людей, а за счет большей величины икаровских глаз я, по идее, должен видеть в темноте лучше человека.

Наконец чернильная темнота впереди действительно сменилась какой-то темно-серой хмарью, по крайней мере на пару шагов вперед я стены видел. Ну или догадывался, что вот это – они. Не переставая одной рукой ощупывать стену впереди, а второй, с кинжалом, шарить на уровне лица,

я шаг за шагом осторожно продолжил путь. Ступенек через двадцать коридор наконец немного расширился, я перестал тереться крыльями о стены и стало возможно выпрямиться. Так же аккуратно спустился еще шагов на сорок.

Не-е, так дело не пойдет. Я могу просто пропустить какой-нибудь поворот или отнорок, в который и надо будет сворачивать. И это хорошо еще, что коридор пока идет по прямой, если обернусь – увижу выход. А если он повернет? В голову полезли кадры из фильмов, где герои теряют дорогу в подземных лабиринтах. Вот блин! Против моей воли в голове нарисовалась такая картинка, где этим героем был я. Даже померещилось, что стены как-то сузились, обступили и вот-вот зажмут в своих каменных объятиях. По спине забегали мурашки, захотелось вздохнуть полной грудью, потому что показалось, будто стало не хватать воздуха. В сознание впрыгнула паническая мысль: «Надо бежать вверх! На воздух!».

Спокойно. У меня же есть кремень. Достал из рюкзака сильно смахивающий на продающийся во всех туристических магазинах кремень в виде стержня и чиркнул по нему обухом кинжала. Сноп искр осветил неширокий ход с заваленным мусором полом, низким потолком, до которого я почти доставал головой. А метров через пять – поворот. Ну вот, дождался! Я отмахнулся от отчаянно трясущего альтер эго и относительно смело прошагал эти пять метров. Опять высек искры. Поворот налево, под прямым углом, а за ним

– все тот же спуск вниз. Во тьму. И тьма, кстати, сгущалась – за поворот даже остатки света от входа уже не проникали.

Блин, ну куда меня несет? А если кремень кончится? Или нет, я его оброню? Непроизвольно сглотнул слюну. И шагнул за угол.

До следующего поворота я так и продвигался: чирк огнем – пять осторожных шагов, чирк – пять шагов. Так и добрался до следующего поворота. Снова налево. А когда повернул, то внизу, там, где должен был быть следующий левый поворот (логику строителей я понял), мне показалось какое-то еле-еле видимое красноватое свечение.

Здрате! Ну вот и преисподняя! Как-то недалеко оказалась. Ща как припрусь, как черти удивятся – сам пришел!.. Интересно, юмору – это истерика подкатывает? Мне же офигеть как страшно! Сердце, между прочим, бухает так, что, наверно, наверху слышно. Кстати, а что там наверху? Не явились еще по мою душу? Интересно, где здесь лока возрождения? Если прямо в крепости, то мне бы поторопиться: у эльфа штраф скоро закончится и тогда у меня начнутся очень большие проблемы.

Занятый невеселыми мыслями, я тем же макаром добрался до следующего поворота. Неожиданно за ним обнаружился горизонтальный коридор. И при этом освещенный! Как же я обрадовался свету! Пусть даже его источником выступали три масляных светильника-коптилки, расположенные в нишах коридора метров через пять друг от друга. Всего

три светильника – небольшие плоски с носиком, в котором пристроен фитилек, и язычок пламени меньше чем ноготь мизинца – но при их неровном свете уже можно был хоть что–то разглядеть. Разглядел я оформленный аркой проход в конце короткого коридора, заваленный крупными глыбами. Тупик.

Все, приехали? А как же «не выпускать»? Или «караулить»? Или «продержаться»? О чем же говорили убитые? Вот ведь! Не помню.

Осторожно ступая, подошел к тупику. У самого завала на земле валялся факел. Ну хоть что–то! Схватив деревянную рукоятку, я попытался запалить его от ближайшего светильника. Не тут–то было! Факел представлял собой стержень на деревянной рукояти, обмотанный веревкой с пропиткой и обрамленный решеткой, снять которую я не представлял как. Попробовал поднести факел к малюсенькому пламени коптилки – огонь до веревки не доставал. Может, капнуть маслом из плоски? И что это даст? Пламя по струе не стечет. Но я попробовал – неудачно. Может, все же как–то сбить решетку? Поковырял кинжалом, постучал рукоятью. В конце концов шарахнул факелом по краю ниши со светильником. Бесполезно.

Промучившись так несколько минут, я обозвал себя дебилом, вспомнив про огниво, которое убрал в рюкзак, как только вышел на свет. Буквально со второй попытки факел занялся. Наконец–то!

При свете факела обследовал коридор, вышел на лестницу, поднялся вновь до поворота. Никаких незамеченных мной дверей, никаких ниш. Ничего.

Вернулся к завалу и принялся его обследовать. Свежий? Непонятно, я же не спелеолог. Все покрыто пылью. Камни большие, но откатывать их смогу. Вот только что там, за завалом? Я постучал по камням рукояткой кинжала и приложил ухо к валуну побольше.

За завалом послышались приглушенные голоса. Вернее голос, вроде как женский.

Дотянулся до верха завала и откатил несколько камешков, голос стал различимее. Женщина будила какого-то Русика. Та-а-ак... Еще пара камней покинули свои места.

– Ну что, опять решили получить гостинцев? Давайте-давайте, я как раз отдохнул.

Они! Живы!

– Рус! Рус, это я, Феникс!

За завалом воцарилась тишина.

– Ребята, подождите, я попробую вас откопать отсюда.

Внутри зашумели. Теперь было слышно, что двое спорят шепотом, но о чем – не разобрать.

– Это какой Феникс? – в голосе Руслана сквозило неподдельное недоверие, – тот, которого мы встретили на посту Рассветного Утеса и который остался должен пять золотых? Чего тебе надо, деньги принес?

Вот теперь и я на минуту опешил. Чего он несет? Какие

пять золотых? Может, все же тридцать? Сначала сами же отдали, а теперь жаба задушила? И вот еще – мы же не на посту встретились, а намного раньше.

– Нет, тот который собирал для вас травы с трех отрогов. А насчет пяти золотых ты ща пошутил?

Опять тишина. Наконец послышалось:

– Извини, Фес, – в голосе с той стороны добавились виноватые нотки, – надо было убедиться, что это ты.

– Интересно, а вы кого ждали? Кстати, если интересно, я завалил тех двоих, которые вас снаружи караулили. Правда, не знаю, как быстро они сюда смогут добраться от локации возрождения. После смерти первого прошло уже не меньше тридцати минут.

Раздался шорох, послышался звук отодвигаемых и катящихся камней. Затем один из верхних оказался вынут внутрь. Я посветил факелом в образовавшийся проем. В дрожащем свете сначала блеснул наконечник копья, а за ним я разглядел ввалившиеся глаза парня, внимательно на меня уставившегося. На всякий случай осветил факелом пространство вокруг себя, показывая, что рядом никого нет.

– От ближайшей локи сюда неблизко. Так что быстрее чем за пару часов не доберутся, – уже более спокойным деловым тоном произнес Руслав. – Но все равно надо поторапливаться. Аня, помоги.

Глава 41 Погоня

Первым из лаза выскользнул Руслан. Перед этим он минут пять, не меньше, прислушивался, и мне даже показалось, что принюхивался. За ним я, не так, конечно, быстро, но выбрался, держа стрелу на тетиве. Никого.

Солнце за время моих подземных скитаний почти достигло верхушки сохранившейся стены, и длинные тени избороздили весь двор.

За спиной раздался то ли вскрик, то ли всхлип – стоящая у лаза Анахита смотрела на уже поблекший полупрозрачный силуэт эльфа, убитого первым. Затем она наклонилась и плюнула прямо на «труп»:

– Надеюсь, Кракатук помучался перед смертью...

– Кто?

– Эльф. А второй – Акзод.

– Он вон там, – я кивнул головой, – а эльф... как ты его?

Кракатук? Где-то слышал... хм, впрочем, неважно. Он, скорее всего, ничего понять не успел – я его сзади достал. А вот с этим... здоровяком короче, навозился. Извел на него все стрелы и зелья. Честно говоря, все на волоске висело, сидели бы вы дальше в своей норе, а я бы, скорее всего, «улетел» на возрождение.

– Знал бы, что их здесь только двое осталось, мог и сам попробовать прорваться, – задумчиво потирая подбородок,

подошел Рус, – ты их обыскал?

– Была кое–какая еда, ну уж извините, схомячил, – ребята понимающе усмехнулись. – Пяток золотых забрал. Оружие, броня, амуниция для меня неподъемные, не трогал. Забирайте, если кому нужно.

– Обязательно заберем, даже ненужное. Главное, чтоб им не досталось.

– Я вижу, у вас к ним счеты?

– Счеты... – Рус поморщился

– Мы два дня в той норе проторчали, – пояснила Аня. – Еда кончилась. Алхимка кончилась. Выковырять нас не смогли, ждали, когда с голоду сдохнем.

Ребята действительно выглядели неважно. Ввалившиеся глаза, грязные. Одежда равная. Кольчуга Руслava несла следы повреждений.

– Хоть кто–то мне расскажет, что здесь происходит?

– Обязательно, Фес, но потом, – Рус прошелся по трупам, собрал амуницию, оружие, увязал все в огромный баул, сделанный из плаща, нашедшегося у эльфа. Топор здоровяка сунул себе за пояс. – Сейчас надо торопиться.

Втроем подошли к стене возле воротной башни, в ней был пролом, почти достающий до земли. В том же порядке, как поднимались, перелезли ее. Далее я пропустил эльфу вперед и встал замыкающим. Парень свернул на восток.

– Стой, Рус, там же море! Прижмут к побережью, и все.

– А в другой стороне – локация возрождения, откуда сей-

час сюда спешат Кракатук с Акзодом в весьма скверном настроении. И, скорее всего, с подмогой. Здесь нет других дорог, неужели сам не видел?

Я пробурчал что-то нечленораздельное. Можно подумать, я рассматриваю дороги под собой.

Через час быстрого шага я встал, в сердцах плюнув на тропку:

– Да что ж за напасть!

– Что? – эльфийка вопросительно глянула через плечо, увидела, как я остановился, тоже встала.

Блин! Что же ответить? Может, правду? Какую? Что я, как тот алкаш, который дает зарок, что больше «ни-ни» и даже выходит из дома с твердым намерением идти на работу, но что-то происходит неведомое, и вот он уже в компании дружбанов опрокидывает стакан за стаканом.

– Извините, ребята. Я, кажется, опять стер ноги. Аня, не дашь своего волшебного зелья?

– Феникс, ну ты как маленький, – в голосе лекаря промелькнули раздраженные нотки, – ты когда нормальной обувкой обзаведешься?

Я пожал плечами.

– Кончилась та мазь, а новой я не заготовила, так уж получилось. Все, хватит скрытничать, снимай сапоги, я посмотрю, что у тебя там с ногами.

– Аня...

– Снимай, говорю, а то Руса попрошу помочь, – она вроде

шутит. – Это уже не смешно: если ты не сможешь идти, у нас будут проблемы. Поверь – очень серьезные проблемы.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Ну вот то, о чем предупреждал этот хренов Радамант.

– Аня, поверь! Я. Не могу. Их. Снять, – сквозь зубы буквально по слогам выдавил я, – и вообще...

– Подождите, – на плечо эльфийки легла рука Руслava. – Фес, минут тридцать продержишься?

– Что? – я непонимающе уставился на парня.

– Полчаса, – он показал на скрывшееся за вершинами деревьев солнце, – и будет темно. Нужно становиться на ночевку.

– В смысле становиться? А погоня?

– Странный ты персонаж, Феникс, – Рус усмехнулся. – Судя по уровню, не вчера в игру вошел, но иногда вопросы задаешь, как зеленый нуб.

Я пожал плечами:

– Знаешь, некоторым аспектам игры я уделял очень мало внимания.

– Во-первых, в той темноте, которая наступит, мы сможем двигаться со скоростью улитки. Или у тебя при себе есть подходящий источник света?

Пришлось подтвердить, что ничего подобного я при себе не имею.

– А то я было решил, что ты под землей шарахался на ощупь из любви к острым ощущениям.

С чего это Рус такой язвительный? Никогда не замечал.

– Во-вторых, недостаток сна завтра скажется на выносливости и силе как минимум двадцатипроцентным штрафом, неужели ты и этого не знаешь?

А вот сейчас было обидно! Что это? Мечь за лекцию о метеорологии? Когда я их тыкал носом в собственные знания, как котят?

Буркнул:

– Знаю. Реализм, етит его. Но ведь погоня...

– А что погоня? На них правила мира не действуют, что ли? За нами не роботы гонятся.

Тут он меня уел, сказать нечего.

– Тем более, – продолжил Рус, – если ты говоришь, что убил Акзода минут за тридцать–сорок, ну пусть час до того, как нас вытащил, то сам посчитай: он возродился как раз тогда, когда мы вышли. Кракатук без него не попрется. От ближайшей локи возрождения сюда ходьбы два часа, это если быстрым шагом. Лошади по этим дорогам не пройдут.

– Хорошо, – блин, как же неприятно выслушивать подобные лекции! Ведь и сам мог додуматься. – Полчаса выдержу, пошли.

Про себя решил: раз уж влип опять в попутчиков, полчаса погоды не сделают. Опять же – переночую не один, а то даже не представляю, где мне в этой местности заночевать? Планировал сделать в рыбацкой деревне, где брат Михана живет, но вон как получилось. А утром по-любому надо рас-

ставаться.

Глава 42 Сон

Откидывающаяся крышка, поручни, ритуал разминки конечностей. Аккуратно отсоединяю датчики. Сумму за ремонт мне выкатили чувствительную. Дороговато обходятся истерики.

Наконец встаю на ноги, на столике лишним упреком дожидается новый шейкер с изотоником. Рядом с ним – телефон. Не знаю, что заставило меня взять аппарат, а там...

«Здорово пропащий! Что ж не предупредил, что в клубе будешь?! Я бы всю тусовку собрал...»

«Как здоровье, дружище! Говорят, уже весьма бодро ходишь? В воздух не тянет? Смотри, на след. выходных мы всей толпой едем на пассивку, тут неподалеку. Макс берет тандем. Если здоровье уже позволяет, подцепим тебя пассажиром, хоть вспомнишь, какая она, земля с высоты.»

«Блин, братан, ты чего молчком приехал? Саныч тоже, пендюк: "а я что, у меня ученики, я как-то сразу и не сообразил". Он тут дико извиняется, сидит в углу, глазенками хлопает. Давай, брат, подтягивайся, дико соскучились без тебя...»

Четырнадцать пропущенных голосовых сообщений. И номера, которые я уже почти забыл!

Да что со мной, слезы? Но почему? Мужчины не плачут! В своей жизни я плакал один единственный раз, когда не стало

Иры. Пережить боль этой утраты без слез мне не удалось. Тупо ревел, как девчонка. Но сейчас то что?

Ноги подкосились, плюхнулся на стул. Душу переполняла радость, губы сами собой растянулись в улыбку. Надо что-то сделать, надо позвонить... Взгляд зацепил время. М-да. Мне, конечно, будут рады, но вот домашние пацанов вряд ли обрадуются звонкам за полночь.

Вскочил, наплевав на боли в залежавшейся тушке. О! Так у меня же в мультиварке овощное рагу с говядиной! Желудок призывно заурчал, подтверждая: мол, правильный ход, хозяин, задрал ты меня уже этими полуфабрикатами!

Подожди, дорогой, сначала надо на тренажеры. Хоть немного размяться. Хотя нет, не немного. Обязательный комплекс упражнений, ужин подождет. Я же хочу в небо? В настоящее, реальное небо? И пусть хоть кто-то скажет мне, что это невозможно!

Прибор пикнул пару раз и замолчал, как бы говоря: «Подъем закончен, лифт дальше не идет, просьба освободить...». Взглянул на экранчик вариометра. Прибор показывал, что высота 1 800 абсолютки. Мало. Я рассчитывал еще хотя бы метров на 400–500. Рановато сдох поток, в котором я набирал последние минут двадцать. Это значило ровно два факта. Первый – подо мной всего 1 200 метров, я помнил высоты местности по маршруту над уровнем моря. И второй – кранты, до распаханых полей, намеченных еще перед стар-

том, над которыми должны быть потоки, я гарантированно не долетаю.

Не, ну может, я излишне трагедизирую, внизу в конце концов не море, не территория, населенная злобными зомби, волками, маньяками или немецко-фашистскими оккупантами. Внизу тянулись равнины Ставропольского края, заселенные дружелюбными, весьма гостеприимными людьми. Не к месту вспомнился рассказ одного приятеля, про поездку в Армению. Пока приезжал подбор, местные, оказывающиеся на месте приземления, успевали его накормить. А вот его напарник, поскольку улетал дальше и ехать за ним было дольше, к моменту подбора был уже пьян.

В конце концов, приземлиться я могу хоть сейчас. Пока есть куда, пока не начались овраги да речушки, сложный рельеф. Вот, кстати, и подходящее поле, уже скошенное и выглядящее с высоты достаточно ровным и горизонтальным. Рядом дорога, не придется тащить дельтаплан и подвеску через буераки непонятно куда. Макс только что посел в лагере, что было понятно из восторженно-сумбурного бреда, который он нес в эфир минут десять назад. Сейчас, пока с высоты рация добывает, сообщу, что я не смог пробиться против ветра и принял решение на посадку. Как приземлюсь – скину координаты. И часа через два Макс подъедет на моей же машине. Заскочим куда-нибудь, поедим нежнейшего шашлычка, выпьем отличного легкого вина. Может, прихватит тех парапланеристок, с которыми успели познакомиться

с утра в лагере, надо только ему намекнуть. При мыслях о шашлыке заурчало в животе, а рот наполнился слюной. Завтракал я пять часов назад, и все эти пять часов провел на свежем воздухе. Физической активности тоже хватило.

Но что-то мне не давало просто так сдаться и, «сложив лапки», отправится вниз. Ну подумаешь, не смогу завершить маршрут. Можно подумать, у меня не будет в жизни другой возможности слетать треугольник? Да сколько угодно! Следующим же летом, и не здесь, а где-нибудь в Австрии или Италии, в «нормальных» горах. В конце концов, кто меня осудит? Условия оказались жестче, чем ожидалось. Продолжать полет – это переходить грань разумного риска: чуть что, а внизу нет посадок. Для мачтового дельта встречный ветер слишком сильный. Вот вам и разница между «лысым» и мачтовым: Вова, несмотря на то что еще только влетывается в «Ламинар», уже подходит к тем полям. Ден на таком же «Дискусе», как у меня, между прочим, сидит внизу, спекся еще полчаса назад. А у него опыта больше моего.

Короче, оправдание готово, я кидаю взгляд на прибор, взгляд на выбранное для посадки место... и тяну на себя веревку полиспада. Крыло, побряхтывая и поскрипывая, за счет спрятанных внутри блоков натягивается до состояния листа фанеры, я физически чувствую, как оно «вспухает», приподнимается в набегающем воздухе. Аппарат становится более летучим, аэродинамическое качество повышается. Плата за это – снижение управляемости, поэтому те-

перь главное его не раскочевать. Я вытягиваюсь в струнку, локти прижимаются к бокам, чтоб создавать меньше сопротивления. Свист ветра меняет тональность на более высокую. «Мордометр» отмечает усиление встречного ветра. Из глаза выбивает слезу. Экономным движением поправляю очки, глаза мне еще понадобятся. Кисти рук на ручке трапеции начинает продувать сквозь перчатки. Аккуратно блинчиком доворачиваю чуть правее. Поскольку до запланированных полей я не дотяну, значит, мне вон туда, где по полю ходят два комбайна. Есть надежда, что с них должно «пыхать» и я смогу над ними набрать достаточно высоты для финального полета. Ну или хотя бы дотянуть до ранее намеченной пашни, где потоки точно есть, – Вова, еле заметная букашка на таком расстоянии, уже встал в восходящую спираль.

Выезд получился какой–то спонтанный. Еще в четверг сидел на работе, ни о чем, кроме нее, родимой, не думая. Звонок. Макс с каким–то неуклюжим заходом интересуется моим настроением, самочувствием тачки... Спрашиваю напрямую, чего, дескать, тебе надобно, старче? Мне с поклоном старик отвечает... Тфу, блин. Короче, у Макса нарисовалась несколько свободных дней. Так. А в австрийских Альпах сейчас тысяч парни из нашего клуба. Та–а–ак. А не будет ли желания у многоуважаемого джина, то есть меня, смотаться на недельку пофрифлаить? Хм. Я дал себе паузу поразмышлять.

Отпускные дни у меня в этом году кончились. Но это не проблема. Ничего глобального на следующей неделе у меня не ожидается, отдел сейчас на хорошем счету, планы тянем...

Да какого же?! Пауза для размышлений закончилась через пол-удара сердца с вполне оформившимся решением. Еще через десять минут я с благодарностями и заверениями в беззаветной любви и лояльности выходил из кабинета шефа с подписанным заявлением на отпуск за свой, естественный, счет. Через одиннадцать минут ставил в известность Макса, что все на мази, проверяй визу и пакуй рюкзак. Через одиннадцать с половиной Макс информировал меня, что в Австрии циклон, накрыл пол-Европы, дожди, низкая облачность, тоска и повальное пьянство среди летающего контингента. Узнал вот только-только, дескать, извини. Ступор на полдня. Однако вечером я совершенно случайно узнаю, что Ден с Вовой ищут попутчиков на Юцу. Перспектива отведать кавказского гостеприимства вкупе с шашлыком, вином и горячими источниками Пятигорска, и все это в перерывах между полетами, оказалась непреодолимой. И в пятницу с утречка, закинув пожитки, привязав свои длинные «клюшки» на багажник, мы двумя машинами рванули из хмурой сентябрьской Москвы, от офисной рутины в направлении юга, солнца, чистого неба и полетов.

Спустя сутки дорожной медитации под неспешные разговоры обо всем, прослушивание музыки, перекусы горячими

сосисками на заправках, поочередную смену за рулем и попытки подремать в пассажирском кресле мы прибыли одно из самых известных летных мест на постсоветском пространстве – к горе Юца, что в окрестностях Пятигорска.

Поскольку с дороги в здравом уме летать не станешь, остатки субботы ушли на мелкие радости Кавказских минеральных вод. А сегодня, в 11 часов утра (когда «включилась термичка», или для непосвященных – заработали термические восходящие потоки благодаря прогреву окружающих полей) я уже стоял на восточном старте, подцепленный к собранному и осмотренному дельтаплану, удерживал рвущееся вверх крыло и смотрел, как стартуют мои товарищи. Вообще–то восточный старт Юцы мне знаком как облупленный. Именно отсюда я первый раз стартовал с вершины. А вот оттуда, с «южака», я впервые шагнул в пустоту – совершил первый слет со склона. Все равно чувствую небольшой мандражик. Интересно, это волнение или страх? Да ну, вот еще, откуда? Что такое шесть метров в секунду для дельтаплана! Стартовал я и в десятку, и ничего. А может, это предвкушение «...как ждет любовник молодой минуты верного свиданья»? Свидание с небом. Хм, красиво.

Стартовое окно освобождается, моя очередь. Пора. Чуть наклонившись вперед и наваливаясь плечами на стойки трапеции, начинаю энергичный разбег. Буквально на первом шаге чувствую, как натянулся фал подвески. Чуть поджимаю руками стойки для лучшего разгона. Чувствую, как крыло

ложится на поток, буквально опирается на воздух. Встречный ветер подхватывает его, несет, и вместе с ним меня: на третьем шаге не достаю ногой землю. ЛЕЧУ! По инерции делаю еще пару шагов, перебирая ногами в воздухе, – со стороны всегда забавно выглядит. Перехват руками со стоек на ручку трапеции. Перебалансируюсь в горизонтальное положение – голова вперед, ноги назад, в общем, как птицы летают. Ноги сами заныряют внутрь кокона подвески. Пора доворачивать, а то из зоны динамика вывалюсь. Чуть поджав к себе ручку, смещаюсь всем телом к правой стойке. Крыл встает в крен. Чуть–чуть выдать ручку. И дельт ввинчивается в правый вираж, дух захватило несильной перегрузкой. Ие–ха! Вывод. Своевременно. Я пока на высоте горы, излишний доворот в склон может окончиться плачевно. Но вот меня подхватывает динамический поток, вариометр захлебывается в писке, сигнализирующем о наборе высоты. Опять небольшая перегрузка, и меня, как на скоростном лифте, выносит выше склона. ХО–РО–ШО–О!

Кстати, что–то задувает, забыл застегнуть молнию на подвеске. Тяну за шнурок – «вж–жик». Теперь моя тушка от подмышек до стоп упакована в плотный кокон. На «улице» только руки от плеч, но сверху у меня «облегайка», или «лайкра», – специальная тянущаяся куртка с пришитым подшлемником. Она ветрозащитная плюс улучшает аэродинамику. Поворочавшись, устраиваюсь поудобнее, мне теперь в лёжке предстоит провести несколько часов.

Пора ложиться на обратный галс, зона динамика у Юцы короткая. Поджаться, открениться, приотдать. Ие-ха! Левый на 180 градусов. Старт уже внизу. Нахожу время осмотреться. Вон у склона приткнулись строения лагеря. Кстати, и машины наши видны. Люди, как мелкие букашки, копошатся где-то далеко внизу. Через поля, поднимая тучи пыли, мчит какая-то машинка, отсюда не больше спичечного коробка. С каждым набранным метром горизонт потихоньку отодвигается. На обратном галсе открылся вид на Эльбрус. Дымки нет, и снежный гигант встает на горизонте в ряду других вершин Главного Кавказского хребта.

Навстречу пролетает Денис, машу ему рукой. Вова впереди и чуть выше. А где Макс? Осматриваюсь. Вон он где – отошел дальше от склона, нашел термик и обкручивает его. Кстати, удачно так обкручивает, уже метров на триста выше нас.

Прижимаю кнопку рации на указательном пальце: «Макс, сколько?». – «Плюс три...».

Хорошо. Но я лучше перестраховуюсь – по максимуму наберу в динамике и только потом пойду в долину искать потоки. Если пусто, успею вернуться к склону и повторить. Иначе – посадка, разбирать дельт. Завозить наверх. Собирать дельт. Парни успеют за это время половину маршрута сделать.

–«У-у-у-у» – противнейший звук в полете, который только можно себе представить. Звуковая индикация, что ско-

рость снижения превысила стандартную. Взгляд на вариометр – минус три метра в секунду. Я попал в нисходящий поток. Автоматом поджимаю ручку, увеличивая скорость, правда вместе с тем и скороснижение. Но мне нужно проскочить «минуса» как можно быстрее. Чем дольше я в зоне нисходняка, тем больше высоты потеряю. Встречный ветер усиливается. Кисти рук начинают ощутимо мерзнуть, плечи продувает через «лайкру». Но вот прибор затыкается, трапеция снова в положении наивыгоднейшего качества. Много я потерял? Разменял полторы тысячи. Местность идет с понижением, значит, у меня около километра высоты. То есть запас не так уж и велик: еще метров пятьсот солью, и надо искать поток. Иначе все. Посадка. А куда? Я глянул вниз, и желудок предательски сжался. То, что казалось полем, пусть даже кукурузным, сейчас прорисовалось ровными рядами. Внутри появился неприятный холодок.

Проклятые виноградники! Спросите, почему проклятые? Вам, может быть, благословенные. А теперь представьте, что вы заходите на посадку в виноградник, имея скорость в глицсаде километров сорок в час. А внизу вас ждут часто натыканные полутораметровые бетонные столбики, между которыми натянута проволока. Даже кукуруза со своими двухметровыми прочными стеблями и тяжелеными початками, способными разбить лицо, выглядит по сравнению с виноградником милой и пушистой. В кукурузе можно угробить парус, погнуть элементы конструкции, если ты совсем «зе-

ленный чайник» и не умеешь садиться на подобные поверхности. Максимум – покалечиться, если совсем не повезет. Виноградник, как говорится, «почувствуй себя сыром»! Который сейчас будут натирать на крупной терке.

Взгляд лихорадочно заметался в поисках альтернативы. Мозг перебирал варианты. Туда? Не долетаю. Вон вроде полянка? Нет. Хоть бы дорога, хоть бы грунтовка или даже козья тропа. Пусть поперек ветра, хрен с ним, сяду. Пусть минус стойка, пусть минус консоль и хлыст. Это все купить можно. Что с высотой? Еще есть. Я «прикипел» взглядом к краю виноградника, переходящего в уже убранное кукурузное поле. Если сейчас точка, в которую я смотрю, начнет смещаться относительно взгляда вверх, я попал. Несколько секунд ничего не происходило. Потом, словно нехотя, крайний столб... пополз вниз. Ура! Значит, дотягиваю! Тогда долетаю и сходу сажусь. Пусть на поле торчат вверх жесткие огрызки кукурузных стеблей, парус и зашить можно. Дался мне этот «треугольник». Жил себе без него, есть куча пилотов, не имеющих его в активе. Живут, летают и в ус не дуют. Я же повелся, как баран, как малолетка, взятый на слабо...

О том, что есть возможность пролететь «треугольник FAI» заговорил Макс утром в лагере, когда, как самый опытный, изучал погодные сайты. Центр цивилизации на Юце – это относительно небольшая деревянная веранда, служащая кафешкой, баром, местом для проведения предполет-

ных брифингов, послеполетных разборов, а также вечерних посиделок и тусовок.

Мы как раз заказали плотный завтрак. Когда удастся поесть в следующий раз, было непонятно. Макс углубился в изучение погоды, парни углубились в изучение окрестностей, так как вид с веранды открывался шикарный. Весь Пятигорск и все пять гор, давших ему название, как на ладони. Я углубился в наведение мостов взаимопонимания с расположившейся за соседним столиком стайкой девчонок—парашютисток, только—только совершивших посадку. Судя по всему, молодые учлетки, которых только—только выпустили в первый в их жизни утренний динамик, пока окрестные поля еще не прогрелись и ветер у склона не усилился.

— Привет девчонки, как полеталось?

В ответ хор довольных рожниц:

— Хо—ро—шо—о.

— Давно летаете?

Да я и сам вижу, сколько.

— Катька сегодня первый раз в динамике летала. Оксанка здесь уже неделю. А мы с Танюхой три дня как вылетели.

— Ну и как вам в воздухе?

— Здорово! Ты такая летишь, а под ногами где—то внизу земля, люди ходят, такие маленькие...

Покровительственно—снисходительная усмешка:

— Ну с этой то высоты люди еще не такие уж и маленькие. Вот когда хотя бы с двух тысяч посмотрите...

– Ребята, а вы тоже парапланеристы?

Вова включается:

– Не–е–е, меня на этот матрас не загонишь. Мы на дельтах...

– Ой, правда? А мы еще ни одного дельтапланериста живьем не видели...

Ага, конечно. Что правда, то правда – дельтапланеристов на постсоветском пространстве мало, так сказать закрытый клуб, куда вход ограничен сложностью первоначального обучения, заморочками с логистикой – попробуй–ка покатайся с 30–килограммовой пяти–шестиметровой «клюшкой». Число тех же парапланеристов можно исчислять уже тысячами, если не больше. Но чтоб на Юце в это время за неделю, и не одного...

С другой стороны, все вполне понятно: у девчонок в крови еще адреналин не закончился, нервное возбуждение после полета, тем более – полеты первые. Курортная местность опять же располагает. Да и мы, не то что классический курортник на выпасе: бесформенные шорты, свисающее над ним брюшко, в руке пиво. Молодые, атлетичные. Ну хотя бы некоторые из нас. Опять же – дельтапланеристы.

– Любуйтесь, можно даже руками потрогать. Вон целый чемпион сидит, призер, участник и все такое.

И вот тут этот призер, участник и все такое заявляет:

– Так, парни, а погода сегодня треугольная. Впрочем, для мачтовых ветер все же может быть сильноват, можно назад

не пробиться. Так что вы с Денисом слетайте в Кисловодск, а мы с Вовой потом за вами съездим.

«Пик–пик–пик». О–о! Как манна небесная! На приборе плюс ноль пять. Какой–то небольшой пузырь, даже не поток – слезы. Но это надежда. Мгновение помедлив, сбрасываю половину полиспаста. Крыло как бы сдувается, но теперь лучше рулится. Открениваюсь и, стараясь не слишком заваливать, блинчиком разворачиваюсь в то место, где только что пикал варик. Это риск: если там уже ничего нет, я на этих маневрах растрочу запасы высоты и тогда без вариантов плюхнусь в виноградник. Но новичкам (а еще, говорят, дуракам) везет. Опять «пик–пик–пик» Вот он. Слабенький, хиленький и какой–то узкий. Но я уже встал в спираль. Взгляд прилип к экрану прибора. На усреднителе набор 0,5 м/с. На шкале высотометра цифры нехотя стали расти. Я даже боялся радоваться, чтоб не спугнуть удачу. Опять 1 500. Слегка растягиваю витки то в одну, то в другую сторону; аккуратно, как минер, пытаюсь нащупать центр потока. Еще сотня метров. Ну, еще чуть–чуть... Эх! Кончился. Взвожу полиспаст, переход.

Вот и долгожданное поле. Будь я в Подмосковье, то уже бы расстегивал подвеску и присматривал местечко, куда буду заходить на посадку. Высоты метров двести. Но здесь юг, лучше прогрев. Делаю широкую спираль и почти над самыми комбайнами ловлю сильный, хоть и узкий поток. Ловлю

левой консолью и еле успеваю отработать правый крен. Адреналин и так плещется в районе бровей, отрабатываю на автомате, опять сброс полиспафта, закручиваю узкую спираль. Дельтаплан стоит в вираже под сорок пять градусов. Центробежной силой мою тушку откренивает как раз по центру, делая вираж устоявшимся. Плюс три. Уже с этой высоты до распаханых полей долетаю. Но подъем продолжается. Еще метров триста, и мне хватит на переход до поля у лагеря. Я еще в воздухе, но где-то глубоко внутри появилась задавливаемое пока ликование. Кажется, я это сделал! Мой первый треугольник! УРА!

А прибор все пищит и пищит, и этот писк отдает в моей голове победной песней: «пи-пи-пи-пи».

Это не прибор пищит, это будильник, будь он неладен! Как же не хочется вставать! Эй, дайте досмотреть сон! Дайте хоть во сне заново пережить тот день! Но мои ноги, как будто живущие собственной жизнью, уже на полу, пытаются нащупать тапочки. Голова, все еще тяжеленая, уже оторвалась от подушки. Остатки сна тают, как туман под утренним солнцем. Тело на автопилоте уже встает, и я из солнечного Пятигорска возвращаюсь в нынешний свой организм, к рутине дней, где летать я могу только виртуально.

Глава 43 К морю

– Значит так, ребята, – я обвел взглядом попутчиков.

Речь готовил все утро, еще собираясь «занырнуть» в игру. Решение, которое я принял, на мой взгляд было не лучшим, но по крайней мере и волки оставались целыми, и овцы, хм, сытыми. Или наоборот?

– По-хорошему, мне сейчас надо просто развернуться и уйти.

При этих словах глаза Анахиты округлились, она стала набирать воздух для тирады, но я остановил ее жестом:

– Поймите меня правильно, не у вас одних есть секреты. Но! О своем я говорить не имею права. Даже о том, что у меня есть секрет, не имел права говорить, но я сломал голову, что же вам еще соврать, чтоб уйти под благовидным предложением. Кончились предложения.

– Так вот, значит, что у тебя с ногами... – протянула расстроенная эльфийка.

– Нет, Аня, поверь, с ногами действительно проблемы, и мазь твоя мне здорово помогала. Всего рассказать не могу. Просто не могу идти с вами пешком дальше, тем более потратить на это целый день.

У Руслava в глазах мелькал хоровод всевозможных мыслей. Там и удивление, и непонимание, и даже, как мне показалось, разочарование. И в то же время надежда.

– Не думайте, что бросаю вас. Только не после того, что узнал вчера. Но и идти с вами не могу... Впрочем, я уже говорил это, – кажется, я потерялся, получалось все не так, как планировал, слова лезли не те. – В общем, я вас не бросаю, но сейчас должен уйти. Вот. И кстати, берите всю еду, она вам нужнее. Аня, не смотри на меня так, я же охотник, поймаю что-нибудь. Рус, эликсиры – это тебе. Вроде все.

– Феникс, я ничего не понимаю...

– Аня, ну не получается у меня сейчас все объяснить. Скажи мне одно: ты мне веришь?

Девушка несколько секунд пристально смотрела мне в глаза.

– Да, тебе верю, – произнесла изменившимся тоном.

– Рус?

Парень, казалось, ушел в себя, разглядывая кончики своих сапог.

– Рус?! – переспросил с нажимом.

Наконец наш витязь поднял взгляд на меня, перевел на Анахиту, опять на меня. Протянул мне руку и сказал:

– Ничего не понимаю, Фес. Но ты нас ни разу не подводил.

Я снова обвел ребят взглядом. Эльфийка прятала слезы. Руслав, наоборот, был полон решительности.

– Тогда идите.

– Что? Вроде же ты собирался уходить? – непонимающе переспросила Аня.

– Я собирался вас покинуть. Временно. А идти надо вам.

И быстро.

– Он, как обычно, прав, Аня, – Рус приобнял ее за плечо. – Идем. Надо торопиться.

Минут через пять, наскоро собравшись, ребята ушли. Я подкинул еще веточек в остывающий костер. Пусть те, кто идет по следу, будут думать, что стоянка покинута только–только.

Прикинул: встали мы с рассветом, но минут пятнадцать потеряли из–за моего неожиданного объявления. Предположим, преследователи двинулись в погоню сразу. Плюс наверняка они вчера отыграли какое–то время, все же последние полчаса я хоть и держался, сколько мог, но тормозил группу здорово. Значит, час до подхода погони у меня наверняка есть и надо его использовать.

Перво–наперво наконец–то стянул сапоги. М–да ... Хоть шкура на лапах и толстенная, местами она слезла лохмотьями, открывая кровоточащие раны. Исцеляющий эликсир сейчас отлично бы подошел, но его я отдал. Хреново, однако не смертельно. Много ходить не собираюсь, а уж в сапогах так тем более.

Что с арсеналом? Оставался последний сверток с десятком взрывающихся ампул, которые я так удачно не израсходовал в крепости. А вот стрел для них было всего четыре. В смысле – четыре бронебойные стрелы и срезней еще пятнадцать штук. Присмотреть ампулы к ним? Хм, а какие вари-

анты?

Минут двадцать потратил на рукоделие. Не так ловко, как у Анахиты, но уже лучше, чем было в первый раз. Ампулы держатся как влитые. Осмотрел кинжал, единственное оружие. Эх жаль, подаренный нож оставил на посту. Кинжал просился к оружейнику, то ли на починку, то ли сразу на перековку. На лезвиях зазубрены, кончик клинка сломан. Интересно, это еще оружие или просто увесистая железяка? Впрочем, для недоспешенного противника и такая подойдет.

Ждать погоню я не собирался и остался на месте ночевки лишь потому, что за всю нашу вчерашнюю «пешую прогулку» от развалин это было первое место, более–менее подходящее для старта. Я, наверно, потому и сразу не свалил от попутчиков, что взлетать было неоткуда. Даже если бы их оставил, все равно пришлось бы топать вслед, пока не попало бы что–то вроде этой расселинки. Всю предыдущую дорогу проход между деревьями был меньше полуразмаха крыла. И временами по бокам такие заросли, что мне не проломиться, реши я свернуть с дороги пешком.

Здесь относительно ровный участок, чуть за полсотни метров длиной, и деревья расступались на добрых метров восемь. Вот только росли они по краям немного извилистого распадка между двумя холмами. Склоны холмов сжимали тропинку так, что снизу стартовать не получалось, уж очень они узкие. Тогда попробую по–другому.

Поднялся по откосу до самых деревьев. Склоны здесь по-

росли мелким кустарником и травой. Вся эта «путанка» доставала почти до колена. Где-то выдирая траву руками, где-то подрезая кусты кинжалом, расчистил себе узкую дорожку метров на шесть. Это моя «взлетка». Переоделся, подвязал мешок, проверил крылья: перья целы, работают, болевых ощущений нет. Уже радуется, встречаться с погоней в мои планы не входит.

Вышел в начало расчищенной полосы, чуть попрыгал, разминая ноги, они мне сейчас не менее важны, чем крылья. Мысленно прогнал в голове все телодвижения. Должно получиться.

Впрочем, если нет, то крылья сложить и поджать к бокам как можно сильнее, выставить ноги, постараться избежать перекатов – крылья надо беречь. Мысленно погонял ситуации отказов. Ну-с, с богом!

Разбег, как обычно, с пробуксовкой когтями по дерну, толчок вверх и по диагонали расселины к противоположному склону, как бы немного ввинчиваясь при этом. В середине, между деревьями, раскрылся взмахом. За счет заранее созданного крена меня доворачивает как раз вдоль тропки, еще взмах, еще. И хоть вершины деревьев еще выше меня, понимаю – получилось! Я лечу по прогалине в лесу, ускоряясь для последующего набора. Я снова в небе!

Солнце только-только поднималось над горизонтом. Эх, порядочные дельтики еще спать должны, а я уже в небе! Хо-

тя... Прошил слабый «плюсик». Хм... Игроделы, вашу мать, прогрева еще нет, снизу сплошной лес, а уже поточки появились. Впрочем, сейчас мне на руку.

Для начала привяжусь как я к местности: если вдруг придется крутиться, чтоб не лезть в миникарту, соображая, где юг, где север. Солнце, оно и в тучку спрятаться может.

С линейными ориентирами не повезло. Нет тут рек, крупных видимых дорог. Море? Если держаться низко, то его не видно. Ага! Поодаль, на севере, от меня высится над лесом Рассветный Утес, заметный ориентир. Что еще? Подо мной холмистая местность, вся поросшая лесом, но вон торчат несколько лысых макушек более высоких холмиков. Отлично, будет где дух перевести, а то чувствую себя как над морем – если силы кончатся, то и передохнуть негде. Вбиваю в память взаиморасположение плешивых вершин. Ну вот, картинка в голове и местность сопряглись, теперь в любой момент времени я представляю свое местоположение.

Так, и где там мои подопечные? Тропинка скорее угадывается: местами я больше полагаю, что она должна быть, местами ее видно – такой вот штрих–пунктир. Держась чуть в стороне, прошелся вдоль, стараясь фокусировать взгляд не на верхушках деревьев, а как бы проникая им сквозь. Странно, никого. Свернули? Ага, конечно! Или ушли дальше? Да не, не может быть. Они насколько раньше меня выдвинулись, на полчаса? Вряд ли их скорость продвижения по извилистой неровной тропинке, местами перепаханной корнями, выше

пяти–шести километров в час. А значит (я отмерил взглядом отрезок километра в три от места старта), они должны быть где–то вон там, плюс–минус. Прошелся над предполагаемым районом еще раз. Хм, не вижу.

Так, воздушная разведка, а какого лешего я трусь почти над самыми вершинами? Не впритирку, конечно, на ста метрах. Боюсь быть обнаруженным или боюсь не разглядеть ребят? Глупость какая! Местность – медвежий угол, ничего интересного для игроков, а что касается «разглядеть»... Так я кролика с полукилометра замечаю, а тут парочка габаритами весьма больше и движется.

В несколько взмахов набираю без малого километр. Другое дело! Горизонт раздвинулся, на востоке разглядел море, тропка тоже стала различимее. Проследил взглядом. Да не, никаких развилок от места ночевки. Кстати, впереди тоже. Бежит, петляет между холмов, как раз к морю. Эх, не прижали бы, вдруг там тупик? Но это я потом посмотрю, где ребята.

Руса с Аней я заметил почти там, где и рассчитывал. Вон их фигурки, идут в затылок друг другу. Неожиданно в сознание вкралась мыслишка: уж не опасался ли я, что Русик, воспользовавшись моим отсутствием, решит форсировать отношения с эльфийкой? Ну да, то никакой конкуренции не было, можно было не спешить, а тут вдруг раз – и соперник. Хоть внешне мелкий и тщедушный, но кто их знает, женщин! Анахита последнее время явственно демонстрировала

интерес к загадочному недомерку–травнику.

Я совсем развеселился, вспомнив случай, свидетелем которому сам не был, но очевидцам доверял. Поехал как–то раз один мой коллега–дельтик на Клемуху со своей нелетающей девушкой. Был хороший ветер, парень в предвкушении длинного летного дня поцеловал подругу, наказал ей не скучать без него и стартовал. Летает он час, другой, ходит взад–вперед над всем склоном. И тут вдруг что видит? Склон хоть и почти голый, но местами прорезан небольшими балочками, которые, в свою очередь поросли высоким кустарником. И водной из них – парочка. Уединилась, понимаешь, для занятий тем, чем на людях заниматься не принято. Дело, в общем–то, житейское, я и сам наблюдал немало пикантного. Это на земле кажется, что кусты непроходимые, место глухое. А нам как в песне: «мне сверху видно все, ты так и знай!». Ну кувыркаются себе ребята, и пусть, но тот летун зачем–то решил рассмотреть их получше. Может, вуайеризм проснулся, а может, чуйка сработала... Снизился. Ба! Знакомые все лица, вернее одно: подруга решила не скучать, ну и нашла себе развлечение. А что? Юг, горячие мачо на каждом шагу, как удержаться одинокой девушке, у которой парень «улетел, но обещал вернуться»?

Так–то, по–хорошему, можно было приземлиться рядом по–быстрому, ну и накрыть прелюбодеев тепленькими. Или даже заснять для протокола – сейчас все летают, увешавшись экшен–камерами, – да и выкинуть из головы. А уже по при-

землению объясняться. Но тут, видать, пилот не менее горячий попался, чем южные мачо. Пикирование, и вот уже, продравшись сквозь кусты, носовой узел дельтаплана бьет любовничка прямо в спину. Итог – все в больничке, в соседних палатах. Горячий пилот с переломами конечностей и ЧМТ. Южный мачо с поломанными ребрами. Что было с подругой, не помню, но тоже думаю, не обошлось. Все–таки когда довольно увесистая и жесткая конструкция из труб падает на тебя с небес, последствия гарантированы.

Просмеявшись, утер рукавом веселые слезы. Так, что там с погоней? Не снижаясь, прошелся восьмеркой. Группу из семи фигурок заметил сразу. Отлетев им за спину, снизился до трехсот метров, прошел краем. Первым шел здоровяк. На этот раз на нем длиннорукавная кольчуга до колен, поблескивают наплечники и наручи. На голове простенький салат. Понятно, латы он потерял в развалинах и забрать не смог – Рус собрал с «трупов» все, что нашел, завернул в плащ и зашвырнул по пути в густой кустарник. Судя по всему, не нашли. Эльф снова в бригантине, пристрастие у него к ним, что ли? Другая, покрышка победнее: та была на бархате, а тут кожа. Без шлема.

А вот их соратников я видел впервые. В середине вышагивал высокий худошавый тип в темном плаще с глубоким капюшоном и с посохом. Ну чисто колдун! Интересно, НПС или игрок? Да не, слишком уж шаблонный типаж, точно непись. Кстати, он единственный шел налегке, даже здо-

ровяк с эльфом тащили объемные заплечные мешки, выглядевшие как рюкзаки: клапана, обвес. Ну чисто «тактикульщики» на полигоне. Интересно, они игрой не ошиблись? Насколько знаю, рюкзаки в игре не были предусмотрены, наверно, индивидуальный заказ. Чего–чего, а возможность создавать нешаблонные предметы в «Фанвирте» предусмотрена. А вот сопровождающие «колдуна» загружены не по–детски: сами по себе четверо сопровождавших были здоровыми лбами, в каких–то широких кожаных ремнях, вероятно, должны изображать легкую броню. Ну блин, чисто садо–мазо, кто их консультировал? Небольшие круглые щиты–баклеры, на поясах болтаются сабли. И перли они мешки с себя размером, не меньше. Но идут споро. Хм... а как посчитать дистанцию до ребят в минутах?

Задумался. Так, кстати, они скоро подойдут к нашей сегодняшней стоянке. И что мне это даст? Я же не засек, во сколько ребята ее покинули. Мне вообще до сих пор часы не сильно были нужны: солнце встало – пора вставать. Солнце поднялось, пошел погрев – значит, можно вылетать. Солнце клонится к горизонту – ну значит, ищем место ночевки. Солнце село – выход из игры.

Поглядывая одним глазком по сторонам, вызвал интерфейс, благо его можно сделать полупрозрачным. Так, а вот и системное время. Теперь надо засечь какое–то место, которое проходят ребята, и определить, через сколько ее пересчет погоня. Я развернулся на восток.

Расстояние, разделявшее погоню и моих подопечных, преодолел минуты за три–четыре. Интересно, это сколько? На глаз, как раз километра четыре. Нечем померять расстояние, нечем определить путевую скорость. Немного покружил, разглядывая и запоминая местность.

Ага, вот тот поворот тропинки у подножия слегка вытянутого холма вполне подойдет. А вон и приметное корявое дерево, наклонившееся над тропкой. Так, а вон и вон торчащие каменистыми осыпям холмы. Кстати, там и передохну, как только Рус с Аней пересекут контрольную точку и я запущу таймер.

Как только это произошло, я чуть ускорился и заложил широкую петлю над лесом, высматривая завтрак. Не позавижу охотникам, которые попадут в эту местность, но мне здесь раздолье. Не думаю, что, создавая данную локацию, разработчики заботились об икарах. Скорее, хотели создать антураж: птички всякие летают, щебечут. А мне того и надо!

Недалеко от вершины одного из примеченных холмов заметил стайку пичужек, чуть крупнее воробья. Они хаотично кружили на одном месте: видимо, восходящий поток поднял в воздух насекомых, на которых пернатые охотились. Ну а я поохочусь на пичуг.

Лук даже не трогал, хотя выстрел срезнем в центр стайки мог зацепить сразу несколько. Но зачем? Во–первых, куда упадет добыча? Под ними хоть и не деревья, но в этот густой

и колючий кустарника я не залезу, даже если приземлюсь рядом на вершину. Во-вторых, стрела будет потеряна – улетит дальше, а у меня их в обрез. Но зачем мне лук? Я сам по себе хищник еще тот. Главное, не спугнуть раньше времени, иначе попрячутся в заросли, попробуй их выковырять.

Ниже заросшей террасы, над которой порхал мой завтрак, проходила глубокая лощина, видимо, образованная оврагом, огибающим холм. С того места, где кормились птички, дно лощины не должно просматриваться.

Прикинул, где мне нужно повернуть, чтоб выскочить точно в центр стайки. Мысленно попытался представить это место. Ну ладно, сойдет, GPS здесь нет.

Теперь сделаю вид, что я лечу по своим делам, удаляясь от намеченной цели. Наверняка ведь пернатые мошек ловят, а на здоровенное крылатое существо нет-нет да и поглядывают.

Как только вершины холмов скрыли меня от стайки, резко разворачиваюсь и, поджавшись, начинаю разгон. На мне кожаная «облегайка»; кроме мешка, трепыхаться и флаттерить нечему, да и тот придерживаю руками. Встречный ветер засвистел в перьях. Продолжая разгоняться, прикрывшись складками местности, проскакиваю меж высот и сходу ныряю в ложбинку. Мимо мелькают вершины деревьев, они надо мной! Ложбина в считанные секунды проскакивает во круг, пора! Ввинчиваюсь в вираж, аж в глазах потемнело да в крыльевых суставах заныло от напряжения, и вверх вдоль

по склону. Инерции хватает, я несусь, как пушечный снаряд. Миг – и выскакиваю на прогретую солнцем лесную террасу. Вот и дичь! Я промахнулся совсем немного, довернул, повторяя движения атакующего орла, расставляю лапы да еще и руки в придачу. Птички испуганно порскнули в разные стороны, но я слишком близко. Чувствую, как в мои лапы попадают крошечные тельца, одно даже бьет в выставленную руку, пальцы инстинктивно сжимаются. Есть!

В несколько взмахов достигаю вершины. Она свободна от леса, только каменистая осыпь да несколько крупных камней. Плешивый островок в море леса, подходящая для меня площадка.

Пристраиваюсь на обратном скате от тропинки. Время до подхода погони еще есть, надо подкрепиться, а то с вечера маковой росинки во рту не было. Всю еду отдал ребятам, им то ее взять неоткуда. Из крупных камней соорудил очаг, под деревьями собрал сухого хвороста. А что на растопку? Попробовал построгать палочку кинжалом. М–да... С таким же успехом я мог попытаться ободрать ее ногтями – кинжал совсем не режет.

Кстати! Я посмотрел себе под ноги: а зачем ногтями, когда у меня такие замечательные когти! В несколько движений перемолол ветку. Конечно, мои коготки не хирургический инструмент, но для такой грубой работы сгодятся.

Наконец я расположился у костерка, подстелив свернутый плащ, поджаривая на огне попавшиеся тушки. В правую ла-

пу попало аж две пичужки, правда некрупные. В руку – так вообще что–то не крупнее воробья. А вот в левую угодила птица заметно крупнее голубя. Хотя все равно мне это на один зуб. Шкала сытости поменяла цвет с тревожно желтого на зеленый, но до полной ей далеко. Не страшно, сейчас проверю, как дела у попутчиков, и еще поохочусь.

Глава 44 Перекресток

Закончив с экспресс-завтраком, я вновь поднялся в небо, благо выносливость восстановил полностью. Как раз вовремя – догоняющие проходили контрольную точку. Ну-с, и сколько набежало? Час двадцать. Прикинул: десять минут по-любому моя «заслуга»: задержал я ребят своим прощением. Значит, сколько погоня отыграла за вчерашний вечер и немного сегодняшнего утра? Полчаса? Так это неплохо – если так дело пойдет и ребята не сбавят темп, то догонят их только к сегодняшнему вечеру. Неужели за целый день мои подопечные не найдут где потеряться? Свернуть, отсидеться да и раствориться на просторах местного плоскогорья. А там и всего континента.

Кстати, я же собирался посмотреть, что их ждет впереди.

Используя попадающиеся потки, чтоб не тратить сил на маховый полет, неспешно протянул вперед.

Вижу развилку. Хотя о чем я? Это же целый перекресток! С той тропкой, по которой сейчас ребята спешно уходили от плохишей, километрах в четырех впереди пересекалась вполне себе широкая дорога. Не тракт, конечно, на телеге еще не покатаешься, но вот на лошади уже вполне можно проехать. Куда идет дорога? Поднялся до двух тысяч, заложил широченную размазанную восьмерку. Дорога пересекала тропку под прямым углом, с юга на север. Северный ее

хвост тянулся еще немного в направлении Рассветного Утеса, но потом заворачивал к морю и терялся между высотами. А вот южный, так же петляя меж холмами, уходил потом на запад, к обжитым местам. Блин, ребятам лошадей бы сейчас где-нибудь раздобыть, оседлать и помчаться к цивилизации и спасению, оставляя погоню в клубах пыли.

И только я подумал про лошадей, сознание что-то царапнуло. Какая-то зацепка, беспокойство. Я крутанулся в воздухе, осматриваясь. Что? Что меня могло смутить?.. Взгляд obeжал горизонт. Да вроде пусто. На всякий случай осмотрел всю полусферу, память об атаке гарпии была еще слишком яркой. Фух, чисто. Просканировал еще раз дорогу. Никого. Даже следов не видно. Прошелся глазами по тропинке. Так, вон погоня, далеко еще. Вот мои попутчики, через полчаса дотопают до перекрестка. Что же зацепило мое подсознание?! Ведь глаз увидел, мозг распознал, а сознание... А сознание было занято мечтаниями о том, как мои друзья уезжают в закат на лошадях.

И тут как обожгло. При очередном вираже боковое зрение выхватило смутно угадывающийся образ. Присмотрелся. Точно! Лошадь! Отведенная с дорожки на обочину и укрытая в кустах, метрах в ста от перекрестка. Откуда она здесь? Это что? Рояль в кустах? Типа разбросаны по локациям, надо только знать где? Ха! Тогда бы на форуме точно была бы куча гайдов: все скрытые ништяки локаций такой-то. А может, дикая? Пасется себе, одинокая, ждет, ко-

гда ее захомутают. Разве на плоскогорье водятся лошади в диком виде?

Снизился до пятисот метров и прошел точно над заинтересовавшим меня местом. Даже две лошади! Да они оседланные! Мне показалось, что я разглядел поводья, обмотанные вокруг толстой ветки. А где же ваши наездники? Остановились перекусить или в кустики сбегать? Или уединиться в этих же кустах?

Да я осел, это же засада! Так вот почему погоня не торопится – послали наперерез верховых, точно зная, что этого перекрестка не миновать, и ждут теперь, когда дичь попадет в расставленный силок!

Их обязательно надо найти. Две лошади – это два седока. Сомневаюсь, что будет один всадник на двух конях.

Где искать? Да понятно где – на тропинке. Я бы, конечно, засел не на самом перекрестке, а на тропке, чуть впереди по ходу движения ребят. В том месте, где перекресток уже просматривается. Приближающие путники, заметив впереди пустое пространство, по идее должны ждать опасность оттуда, а тут я со спины...

Немного покружил над предполагаемым местом. Да уж, если они забились под коряги или накрылись маскнакидками, то без тепловизора искать я их буду до скончания века. Ребята быстрее подойдут.

На всякий случай вернулся к перекрестку и прошелся по кругу, постепенно снижаясь. Ну точно, какие вы, ребята,

некреативные! На противоположной стороне, с двух сторон от тропинки, притаилась парочка бойцов. Что-то они здорово похожи на тех, кто сопровождает колдуна: ременная «сбруя», такие же шлемы, даже цветовая расцветка схожа. Навевает мысль об униформе. Ого, а в руках-то – здоровенные арбалеты, почти крепостные. Сомневаюсь, что это скорострельная штука, но даже щит, как у здоровяка-латника в развалинах, вряд ли защитит от такого. Тем более в упор. Тем более если не ждешь. Сомневаюсь, что будут стрелять в Анахиту, а вот Руса снесут гарантировано.

А вот и обломитесь! У моих подопечных есть туз в рукаве. Правда, про который и сами подопечные не знают, – это же я, крылатый и ужасный!

Но потом другая мысль заставила меня скривиться. Ну и что я сделаю? Предупрежу? А как? Стал прикидывать варианты. Можно скинуть записочку. Ну, во-первых, у тебя, горе-разведчик, писать-то есть на чем? А во-вторых, как ты ее им доставишь? Сбросишь на темечко? А если приземлюсь чуть впереди, выйду такой из кустов на тропинку: «Стойте! Впереди засада!», и обратно в кусты, кутаясь в плащ... Уже и самому смешно. Не, ни фига не смешно! Что делать-то? Ребятам осталось минут двадцать до перекрестка. Ну почему мы снова не вступили в группу? Хотя сам же знаю почему. Так-так-так! Думай голова, думай!

Внезапно эмоции ушли, наступило спокойствие, только перья трепетали в струях набегающего воздуха. Не надо ни-

кого предупредить. Сам разберусь с засадой. На лету вытащил из мешка саадак и приторочил к бедру. У меня десять фугасов и еще девять срезней. Широченные кожаные ремни на противниках, перекрещенные на манер портупей, видимо, должны были изображать легкую броню, но я сомневаюсь в ее эффективности. Уверен – пробью. Как и прошлый раз, в левой руке – запасной фугас, в зубах два срезня. Еще одна стрела со взрывающимся наконечником на тетиве.

Цели прячутся за деревьями, но боятся обнаружения со стороны приближающегося Руса. А вот сверху они как на ладони. Еще раз прошел стороной, выглядывая из-за кромки леса. Тот, что слева по ходу движения ребят, прижался к дереву и выглядывает из-за ветки. Его открытая спина – отличная мишень, не промахнешься. Второй засадник притаился в раскидистых зарослях с другой стороны тропки. Так себе решение – маскировка слабая, да и стрелять ему придется сквозь ветки. Мне тоже проблемнее – цель хорошо открыта только сверху, придется пикировщик изображать.

Начну как я, пожалуй, с первого. Он, если почует неладное, за деревьями от меня скроется, нет у меня минигана, чтоб его оттуда выкуривать. И ФАБ–100 не подвезли. Второй, прежде чем сбежать, долго из своих зарослей выбирать будет. Ладно, лирику на потом, работаем.

Закладываю нисходящую спираль в стороне. Не спешить. Цель скрыли от меня макушки деревьев. Но и он меня не заметит до поры до времени. Вытягиваю траекторию, иду низ-

ко над самыми макушками, скорость, так сказать, балансирующая. Конечно, мои крылья не дельтаплан, просто мне привычно называть так скорость, при которой «само летится» – скольжу вперед, не разгоняясь и не тормозя. Управляемость нормальная, и не слишком свищу при этом.

Как говорится – на боевом. Взгляд фиксирует то место, где притаился первый арбалетчик. Я его еще не наблюдаю, но представляю четко. Поле зрения сузилось, я вижу только приближающиеся вершины деревьев, растущих на опушке и закрывающих от меня цель. Я спокоен и отстранен от всего вокруг, только сердце монотонно отсчитывает удары под стать метроному.

Удар. За секунду, до того как выскочить из-за кромки леса, натягиваю тетиву.

Удар. Правая рука на миг замирает возле уха.

Удар. Верхушки уплывают вниз, открывая согнутую спину, плечи, затылок притаившегося стрелка. Пальцы разжимаются.

Удар. Звон тетивы и свист стрелы я слышу, закладывая энергичный вираж.

Бах! Сзади шарахнул мой фугас, но я уже снова скрылся за лесом.

Убит, ранен? Оценку ущерба на потом, сейчас надо «попятнать» второго. Второй фугас на тетиве, широкий растянутый разворот. Надо зайти с другого курса.

Набираю метров двадцать над макушками, подхожу к пе-

реквестку с юга, почти вдоль дороги. Вижу арбалетчика, он встал в полный рост и крутится во все стороны, прижимая арбалет к плечу, выцеливая неизвестного врага. Вверх не смотрит, тем лучше для меня. Разворачивая крылья по вороньи, оттормаживаюсь над ним, на миг почти зависая. Натяг, секундная задержка, разжать пальцы. Тренькнула тетива, свистнула стрела, внизу шарахнуло.

Наклонившись, разгоняюсь на махах, мне нужно двигаться вперед, я не вертолет. Одновременно осматриваю поле боя. Первая цель уже пришла в себя, крутит головой. Шлем взрывом сорвало, вижу опаленные и окровавленные волосы на затылке, его явственно покачивает. Контузия?

Вдруг взгляд арбалетчика останавливается на мне. Заметил! Расширившимися глазами он секунду–другую сопровождает мою фигурку, пытаюсь переварить увиденное. Потом, отклонившись всем телом, вскидывает свой здоровенный арбалет. Черт! Таким и дракона завалить, наверно, можно! Но выстрелить не успевает, меня скрывает кромка леса.

Плохо! Очень плохо! Будет ждаться и, если я выскочу под прицел, шансов увернуться мало. Может, тогда подняться повыше и расходовать еще фугас? Чтоб наверняка? Ну уж нет, день только начался, неясно, сколько еще впереди засад. К тому же мне нужно стрелять с «пистолетной» дистанции, а еще лучше – в упор, как того орка. Увеличивая дистанцию до цели, я уменьшаю свои шансы попасть.

Решено, накладываю на тетиву срезень. Широкий, по-

что пять сантиметров в ширину серповидный наконечник на тонкой ножке тускло пытается играть бликами. Броню не пробьет, но раны оставляет страшные. Разгоняюсь, надо опять появиться с неожиданной стороны. Прячась за лесом, обхожу перекресток, выйду со стороны подходящих ребят.

Расчет оправдался, когда я снова увидел стрелка: тот выцеливал сектор в стороне, где я скрылся. Тяну тетиву, держа взглядом голову противника, еще чуть-чуть... И в этот миг, то ли услышав меня, то ли что-то почувствовав, он резко разворачивается, лоя меня в прицел. Широкая стальная дуга, граненый наконечник сверху смотрит прямо на меня. Над ним бледное решительное лицо с прищуром. Наши глаза встретились. Выстрел! Что-то бьет по левому бедру, меня качнуло в сторону. Но я вижу, как мой противник оседает, а из его глазницы торчит оперение.

Выровнявшись над лесом, закладываю очередной вираж, последний заготовленный срезень на тетиве. Взгляд обшаривает заросли, в которых прятался второй. Ну? Где ты? Вот те самые заросли, слегка примятые там, где прятался второй арбалетчик. Ага, вот он лежит посмертной фигурой там же, где его накрыло моим выстрелом. Видать, удачно попал. Ну и славно. Шумно выдохнув, отпускаю лук. А где ребята? Сколько я тут уже крутился? Мне показалось – вечность.

Отлетев от перекрестка, набираю высоту. Ага, вовремя. Буквально в ста метрах от места засады замечаю две фигурки. Обе неспешно крадутся вперед. Ну же, ребята! Впереди

чисто! Быстрее, пока догоняющие вас не поняли, что на засаду надеяться не приходится и не ускорились. Наворачиваю восьмерки в стороне, наблюдаю, как Рус осторожно подкрадывается к перекрестку. В руке неизменная сулица. Анахита метрах в пяти позади. Давай, парень, посмотри справа, слева, ну!

Наконец передняя фигурка решается, пересекает открытое пространство. Ага, нашел второго. Озирается по сторонам, чешет в затылке. Понимаю, парень, у тебя сейчас мысли: «Что это было?». Это ваш ангел–хранитель с небес вам путь расчищает. Посмотри еще на той стороне, не тупи. Облутав первого, переходит ко второму. Молодец! Почему–то хочется надеяться, что они найдут у убитых еду. Судя по движениям, Рус перекладывает какие–то пожитки себе, что–то протягивает эльфийке. Ага, он и арбалет один прихватил. Разумно. Серьезный аргумент в любом споре. А второй бросит? Отдаст Ане? Нет, Рус более практичен: вижу взмах топора, со вторым арбалетом кончено. Ну и правильно, тащить два ни к чему, они здоровенные, в схватке – на один выстрел. Второй раз перезарядиться не успеешь. Но мощные, одного противника заминусовать в момент.

Совещаются. Чего там совещаться? Эй, в ста метрах лошади, как раз две. Вижу, как ребята смотрят в одну сторону дороги, в другую, потом парень начинает осматривать горизонт. Вот зараза! Успеваю нырнуть ниже, уходя за деревья. Кто его знает, чего он подумает, увидев странное крылатое

существо. Арбалет у него мощный, тем более в стрельбе Рус разбирается, еще шмальнет в мою сторону!

Не торопясь, снова поднимаюсь повыше. Где они? Что за черт? На дороге никого. Какого, ребята?! Поднимаюсь еще выше и вижу, как две фигурки продолжают путь все по той же тропке в направлении моря. Бли–и–ин!

И вдруг, словно тревожная сигнализация в самолете, мир в моих глазах стал окрашиваться в красные тона. А это еще что за хрень? Перед глазами тревожно замигала самостоятельно всплывшая шкала здоровья. Что–о–о?! Треть, и уменьшается? Почему? О–о!

Открыв интерфейс, уставился в тревожную надпись: «Кровотечение! Вы истекаете кровью!». Где?! Сгибаясь в воздухе, осматриваю тело, вот оно! На левом бедре распихана глубокая борозда, в кожаных штанах длинная дыра, края пропитались кровью, и с трепещущих в потоке лоскутов летит назад, рассеиваясь мелкими каплями, тоненькая–тоненькая алая струйка.

Быстро вниз! Вижу голую вершину холма. Подойдет. Рушусь на нее, как подбитый транспортник, не до красотостей – жизнь уходит! Надо перевязать! Чем? Роюсь в мешке. Холщовка, больше никакой ткани. С сомнением посмотрел на рубаху, отложил. Тогда многострадальные штаны. Блин, надо резать...

Кинжал безрезультатно мял ткань, а шкала жизни прямо на глазах сокращалась. Так дело не пойдет, сейчас же сдохну!

Как глупо! Отшвырнул тупую железку, взгляд заметался в поисках чего-нибудь, ну же!

Осенило – срезни. Точняк! Тяну одну стрелу. Не то, бронебойная с ампулой. Торопясь, вытряхиваю на землю все, риск раздавить ампулу с гремучим зельем не страшит. Хватаю первый подвернувшийся срезень, чиркаю по оттянутой ткани серповидным лезвием. Да! Режет!

Наскоро отхватываю длинную полосу во всю длину штанины. Криво, но пойдет. Быстрее! Мир уже не розовый, он в густо-красных тонах. Начинаю плотно бинтовать прямо поверх штанины. Не хватило, режу еще лоскут.

Наконец, мигнув, системная надпись «Кровотечение» выключилась. Смотрю на шкалу здоровья. Черт, процентов двадцать осталось. С замиранием сердца открываю шкалу выносливости и хочется завывать от досады. Так и есть, она сократилась до такого же значения. Ничего не поделаешь – механика игры: нельзя, чтоб здоровья не было, а выносливость сохранилась, как у здорового. Эх... Реализм, блин!

Что это значит для меня? Все просто, махового полета теперь двенадцать минут, и все. Парить смогу около часа, но в поток еще попасть надо, чтоб летать без взмахов. На дельте лебедка или буксировщик. Они заташат тебя на высоту, а там уж сам ищи потоки. Или с горы прыгай в динамик, в нем можно набрать и использовать запас высоты, опять же чтоб термичку найти. Ну и где я здесь над лесом найду потоки? Чувствую, как судорогой сводит скулы, сжатые так, что

сейчас зубы начнут крошиться. В сердцах хватанул рукой по земле.

Вот же я баран! Ну на фига отдал эликсир малого исцеления? Конечно, для такой раны его не хватит, но половину шкалы здоровья мог бы восстановить. Ладно, чего теперь сожалеть, отданного не воротить. Да и не в моих правилах.

Надо думать, что делать дальше.

Глава 45 Башня

Ну что, сдался? Тут же сам себе ответил – не дождетесь! Чего это я паникую? Потоки есть. Слабенькие, да, но есть. Да, приходится признать – расслабился. Когда есть такой чит – маховый полет, меньше думаешь о потоках. Но ведь в рале летал безо всяких махов и двигателей на одних потоках? Значит, и здесь справлюсь.

Восстановился, хотя теперь несложно – шкалы совсем крошечные. Собрал раскиданное, кинжал даже поискать пришлось, закатился. Вершина–проплешина не выше верхушек обступающего леса. Хочешь–не хочешь, работать крыльями придется. Ветерок с моря слабенький. Повернулся лицом на ветер, до стены леса метров двадцать. Ладно, хоть вершина не каменистая, поросшая травой, разбежаться проще.

Вдох–выдох, побежал. На четвертом шаге – прыжок, взмах, взмах, взмах. Минуты через две почувствовал лицом теплый воздух, потом ощутил, как меня мягко, очень мягко начало приподнимать. Раскрылся, встал в спираль. Аккуратно, сдвигаясь то в одну то в другую сторону, отцентровал поток. Вариометра нет, но земля близко, подъем можно оценить на глаз. А он медленный, еле–еле – сопли одни, словом.

Кое–как выскребся над склоном метров на сто. Мало. Если не найду следующий поток, на маховый полет мину-

ты три–четыре останется, я же трачу выносливость на удержание крыльев разведенными. Но я просто не мог ждать, мысль, что упустил погоню, жгла изнутри.

Прихватив по дороге еще поточек и поднабрав в нем еще метров двести, вернулся к перекрестку. На мое счастье, в полукилометре от него попались новые «плюса». Встал в спираль, вытягивая шею и вертя головой. Наконец–то набрал достаточно, чтоб увидеть, как группа догоняющих ребят «плохишей» сгрудилась на перекрестке и совещается. Вернее, совещались трое: двое прежних знакомцев и колдун. Сопровождающие разошлись в четыре стороны и караулили.

Я мысленно взмолился: «Ну пусть они свернут на юг. Или на север. Это же так очевидно – беглецы хотят как можно скорее вернуться в обжитые места, они же не идиоты. Зачем им самих себя загонять в ловушку?». Но в пантеоне местных богов, похоже, меня не услышали, и вскоре колонна из семи фигурок втянулась в продолжение узенькой тропки. Погоня по–прежнему висела на хвосте Ани и Руса.

Глянул на системное время. А толку–то! Я же не засек, когда ребята снова двинулись по маршруту, но по ощущениям догоняющие не спешили. С раной я возился долго, потом еще и возвращался, по прикидкам как раз около часа прошло. Странно, не торопиться погоня. Так, запас времени у меня есть, надо собой заняться. Я в прошлый раз мало поел, «сытость» опять пожелтела. К тому же еда – это регенерация. Она у меня хоть и не как у ящерицы, отстреленную ко-

нечность заново не выращу, но организм потихоньку латает свои дыры. А для этого ему нужны ресурсы и строительный материал.

Взгляд снова зашарил по окрестностям. И снова стайка птичек порхала над очередной прогретой террасой. Интересно, это разработчики локации прописывали? Хотя, скорее, получилось по-другому: в местную живность заложили определенные алгоритмы, солнечный прогрев создал определенные условия. Насекомых выносит поднимающимся теплым воздухом, птицы запрограммированы охотиться на насекомых... Все как в жизни.

Пришлось потратить три захода с перерывами на восстановление, но теперь на очередной открытой вершине над костерком жарилась куча птичьих тушек. Жаль, воды нет. Это плохо, скоро у меня пожелтеет шкала «жажда». Она обнуляется не так быстро, как «сытость», но пить мне тоже необходимо. Придется потерпеть.

Повязка присохла к телу и при ходьбе дергает рану. Ерунда, терпимо. Но как же я прошляпил момент ранения! Так бездарно полжизни растерял, ведь удар—то я почувствовал! А все адреналин и зацикленность на задаче.

Насытившись, позволил себе откинуться на пяток минут. Здоровья с выносливостью теперь треть. Двадцать минут махов — это легче прожить. Буду экономить снова, как в реале, — полет только на восходящих потоках, но даже интересно. Эдакий вызов моему умению.

Утро постепенно уступало права дню. Солнце поднялось и вовсю припекало, на небе потянулись клочки ваты. В ветвях зашумел ветер, вершинки деревьев слабо покачивались. С удивлением осознал, что слышу трель какого-то насекомого. Как же не хочется вставать, так бы лежал и лежал, наблюдая за облаками, за их причудливыми метаморфозами... Ладно, надо подниматься. Хороший день для полетов. Чувствую, он будет длинным.

Вторую засаду я, можно сказать, заметил издали. Ну как не заметить каменную башню, которая одиноким пестом торчала среди бескрайних лесов на очередном холме? Странные вы люди, разработчики локаций: южный пост, несмотря на то что стоит на огромной куче булыжников, – деревянный. Тут лес да лес кругом, камень встречается редко, а башня выстроена именно из камня. Ну и как можно было не посадить засаду в такую замечательную позицию, господствующую над окрестностями? Тем более нужная мне тропинка проходила как раз понизу холма, на котором башня возвышалась. Даже стрелять не надо: башня метров двадцать высоты и холм от ее подножья до тропинки столько же. Высыпал ведро крупных булыжников – внизу даже латникам в башенных шлемах поплохеет. А ребята безо всякой защиты, максимум щит.

В общем, досмотреть башню требовалось. Я к этому времени успел еще несколько раз приземлиться, восстановить выносливость и снова выскребстись в небо, экономя силы и

маховый полет как только можно.

На потрепанной временем, ветрами и солнцем боевой площадке моих друзей поджидали четверо. Эти были невысокие, но одеты почти так же, как первые стрелки. На этот раз вместо арбалетов – луки, для притаившихся недомерков – ростовые. Интересно, как они будут стрелять из них сквозь обломанные зубцы?

Хотя о чем это я? Нельзя даже одного выстрела допустить! Если кого-то из ребят просто ранят, от догоняющих им не уйти – темп потеряют. Как буду справляться с этими? Тут нет верхушек деревьев или складок местности, все это ниже. То есть скрываться за рельефом не могу. Как быть? Они меня пока что не видят: трое отдыхают в тени остатков зубцов, один наблюдает. Склонился в проем так низко, что, неровен час, можно вывалиться... А что? Может, помочь человеку?

Я на тысячу метров выше – выпарил. Вытаскиваю два фугаса, один наготове, второй на тетиве. Пошел! Выискиваю взглядом цель. Вот зараза: помимо наблюдателя, остальные плохо просматриваются. У меня же не всамделишные гранаты к стрелам примотаны, тут недостаточно близкого подрыва, надо попадать. Дистанция сокращается: восемьсот метров, пятьсот, триста...

Ура! Один из отдыхающих встает и делает шаг к наблюдателю. Сменить, что ли, хочет? Неважно, ловлю взглядом его спину, натяг – выстрел. Стрела еще в полете, вторую стрелу на тетиву, натяг, опускаю прицел вертикально вниз –

выстрел! Вспышка в районе лопаток кидает первого лицом на пол боевой площадки. Я разворачиваюсь лапами вперед к начавшему оборачиваться наблюдателю. Второй взрыв на площадке и удар мне по ногам совпали. Что сзади, уже не вижу, но наблюдатель теперь рядом летит кувыркаясь. Предполагаю, что у него перед глазами: земля–небо, небо–земля кружатся в бешеном хороводе, но это недолго – до земли недалеко и башня как раз на каменистой проплешине стоит. Раскрывшись, ухожу как можно дальше. Еще дальше. И еще. Отлетев, так что сама башенка теперь размером с палец, и найдя поток, начинаю набирать.

Вернулся минут через тридцать, опять с превышением в тысячу. Ну что там у нас? Экс–наблюдатель вон, внизу, у подножья лежит: силуэтик на спине, ручки сложены на груди. Значит, знатно раскидало, раз посмертная фигурка в такой позе. В самом деле, не делать же – здесь туманная нога лежит, а здесь – голова. Еще «трупа» на площадке не видно. Промахнулся? Или оба выжили?

М–да... Обломился. Ну что ж, буду добивать, пока наши не дотопали. Достают три фугаса, схема старая. Заход. Восемьсот метров, пятьсот, триста. Тяну тетиву... Два стрелка разом подрываются из–за своих укрытий, их силуэты мелькают в проемах зубцов. Твою ма–а–ать! Наугад выпустив стрелу, кручу полубочку, мечусь на курсе вправо–влево, ухожу под башню, сбивая прицел.

Вжик, вжик! Бабах! Не знаю, попал, нет? Скорее нет. А

вот они почти – одна стрела свистнула возле уха, я ее даже почувствовал. Вжик! Да чтоб вас, скорострельные. Вжик! Перекладка, нырок. Вжик! Наконец отдалился достаточно, стрельба по мне прекратилась. Осматриваю себя. Цел, фу–у–ух. Рано выдохнул! Бли–и–ин, выносливость! Кульбиты съели ее остатки, ща же грохнусь!

Впереди из ветвей выпархивают испугнутые птички. Не раздумываю, на инстинктах хватаю лапами. Одна есть! В каком–то озарении перехватываю рукой и жадно откусываю голову. Челюсти перемалывают тоненькие косточки, откусываю еще. По щекам, разгоняемая встречным потоком, течет кровь, но большая часть теплой солоноватой жидкости попадает в горло, на зубах вязнут перья. Какая гадость, но полоска выносливости, чуть дрогнув, подрастает. Дожевываю тушку пичуги, выкинув только лапки и крылья. И тут же сажусь, проламывая ветки, даже не дотянув до очередной головой вершушки холма.

Сердце молотит в груди и отдает в висках, воздуха не хватает, перед глазами красные круги. Вот черт, опять прошел по краю! Рушусь без сил под деревом, облакачиваюсь на него спиной. Надо восстанавливаться, еда хоть и подстегивает выносливость, но это не эликсир, нельзя перекусом заполнить самую важную мою шкалу.

Пришел в себя быстро: шкалы «короткие», восстановить их не проблема. И что же у нас происходит? По мне стреляли двое. Значит, еще одного я все же достал? Не знаю, тела

не видел... Встал, хромая, и обреченно побрел сквозь редкий лес на вершину холма, попробую оттуда стартовать. Нога болела сильно, повязка сохлась, прилипла к ране. Местами выступила свежая кровь. Сплюнул очередное перышко, застрявшее в зубах, провел рукой по лицу – ладонь в крови. Не моей. Ну и рожа у меня сейчас, наверно? Встрется кто на пути – или помрет от страха, или сам на меня набросится с воплями: «Сдохни, демон!». Прется что-то непонятное: на когтистых лапах, сзади черные крылья бессильно повисли и почти волочатся, сам затянут в темную кожу, с губ кровянища капает. Бр-р-р-р...

Наконец-то вершина. Холмик невысокий, но благо вершинка лысая, хотя и маловато места для разбега. Лишний раз пересчитал арсенал: пять стрел с гремучим зельем. Что-то мало. Было десять фугасов, два потратил на арбалетчиков, два в первой атаке башни. И еще один выпустил в белый свет как в копеечку, когда засвистели ответные стрелы. Ровно половина; хорошо, что два заготовленных не уронил.

Крепкий орешек эта башня. Меж тем ребята все ближе и ближе. Сколько у меня времени до их подхода? Не знаю, не засек. Все мы умны или с дивана, или задним умом – надо было так да надо было сяк. Эх...

Итак, первая задача – подойти на выстрел, но чтоб меня заранее не нашпиговали. Все же луки у них помощнее моего, да и стреляют они хорошо. Я бы с такой дистанции не попал, а они умудрились. Не крутись я как сумасшедший,

валялся бы сейчас под башней, утыканный словно подушка для булавок. Вторая задача – вынести засаду с минимальной затратой взрывных стрел. Кто знает, что меня впереди ждет? Еще только полдень.

В голову пришло сравнение, что вот так же, наверно, летчики–штурмовики шли на вылет: ПВО злое, эффекта неожиданности не будет, а лететь надо – от этого зависят жизни тех, кто на земле. Криво усмехнулся сам себе: «Ну ты не перегибай, ты–то по любому выживешь. В реале». Все равно в голове картинка: заходящие в атаку ИЛы и несущийся навстречу ад из трассеров. Потом ее сменила другая: позиции ПВО, расчеты сосредоточенно крутят ручки, наводчики устали в прицелы на... вываливающиеся прямо из солнечного диска самолеты. Точно! Солнце!

Посмотрел на небо и даже почесал затылок. А что? Солнце высоко, почти в зените. Это Ил–2 не пикирует отвесно, а я–то могу. Правда, никогда в реале так не делал. Ну и что помешает? Хм... Идея увлекла, почувствовал азарт. Так–так–так... Надо только подойти повыше, за воздухом они точно наблюдают. Вернее, кто–то один, надо же наблюдать и за тропинкой... Блин, а должно получиться!

От предвкушения чуть не забыл о плачевном состоянии выносливости. Пришлось повозиться: стартовал максимально экономно, долго–долго выкручивал, набрав без малого две тысячи. И хоть база была выше, решил, что и этого достаточно, время поджимало – в отдалении на тропинке я за-

метил две малюсенькие точки.

Вытащил два фугаса, но, подумав секунду–другую, один убрал. Второй взял в зубы и заготовил срезни. Уставившись на бегущую по земле кляксочку моей тени, направился к башне. Что там делают стрелки? Далеко пока, да и высокова-то забрался, вижу вроде одного у дальнего от меня края площадки. Этот, скорее всего, следит за тропинкой. Кто следит за воздухом? Не видно, наверно, прячется за зубцами. Ничего, высота постепенно таяла, размениваемая на расстояние.

Когда моя крошечная, еле угадываемая тень наконец потерялась на фоне башни, превышение над площадкой составляло не более полутора километров. Поехали.

Чуть подтормаживаю, но не до фанатизма, крылья не позволяют опускаться как на парашюте. Но и разгоняться в пикировании побаиваюсь, стрелять лучше наверняка, поближе, а с такой высоты можно не выйти из пикирования – крылья перегрузки не выдержат. Как ни тормозил, но встречный ветер сменил ураган: свист в ушах, «облегайка» опять пошла волнами. Мешок того гляди оторвет. Глаза предательски застит слеза, хотя я и щурюсь.

Ага, вижу второго – вон у зубца стоит, глазки ладошкой прикрывает, лук в другой руке. Похоже, не видит меня на фоне солнца. Повернулся к напарнику, что–то ему говорит, судя по всему. Наверно, типа «глянь, не видишь ни чего?».

Шестьсот метров, первый срезень пошел. Пятьсот, четыреста... Я понимаю, что дистанция великовата, стараюсь

массированием огня компенсировать точность, авось хоть один попадет. Стреляю в наблюдателя за тропинкой, он для меня более крупная мишень и полностью открытая. Первые стрелы стали достигать цели. Стрелок, высматривающий меня, видимо, понял, откуда они летят: подняв лук, тянет тетиву.

Триста, выхватываю из зубов фугас, натяг, мгновенье придержать, выстрел.

Вжик. Пока далеко, он меня еще не видит.

Вспышка между лопатками наблюдателя, там, где уже торчит одно оперение. Его кидает вперед. Вжик.

Проношусь мимо площадки и тут же в вираж. Косая петля по восходящей, чтоб, использовав энергию, выскочить туда же, откуда заходил на цель. Успеваю выхватить еще срезень, и вот передо мной площадка. Последний противник выцеливает меня у противоположного края, глядя вниз. Все верно, там я и должен был бы появиться, прямо под его стрелу. Не повезло тебе, боец, – выстрел в спину. Оперение возникает в шее, лучник начинает оборачиваться, но и я пуст, да и не успею другую стрелу достать. Падая на жертву коршуном, лапами прижимаю его руки к бокам, своими руками вцепляюсь в кожаные наплечники. Взмах, взмах, от натуги в глазах краснеет, выносливость мигом обнуляется, но я успеваю за счет набранной инерции и чрезмерного напряжения немного приподнять стрелка и толкнуть вперед, за пределы боевой площадки башни. Успеваю заметить ужас в глазах жертвы, у

него в руках лук, на тетиве стрела. Вот сейчас в падении он пустит ее мне прямо в грудь, и увернуться не успею. Но он падает, не сводя с меня глаз, в немом оцепенении, хотя рот и раскрывается в безмолвном крике.

Я валюсь спиной на площадку. Импульс, что я придал последнему лучнику, толкнул меня обратно. Иначе кувыркались бы сейчас вместе вниз – выносливость кончилась, я бесформенным комком рушусь на распахнутые крылья. Сзади что-то щелкает, боль отдается в мозгу и я на миг теряю сознание.

Глава 46 Море

Пришел в себя быстро, осмотрелся. Пусто. С облегчением выдохнул.

Что со шкалами? Выносливость чуть заполнилась, хорошо... Какого черта?! Жизнь опять просела – опять двадцать процентов. Почему?!

Утвердился на ногах, надо осмотреть себя. Неужели стрелу поймал? Не вижу, новых ран нет. Руки целы, ноги... На повязке опять свежая кровь, но меня держат.

И тут я похолодел. Сначала краем глаза заметил как-то неестественно торчащие в сторону маховые перья. В попытке рассмотреть крыло вывернул голову так, что шея затекла. Что?! Скрипнули зубы. Не-е-е-ет! Правое крыло в районе запястного сустава вывернуто в сторону.

Очень аккуратно попытался его расправить. А! Блин! Больно! Сложил крыло и, скрипя зубами, рукой попытался прощупать.

Ну все, теперь точно приехали. Сустав вывихнут, но это ерунда, можно вправить, придется только потерпеть. Пряжка – кость, идущая от запястья, к которой крепятся первостепенные маховые перья, – сломана. В сознании отрешенно всплыло: «Отлетался, икар».

Рухнул на задницу, прислонился здоровым боком к зубцу. Навалилась апатия, из меня как будто вытащили стержень.

Сразу расхотелось что-то делать, напрягаться. Может, просто сложить лапки и отдаться течению? В который раз все-ленная говорит мне: «Хорош уже, выдохни, ты и так сделал все, что мог!».

Какая же классная сегодня погода! Я уставился на кучевые облака, плывущие так недостижимо высоко надо мной. Наверно, и в самом деле я сделал сегодня все, что смог. Где там ребята?

Перегнулся через край. Вон они, уже подходят. Все-таки я успел! И вторая засада обломилась! Давайте друзья, вперед, я расчистил вам дорогу.

Руслав, как обычно, шагает впереди. На сгибе левой руки висит трофейный щит, в правой сулица. Идет настороженно, но быстро, безостановочно крутит головой по сторонам. Изредка бросает взгляды на башню. На всякий случай я спрятался поглубже.

Анахита парой метров позади идет легко, почти шаг в шаг с более высоким парнем. Волосы убрала под темную косынку, на боку лекарская сумка, в правой руке какой-то посох. Откуда он взялся? А, это не посох, это еще одна сулица. Она что, воевать в ближнем бою собралась? Зачем тебе, девочка? Ты же маг, фаерболами кидаешься.

На душе немного оттаяло: какая же она милая! И почему я не могу сейчас идти рядом? О чем-нибудь говорили бы на ходу, она бы мне улыбалась.

Опять откинулся, мечтательно рассматривая кучевку. Как

бы я хотел показать тебе землю с высоты, а облака поближе, увидеть восторг в глазах... Кстати, я же ни одну свою женщину так и не покатал в тандеме. Даже не знаю почему.

Снова выглянул через край. Прошли мимо. Опять откинулся и залип в созерцании облаков. Как же хорошо вот так сидеть и ничего не делать. Даже не болит при этом ничего, главное – не шевелиться.

Минут через десять с тяжким вздохом поднялся – надо осмотреть «трупы».

Один лежал почти рядом с тем местом, где я расслаблялся. Убит недавно, по детализации «труп» еще не отличить от настоящего тела. Почему-то был уверен, что убитые мной лучники и немногим ранее арбалетчики – неписи. Сомневаюсь, что игроки, достигшие такого неплохого скила в стрельбе, будут подвизаться рядовым дружинником у местного колдуна.

Рассмотрел поближе кожаный доспех. Ну точно – какой-то дизайнер рисовал. Почему-то вспомнился отец, для него слово «дизайнер» было сродни оскорблению. Ну какую защиту могут обеспечить широкие, пусть и толстые кожаные ремни, если они почти не скреплены друг с другом? Этот дизайнер вдохновлялся БДСМовским прикидом или ориентировался на дешевые псевдоисторические фильмы? Ладно, посмотрим, что ты мне приготовил, неизвестный боец.

Доспехи, немного медных денег, одежда. И все? Чувак, тебя же в засаду отправили, ты должен был взять с собой

еды, лечебной алхимки какой-то... Если вы здесь все такие «запасливые», то у меня серьезные проблемы.

Второе «тело» обнаружил под противоположной стеной, дававшей немного тени. Вот значит как. Судя по тому, что лежал убитый в позе отдыхающего человека, это тот, кому прилетел второй фугас при моем первом проходе. Получается, тот, кому достался первый, выжил. А этому не повезло: лежал себе, отдыхал, и вдруг – шарах! Он, наверно, даже понять ничего не успел, может, даже не проснулся, когда прилетел второй фугас и отправил его в цифровой рай неписей.

А у тебя что? Кожаная фляга, отлично! Открыл, принял. Слабый винный запах. Осторожно попробовал самым кончиком языка: вдруг он при себе таскал какой-нибудь сильный галлюциногенный напиток. Все-таки прислужник колдуна. Но нет, похоже на разбавленное водой вино. Ну что ж, отличный вариант, я в армии, если позволяла обстановка, так же делал: и жажду утоляет даже лучше, чем вода, и не захмелеешь – градус совсем никакой. Позже, на полетах, пользовался изотониками и прочей спортивной химией. А в игре можно и вином себя порадовать, все равно икаровский метаболизм пережигает весь алкоголь, как в реакторе. Спасибо тебе, мой бывший противник.

Кроме фляги, нашлись пара лепешек, кусок твердого козьего сыра и несколько полосок сушеного мяса. Ну хоть кто-то запасливый! Еда немедленно отправилась в мой желудок.

Бойцы, вы чего, сюда налегке явились? Одежда, запас

еды где? Неужели вас командование не снабдило аптечками, в смысле лечебными эликсирами? Выговор командованию, негоже так личным составом разбрасываться! У них ведь даже повязок нет. Если что, чем кровь останавливать?

Хреново, придется тащиться вниз, осматривать двух «прыгунов». Вдруг среди них есть командир? Или мединструктор? М—да... Что—то юмору много. Видать, все плохо.

Хуже всего окажется, если весь шмот они на замаскированных лошадях оставили. С этими невеселыми мыслями принялся осматривать площадку. Где здесь лестница? Попали же сюда как—то эти стрелки, не по веревкам поднимались. Наконец заметил спуск, подошел, остановился.

На третьей ступеньке сверху лежал небольшой заплечный мешок. Секунду—другую смотрел на него, словно боясь, что это галлюцинация. Даже головой помотал. Мешок при этом не исчез. Присел рядом. Сдерживая дрожь в руках, развязал горловину. Фу—у—ух... Непроизвольно сделал длинный—предлинный выдох. Прямо сверху лежал «эликсир малого исцеления». Прикрыл глаза. Сейчас бы скакать, радоваться, но я так устал и эмоционально выгорел, что даже на радостную улыбку меня не хватило. Что еще? Пара идентичных фляг, еда, две запасные тетивы и несколько наконечников россыпью. Все, больше алхимии не обнаружилось. Как говорится, и на том спасибо. Содержимое отправилось в мой мешок.

Присел на ступеньки, разглядывая небольшой флуоресцирующий флакончик. «Фанвирт» вам не обычная рпгэшка.

Здесь нет общих хитпойнтов персонажа, нельзя убить монстра, стреляя ему только в одну лапу. Есть понятие «здоровье» как общее состояние организма. На него влияют кровотечения, отравления и тому подобные обширные воздействия. Но есть еще и конечности, у каждой из которых свой запас здоровья. Если стрелять, как в приведенном примере, в одну лапу, добьешься только того, что эта лапа «выключится». Конечно, немного просядет общее здоровье. Есть области груди и живота, голова. При полном «выключении» чего-то одного из них, конечно, наступит смерть.

Так же работает лечение. Нельзя просто выпить эликсир и стать из «красного» «зеленым». Беда «малого эликсира» – он может вылечить что-то одно. И то не полностью. Например, его не хватит для полного восстановления здоровья. Впрочем ногу, скорее всего, залатает полностью. Или крыло.

Да чего там, понятно, что здоровые крылья мне нужны просто кровь из носу, но как же хотелось хоть чуть-чуть поднять общее здоровье, чтоб подросла выносливость: привык за последнее время при необходимости «включать» маховый полет. Почему-то с грустью подумалось: вернись я сейчас в дельтапланеризм, мне бы пришлось ой как не сладко: без такой читерской возможности – только на восходящих – и на посадке на второй круг не уйдешь.

Ладно, чего размечтался? Выбирать не приходится. Откупорил флакончик, аккуратно вылил его содержимое на место перелома. Топорщащиеся перья на глазах встали ровно. Ес-

ли сейчас открыть интерфейс, то на вкладке персонажа первое крыло из черного снова станет зеленоватым.

Перед стартом осмотрел арсенал лучников. Эх, великоваты для меня их луки. Может, тогда стрелами разжиться? Попробовал. Нет, тоже слишком длинные. И что у меня тогда осталось? Четыре фугаса и три срезня. Это вообще ни о чем. И кинжал, которым только кидаться, как тяжелой железякой. Ну или кремнем искры для розжига высекать. Слабоват боезапас.

Окинул взглядом тропинку. Подтянулась погоня, догоняют ребят потихоньку. По прикидкам, разрыв минут сорок. Но впереди уже расстиралось море. Неужели тропка упрется в побережье? Куда–нибудь она же ведет? На карте никакой информации. Что ж, скоро я это узнаю.

Стартанул с башни прямо в поток. И то хлеб, выносливость придется беречь. Солнце перевалило за полдень, погода раскочегарилась, термики работают. Без единого взмаха выкрутил под базу, она уже выше двух тысяч, дальше пойду по облакам. Перепрыгивая из одного облачка под другое, нагнал друзей. С такой высоты видно хуже, но благодаря орлиному зрению различаю хорошо. Идут, соблюдая прежний порядок. Интересно, они хоть на привалы останавливались? Все–таки хорошо, что они без меня топают, я бы их тормозил жутко. А мое назначение – полет.

Заложил широченный вираж. Какая же у них маленькая скорость по сравнению со мной! Сколько они идут? Кило-

метров 6–8 в час? А у меня балансирная около сорока. Пойду–ка вперед, пройдусь.

До моря с такой высоты казалось рукой подать. Уже вижу, что лес до самого побережья не доходит, кончается в сотне–другой метров от береговой черты. Отсюда еще не видно, что там: ровный травяной газон или буераки какие. Холмов незаметно, их бы я увидел. Но вообще, определение поверхности земли с высоты – знакомая проблема. Иной раз кружишь над незнакомым местом, выбираешь, куда приземлиться, – и кажется, что отличное ровное скошенное поле. А метров с двухсот, иногда и ниже, понимаешь – так это же заросли кустарника или кукуруза высоченная! Наклон так вообще можно обнаружить, уже будучи в глиссаде. Я как–то по «молодости» садился: высмотрел – вроде подходящая площадочка, дорога недалеко. Определил направление ветра, строю заход. А метров с пятидесяти понял – так там же уклон! Вон же речушка мелкая. До нее вроде бы и далеко было, но уклон почти равен углу глиссады, а еще экранный эффект у земли. Так и скользил около километра, почти чиркая носками ботинок траву; уже думал о прибрежные кусты тормозить, чтоб крыло потом не сушить. Чуть–чуть не испулся.

Сам берег моря, похоже, высокий, обрывистый: мне не видно прибоя. Скоро, уже скоро смогу омочить лапки в набегающей волне. Просто идея фикс какая–то. Летел бы на юг, там океан теплый. Хотя знаю это только по форуму, а про

восточный вообще информации почти нет. На все вопросы игроков – что, дескать происходит на восточном побережье – обычно отвечают: «А что там делать? Квестов мало, локации пустынные». Я, честно говоря, как раз поэтому из Инкубатора полетел на восток. На южных берегах, говорят, как на бесплатных пляжах Сочи, – в сезон не протолкнуться.

Пока любовался морем, выносливость «съелась» наполовину – хоть и без махов, но на парёжку тоже расходуется. Это с полной шкалой я могу удерживать крылья для парящего полета долго. Теперь и в нем я ограничен часом, это если вообще на махи и стартовые прыжки не тратиться. Пора передохнуть. Огляделся, ничего подходящего. Ладно, вернусь к башне, до нее, разгоняясь в пологом снижении, минуты три лета. Обратно подольше получится, зато выносливость сэкономлю. Все равно ребятам до выхода из леса чуть меньше часа. Успею.

Развернулся, лег на курс, слегка поджался, разгоняясь. Вот и место, где тропка выходит из леса... А это что внизу? Я сразу и не обратил внимания – так меня море привлекло, только сейчас разглядел. Что-то вроде положенной на землю подковы, куполом в сторону леса. Буквально вплотную к крайним деревьям. А, так это что-то вроде полевого укрепления. Интересно – это тех, кто в лесу, защищать от тех, кто с моря? Или наоборот? Вроде никого, интерес к «арке» тут же угас, меня ждал отдых и обед. Да и «прыгунов» по-хорошему не мешает облутать. А еще было бы здорово найти их

коней, с воздуха это проще сделать. Вдруг в седельных сумках что-то интересное обнаружится?

Взгляд уже нашаривал знакомый силуэт башни, когда мелкая заноза в сознании заставила снова бросить взгляд вниз. То ли показалось, то ли на самом деле – вроде бы что-то тускло блеснуло в районе «арки» уже на самой периферии зрения. Ну вот опять. Пригляделся – пусто. Блин, глюки от усталости? Нет там никого...

И развернувшись, пошел снижаясь к подозрительному месту. В голове в голос запаниковало альтер эго: «Куда, баран? До башни не дотянешь! Пусто там, сам же смотрел!». Но осознание, что минут через сорок-пятьдесят сюда выйдут Анахита и Рус в предвкушении морских видов и вполне закономерно могут проморгать очередную засаду, не давало плюнуть и забыть подозрительный блеск.

Снизившись до пятисот метров, просвистел над «подковой». Это оказались остатки каменной стенки, как мне показалось – чуть выше роста человека высотой, с аркой в месте, где ее пересекала выходящая из леса тропа. Вернее – остатки арки. Вот за остатками этой арки под небольшими полотняными навесиками и притаились две фигуры. Причем обе сопровождали меня взглядами: я видел, как поворачиваются мне вслед их головы. Гадство!

Ну что ж, раз скрываться не нужно, посмотрим на вас поближе. Снизился, на втором проходе разглядел – латники: горшкообразные шлемы, кольчуги, большие мечи. Да-а-а,

для Руса будет многовато. Тем более он с дороги, а эти свеженькие.

А может, это свои? На предыдущих не похожи. Может, как раз к ним и спешат мои друзья, никуда не сворачивая?

Я запутался. Что мне делать? И если это игроки – тогда беда. Пойдут по форуму вопросы: «Кто знает, что за летающая хрень с крыльями?». И скриншот со мной. Ой беда... Выносливость заканчивалась. Используя инерцию, выскочил выше, осмотрелся. Вон лысая вершинка торчит, попробую туда дотянуть. На остатках выносливости приземлился. Невесело усмехнулся: входит в привычку. Плохо. Достал снесь, принялся механически пережевывать, зависнув в размышлениях. Вот черт! И что мне делать с этими? Забывшись, даже стал разговаривать сам с собой вслух, меря шагами вершинку взад–вперед.

Что может говорить в пользу того, что это друзья моих друзей? Или по крайней мере не враги? Одеты по–другому? Да ладно! Только на основании этого делать вывод? Я разве уже видел тяжеловооруженных воинов у тех, кто преследует Аню и Руса? Хм... А кстати – видел. Здоровяк Акзод. У него был похожий шлем. Но и все! Никаких общих эмблем или гербов. Цветовая гамма? Да какая еще цветовая гамма у голого металла? Сталь кольчуги и сталь лат. Некрашенная, нечерненная. Похожи друг на друга? Да. Только вспомни, так же похожи оказывались рыцари противоборствующих сторон: однотипная броня, вооружение... Почему–то подумал,

что вообще неправильно их называть латниками. Все–таки, латы – это пластинчатый доспех или даже на основе кирасы. А кольчуга – это просто доспех. На край – панцирь, если кольца плоские...

Да какого хрена ты тут классификацией доспехов занялся?! – взъелось альтер эго. Латники, панцирники, доспешники... Хоть рыцари – тебе не один фиг? В ответ пожал плечами, отогнал подобные мысли как несвоевременные.

Что еще в пользу версии друзей? То, что ребята, как по магниту, идут в сторону моря? В принципе, мне могли всего и не рассказать. То, что Анахита на последнем привале решила на откровенность... Но ведь это могла быть не вся правда. Рус, так тот вообще был против даже такой малости. И вообще, я, получаюсь, ему соперник... Вздохнул, мысль опять побежала совсем не в ту сторону. Мотнув головой, отогнал и эти мечтания, как реальную муху.

Помню, как он обрадовался, когда я сказал, что покидаю их. Так что – да, мне могли и не сказать, что идут к конкретным людям. Кстати, это могут быть и не друзья. Может, это третья сторона, в данном случае союзная ребятам. А что? Запросто!

Так, я, по–моему, слишком загоняюсь и интерпретирую все факты под версию, буквально подгоняю. Давай–ка, икар, будем строить версии на фактах. Почему они идут все время к морю? А что, были варианты? Были – всего два. Один у развалин, второй – на перекрестке. Первый раз выбор на-

правления был обусловлен надвигающейся погоней по остаточному принципу «сюда нельзя, значит, пойдём сюда». Второй раз... Эх... Второй раз сложнее. Я бы свернул направо, в сторону от моря... Стоп! Это я сверху видел, что дорога на юг сворачивает к обжитым местам, а что показывает карта?

Залез в интерфейс, открыл карту. М–да... Информативненько – сплошная зеленая заливка. Системное уведомление: «Слабозаселенные земли, недостаточно информации». Ну так и откуда им знать, что дорога приведет их к людям? К тому же Рус говорил о том, что тропинка непроходима конными. Таким образом, на тропинке мои друзья оказывались паритетны с любой погоней.

Ну что ж... Будем считать, что аргументов в пользу того, что это – друзья, никаких. А что с другой версией – враги? Вообще–то это третья по счету засада. И если в первой ждали пара арбалетчиков, то во второй уже четыре стрелка. И вот латники. То есть панцирники... То есть доспешники... А, черт, неважно, логика «повышения градуса» присутствует.

Ну что, икар, в бой? Замер на минуту. Никаких эмоций, никаких красивых или возвышенных мыслей. Вздохнул и сам себе ответил: «В бой».

Глава 47 Последний бой

Снова очень экономный старт, на третьем взмахе почувствовал подъем и тут же выключил махи. Помню, так же на машине ездил, когда бензин вот-вот должен был кончиться, а до заправки еще неблизко. Так же педальку прижимал еле-еле, переключался пораньше, если какой спуск – тут же на нейтраль.

Пока выкручивал потоки, прыгал из одного в другой, прикинул варианты. У меня всего четыре фугаса и три срезня. Впрочем, срезни против противника в броне вообще ни о чем. Что делать? Еще вчера на одного почти такого же я извел десяток заморозок и сколько-то фугасов. Кажется, восемь. Да-а-а... проблема. С другой стороны, половина заряженных стрел ушли в щит, пока тот не разрушился. Кстати, – я аж похолодел, – а у этих есть щиты? Не заметил, но ведь и не смотрел! Они просто сидели под стенкой и проводжали взглядами пролетающий мимо непонятный крылатый объект.

Долго набирал достаточную высоту, по пути глянул на тропку. Эх, как назло, ребята слишком близко, надо поторапливаться. Ну вот, каменная подкова подо мной. Пришел низко, метрах на трехстах, какой смысл запасать высоту? Все равно сейчас буду работать со сверхмалых. Вытащил фугасы, зажал большим пальцем левой руки, чтоб в спешке не

схватить неподходящую стрелу, сделал круг над местом. Как там это называется? Вспомнил – «доразведка цели».

И что тут у нас? Сидят, красавцы, равнодушно так сопровождают меня взглядами. Хотя почему равнодушно? Я же не вижу их лиц – они в шлемах, только поворачивают вслед свои кастрюлеобразные головные уборы.

Стрелять надо в уязвимые места. Интересно, где у них такие? Смотровые щели? Хм, ты, брат икар, слишком оптимистичен! И вообще – шлем, по сути, самая серьезно защищенная часть доспеха. Усмехнулся: а ты чего хотел? Вообще–то логично, самый уязвимый орган – голова – спрятан под толстостенной стальной кастрюлей. Их кольчуги проще пробить. Я не знаю, что под них надето, но вряд ли что–то металлическое. Вероятнее всего, там стеганка. Фугас эту защиту пробьет, можно не сомневаться. Вот только тело – не самая уязвимая часть организма, и заряженных стрел у меня в обрез.

Итак, все же голова? Но точно не в лицо. В мире, где есть магия и фаерболы, лицо от моих мини–фугасиков должно быть надежно защищено.

Время шло, а я все кружил и кружил, оттягивая атаку. Наконец с мрачной решимостью понял: протяну еще немного – и вообще не заставлю себя ввязываться в бой.

Ну что, трусливая душонка, долго будешь наворачивать круги над противником? В памяти всплыли строчки из Хайнлайна: «Вперед, обезьяны, или вы хотите жить вечно?».

Атаковать собираешься или ждешь, пока Рус с Аней подойдут и начнут задавать вопросы?

Тут меня осенило: а почему противники в шлемах? Долго надевать? Ерунда, не верю, не может быть. Даже в реальности шлемы надеваются достаточно быстро и вне боевой обстановки носятся где угодно, но не на голове. В них жарко, и главное – сильно ограничен обзор! Они точно неписи! Нормальные игроки сейчас бы сидели, положив свои кастрюльки рядом! Я непроизвольно выдохнул: ну хоть с этим разобрался. Теперь и воевать легче.

И действительно, будто бы от того, что надо мной уже не висело NDA, противники перестали казаться такими уж неприступными. Ща, разберемся. Кстати, возможно, я не убью обоих, но по крайней мере смогу их достаточно ослабить. И Руслан встретится с менее серьезной угрозой, чем сейчас.

Резко выдохнув, как перед прыжком в ледяную воду, наложил стрелу на тетиву и сломал траекторию. Небольшой разгон в пологом пикировании на левого латника, до высоты чуть ниже деревьев. А когда проходил над ним, резко натянул и тут же отпустил тетиву. Перед тем как стенка скрыла меня от цели, успел заметить вспышку взрыва на правой ключице.

Туда и стрелял – вплотную к голове. Надеюсь, контузию ему я обеспечил, плюс шанс правую руку вывести из строя. Энергичный разворот с креном под девяносто градусов,

возвращаюсь с обратного курса, вторая стрела уже приготовлена. Вижу, оба противника вскочили со своих мест и почти спина к спине крутятся в центре каменной подковы. Меня высматривают. В руках – двуручные мечи почти в рост. Щитов не видно. Ну слава богу! Кстати, тот, который дальше от меня, удерживает двуручник в одной руке – вторая вон, висит вдоль тела.

Значит, сработало? Отлично! Коротко прицелившись, пускаю стрелу ему чуть ниже затылка, под обрез шлема. Там–то у него защита послабее...

Смазанное круговое движение, блеск меча, и стрелу сбивает в сторону. Она даже не взорвалась! Видимо, ампула не задета. Обломки бесполезно попадали в невысокую траву, которой заросло пространство внутри укрепления. Что за черт?!

В изумлении провожая взглядом обломки, я чуть было не проморгал миг, когда подо мной опять что–то сверкнуло. В последнюю секунду успел чуть поддернуть траекторию вверх. Холодок от струи воздуха, сорвавшейся с клинка, мазнул живот. Кончик промелькнул в каких–то сантиметрах. Да ведь это он подпрыгнул! Ни фиги себе! Я же на высоте пяти метров, не меньше. Он что, подпрыгнул в доспехах больше чем на метр?!

Какие они быстрые! Этих не расстрелять с воздуха, как беззащитных орков на стене. Те серокожие безэмоциональные терминаторы вдруг показались мне не такими уж страш-

ными.

Фугасов на вас не напасешься. Но что же делать? Пока один прикрывает второго, раненный может подлечиться, нельзя тянуть!

Вжик! Тумс...

Что-то дернуло правое крыло, тело отреагировало само, сломав траекторию. Вжик!

Что за на фиг? Откуда?! Принялся хаотически извиваться в воздухе, сбивая прицел, растрачивая при этом и так скромные запасы выносливости. Да где же они?

Вжик! Периферией зрения зацепил движение. Бросил взгляд туда – вижу! Один лучник в знакомых уже кожаных доспехах стоит на опушке, в паре шагов от тропинки. Тянет из колчана следующую стрелу. А второй?

Вон он, с другой стороны, был скрыт остатками арки... Распрямляется дуга лука. Вжик! Но я уклоняюсь и ныряю ближе к земле.

Вот, значит, как! Латники встречаются в проходе, а когда ребята завяжутся, лучники просто расстреляют их в спины! Отличная задумка, браво! Но тут нарисовался я...

Идея мелькнула в голове одновременно с осознанием диспозиции врага и даже еще не оформилась, когда я кубарем полетел на землю. Вскочил и, волоча перемотанную ногу, запрыгал в сторону. Стрелки остались по ту сторону стенки. То, что она в рост человека, мне на руку.

До парочки латников метров тридцать. Здоровый закрыл

раненого почти рядом с проходом в стене. Черт, далековато, надо было ближе... И все же первый сорвался ко мне в спринте. Да!

За время его рывка успел отпрыгать еще на три–четыре метра. Стальная махина в тускло отсвечивающей кольчуге набегала на меня, сжимая двумя руками вертикально удерживаемый у правого плеча меч.

Прыжок вверх, взмах крыльями. Свист клинка, рассекающего пустоту подо мной. Вжик! Лучники на своих позициях.

Еще взмах для разгона, нырок ниже стены. Впереди первый мечник, воткнув свою железку прямо перед собой, копается в поясной сумке.

Правая рука молнией выхватывает из чехла срезень, почти не целясь – выстрел.

Раненый, выпустив из руки склянку с зельем, перехватывает здоровой рукой меч и отбивает стрелу. Получилось! На то и рассчитывал. Проскакиваю почти впритирку над ним. Без второй руки двуручником быстро не помашешь, а поднимусь выше – нашпигуют. Стрелки только этого и ждут.

Сложив крылья, приземляюсь в двух метрах за его спиной, дальше нельзя – откроюсь для стрелков. Все вокруг в каком–то слоу–мо: скручиваюсь всем корпусом, разворот. Фугас на тетиве. В поле зрения латник, разворачивающийся ко мне с подшагом, меч в левой руке занесен для удара.

Нет времени выцеливать, пальцы отпускают тетиву! Время вновь побежало быстро. Шлем скрывается в цветке раз-

рыва, меч выпадает из руки в верхней точке замаха, миг – и враг делает еще шаг мне навстречу, хватая мою руку с луком своей здоровой рукой.

А–а–а–а! Рука как будто попала в гидравлический манипулятор, ее выворачивает в сторону. Я слышу хруст собственных костей! Как же больно! Продолжая выкручивать мне руку, латник подтягивает мою тушку к себе, наклоняясь, как будто хочет заглянуть в глаза. Из–за громады его корпуса краем глаза вижу мчащегося ему на подмогу первого. Конец?

Сквозь затуманенное болью сознание чувствую, как правая рука будто бы самостоятельно тянет из колчана срезень. Перехват, и я с размаху вонзаю широкий наконечник прямо в смотровую щель цилиндрического стального ведра.

Что–то брызжет мне в лицо, враг начинает оседать, второй все ближе...

Удар! От удара в левое плечо меня разворачивает, замечаю торчащий из него наконечник и оказываюсь почти лицом к лицу с появившимся в проеме арки лучником, который тянется за следующей стрелой.

Оттолкнувшись вперед и вверх, прыгаю ему навстречу. Через секунду я над ним, вцепляюсь лапами во врага: одна в лицо, вторая чуть ниже – в горло. Чувствую, как когти входят в податливую плоть, снизу доносится хрип.

Взмах, толчок от жертвы, и я, заваливая крен, стараюсь нырнуть за стену, прикрываясь ею от второго стрелка.

Скользя над самой землей, протянул метров сто пятьдесят. Посадка, разворот. Пульс бухает даже не в висках – во всей голове сразу, перед глазами красные круги, рот судорожно ловит воздух.

Ну что там? От укрепления к тому месту, где я приземлился, идет понижение, поэтому я вижу только верхушки стен. Сверху, как я и говорил, небольшие изменения рельефа незаметны, а вот теперь понимаю, что стою в небольшой ложбинке, начинающейся метрах в шестидесяти от странного подковообразного сооружения с полуразвалившейся аркой.

Не отрывая взгляда от места недавнего боя, открыл интерфейс. Выносливость очень неторопливо заполнялась. Горько усмехнулся: да что ж ей не заполняться? Здоровье опять просело. Благо кровотечения на этот раз нет.

Потрогал наконечник. Повезло, бронебойный – узкий граненый клинышек. Рана отозвалась тупой болью. Это ерунда, подожди, сейчас адреналин отпустит, вот тогда я взвою по-настоящему. Дотянувшись, хватаю стрелу за древко и рывком выдергиваю из раны. В глазах на миг потемнело.

Это хорошо, что бронебойный, – узкий и нет шипа, способствующего застреванию в теле. Замечаю, что правая нога, на которую в основном опираюсь, начинает ходить ходуном, из-за чего все тело мелко сотрясается. Усилием воли гашу судороги.

Что с рукой, помимо раны? Висит плетью, предплечье в

середине переломлено, словно веточка. Кожа целая, но уже наливаются синюшностью. С удивлением увидел, что кисть по-прежнему сжимает лук с последней заряженной стрелой. Аккуратно разжимая пальцы здоровой рукой, вытаскиваю и пряду в саадак. На сегодня лучник кончился.

Вытащил из мешка какую-то еду, кажется, сыр, затолкал в рот, принялся пережевывать. Во рту сухо, как в Сахаре, челюсти впустую перемалывают сухую пищу. Вытащил флагу, влил в себя глоток. Пошло лучше, даже проглотить получилось. Повторил процедуру. В до сих пор в открытом интерфейсе выносливость неторопливо заполняется, даже здоровье подросло на процентик-другой. Ну хоть еще отлететь успею, если что.

А почему противник не преследует? Я стою тут уже пару минут, логично было бы, чтоб бронированный боец под прикрытием лучника осуществил преследование потрепанного и деморализованного противника. То есть меня.

Вспомнил: у них же другая задача. Несколько секунд тупо разглядывал свой арсенал, потом вытащил последний фугас, перехватил его, как нож, и стал неторопливо подниматься из ложбинки.

Стены странной каменной подковы, обращенной от меня, стали постепенно расти в поле зрения. Пройдя половину дистанции подъема, остановился. Где же вы? Как страус вытягиваю шею, еще шажок, еще.

Над заросшим травой перегибом показывается шлем, по-

том плечи, торс. И вот уже я вижу всю фигуру моего врага до пояса. Нас разделяет не более шестидесяти метров. Ну что, пат? Я приготовился стартовать, как только он рванет ко мне, пульс снова ускорился. Твой ход, железный болван.

Рядом с латником появился лучник, вышел на пару шагов вперед. Лук в опущенной руке, стрела на тетиве. Все, шах и мат тебе, икар. Пока буду взлетать и набирать скорость для маневра, хотя бы одну стрелу поймаю. В голове никаких эмоций, одна усталость и желание поскорее с этим покончить.

Мечник, чуть скручиваясь, не торопясь поднял свой двуручник опять к правому плечу острием вверх. Все, сейчас бросится. Закрывать глаза? Не дождетесь! Покосился на удерживаемую почти за оперение стрелу с примотанной последней ампулой. Напоследок суну тебе в рожу, все Руславу проще будет. Ну, давай...

Свист, звук удара. Доспешника бросило вперед; чтоб не упасть, он сделал пару шагов. Из груди торчит острие болта. Лучник мгновенно развернулся, выстрелил в ответ. В начинающего поворот мечника влетел фаербол. Шарах! Огненные брызги разлетелись от его головы.

Лучник выстрелил еще раз, попытался прыгнуть в сторону, ответный фаер попал ему в плечо. Стрелок покатился по земле, почти скрытый от меня изгибом рельефа. А я, уронив стрелу, потянул из мешка плащ.

В закованного в броню противника влетел еще один огненный шаг, лучник вскочил на ноги; я, катаясь по земле,

спешно запихивал левую ногу в сапог.

Наконец нога втиснулась в тесную кожаную колодку, успел схватил валяющийся рядом второй сапог. Лучник бросил взгляд в сторону, откуда летели фаеры, бросил взгляд на меня... и, выхватывая на бегу саблю, рванул в мою сторону. Вот черт!

Я только успел вскочить, как с нечленораздельным воплем и занесенным клинком в левой руке набежал противник. Вторая рука болтается, как и у меня, плечо обожжено, свозь прорехи в ременном доспехе видны вздувшиеся покрасневшие рубцы.

Метнув в лицо оставшийся сапог – единственное оружие, нырнул под взмах. Мимо! Сабля свистнула позади меня. Развернулись оба синхронно, чуть наклонившись вперед, глаза в глаза застыли друг напротив друга. У обоих по одной руке бессильно болтается, оба с просевшим здоровьем. Он – с опущенной саблей, я – без оружия, в одном сапоге, вторая нога вцепилась в землю когтями.

– Ты сдохнешь, тварь! – на перекошенном лице безумные глаза.

Я не ответил. Зачем?

Выпад! Нырок. Развернулись.

А ты не мечник! С тем бы такой номер не прошел. И сколько так играть будем? Сейчас твоего кольчужного приятеля порешат и за тобой придут. Это мы понимали оба. Вот только стрелок наверняка хочет успеть прикончить ме-

ня, чтоб уж не зря гибнуть. А я почти в панике думаю, как бы успеть натянуть второй сапог. Такое вот странное желание.

Выпад! Вместо того чтобы нырнуть снова под саблю, сшибаюсь с противником грудь в грудь. Успев правой рукой выхватить кинжал, с размаху бью ему в подмышку занесенной руки.

И все же я легкий! Отлетаю от его груди как мячик; не удержавшись на ногах, падаю, кувырок назад.

Мой противник все еще на ногах, правда, сабля валяется на земле. Морщась от боли, он правой рукой выдергивает из подмышки мой кинжал. Вслед выплеснулась струйка крови, но он еще жив, а я беспомощно валяюсь по земле, пытаюсь выпутаться из плаща. Поторопился я его нацепить.

– Умри же! – два шага, и лучник наступает одной ногой мне на грудь.

Краем глаза вижу рядом оперение, хватаю. Лучник ухмыляется и начинает размах.

А я без замаха бью его в лоб стрелой, как будто прутиком хлещу.

Бабах! В последний момент успеваю отвернуть голову и зажмуриться. Все равно меня опалает, жизнь проседает до последних процентов, а на меня рушится тело и постепенно теряет телесность. Ползком подтягиваю себя ко второму сапогу, пытаюсь натянуть, и тут сознание отключается.

Глава 48 Выхода нет?

– Эй, ты! Жив?

Очнулся. Вцепившись в голенище, проталкиваю ногу до конца.

– Да жив, жив...

– Фе–Феникс?!

Поднимаю голову. Возле меня остолбеневший Руслан, из-за его плеча, отодвинутая за спину и удерживаемая парнем, выглядывает любопытная мордашка эльфийки.

– Рус, ты заикаться стал?

– Русик, ну! Это же наш Феникс!

– Подожди. Ты откуда здесь?

– Долго объяснять, Рус, да и если честно – сейчас не хочется.

Упираясь здоровой рукой в землю, встаю.

– Один из рыцарей твоя работа?

– Рус, ну что за допросы? Лучше бы спасибо сказал... Да, моя, ты здесь еще кого–то видишь?

– Там у лучника горло разорвано и глаза выдавлены. Это тоже ты?

– Правда? Не, это не я.

– А кто?

– Не видел, – соврал я и обессиленно помотал головой.

Неосознанно запустил руку в мешок, вытащил полоску су-

шеного мяса, сунул в рот, заработал челюстями. Только тут заметил удивленный взгляд и непроизвольное сглатывание слюны парнем.

– Голодные?

Ответили одновременно:

– Нет, спасибо! (Руслав)

– Да, очень. (Анахита)

Улыбнулся в ответ. Вытащил из мешка по очереди пару таких же полосок мяса, протянул сначала Русу. Потом наконец обтекшей его и вставшей рядом девчонке.

– Спасибо, – скупое кивнул парень, – может, все–таки расскажешь, что здесь произошло?

– Да, Феникс, – уже жуя, поддакнула эльфийка, – фто тут случилось?

– Дорогу вам расчищал, что–что, – протянул Анахите фляжку, – могли бы и спасибо сказать.

– Спасибо, – чистосердечно произнес парень и протянул руку, – но я не понимаю, как ты очутился здесь быстрее нас...

Тут он заметил мою левую руку, выглядывающую из–под распахнутого на груди плаща.

– Что с рукой?

– А, это, – вспомнил я о сломанной руке и тут же скривился от боли, – это меня как раз тот здоровяк словил. Пришлось ему в глаз стрелу засунуть. И наутек. Как видишь – недалеко.

– А я думаю, кто тут так метко стреляет? Понятно... Аня, посмотришь его руку?

– Где... Ой! Как же ты так?

Поморщился в ответ. Не повторять же историю.

– Конечно, Феникс, потерпи. Я сейчас лубок сделаю.

И девушка бросилась к лесу.

Русланв еще что-то хотел спросить, но его перебил сдавленный вскрик. Молнией обернувшись, он бросился к Анахите. Я за ним.

Выскочив наверх, остановился рядом с замершими друзьями. Анахита прижимала кулачок ко рту, парень покрепче сжал топор и перекинул из-за спины щит.

Сверху я видел, что последние пару сотен метров перед выходом из леса тропка чуть расширилась и шла прямая, как стрела, четко перпендикулярно опушке. С земли сейчас она больше всего напоминала изрядно запущенную, но все еще угадывающуюся аллею. И в конце этой аллеи из-за поворота только что показались наши преследователи.

Первым очнулся я:

– Бежим!

Парень развернулся, окинул местность вокруг.

– Куда? Нам нельзя на открытое пространство, окружают.

Встретим здесь.

Потом пробормотал себе под нос:

– Надо было раньше, по тропке, там бы вообще по одному подходили, эх...

– Туда, – я вытянул руку в направлении моря, – там спуск к воде, он узкий.

– Точно? Тогда туда. Веди.

И мы побежали.

Вернее, побежали ребята, а я через три шага стал отставать.

– Фес, да сними ты эти сапоги... А, черт! – обернувшийся Рус наконец обратил внимание на мою перебинтованную ногу. – Аня, вперед, не оглядывайся, мы не отстанем.

И, подхватив меня под мышку здоровой руки, буквально потащил вперед.

Как пробежали отрезок пустого пространства, помню плохо: сломанная и пробитая стрелой рука, мотаясь, вызывала дикую боль. В сознании застряла одна мысль – только бы не споткнуться. Кажется, Рус спрашивал меня о чем-то, вроде о направлении. И я даже отвечал.

Вот и конец дистанции. Мы выбежали на высоченный береговой обрыв. Где-то там, под нами, расстилалось море, шумел прибой в галечнике. Только до низа было не менее ста метров.

– Черт! Обрыв! – Руслан аж зарычал с досады. – Нам не спуститься...

Парень опять выхватил оружие, обернулся и расставил пошире ноги. Догоняющие не сильно спешили, мы даже слегка увеличили дистанцию за счет спринта.

Соображалось плохо, я вышел на самый край. Неужели ошибся?

– Феникс, у тебя есть крылья? Ну тогда не подходи к краю. Там же высоко – костей не соберешь.

Не стал реагировать, хоть в голосе Анахиты к иронии подмешивались раздраженные нотки. Прямо как с непослушным ребенком. Да где же? Ага...

– Рус, туда, – я указал место, где на берегу виднелась осыпь крупных камней, немного вдающаяся в зону прибоя. – Там должен быть спуск. Мы немного промахнулись.

Руслав оглянулся вниз, смерил взглядом и оценил расстояние до неспешно приближающихся, уже выстраивающихся в боевой порядок противников.

– А, черт... Ладно, давай.

Высокий береговой обрыв, даже скорее уступ – работа волн и ветра, на всем протяжении немного нависал карнизом над узкой береговой террасой. Но буквально в тридцати метрах от нас в карнизе образовалась узкая осыпь, слегка вдающаяся в глубь и за счет этого имеющая положительный уклон. Вот только с высоты я неправильно оценил угол наклона: то, что казалось мне комфортным спуском, оказалось весьма крутым склоном. На наше счастье, из промоины там и здесь торчали здоровенные валуны. Я первым смело прыгнул с края на ближайший камень, выглядывающий парой метров ниже.

– Спускайтесь, ну же! – позвал я ребят и, освобождая ме-

сто, прыгнул на следующий, еще ниже.

Парень глянул вниз, потом буквально схватил Анахиту в охапку и отправил следом за мной. Та только ойкнула. Дождался, пока девушка прыгнет дальше, и сиганул следом. Камень выдержал, хотя из-под него посыпалась земля. Взмахнул пару раз топором, разрыхляя почву вокруг валуна, и последовал за нами.

Так, перепрыгивая друг за другом с валуна на валун, где-то оскальзываясь по земляной насыпи, мы добрались до низу.

Внизу нас ждал неширокий, от силы метров десять пляж, усыпанный галькой и весьма крупными каменюками в зоне прибоя.

– Куда дальше? – парень только что съехал последние пять метров на заднице и встал рядом с нами. Минутой назад я поймал в объятия спустившуюся тем же способом эльфийку.

– Честно? Не знаю. Я видел только, что вниз есть спуск. Ты же сам не хотел воевать на открытом пространстве.

– Понятно.

На север от нас тянулась почти ровная, как ножом обретенная береговая линия, теряющаяся где-то вдали. Зато на юге через пару километров берег вдавался небольшим, но широким заливом и терялся за мысом.

– Фес, глянь, на мысу пройдем под берегом?

Я присмотрелся:

– Да, вижу проход.

– Тогда туда, может, какой подъем наверх найдем.

– Аня, погоди, – я почти взмолился, – мне нужно руку зафиксировать. Невозможно же бежать!

– Хорошо, только чем?

Я извлек уже исполосованные штаны.

– Вот, надо только распустить на полосы, а потом отломать древко и примотать как шину.

Затем извлек последний срезень:

– Извини, у меня ничего более подходящего нет.

Девушка покосилась на замотанную такой же тканью мою ногу, молча вытасила небольшой ножичек и принялась распустать штаны на ленты.

– Фес, – я обернулся, – на, держи, не понадобился.

Парень протягивал мне мой же эликсир, отданный ему с утра.

– Спасибо, пусть у тебя пока побудет. Мне рука сейчас без надобности, – я показал взглядом на пустой колчан, – а впереди мало ли чего.

И снова повернулся к эльфийке.

Раздался знакомый свист, мелькнула тень, над нами с сочным звуком в подставленный Русом щит впечаталась первая стрела.

– Давайте–ка в сторонку, – Руслан ненавязчиво оттеснил нас под нависающий земляной карниз.

Несколько минут ничего не происходило, потом сверху послышался шум, грохот камнепада, и на берег, сопровож-

даемое падением каменюки и земляным оползнем, сверзилось тело в знакомом кожаном доспехе. Короткий выпад нашего бойца, прикрывшегося щитом, взмах топора – и так пострадавший при падении колдунский помощник отправился в местную Валгаллу.

– Следующий! – весело выкрикнул Рус

– Послушай меня, Руслан–воин, – сверху донесся пронзительно–скрипучий голос (колдун, не иначе), – отдай нам девку и можешь уйти. Я уважаю храбрость. Я даже прощу тебе смерть моего учителя. Но если не одумаешься, то даже смерть тебе покажется недостижимым блаженством!

– Слышь, Русик, лучше дай ему, что просит. А не то пойдешь на перерождение перса, весь прогресс коту под хвост. Ты не представляешь, что такое ритуал снятия души.

Похоже, кричал эльф, голос здоровяка я лучше запомнил.

– А как же Анахита?

– Девочка сама виновата. Не надо было не свое брать. Тут уж ничего не поделаешь, придется ей другого персонажа создавать.

– Слышь, бакланы. А я вот тут подумал, если ей без разницы создавать нового перса, может, ей прямо сейчас на перерождение уйти? – с непривычки орать у меня даже запершило в горле.

На минуту–другую наверху опять воцарилась тишина. Только море шумно накатывало свои волны.

– Это кто там тьявкает? Чёт я тебя не помню. Такой мелкий

недоносок? Знаешь что, пес, если вы ща так сделаете, будем вас повсюду отлавливать и глушить, пока сами на перерождение не уйдете. А потом найдем в реале. У меня кореша в «Фанвирте» работают. Понял?

– Как же мне всего этого не хватало, – уже весело проговорил Руслан, – давайте двигать. Им сейчас придется веревки вязать, чтоб спуститься. Я там все камни подкопал.

– Может, тогда здесь и покараулим? – предложил я. – Не смогут же они всей массой на нас сверху прыгнуть. Узко, и побьются, пока падают.

– Нет, – мотнул головой парень, – они быстрее подмоги дождутся. Или запустят кого вдоль берега. Нас тогда в клещи возьмут. Надо уходить, может, получится оторваться.

Анахита к этому моменту закончила приматывать к моей руке импровизированную шину. У стрелы она сняла только наконечник, оставив остальное древко как есть. Примотала даже кисть.

– Феникс, подними руки, сейчас к телу прибинтую.

Я даже отстранился, выставив перед собой правую руку.

– Спасибо, спасибо, я так.

– Ну как знаешь, – мне показалось, что девушка раздражена, – хотела как лучше, а тут опять твои секреты...

Не нашелся, что сказать в ответ, выручил Рус:

– Вы закончили? Тогда вперед!

Бег, шаг, бег. На стертые ноги я уже не обращал внимания,

сломанную руку придерживал здоровой. Когда добрались до поворота берега в залив, позади еще никого не было. Залив вдавался в берег метров на восемьсот, шириной был около трех километров. Уже завершая его обход и подходя к мысу, увидели на той стороне преследующую группу.

– Почти на час оторвались, – констатировал двигавшийся, как обычно, впереди парень. – Если так дело продолжится, через пару–тройку часов выйдем к селению. Там стража, они не сунутся. Давайте чуть сбавим темп, а то сдохнем раньше, чем куда–нибудь доберемся.

Перешли на быстрый шаг. Стало полегче.

– А расскажите–ка мне немножко об этом ритуале.

– Фес, ну чего там рассказывать? Мы же тебе уже объясняли: ритуал нужен, чтобы забранное у Анахиты умение можно было применять во зло. Болезни там всякие неизлечимые насылаять.

– Да? А почему тогда этот, как его? Кракатук? Почему он про перерождение заговорил? Что еще за новости?

– И откуда ты такой любопытный на нашу голову свалился, – Руслав в сердцах выдохнул, – ну есть такие ритуалы, после которых на персонажа ложится проклятие, не счищаемое даже смертью. Представляешь? Возрождаешься, а у тебя все равно куча штрафов и набор смертельных болячек. От которых ты в скором времени снова загибаешься. И ведь не лечится никак! Штука редкая, зачем ее создали, непонятно, но если получил, то проще действительно уйти на рерол. Вот

только...

Парень не договорил, бросил взгляд на идущую рядом де-вушку, сосредоточенно уставившуюся куда-то в землю.

– В общем, неважно. Такой вот нехороший ритуал.

– Ясно, – выдохнул я.

– Слушай, – парень пошел рядом, чуть расширившийся пляж это позволял. Галечник постепенно сменялся песком. – Может, ты все же расскажешь, как оказался впереди нас?

– А волк тем временем побежал по короткой дороге, – процитировал я.

– Фес, кончай придуриваться. Мы же тебе все рассказали. И почему за нами охотятся, и про ритуал. Ты пойми, как мы можем тебе доверять, если ты от нас скрываешь что-то, что могло бы нам помочь?

Я молча продолжал месить песок ногами. Берег после мы-са загибался вправо широкой дугой, поэтому просматривал-ся не более чем на сотню метров. Впереди за поворотом за-маячила выдающаяся в море скала. А может, и небольшой скальный остров. Покопался в памяти, вроде бы никаких островов я с воздуха не видел. Блин, что же там дальше?

– Так ты мне ответишь?

– Рус, ну я же говорил, что не имею права про это расска-зывать.

– Да? Какая удобная отговорка.

– Русик, ну что ты пристал к человеку? – по-прежнему погруженная в свои мысли, проговорила эльфийка. – Он же

тебе сказал...

По мере нашего продвижения вперед скала выползала из-за поворачивающегося берега все больше и больше, увеличиваясь в размерах.

– Знаешь, Аня, я бы хотел понимать, чего ждать от человека, который шагает рядом. Помнишь, как он первый раз так же от нас сбежал? А потом оказался в Коровьем Холле одновременно с нами. Где гарантии, что если мы сейчас упремся в какой-нибудь тупик, то он опять не сделает нам ручкой, оставив разбираться с Бреном и подручными самостоятельно.

– Знаешь что, Рус? – я остановился и развернулся к парню лицом.

– Что? – тот остановился, зеркально повернувшись ко мне. Заметил ходившие на скулах желваки.

Блин, парень, я, между прочим, сегодня целый день только и делал, что спасал ваши шкурки! Впрочем, о чем я? Это же было непублично. А уже оказанная услуга, тем более если ее и не просили оказывать, услугой не является. На душе стало погано. Все же наверно прав Радамант.

Анахита тем временем постепенно ушагала вперед.

– Ну что, Феникс, что?

Я начал перебирать в голове варианты ответов и вдруг понял, что шаги ушедшей вперед эльфийки больше не слышны. Видимо, Рус подумал о том же, мы синхронно посмотрели в одну и ту же сторону. Наш лекарь стояла спиной к нам

метрах в пятидесяти. И ее поза мне не понравилась.

Не сговариваясь, мы вместе с парнем пошли к ней.

– Мальчики... – только и выдавила Анахита.

Подходя, я смотрел только на девушку, разок оглянулся, по привычке бросил взгляд вверх. Подойдя к ней сбоку, заглянул в лицо. И только потом проследил взглядом, куда же она смотрит.

Поворот берега впереди заканчивался, еще не вся береговая черта появилась в поле зрения, но уже было видно, что через какое-то расстояние поворот заканчивается и берег снова вытягивается на юг. Вот только дальше он оказывается перерезан огромной скалой, возвышающейся выше обрыва и далеко вдающейся в море.

– Подожди Анята, рано паниковать, – нарочито бодрый голос Руса. – Не может быть, чтоб там не было прохода. Идем посмотрим.

Все втроем мы бросились вперед. Полкилометра по песку преодолели за рекордное время. Перед самой скалой береговая терраса расширялась почти до тридцати метров песчаного пляжа. В иное время о лучшем месте отдыха можно и не мечтать. Высоченная скальная гора давала тень и создавала великолепную бухту, служа естественным волноломом. Вот только из получившегося тупика не было никакого выхода.

Мы с Русом принялись осматривать нависавший карнизом берег.

– Смотри, видишь, вон там корни торчат, – парень делови-

то вытянул руку в место чуть правее скалы, – По ним вполне можно забраться вон туда, – палец снова указывает на образовавшийся в глинистом обрыве карниз. – А дальше, смотри, еще корень. По нему можно до самого верха.

– Рус, пятнадцать метров. Как ты их преодолеть собираешься?

– На кинжалах. Ты свой еще не выбросил?

Я покачал головой:

– В последнем бою потерял.

– Зараза. А я арбалет там бросил. И чего не подобрал?

– Тогда бы не убежали, Русик.

– Ты прав, – вздохнул я, – ладно, можно у Ани взять ее маленький, он прочный...

Я подошел к обрыву, ковырнул пальцами.

– Смотри.

Почва крошилась.

– Не будут держаться. К тому же наклон отрицательный. Нужны другие варианты.

– Тогда смотри, – парень достал из своего мешка моток веревки. – Можно попробовать забросить...

– Ты чего, Рус? Здесь же метров сто.

Я отошел к самому урезу воды, волны мгновенно намочили низ плаща. Запрокинул голову. Карниз нависал почти на десяток метров.

– И кидать надо почти вертикально.

– Да–а–а, – протянул парень, – все–таки зря я тогда за

арбалетом не вернулся.

– Ну не вернулся и не вернулся. Теперь–то что жалеть? К тому же у тебя что, в мешке и кошка найдется?

– Не, кошки нет. Слушай, а может, ты по скале сможешь подняться, а? Нам бы только веревку вверху закрепить...

Подошли к скале. На всем протяжении от обрыва до воды и дальше, насколько хватало взгляда, скала снизу была как отполированная. Ни выступа, ни трещинки, чтоб зацепиться.

– Ну что, Фес, сможешь? – парень посмотрел на меня с надеждой.

Я молча помотал головой. Я здесь даже когтями не зацеплюсь, можно даже не пробовать. Тут мне пришла в голову идея: это же я не водоплавающий, а ребята?

– Аня, ты плаваешь?

Я оглянулся туда, где мы оставили эльфийку. Упав на песок, опираясь на него рукой и подобрав под себя колени, девушка беззвучно рыдала.

– Аня?

– Не–е–е–ет, – всхлипы стали громче.

– Рус?

– Плаваю.

– Может, тогда ты сможешь ее на себе утащить? Чего тут плыть? Метров триста туда и, наверно, столько же обратно.

Парень отрицательно покачал головой, поджав губы.

– Даже если все здесь сброшу и она все оставит – нет, не

потяну. Может, ты? Кстати, может, вдвоем ее утащим? – в глазах блеснула надежда.

– Я как топор. Мне по грудь зайти, и все – встречаемся в локации возрождения. Кстати, – об этой возможности я почему-то раньше не подумал, – а, может, того? самоубиться? где здесь ближайшая лока?

– Не выйдет, – Рус обреченно помотал головой, – там уже ждут. Мы ,когда сидели под землей, об этом думали. Пока Кракатук языком не чесанул. Да и прикинь, на локе ты появишься вообще безо всего, стартовый набор только до личной комнаты добраться.

– Локи вроде нейтральные? – честно говоря, об этой стороне фанвиртовской жизни я знал слабо, после покидания Инкубатора я и не помирал ни разу.

– Нейтральные, – подтвердил Рус, – только сколько ты там сидеть будешь? Да и наплевать можно на штраф за убийство игрока в нейтральной зоне, если это потом окупится.

– Думай голова, думай. Не может быть, чтоб не было выхода, – шарахнул себя пару раз кулаком по лбу, удостоившись удивленного взгляда от парня. – Слушай, Рус, если ты плаваешь, может, доплывешь с веревкой куда-нибудь, откуда можно уже подняться на скалу?

Парень оживился. Мы отбежали немного назад. Мимо! Гладкая вертикальная стенка у скалы, хоть и понижалась дальше от берега, но все равно выступала выше волн на пару метров на всем обозримом протяжении.

– Я могу попробовать сплывать, – парень принялся расстегивать ворот на рубашке, – может, все же есть место, где можно залезть?

– Да, Русик, плыви, – сквозь всхлипы раздался голос Анахиты, – и ты, Феникс, тоже.

Я помотал головой, хотел уже сказать, что не плаваю...

– Идите, мальчишки, зачем нам тут втроем погибать.

– Что–то мне не нравится твоя интонация, – я немного остолбенело подошел к девчонке. – Понимаю, ты очень переживаешь за своего персонажа, но, Аня, это же просто игра...

– Для нас это не игра, Феникс, – внезапно сдувшийся Руслан подошел к эльфийке, сел рядом, обнял и принялся гладить по волосам, успокаивая.

Я сделал долгий выдох.

– Та–а–ак. И кто это мне только что про какие–то секреты затирал? Что значит – не игра?

– Понимаешь, я тебе кое–что не рассказывал, но раз так получилось... Помнишь, ты несколько раз удивлялся, почему мы спим в игре, почему Аня так относится к окружающему миру?

– Ну да...

– Дело в том, что у нас нет другого мира...

– То есть ты хочешь сказать...

– Нет, Феникс, мы не неписи. Мы оба люди. Только в отличие от тебя, который заходит в игру время от времени, а

так живет обычно жизнью: ходит на работу, встречается с друзьями, наверно, ездит в отпуск... а, ну да, ты говорил, ты ведь тоже инвалид, извини, забыл, – наши тела там, а сознание здесь.

Он мотнул головой в неопределенном направлении, но я понял, где, – находятся в коме. Лежат в специальных боксах, куда их поместили родственники.

– Блин, Рус, я не знал... Но что, черт вас дерит, это меняет?

– Для меня – ничего. А вот у Ани тяжелая черепно–мозговая травма. Ее мозг постепенно отказывал, и врачи часть ее сознания поместили на носители.

– И... – я медленно начал холодеть.

– Если она удалит персонажа, то потеряет бóльшую часть своей памяти. Понимаешь, о чем я?

Я механически кивнул. По ощущениям – как обухом по голове! Если Анахита сотрет персонажа, часть ее памяти, уже привязанная к этому персонажу, тоже сотрется. То есть какая–то часть личности реальной девушки, которая в игре взяла ник Анахита, тоже умрет. Если это не реальная смерть, то тогда что?

Глава 49 Крылья

Наконец оцепенение отпустило. Мыслительный процесс как будто запустили на повышенной скорости. По привычке я принялся расхаживать взад–вперед по пляжу, все ускоряясь. Рефлекторно попытался сунуть руки в карманы. А, черт! Нет карманов. Левую руку дернуло при этом болью, не обратил внимания.

Так–так–так. Девочке нельзя попадаться нашим преследователям, если в игре существуют подобные ритуалы... А они точно существуют? Мне почему–то верилось. Да и не вижу ничего сложного: где–то же хранится вся инфа о наших игровых аватарах. Так почему при этом к пакету данных не может присоединиться какой–нибудь код, который вносит описанные Русом изменения? Это же почти как троян, а примитивного трояна даже начинающий кодер сможет написать. Знает ли об этом администрация? Я чуть не рассмеялся: так у половины существующего софта есть дыры, о которых сами разработчики знают, но нам, простым пользователям, конечно, не скажут. Будут по–тихому вычищать, стараясь не создавать паники. Ибо клиенты должны быть уверены, что пользуются самым надежным продуктом.

Значит, так: исходим из того, что ритуал существует. И что? Колдун со своей бандой хочет его провести, ибо им до разреза нужно Анино умение. Им пофиг, что при этом реаль-

ный человек поймет реальные проблемы. При мысли о сути проблемы меня аж передернуло. Колдун – НПС–персонаж, и действует в рамках заложенной в него логики... Так, идея!

– Ребята, надо же просто обратиться в саппорт! Ситуация выходит за рамки игровой. Пусть они хотя бы перенесут Анахиту отсюда.

– Бесполезно, Фес, у нас уже была почти подобная ситуация. Знаешь, что сказал явившийся «ангел»: «Ничем не могу помочь, вмешательство в игровой процесс противоречит политике компании. Вы сами выбрали наш мир и подписались под то, что ваша психика может подвергнуться серьезным стрессам».

– Да каким, на хер, стрессам, – мой крик раскатился над пляжем, – каким стрессам?! Ведь это же фактически смерть личности!

Рус устало помотал головой:

– Формально ей ничего не грозит. Физическое тело как было, так и останется. Когнитивные функции, эмоции – все сохранится. Пострадает только память, и то не вся.

– Ну да, пользоваться ложкой по крайней мере не разучится, – я скривил губы в гримасе, должной изображать саркастическую ухмылку.

– Понимаешь, Феникс, – девушка подняла заплаканное лицо, – как мне объяснили, перенос части памяти был совершен не то чтоб несогласованно, но нейрохирург в больнице, где я лежала после аварии и где мое сознание подключили к

игре, пошел на это частично по своей инициативе.

Я только заскрипел зубами и продолжил расхаживать.

Ладно—ладно... Так, колдун, как его? А, неважно. Колдун — непись. И сопровождающие его бойцы. Но ведь в том отрядике двое игроков! Во — Акзод и Кракатук. Эти—то должны понимать, к чему могут привести их игры!

Да ладно, возразил сам себе. Это же школота. В смысле, конечно, им по—любому за восемнадцать, но «школота» понятие не паспортное. Встречаются и сорокалетние с мозгами подростков. Ну кто еще в темных будет играть? Да не, опять перебил себя, темные—светлые не показатель. Встречаются и такие, кто вроде как «за свет», вот только по поступкам мало отличаются.

Так, хорош уходить в философию, с этими не договоришься. Судя по всему, для них это все «фан и кайф». И святая уверенность, что «это же просто игра, а чё такого?». Еще варианты? С остервенением почесал затылок. Блин, время уходит. Остановился, глядя на сидящих вместе Руса и девчонку. Эх, икар, ты в шаге от того, чтоб потерять еще одну женщину. Надо решаться.

— Итак, — я встал в шаге от ребят, — давайте кое—что резюмируем. Первое: Анахите нельзя попадать под ритуал. Для нее это равносильно реальной смерти. Так?

Ответные кивки головами.

— Второе: мы фактически в тупике. Подняться по скале или откосу не можем, обплыть скалу не получится — Аня не

плавает. Рус, ты ее не утащишь, верно?

– Верно–верно, к чему ты это сейчас?

Я не ответил и продолжил:

– Пробриться через преследователей мы не сможем. Так, Рус?

Парень помолчал секунду–другую, вздохнул, поднялся на ноги.

– А у нас других вариантов нет, Феникс. Действительно, хватит рассиживать, пойдем. Лучше, если мы их вон на том изгибе встретим. Он как раз мне под руку будет.

– Чем ты их там встречать собрался? Топор и щит?

– Что тебя не устраивает? – наш боец пожал плечами. – На узком проходе, втроем. У нас есть шансы.

– Не смейся, какие «втроем»? Я калека одорукий, у меня из оружия вот, – и показал левую руку, – одна стрела, да и та шину изображает. А их там сколько?

Новый тяжкий вздох

– А что ты предлагаешь?

Я закусил губу. Ну же...

– Есть вариант, – я поморщился, как от зубной боли, – только кое–кому он не понравится. Ладно, давай сюда веревку.

Может, попросить их отвернуться? И что? Это будет оправданием для Радаманта? Самому не смешно?

– И еще. Мне нужен мой эликсир.

– На, держи. Это же твое... – Руслав пожал плечами и про-

тянул пузырек.

Я потянулся к застёжке плаща, рука замерла на полпути
– И еще, – обвел ребят взглядом, – то, что вы сейчас увидите, в игре нет. Понимаете? Совсем нет. Не существует такого. Ибо если хоть бит информации уйдет в Сеть, у меня будут...

Замолчал, подбирая подходящее слово. Все не то, хотелось вернуть чего-то такое, чтоб они поняли, какого масштаба для меня это будет звиздец.

– В общем, у меня возникнут проблемы.

Перевел взгляд вниз.

– Сапоги им мои, видишь ли, не нравятся. Э-э-эх... – бормоча под нос и прыгая на одной ножке, правой рукой стянул левый сапог. – Как же хорошо!

Я аж зажмурился от удовольствия и поднял голову к небу. Почувствовал, как когти вонзились в песок, несколько раз сжал-разжал их.

– Рус, чего встал, помоги, видишь, у меня левая нога покоцана.

Обожаю немые сцены. Парень смотрел на меня во все глаза со страхом, смешанным с отвращением, его рука произвольно сжалась на топорище. У Анахиты появились два огромных анимешных глаза. Разве они могут расширяться до такой степени? Не знаю, наверно. Она же эльф.

– Так ты поможешь? – в упор глядя на Руса, повторил просьбу.

Не знаю, что сработало, но тот тут же сунул топор за пояс и, продолжая смотреть расширившимися глазами, сказал:

– Да–да, конечно, – подшагнул и придержал меня под плечо.

Я с облегчением скинул еще один сапог, отстранился, вошел в прибой.

– А–у... Жжется! Блин, я думал, будет легче, – волны накатывали на мои лапы, забрызгивая низ штанов. – Черт, она же соленая!

Вернулся на пляж.

– Ну вот, сбылась мечта идиота, омочил ноги в море, – я подмигнул по–прежнему находящимся в состоянии ступора ребятам.

– Ну, теперь мне хотя бы кое–что стало понятно, – протянул Рус, не выходя из своего состояния.

– Ты про что? А, лучник. Ну да. Моя работа, – и скинул плащ.

Крылья, как удерживаемая взаперти сжатая пружина, тут же развернулись. Парень непроизвольно отшатнулся. На лице эльфийки происходили метаморфозы. Слезы еще не высохли и даже, кажется, побежали вновь. В сияющих глазах непонимание сменилось неверием. Прикрывая ладошкой непроизвольно приоткрывшийся рот, девушка встала, шагнула навстречу мне и несмело коснулась крыла. Нежные пальчики побежали по перьям. Затем она обошла меня вокруг. Наверно, так же выглядит ребенок, которому подарили

ростового плюшевого медведя. Хотелось поторопить ее, дескать, скоро «плохиши» подспеют, но ради таких моментов можно рискнуть.

Она остановилась напротив:

– Ты вынесешь нас на своих крыльях?

О эти наивные, лучащиеся глаза, которые никак не могут поверить в свое спасение!

– Ну вот еще, – буркнул, притворно хмурясь, – я вам что, ездовая собака или грифон какой? Рус, ну где веревка?

– Кто ты, Феникс? – парень был впечатлен меньше, – ты демон?

– Это еще почему? – возмутился я. – Что крылья черные? Сам ты демон. Я икар.

– Тебя зову Икар? А Феникс ненастоящее имя?

– Тьфу, блин, Феникс – мое имя. Икар – моя раса. Только не пытайтесь ее найти в Вики или на форуме. Икаров в игре еще нет. Понятно?

Развел крылья, осмотрел. Вот гадство! В правом – дырка со следами запекшейся крови, одно перо сломано. Когда умудрился? Не вспомнил. Слава богу, прошла навывлет через кожу, ничего существенного не зацепив. Попробовал взмахнуть – ничего, не болит. Ну и славно.

Выпил эликсир, пояснил зрителям:

– Выносливость нужна, а у меня здоровье по минималке.

По–моему, они ничего не поняли.

Попрыгал, разминая ноги. Нет, так не пойдет. Левая ра-

ботает плохо, а здесь песок.

– Русик, нужна еще помощь: мне не подпрыгнуть, а с земли я взлететь не могу – крылья слишком широкие. Можешь подкинуть?

Парень чуть присел, сложив ладони ковшиком между коленями. Я поставил туда правую ногу, приготовился прыгать.

– Да, чуть не забыл. Веревку я там к чему–нибудь привяжу, а как подниматься будете?

Руслав выпрямился.

– Сначала Аня, я за ней, что непонятного?

Я посмотрел на Анахиту.

– Поднимешься? По веревке? Метров сто вверх надо лезть.

Та отрицательно покачала головой.

– Тогда вытянешь ее и снова сбросишь веревку мне.

В голове искрой мелькнула мысль: «Я вытягиваю Анахиту, но вот незадача, парня не успеваю». Отогнал.

– Русик, как я это сделаю одной рукой?

Правда, тут же подумал, что можно попробовать ногами... К лешему такие мысли!

– Че–е–рт, – протянул парень.

– Да кончай ты нечистого вспоминать. Значит, так: я закрепляю и сбрасываю веревку, ты обвязываешь нашего лекаря, а потом поднимаешься сам. Мухой. И вытягиваем ее. Ок?

– А если не успеем?

– Все, кончаем балаган, других вариантов нет. Давай, на «три» – кивнул ему, чтоб снова приготовился меня подбрасывать.

– Раз, два. Три! – и меня буквально выстрелило в воздух. Ну ни фиги себе он здоровый, метров на пять запулил!

Сначала прошел с набором, машина крыльями немного в сторону моря вдоль вдававшейся в него скалы. Развернулся и не удержался, чтобы не пронестись над самыми головами ребят в пологом снижении. Аня присела, прикрываясь рукой, Рус остался стоять столбом. Резкий разворот, и я пошел по спирали, стараясь не сильно высовываться из-за поворота. Отметил про себя, что противника еще не видно. Подавил желание слетать на разведку – выносливость быстро кончалась, все-таки здоровье я подтянул снова едва ли на треть.

До верха хватило, у самого карниза меня подхватил динамик и выплюнул вверх над обрывом. Я увидел поросшее травой поле, недалекий лес, здесь приблизившийся меньше чем на сотню метров. Взгляд скользнул дальше – все те же холмы, местами проглядывающие голыми вершинками. Вокруг ни души.

Посадка с ходу. Ну и за что здесь закрепить веревку? В нескольких метрах от обрыва в маленькой ложбинке рос колючий кустарник. Царапая руку, обмотал вокруг, завязал узел, придерживая одной лапой. Подергал – держится. И скинул бухту вниз.

В душе немного ёкнуло – а хватит ли веревки донизу? Это же не с речного обрывчика. Здесь дизайнеры локаций развернулись вовсю. Но через несколько секунд веревку снизу подергали. Хватило.

Любопытствуя, перегнулся и заглянул через край – что там? Когти поехали по влажной траве, нелепо взмахнув руками, ухнул вниз. Тут же раскрылся, заложил вираж. Снизу Русланв поспешно обвязывал веревкой девушку. Ну, давай, не тяни!

Протянул чуть в море, заглядывая за поворот. Пока никого. Блин! Мелькнула мысль: «А они назад не пошли? Сейчас, пока мы тут выкарабкиваемся, они обойдут нас поверху...».

Посмотрел, что творится у ребят. Рус закончил обвязку, подпрыгнул и полез чуть ли не на одних руках вверх. Ловко у него получается! Прикинул свои шансы, да–а–а... Мне с ним не соревноваться.

На всякий вернулся к кусту, проверил веревку – держится. Петля стянула ветки в пучок, но куст и не собирается выкорчевываться из земли. Еще бы! Он здесь на таком ветру растет, хочешь не хочешь корни поглубже в землю запустишь.

В нетерпении опять стартанул, опять вираж над морем. Рус уже преодолел половину дистанции и темпа не сбавляет. Спустить к нему? Глянул шкалы – не получится. Выносливость, выгоревшая почти в ноль при подъеме, успела восстановиться только на четверть оставшейся шкалы. Пока я в

зоне динамика парю – почти не расходуя. Но провалюсь чуть ниже, тогда только внизу садиться и там восстанавливаться.

Прикинул: может, все же спуститься? Шкала сейчас короткая, много времени на заполнение не уйдет, в мешке должны были какие-то харчи остаться... И в этот момент заметил движение вниз, под выступавшим в море мысом, протянувшимся ко мне почти цилиндрическим боком. На береговой террасе, в самом начале длинного-предлинного поворота, показались люди. Погоня!

Самого тупика и ребят они еще не видели, а я от греха прижался ближе к берегу.

– Рус, Рус! – завопил вниз парню, даже ладонь подставил, изображая половинку рупора.

Парень запрокинул голову, отыскал меня взглядом.

– Туда! – я вытянул руку в направлении догоняющих. Вряд ли он их увидел, им еще несколько минут топать. Но тугодумием парень не страдал. О чем я предупреждаю, понял прекрасно.

Темп его подъема ускорился, он почти взлетел последние пятнадцать метров. Я тут же сел рядом, сложил крылья. Вблизи парень уже не выглядел свеженьким атлетом, легко поднимающимся по длиннющему канату, – одышка, по багровому лицу градом пот.

– Ща, – он уперся руками в колени, – отдышусь. Выносливость почти в ноль.

– Рус, они уже рядом!

– Да–да, конечно, – он вцепился в веревку и принялся тащить ее наверх, перебирая как заправский моряк.

Я своей одной рукой принялся оттаскивать выбранные петли и набрасывать их на куст, чтоб если что – Анахита не рухнула снова на песок.

– Фес, поддержи чутка. Дай еще минутку.

Усевшись на землю, я вцепился рукой и обеими лапами в веревку.

– Держишь?

– Да!

Он отпустил. Меня потянуло вперед вместе с канатом. Опустив одну ногу, я вцепился ею в землю. Мало. Чуть подтянув, намотал несколько петель на руку и отпустил вторую. Когти вгрызлись в землю. Продвижение вперед прекратилось. На руку было больно смотреть – я держал не бицепсом, а только за счет трения обмотанной веревки и кисти. Рука полностью выпрямилась, вены вздулись. Это же сколько эльфятины я сейчас держу в одной своей хрупкой ручонке? Умоляюще уставился на парня. Тот, все в той же позе бегуна после марафонского забега, увидел мое плачевное положение.

– Давай! – и снова начал подтягивать болтающуюся внизу эльфийку.

Я поднялся, рука плохо слушалась, все же накинул еще несколько петель на куст. Потом подошел к краю. Вот они! Заметили! Группа перешла на бег, кто–то даже попытался

выстрелить из лука. Куда целил, непонятно. Все равно стрела не долетела. До нашего импровизированного подъемника им бежать не менее трехсот метров. По песку. Анахита уже преодолела половину подъема. Кажется, удалось! Я прикрыл глаза: похоже, в них опять попал песок.

Наконец с помощью Руса эльфийка выбралась на обрыв. Вереvoчная петля, в которой она сидела, оказалась обмотана моим плащом. Черт!

– Там же мои сапоги и мешок!

Я чуть не прыгнул вниз. Меня удержали за плечи.

– Держи свои пожитки, не оставлять же этим, – девушка протянула мне то и другое. А еще у нее был мешок Руслava, тоненький поясok оттягивал гигантский для нее топор. На плече висел Русов шит. Так вот почему она мне показалась неподъемной!

– И что теперь? – парень смотрел на меня вопросительно.

Блин, родной, когда это я принимал решения в нашем небольшом отрядике?

– Отсюда по любому надо уходить. Смогут Кракатук и компания здесь подняться или ломанутся в обратку – не знаю. Но искать нас начнут именно отсюда. Скоро стемнеет, солнце уже садится, – я показал на темно багровый диск, прячушийся одним краем в подобие перистого облака, – значит, нужен привал. Кстати, не уверен, что наши преследователи до темноты наверх выберутся. Если, конечно, они ни-

чего не придумают.

Выглянул вниз, держась рукой за скалоподобного Руслана. Снизу долетели крики ярости. В земляной карниз рядом со мной вонзилась стрела.

– Похоже, не придумают, – подвел резюме увиденному.

Кто-то, вроде эльф, носился кругами, размахивал руками и скорее всего матерился. Хотя отсюда и не слышно. Здоровяк Акзод стоял, закинув голову, и чесал затылок. Двое помощников, натянув луки, выцеливали край, еще один рылся в мешках. И только колдун, сложив руки на груди, пристально смотрел в нашу сторону. На мгновение наши глаза встретились, меня почти физически опалило яростью проигравшего этот раунд соперника.

«Я тебе ее не отдам» – мысленно с вызовом сказал я ему.

«Посмотрим» – почти явственно услышал ответ. От неожиданности отшатнулся. Телепат?

– Он у них не телепат, часом? – спросил ребят.

– Да нет вроде. А что? – ответила за всех Анахита.

Я пожал плечами.

Снова потрескивает весьма скромный костер. На огне котелок, в воде плещется становящийся привычным набор – поструганное сушеное мясо. Компанию ему составили зачерствевший сыр и дикий лук, найденный по дороге.

Моя левая рука аккуратно упакована в лубок. Под деревяшками какие-то лекарственные травы, к моему сты-

ду неопознанные мной. А еще травник, называется! Сапоги прописались в мешке, шел я без них, но плащ накинул. Теперь вот подстелил под задницу, и слабый ночной ветерок слегка треплет мои перья. То Рус, то Анахита изредка бросают на них заинтересованные взгляды.

Мы решили отойти по берегу как можно больше на юг, а потом, уже в начинающихся сумерках, вломились в прибрежные заросли. У подножия очередного холма обнаружилась небольшая полянка, как раз размером с мою комнату. Коллективно решили, что лучше места не найти, и разбили лагерь. Рус принес с вершинки несколько камней, устроили импровизированный очаг. Мы с Аней насобирали валежника, благо в прибрежном лесу в нем недостатка не было. Пожалел, что не успел поохотиться, на что эльфийка заявила, что и правильно. Нечего невинных птичек убивать. Чуть не проинформировал ее, что буквально несколько часов назад я переловил их здесь кучу и все отправились напрямиком в мой желудок. А одну так вообще почти живьем. Но сдержался.

Сижу, смотрю на огонь и жду вопросов. Я не знаю, что на них буду отвечать. Мысли, если честно, невеселые.

– Феникс, так ты расскажешь нам об икарах?

Девчонка все же не выдержала первой:

– Я... – горло чуть сдавило, – я не могу вам о них рассказывать. Есть такая штука – договор о неразглашении.

Рус, пожав плечами, бросил на Анахиту выразительный взгляд: «я же говорил!».

– Ну тогда намекни хотя бы, где можно почитать...

– Я могу рассказать.

По правде говоря, даже меня подбросило. Рус так вообще вскочил с занесенным топором. Из темноты в круг света выступила темная фигура: короткий плащик, застегнутый на правом плече, темная рубашка, темные штаны, заправленные в короткие сапоги. Сверху – берет с пером.

– Уберите топор, молодой человек, вы ничего мне сделать не сможете.

Потом посмотрел на меня, в сердцах выдохнул:

– Эх, Саша–Саша, что же ты наделал?

Глава 50 Конец игре?

– Спокойно, Рус, это свои.

И добавил, обращаясь к ночному гостю:

– Я, честно говоря, ожидал кое-кого другого. Присаживайся.

Глеб снял свой щегольской берет и расположился рядом со мной прямо на земле. Я непроизвольно отметил, что теперь костер как бы разделял нашу компанию: хоть изначально мы втроем у костра размещались по равнобедренному треугольнику, но постепенно Рус как-то незаметно сместился ближе к девушке, и вот теперь мы с Глебом почти бок о бок, ребята – напротив.

– Невежливо начинать разговор, не представившись. Можете называть меня Админ, – мой друг изобразил намек на поклон, – кстати, совсем забыл...

Он протянул мне узелок. Там обнаружили продукты и несколько пузырьков с алхимией.

– С вашего позволения, одно лечебное зелье себе прихвачу, – я вытащил из узелка склянку, – а остальное, Ань, будь добра...

Девушка приняла узелок, оказавшийся квадратным куском плотной материи. Из нее тут же соорудила скатерть, разложила на ней хлеб, помидоры, огурцы, зелень, уже нарезанный копченый окорок, несколько колбасок. Над полян-

кой поплыл дурманящий аромат готовой еды.

Я кивнул на имеющуюся среди принесенного высокую стеклянную бутылку:

– Может, у тебя и стаканчики найдутся? Пить такое кружками как–то не комильфо...

Глеб завис на несколько секунд, потом буквально из воздуха извлек четыре серебряных чарки. Я выкрутил корковую пробку.

– Ну–с, и за что выпьем? – обвел всех взглядом.

Ребята молчали, притихшие. Анахита после сервировки опять села на свое место и даже чуть больше придвинулась к Руславу.

– А выпьем мы за то, чтоб один наш общий друг сохранил свои крылья!

Глеб первым поднял свой стаканчик. Подождал, пока все разберут. Молча чокнувшись, выпили. Вино было отличное. В чем я, впрочем, и не сомневался.

– Что же это мы как на поминках сидим? – попытался сыронизировать Глеб. – Ребята, подкиньте дровишек в костер.

– За нами вообще–то погоня. Яркое пламя может привлечь издалека, – пробурчал молчавший до сих пор Рус.

– Ваша погоня сначала ругалась около часа в тупике. Потом потеряла одного бойца, которого маг отправил наверх. Решил, что раз вы сумели подняться, то и они справятся.

Глеб усмехнулся:

– Сорвался, бедолага. Потом до темноты не успели выйти

назад, ночуют на берегу. Вот я не помню, – он задумчиво обхватил пальцами подбородок, – приливы на этом побережье реализованы? А кроме того...

Он опять «замерз» на несколько секунд.

– Да, точно: вокруг на километр ни одной разумной души. Думаю, этой информации вам достаточно? Так что, ребята, прошу вас, добавьте огня, сто лет вот так у костра, не сидел...

– Что, в Македонии ни разу шашлык не забацали? – заинтересовался я с настолько едкой иронией, что в глубине души даже самому стало стыдно. Что это я на парня взъелся? За то, что он на полеты махнул?

– О чем ты? Какие костры? Это же Европа! – как ни в чем не бывало ответил приятель.

Тем временем Рус встал, принес целую охапку сухих сучьев и, сняв ненужный более котелок, часть заложил в костер. Несколько секунд, и огонь охватил новую пищу, разгорялся. Стало значительно светлее.

– Что вы сидите как неродные?

Глеб, подавая пример, отломил кусок прямо от краюхи хлеба, сграбастал помидор и подцепил на ножичек ломоть окорока. Ребята, хоть и продолжали стесняться, последовали его примеру. Я выбрал веточку поровнее, нанизал на нее одну колбаску, протянул к огню.

– Ну что? Потрещим о делах наших скорбных? – кажется, Глеб кого-то цитировал

– Слушай, а имеет смысл при них? – я кивнул на Руса с Аней. – Стоит их впутывать?

– Они и так уже впутаны по самые уши. Благодаря тебе, между прочим...

– Что значит впутаны? И вообще, Админ, может нам все-таки хоть кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? – первой все же не выдержала девушка.

– Позволишь? – Глеб выразительно посмотрел на меня. – Хорошо, слушайте. Как вы уже поняли, я представитель игровой администрации, если быть точнее – сотрудник отдела разработки. Сейчас нами создается новая игровая раса крылатых персонажей, тех, кто сможет летать не пассажиром на летающем питомце, а самостоятельно. Впрочем, о чем это я? Одного из представителей вы уже имели возможность наблюдать во всей красе.

Он кивнул в мою сторону:

– Феникс – участник группы игроков, которые тестируют создаваемую расу. Они проверяют играбельность, поведение персонажа в тех или иных условиях, ищут ошибки... В общем, работы много.

Глеб прервался, поворошил палочкой костер, поправил пытающиеся раскатиться угольки.

– И все же, – снова подал голос Руслав, – а почему вы сказали, что мы в это впутаны? И почему считаете, что именно Феникс нас куда-то втянул?

– Это два вопроса, – усмехнулся Глеб, – но если вы меня

послушаете, возможно, получите на них ответы. Так что я продолжу. Все тестировщики подписали договор о неразглашении информации. В частности, оговаривается, что нельзя раскрывать никакую информацию о проходящем тесте.

– Что значит никакую?

– Совершенно.

– Даже о том, что ты участник теста?

– Даже о том, что такой проект вообще существует! – Глеб с усмешкой посмотрел на эльфийку.

– Почему?

– Все просто: во–первых, чтоб не создавать нездорового ажиотажа. Если потенциальные игроки узнают, что через какое–то время в «Фанвирте» появятся летающие персонажи, возникнет масса неоправданных ожиданий. Люди сначала понапридумывают себе всякого, а потом, когда мы наконец откроем икаров, вдруг выяснится, что они не этого ждали, не этого хотели, и вообще все должно было быть по–другому. Вот, к примеру, вы знаете, что полет икара очень сильно ограничивается выносливостью? Представляете, кто–то ждет, что он сможет перелетать моря или часами кружить над большими городами, аки гордый орел. А выяснится, что пока он не разовьет выносливость, до соседнего селения не домашет. Обманутые ожидания источник негативных эмоций, – констатировал Глеб.

При этих словах я усмехнулся, но перебивать разработчика не стал. Тот продолжил:

– Кроме того, многие игроки могут подумать, что с введением летающей расы они станут уязвимы. Решат, что в игре появится имба, и начнут кричать на каждом углу, что их обманули.

– Что, простите? – брови девушки полезли вверх. – Как вы сказали?

– Вообще–то это игровой сленг, неужели вы не знаете? Хм, ладно. Имба – это сокращение от «имбалансный», то есть нарушающий баланс. Представьте, вы долго и упорно вкачивали серьезного бойца, вас очень непросто победить, вы привыкли доминировать над остальными игроками. И вдруг появляются персонажи, которые с легкостью с вами расправляются, а вы им даже ничего противопоставить не можете, потому что они с километровой высоты кидаются в вас здоровенными булыжниками.

– С высоты километр по точечной цели еще попасть надо, – не выдержал я, – да и какие булыжники?! Вы же зарезали нам грузоподъемность!

– Это ты знаешь. А представь, какой ор на форуме поднимется! Слезы, сопли, брызги фекалий с вентилятора – «ах, я в вашу игру кучу реальных денег влил, а вы со мной так!». А это знаешь к чему приводит? К финансовым потерям! Потому что кто–нибудь, посчитав себя обманутым, уйдет из «Фанвирта». Более того, как раз такие «обиженные» будут распространять ложную информацию, отвращая других потенциальных пользователей нашей игры от покупки аккаун-

та.

– Так надо просто рассказать всем, так мол и так, дорогие игроки, через некоторое время наша компания предложит вам новый интересный персонаж. Он будет таким–то и таким–то. А сейчас просто подождите, пока мы его для вас сделаем.

– Легко вам рассуждать, милая барышня, а мы, между прочим, сами еще не представляем, какими будут икары. Вот, к примеру, вы видели его лапки?

Ребята синхронно посмотрели на мои когтистые конечности так, что мне непроизвольно захотелось подтянуть их под себя.

– А ведь не так давно это были обычные стопы, и знали бы вы, какие споры разгорелись у нас в отделе. Некоторые до сих пор против. Но только на простых ногах икару было бы значительно труднее приземляться на скалистые поверхности. И кто знает, что еще может измениться?

– Вам бы еще третье веко ввести, – вклинился я, – знаешь, как на больших скоростях глаза слезятся?

– Ничего, очки себе сделаешь, – ворчливо бросил через плечо Глеб, – представляешь, как программеры взвоют? Это же отдельная биомеханика!.. Ладно, об этом как–нибудь в другой раз. Короче, дело такое: сначала нам надо новую расу привести к более–менее играбельному виду, чтоб и привлечательными были, и остальных не обидеть, баланс соблюсти. Прописать гайды, мануалы для Вики.

Он выразительно посмотрел на меня.

– А я что? Пишу, – я прикинулся ветошью, – хотя кое–кто сказал, что занимаюсь ерундой...

– Давай об этом потом, лады? – повернувшийся было ко мне Глеб снова обратился к ребятам. – И кроме того, наш маркетинг очень рассчитывает использовать эффект неожиданности для раскрутки новинки. Представьте, никто ни о чем не догадывается, а тут... – Глеб, как фокусник, провел раскрытой ладонью перед взглядами ребят, – красивые ролики–пролеты между скал от первого лица, горные вершины сверху... вас преследует дракон, вы уворачиваетесь от языков пламени, схватки с гарпиями.

Глеб подмигнул мне. Я сделал вид, что ничего не понимаю. Он развернул ладонь вверх, как бы протягивая ее моим попутчикам.

– А после – хотите? Вот вам мануалы, чтоб не тыкаться вначале, как слепые котята, и – welcome в мир летающих людей!

Воодушевленно получилось, даже я что–то такое почувствовал. Аня с Русом некоторое время сидели как замороженные.

– Теперь понимаете?

– Да... здорово... – протянула Анахита.

– А кроме того, – Глеб посерьезнел, – это очень и очень большие деньги. Понимаете? В этой игре ставки очень высоки. И облажаться нельзя никак.

– Получается, – глухо проговорил Рус, – Феникс облажался?

– Получается так...

– Да, формально Феникс нарушил пункты договора, – синхронно проговорили мы с Глебом.

Переглянулись. Я сделал приглашающий жест – говори, раз уж начал. Тот продолжил:

– Он показал вам свои крылья, этого уже достаточно.

– И что ему теперь будет?

– Сложный вопрос, девушка...

– Меня зовут Анахита, – перебила Глеба эльфийка, – для друзей Аня.

– Спасибо... Аня. Так вот, в договоре предусмотрен пункт о финансовой ответственности. Правда, я сомневаюсь, что нашему другу вчинят финансовый иск. Пока какой-либо шумихи не поднялось, говорить о каких-то потерях в деньгах не приходится. Так что свою квартиру и другое имущество Феникс сохранит, – грустно усмехнувшись, сказал Глеб. – Но из теста он будет исключен. Не знаю даже, позволят ли ему прийти в игру уже после вывода икаров в продакшен, на, так сказать, коммерческих условиях, как обычному пользователю... Не исключаю, что могут вообще в «Фанвирте» забанить. Вот такие дела.

Я встал, потянулся, сделал шаг к куче веток, что притащил Русик, и принялся, методично переламывая, подкидывать в костер.

– И что можно сделать? Ведь вы же для этого сюда пришли? – вопрос парня, можно сказать, был риторическим. И так все ясно.

– Да, сделать можно, – мой давний приятель немного оживился. – Есть некоторый крючкотворный момент в этом договоре. Формально, участник теста не имеет права ничего рассказывать о самом тесте и его деталях людям, не имеющим к отношения к данному тесту. Но!

Он поднял палец вверх указующим жестом.

– Если мы участники теста, Феникс вроде как ничего и не нарушил? – успела вклиниться эльфийка.

– Умничка, Аня, – Глеб разве что ее по головке не погладил, – смотришь в корень. Мы можем все оформить так, как будто к моменту, когда Феникс провернул свой трюк с затаскиванием веревки на вершину обрыва, с вами уже был подписан NDA. А поскольку преследователи его летающим не видели, то и нарушения вроде бы никакого не было.

Над полянкой в очередной раз повисло молчание, прерываемое только треском костра. Глеб и я ждали ответа ребят. Те погрузились в раздумья.

– И что это значит? Нам нужно стать участниками теста? – с недоверчивым прищуром спросил Рус.

Глеб наклонился вперед, побарабанил пальцами по коленке.

– Есть, конечно, вариант. Думаю, вам он понравится больше, вот только... – он вздохнул, – можно попробовать про-

вести вас как тройку, созданную для тестирования взаимодействия икаров с другими игроками. Рано или поздно икары выйдут в «большой мир». И что им делать? Быть изгоями? Расой в себе? И тут как раз могут пригодиться уже готовые описания. Причем если постараться, то икары станут популярны не только среди, так сказать, пользователей. Их с удовольствием начнут приглашать в пати. Чем не популяризация?

– Но... – с вопросительными интонациями протянул Руслан.

– Да. Как всегда это «но». Подобная тема скорее стадия открытого бета–тестирования, а сейчас идет только альфа.

– Ничего не понимаю в этих альфа–бета–гамма. Но смысл, думаю, в том, что этот вариант может не прокатить? Тогда что? Какие еще могут быть варианты?

– Тогда... – Глеб обвел ребят взглядом, – тогда вариант стать икарами...

На этот раз пауза над полянкой продлилась дольше. Видно было, что ребятам есть над чем подумать. У эльфийки осунулось лицо, а взгляд стал отрешенным. Рус сжимал–разжимал кулаки, играл желваками. Затянувшаяся тишина начала меня угнетать прямо физически. Вот сейчас как скажут: «не... на это я пойти не могу, и все. Конец игре!

И вдруг на меня накатила апатия. «Да и пофиг», – как будто кто–то сторонний произнес в голове. Меня начало «ру-

бить»: за прошедший день я много переживал, напряженно размышлял, анализировал. Короче, мозг пахал на полную катушку. К тому же здорово вымотался, был несколько раз ранен. А сейчас поел, согрелся... Под удивленный взгляд Глеба я расстелил плащ и улегся на бок, подперев голову локтем. Будь что будет. Я их умолять что ли должен?

– А вы, Админ, – внезапно прервал тягостную тишину Руслан, – разве не нарушаете какие–нибудь правила? Феникс просто пролетелся при нас, а вы?

– Нарушаю, – спокойно кивнул Глеб, – и вы даже можете прямо сейчас накатать письмо в службу техподдержки или даже в секретариат компании.

– Зачем? – удивился парень. – Представляете, какие деньги мы можем срубить с какого–нибудь новостного агентства или издания игровой тематики за ту информацию, что вы нам только что изложили?

– Да, – подтвердил мой друг, – это даже разумнее, я как–то не подумал...

– И что тогда?

– Тогда? – Глеб пожал плечами. – Тогда не только Феникс распрощается с крыльями, но и меня выкинут с работы с волчьим билетом. Придется устраиваться куда–нибудь дворником. Если, конечно, получится, наша служба безопасности может постараться, что и дворником никуда не возьмут.

Анахита посмотрела на Глеба как–то по–другому:

– Тогда я вас не понимаю, – она покачала головой, – что–

то у меня не сходится. Ведь Феникс может просто место в тесте потерять, а вы? Вы потеряете работу, фактически перечеркнете себе жизнь. Почему вы так рискуете?

– Потому что, во–первых, вы ошибаетесь, когда говорите, что Феникс потеряет просто место в тесте. Феникс потеряет крылья. Снова. А крылья для него – это жизнь.

Анахита снова хотела что–то сказать, но Глеб не дал.

– А во–вторых, дело в том, что этому человеку я обязан жизнью. Фактически – я отдаю ему долг. Как говорится – жизнь за жизнь. Вот так.

Глава 51 Последняя

Сквозь подступающую дрему я про себя отметил, что сейчас Глеб заведет свою излюбленную пластинку. Ведь сколько раз ему говорил, что все было не так! Нет, вбил человек себе в голову идею фикс и не расстается. Мне, конечно, выгодно, но все равно как-то неправильно это – пользоваться чужими заблуждениями.

– Так вы знакомы в реале?

– Мы это не афишируем, но да, знакомы, – Глеб усмехнулся, – иначе, согласитесь, было бы сложно одному спасти другому жизнь.

– Вы расскажете? – ну конечно, любопытная мордочка эльфийки уже приготовилась внимать некую страшную, но романтичную историю. – Это, случайно, не с полетами связано?

– В некотором роде, – Глеб сделал неопределенное движение кистью, – это действительно случилось два года назад, когда мы и еще двое наших приятелей поехали на полеты в Альпы.

– Это тогда Феникс разбился на дельтаплане? А вы... Вы были вместе?

Как же много вопросов, Аня! Женское любопытство – страшная сила!

– Почему на дельтаплане? – Глеб даже отстранился, по-

том перевел удивленный взгляд на меня. Я пожал плечами, дескать, а я откуда знаю? – С чего вы это решили?

– Ну как же, – начала было Анахита – Феникс говорил, что когда-то летал на дельтаплане. А потом... потом...

Она задумалась, продолжила уже неуверенно:

– А потом сказал, что разбился и теперь инвалид...

– Да вы что? Чтоб этот парень разложился на дельте? – Глеб хохотнул. – Вы бы видели, как он летает! Да он учил меня летать!

– Ну не надо, – сонно протянул я, – тебя учил Денис...

– Саныч дает только первоначальное обучение. А кто со мной возился потом? Сколько всего я от тебя узнал? Сколько раз благодаря твоим советам выпаривал там, где другие сливались? Сколько раз только твои подсказки по рации помогли мне безопасно приземлиться?

– Не преувеличивай. Во-первых, не я один, а все, у кого опыта больше, делились с тобой и другими молодыми своими знаниями. Во-вторых, со мной так же, как ты говоришь, возились, советовали и подсказывали. Я просто передавал тебе то, что получал от других сам.

– Не буду я сейчас с тобой спорить, – Глеб снова повернулся к ребятам, – в общем, не мог этот человек попасть в аварию на дельте...

– Гл... тьфу черт, как там тебя... Админ, не надо так говорить. Вспомни хотя бы Марка, Семеныча... да мало ли я тебе сейчас фамилий назову? Они летали как боги, стояли у

истоков. Семеныч так, наверно, половину всех теперешних чемпионов в небо запустил... Нет там страховки или гарантий.

– Да... Ты, как обычно, прав, – Глеб вздохнул, помолчал, – короче, это была автомобильная авария.

– Банальная авария на машине? – у девушки брови полезли вверх.

– Не совсем, конечно, банальная. Мы ехали на машине по горному серпантину, его очередь была сидеть за рулем. Погонять – то он любит, – Глеб улыбнулся, потрепал меня за плечо, но тут же поправился, – но не думайте, никогда границ не переходил. Что такое безопасность и как хрупка человеческая жизнь у нас любой знает. В общем, на одном из поворотов дорогу перебежала какая-то тупая коза, выскочила и встала столбом. Надо было сносить, дуру, но в таких ситуациях руки реагируют быстрее мозга...

Рассказчик скрипнул зубами и прервался, плеснул в стаканчик из бутылки, залпом осушил. Видимо, давняя история опять встала у него перед глазами. Продолжил:

– Открытая обочина, а за ней – пропасть. Никаких шансов. Я как раз рядом сидел и все видел, парни сзади проспали... Короче, там на обочине бетонный столб стоял. Вправо – влево – ушли бы вниз. Машину уже боком поставило, и Саня ее дверью в столб направил. Даже если бы пришлись носом или багажником, все равно не удержались бы. Потом, когда дорожная полиция протокол составляла, сказали

– один шанс из сотни, если бы не мастерство водителя, то не обошлось бы единственным пострадавшим, – снова вздохнул, опять потянулся за бутылкой.

Ну да, мастерство, блин... Ведь до сих пор уверен, что это была не случайность и что я спасал их! Я тоже вздохнул, только мысленно.

– Теперь, когда вы знаете про Феникса немного больше, чем раньше, и понимаете, что такое для него снова потерять крылья, к какому все же решению вы пришли?

Глеб, видимо, решил разыграть карту совести. Спасибо тебе, старый приятель. Но правильно ли добиваться своего, подсаживая людей на чувство вины? Ах да, ты же не для себя стараешься.

– Скажите, все икары такие... мелкие? – Рус говорил, не отводя взгляда от костра, и отблески пламени плясали на его глазах.

– Ты не видел Феникса в реале, – ответил Глеб, – там он метр восемьдесят пять и девяносто кило веса. При этом легко крутил «солнышко» на турнике. В свое время.

– Да я и сейчас жиром не зарос, – приоткрыв один глаз, влез я.

– Ага, – кивнул приятель, – могу подтвердить. И ничего, не страдает от своего телосложения в игре.

Рус ответил не сразу:

– Вы поймите. Феникс все же живет в двух мирах. И большую часть времени проводит в реальном. Для меня же этот

мир теперь единственный. Понимаете? А для меня всю мою жизнь физическая форма была... как бы выразиться, – он пощелкал пальцами.

– Очень важна?

– Да. Поймите, я родился недоношенным и до второго класса отставал от своих сверстников в развитии. Однажды я попал в не очень классную ситуацию из-за своих габаритов, – парень поморщился, видать, воспоминания до сих пор вызывали не самые теплые чувства. – И вот тогда я сам себе пообещал, что никогда не буду доходягой. А теперь... Теперь вы предлагаете мне стать таким? – он показал на меня, и легкое чувство брезгливости отразилось у него на лице.

– Руслан, не стоит сбрасывать со счетов первый вариант участия в тесте... – Глеб попытался приободрить парня, но тот остановил его рукой.

– Да нет, вы правы. Если сейчас идет раннее тестирование, вряд ли ваше руководство согласится на такое. Как бы ни было, в любом случае от меня не уйдет никакой информации. Обещаю.

– К сожалению, этого недостаточно, – Глеб покачал головой.

– Понимаю. Простите меня, – он поднял взгляд, посмотрел по очереди на меня и Глеба. Глеб, кажется, нервно сглотнул. – Но мне нужно подумать. Это слишком серьезное для меня решение.

И Руслан вышел из игры. Глеб, кажется, нервно сглотнул.

– Ну ничего себе! – по правде сказать, я даже опешил.

При мне это было в первый раз, когда Рус «пропадал». Согласно игровым механизмам, при выходе в безопасной зоне он на пять секунд замер в той позе, в которой нажал «выход», потом несколько раз мигнул и растаял.

Эльфийка ответила мне таким же удивленным взглядом:

– Да–а–а... При мне он ни разу не выходил...

– Анахита? Вы меня извините, я ни в коем случае не давлению, но...

– Я подпишу бумаги, – просто кивнула девушка. – Правда, есть технические сложности с оформлением бумаг в реале, не знаю, в курсе ли вы, что я...

– В курсе, – кивнул Глеб, – не буду скрывать, я готовился к этой встрече и собрал кое–какую информацию. Просто напишите мне письмо, адрес я вам сейчас скину в личку, можно в свободной форме – это будет поводом. А чтобы утрясти технические детали, я подтяну наших специалистов.

– А откуда у вас моя личка? – удивилась было девушка, но тут же поправилась, – ах да, я все время забываю, с кем разговариваю...

– Ну что ж... – Глеб хлопнул себя по коленям. – Видимо, и мне пора раскланиваться.

– Может, посидишь еще? – я повернулся к другу. – Когда теперь еще получится?

– Да не, надо идти. Что же касается «когда?», – он хлопнул меня по плечу, – сам выбирайся. Приезжай на полеты.

– Когда? Я или на работе, или здесь.

– Кстати... – он развернулся ко мне всем телом и поднял указательный палец, – судя по логам, ты сегодня здорово поработал. А еще, согласно медпоказателям твоей капсулы, ты последние сессии очень сильно уставал.

– Ничего страшного, я на работе отдохну, – попытался пошутить.

– Саня, посмотри на себя, ты вымотан. Наверняка еще и ошибки начал лепить. Так?

– Так, – пришлось согласиться.

– Тогда на завтра я запрещаю тебе вход в игру. Вот такое мое решение. Отдохни, расслабься. Съезди куда–нибудь, или давай я к тебе приеду? За ребятами, – он кинул взгляд в сторону Анахиты, – я присмотрю, не переживай.

Он придал голосу шуточно–официальные интонации:

– Короче, товарищ пилот, на завтра я отстраняю вас от полетов по медицинским показаниям... О господи! Я сказал это тебе? Офигеть... Да, кстати, помнишь, как во время моего первого выезда под Новосиль ты не допустил меня до старта из–за проблем с перцепцией? Я тогда на тебя жутко обиделся. Правда, потом, конечно, принял, что это ради моей же безопасности. Так вот, – он ухмыльнулся и подмигнул, – считай, что это в отместку.

– Хорошо, – ответил серьезно, – ты прав, мне нужно отдохнуть. И добавил, уже дурачась: – Есть отдыхать, товарищ руководитель полетов.

Безо всяких эффектов Глеб исчез, как и не было. Мы остались вдвоем с Аней.

Над нами раскинулось звездное небо, костер почти прогорел, но еще давал отсвет на лицо девушки, задумчиво перемешивающей угли веточкой.

– Расскажи мне, как это направить автомобиль в пропасть? Или в самом деле сначала руки среагировали?

– Да нет, – пожал плечами, – там было секунду или полторы на раздумья. Океан времени.

– Значит, сознательно?

Я вдруг решил. Сонливость отступила, сел, подобрал под себя ноги по-турецки. Заговорил, не отрывая взгляда от костра:

– Понимаешь, никогда никому этого не говорил. Особенно парням. Ведь я сознательно тогда отвернул... – как же тяжело все это переживать заново! – фактически принял решение разменять их жизни на ...

Анахита молчала, давая мне выговориться.

– Просто... я почему-то увидел на дороге ту, которой там быть не могло... Никак.

– Твою девушку?

– А это так очевидно? – ответил вопросом на вопрос.

– Нет. Но я в первую очередь подумала о таком варианте, – она тихо улыбнулась. – А почему не могло быть?

И я рассказал все.

– Еще в школе у меня была... как это принято говорить?

Первая любовь? Не знаю, первая ли к тому моменту, стоит ли считать подростковые влюбленности? В общем – Большая.

Подумал, что именно так, с большой буквы.

– Вот только я в старших классах был тот еще ботан: книжки, учеба, спорт.

– Спортсмен–ботаник?

– Ну да... Какой–то такой. Застенчивый был. Ходил тенью за ней, вздыхал молча. Потом школа кончилась, мы поступили в разные города. Парни кругом заводили знакомства, встречались, некоторые женились. А я... Я все не мог забыть ее. Представляешь, ездил в ее город на выходные, чтоб хотя бы попытаться поговорить, не знаю, начать встречаться. Правда, по большей части неудачно. То она домой уехала, то к бабушке, – я усмехнулся. – Все ждал удачного момента, подходящего стечения обстоятельств... Вот и дождался однажды. Встретились в родном городе, она согласилась прогуляться. Разговаривали ни о чем. А потом... «Я тебя не люблю...» – такой тихий голос, но будто пуля в сердце. И контрольный: «У меня есть любимый человек...».

Мир вокруг, как тогда, пропал. Он сжался до размеров нескольких ярких углей, от которых я боялся отвести взгляд. Когда пустота внутри чуть отпустила и дыхание восстановилось, проговорил с горькой усмешкой:

– Дальше я уже не слышал. Весь мой мир рухнул. Мир будущего, где мы вместе, перестал существовать. Его не стало. Вот, – вдохнул полной грудью и медленно–медленно с

задержкой выдохнул.

Добавил с ироничной ухмылкой:

– Все понятно, любят тех, кто рядом. Я тогда еще в благородство решил поиграть – пообещал, что не помешаю ее счастью... Дурачок.

На заднем фоне сознания мелькнуло, что подобное я недавно уже слышал. Но эта мысль, искрой мелькнув во тьме, тут же погасла.

– Ну а дальше все в лучших традициях наивных романтических юношей, – я с усмешкой покачал головой, словно говорил: «Ну надо же быть таким идиотом!», – раз нет будущего, значит, и жить незачем!

– Вены резал? – спросила Аня. И вдруг довольно мелодично пропела: «И когда об этом вдруг узнаешь ты, тогда поймешь, кого ты потеряла...».

– Я что, такой идиот? – даже оскорбился. – Я другой идиот: прямо на следующий день с утра пораньше напрямик в военкомат: хоть студент и отсрочка, но пошел добровольцем, взяв академ. Ну а когда уже явился с вещами, написал рапорт в горячую точку. У нас тогда на юге было жарко, вот туда и угодил. Согласен, мальчишество.

– Ты воевал?

– Воевали оба моих деда. А я проходил срочную службу. В зоне локального вооруженного конфликта.

– Есть разница?

– Да, – отрезал, закрывая тему.

– Хорошо, не будем об этом. И что дальше?

– А что дальше? Знаешь, прыжки по горам, особенно под посвист пуль, изрядно прочищают мозги и настраивают на правильный лад. Романтику выветривает только в пути. Мне повезло, вернулся и не инвалид. Если что и было, так по мелочи. Восстановился в ВУЗе, а тут как раз «Дельта-клуб» появился. Затянуло. Со временем встретил Машу, так и жил, пока...

Опять заныло за грудиной, сдавило легкие. Голос вдруг осип.

– Года три, три с половиной назад был в родном городе. Уже не помню, зачем ездил, мои старики давно в деревню перебрались. От кого узнал? Тоже не помню. В общем, узнал, что она вновь одна, ну и накатило... Я даже с психологом разговаривал, пытался разобраться. Он тоже из «наших», как-то выезжали вместе на недельку, ну и запряг его разобраться в своей проблеме. Что это? Это просто попытка доказать прежде всего себе, что зря она меня тогда отвергла? Уязвленная мужская гордость? Попытка получить то, до чего так и не смог дотянуться? Я ведь не обнял ее ни разу...

– Почему?

– Блин, не знаю я, – откинулся, всплеснул руками, сорвался на крик. Повторил тише, успокаиваясь, – я не знаю. Понимаешь, она для меня как...

Я поднял ладонь, как будто на ней что-то стояло:

– Как фея. Тонкое существо с крыльями, которое грубо-

стью можно поранить. Как хрустальная мечта...

– Знаешь, Феникс, может, я открою тебе глаза, но девушкам нужны не только восторженные вздохи и обожание. Все же тебе стоило попытаться ее обнять.

– Слушай, я не ребенок. Думаешь, не кадрили девчонок на выездах? – усмехнулся, потом подумал, что хвастаться Анахите своими похождениями и курортными знакомствами не лучшая идея. – А вот с ней все по-другому. Встретились, и как будто не было всех этих лет, как будто я опять вчерашний школьник. Короче, полгода я думал и гадал, что делать. Уже узнал ее телефон, где она живет и работает. Но несколько месяцев не мог разобраться, зачем мне это нужно. И потом я был несвободен. Да, к Машке у меня не было тех же чувств, скорее что-то типа чувства долга: все-таки Машка была моя женщина, а мужчина всегда несет ответственность за свою женщину. Не мог же я просто заявить: «Извини дорогая, я люблю другую, давай разбежаться...». Но в душе, где-то глубоко-глубоко, я надеялся, что Машка уйдет сама. Замечательное решение проблемы, я белый и пушистый, весь такой брошенный... Потом в итоге не выдержал и просто позвонил. Мы встретились. Я ждал, что сейчас увижу растолстевшую тетку, подурневшую, и меня отпустит. Время обычно никого не щадит. Но ничего подобного. Она, конечно, стала старше и морщин прибавилось, но это была все так же она. Более того, мы погуляли, поболтали, и я понял, что круг наших интересов совпадает, мы достаточно одина-

ково смотрим на многие вещи. Это была моя женщина, моя. Богом свыше данная. А я когда-то так легко сдался, ничего не предпринял и сбежал на войну.

– Вы стали встречаться?

– Мы встретились несколько раз, пили чай в чайном клубе, я даже свозил ее на аэродром и попросил ребят покатать на самолете. Я ждал наших встреч...

– А как же Маша?

– Она в тот момент была у своих родителей, я думал – вернется, и я все ей расскажу...

Я опять замолчал. Подкинул несколько веток в костер, тот обрадовался новой пище, весело затрещал, тьма немного отступила.

– Я не понимаю, что произошло и почему я опять услышал то же самое «я тебя не люблю»... Да не люби ты на здоровье, – я опять сорвался на крик, – только не бросай. И добавил тише: – Не бросай, пожалуйста. Дай возможность изменить твое мнение обо мне, ты же меня не знаешь. Я стал бы носить тебя на руках. Я бы никогда тебя не обидел.

Над полянкой опять нависла тишина. Костер, проглотив партию пищи, опять угас, только угли светились в темноте. Моя исповедь подходила к концу.

– Она перестала отвечать на звонки, я пытался списаться в соцсетях, мои сообщения оставались непрочитанными. Но я решил не сдаваться. В конце концов, это была богом данная мне женщина, и кто сказал, что она должна достать-

ся мне легко. Я узнал, где она бывает, и стал тоже там появляться. Она размещала в своей соцсети посты о деятельности поискового отряда по розыску потерявшихся детей, – я решил вступить в этот отряд. Она писала о мероприятиях клуба любителей бега – что ж, дельтапланериста бегом не напугать, он нам полезен... Месяц я метался от бегунов к поисковикам, везде стал своим, стал дружить с ее друзьями. Она как раз уехала в отпуск, я даже был этому рад – вернется, а тут я, просто везде...

– И?

– Пьяный подросток за рулем. Не справился с управлением и улетел в кювет. Наглухо, судить некого. Вот только при этом он снес с дороги нескольких человек. В том числе и Иру. ... Я мысленно клял ее, что не берет трубку, не отвечает на личные сообщения, а ее уже не было... Узнал совершенно случайно, от новых друзей в беговом клубе. Я ведь не распространялся, что пришел не из-за любви к бегу – из-за нее. Тогда я плакал первый раз в жизни. А через месяц уехал в Доломиты.

Анахита молчала, и я был благодарен ей за это молчание. Не нужны мне сейчас ободрения и поддержка. Просто дайте разбереженной ране снова затянуться. Протянул руку, взял бутылку, вопросительно взглянул на девушку. Та молча протянула свою чарку. Не чокаясь, выпили.

– Феникс... или Саша...

– Да?

– Скажи, зачем ты мне это рассказал?

Фу–у–у–х... Выдохнул. Хорошие вопросы ты задаешь.

Если б я сам знал. Хотя...

– Наверно, зря я это тебе говорю... Просто... Просто ты невероятно на нее похожа. Вот.

– Саша, но ведь я – это не она. Понимаешь?

Усмехнулся:

– Более чем. Ты не путай меня с тем романтичным щенком. Он умер. Вместе с Иррой. Я прекрасно понимаю, что ты похожа на нее случайно. Нарисовала в редакторе персонажа, и сама того не желая, попала в точку. Кажется, такое кино было, старое, еще черно–белое. Там герой слепил из нескольких фото портрет девушки: глаза взял от одной фотографии, рот от другой и так далее. А потом приехал в командировку – бац, та самая с его коллажа.

– И влюбился?

– Так это же кино!

– А я теперь понимаю, почему ты иногда так странно на меня смотрел. Но еще раз повторяю – я другая. Запомнишь это?

Ободряюще улыбнулся ей, кивнул:

– Обещаю!

На том месте, где раньше сидел Руслан, за клубился туман. Несколько секунд, и он оформился в самого парня. Несколько раз нелепо хлопнул глазами, потрогал себя, потом осмотрелся.

– А вот и я. Где этот?

– Админ?

– Ага.

– Он ушел.

– Жаль. У меня есть что ему сказать.

– Скажи мне, – попросил я, уже догадываясь, что Руслав скажет.

– В общем так, Феникс. Во–первых обещаю мне, если будет такая возможность, вернуть мне нормальные человеческие габариты.

– Рус, если икар будет здоровый, он просто в небо не поднимется...

– Ты не понял. Я не имею в виду рост и вес. Пусть я буду ниже и легче. Но хотя бы как нормальный мужчина я могу выглядеть? Рельеф, фигура, все такое?

– Русик, ну я же не разработчик...

– Феникс, – вмешалась Аня, – тебе что, просто пообещать сложно, что ты приложишь со своей стороны все усилия? А если не получится... Ну тогда и будешь рассказывать, что ты не из администрации.

Я поднял перед собой руки в примирительном жесте:

– Ладно, ладно. Обещаю.

– Во–вторых обещаю, что научишь меня летать и будешь заниматься со мной, как когда–то со своим другом.

– Вот за это не волнуйся. Буду гонять, сам взвоешь.

Ребята рассмеялись.

– Тогда... В конце концов, не так уж и сильно я вложил в своего персонажа, чтоб не попробовать начать все заново. Тем более когда мне обещают давнишнюю мечту человечества – уметь летать, как птица! Где тут у вас кровью подписываются?

– Русик, я тебе потом все объясню. Не нужна им твоя кровь.

– Да? Брезгают? Ох уж эти админы, то просят клятвы страшные, то, видишь ли, кровь им моя не нужна...

Мы рассмеялись.

– Ну что, друзья? Тогда предлагаю выпить за новых икаров! И пусть это небо станет теперь вашим домом!

Эпилог

Тихое жужжание откидывающейся в сторону крышки кокона. Поручни, отсоединение датчиков, разминка. Когда подошел к столику, за неизменным изотоником, заметил мигающую иконку сообщений ФанВарт–мессенджера. Отметил мысленно – потом. Сначала: тренировка на тренажерах, душ. Кстати, меня же ждет ужин, попробовал сегодня приготовить что–то новенькое по рецепту. Желудок и здесь сделал скромную попытку заявить о себе. Задавил в корне – не фиг, потерпишь.

Итак, у меня же завтра свободный день! Чем заняться? Сознание утонуло в ворохе планов. Можно позаниматься побольше, а то вечно я стиснут временными рамками. Прямо чтоб от души, чтоб мышцы, привыкшие халявить орали о своем бессилии и просились на отдых.

Кстати, у меня же куча недописанных статей, для Вики. Точно! А вечером можно смотаться в клуб... Или что это я?! Завтра же воскресенье! Да! Надо глянуть, не устраивают ли наши тренировку. Съезжу, хотя бы снова окунуть в атмосферу дельтапланеризма. Если парни летают с пассивки, так я же могу и водителем буксировщика посидеть, и даже оператором на лебедке – здоровья хватит.

Придерживая за края глубокую тарелку с ужином: тушеное мясо «Бонезио», плюхнулся перед компьютером, где там

закладка странички с объявлениями о тренировках, с сайта клуба? Опять на глаза попала иконка о непрочитанных сообщениях. Ну кто там еще?

Сообщение от Анахиты Исцеляющей. На секунду замер. Откуда у нее мой адрес? Поиск по имени? Фениксов в игре предостаточно. Открыл.

«Здравствуй Феникс, или все же тебя называть Сашей? Не удивляйся, как я тебя нашла – попросила Глеба ответным письмом, он не отказал. Только не сердись на него, ладно?

Помнишь, мы однажды разговаривали об игроках, о том какую внешность они создают своим персонажам? И о том, что часто игроки рисуют себе персонажа, как бы компенсируя свои реальные недостатки. А ты тогда сказал, что раз у меня „модельная внешность“, то в реале я скорее всего – крокодил. Конечно, ты не произнес этого вслух, но ведь наверняка подумал? Сознайся!

Так вот, чтоб ты не придумывал себе всякого, высылаю тебе фотографии, на них я за месяц до аварии. Запомни меня пожалуйста такой.

А.

P.S. Кстати, раньше меня звали Евгения, но та девушка погибла. Имя я себе выбирала, чтоб было максимально несозвучно с тем, прежним. Да и имя Аня, мне теперь нравится больше.»

К сообщению оказался приложены пара фото и малень-

кий видеофайл. Открыл первую фотку, и поймал себя на том, что почему—то волнуюсь.

На фоне аллеи из пальм, в изумрудном платье в греческом стиле стояла молодая девушка. Высокая, «модельной» внешности, с копной светлых волос. Ее платье немного терялось на фоне сочной зелени, я открыл другую. Она же, на фоне какого—то здания, с лепниной, в светлом брючном костюме, с сумочкой—клатчем. Чуть ближе к камере, так что коленки оказались обрезаны, зато лучше смог рассмотреть лицо. То самое, уже знакомое лицо.

Открыл видео. Оно оказалось коротким, секунд десять не более. На нем, в уже знакомом зеленом платье Анахита шла все по той же пальмовой аллее на оператора. Шаг от бедра, поднятый подбородок и взгляд в пространство. Ну чисто манекенщица. И вдруг, за три секунды до окончания, девушка на видео сбивается с шага, каблук подворачивается, и вся строгость ее слетает. Она чуть склоняется, прижимает руки к груди, и знакомая задорная улыбка озаряет ее лицо. Стоп—кадр.

Дальше мои руки действовали как будто сами: поиск по фото, поиск по видео. Не то, не то, вот. Есть!

Сухие справочные строчки. «Евгения Савушкина, подающая надежды модель северо—западного агентства. Год рождения...». Так, ей сейчас сколько? 21 год? Дальше: «Выиграла местный конкурс в 17, предложили работу...», так, все не то. Фото, фото, фото. Дальше. Вот: «23 сентября, ...года»,

понятно, полтора года назад, «по пути в свадебный салон, вместе со своим женихом, сыном известного бизнесмена...» так, «не справился с управлением, ... совершил столкновение с припаркованным...», так жених наглухо, она: «получила тяжелую черепно–мозговую травму, ... кома ... доставлена...» Ага. Что еще? Вот: «родители погибли, ... шесть лет, ... на попечении бабушки». Место рождения, ага, школа, так не то, бабушка... вот: «проживает по адресу...»

Откинулся. Рядом остывало «Бонезино». Нехотя поковырял вилкой. Мне это надо? Открыл на компе другую фотку: кабина легкомоторного самолета, улыбающаяся девушка, снимающая солнцезащитные очки. Один в один – Анахита, только старше лет на десять. Механически подцепил кусок тушеного мяса, повертел на вилке перед глазами. Черт, капнул на колени! Выругался вслух. Полез за салфеткой.

Потом снова взглянул в экран и сам себе сказал: «Надо».

Ранним утром, когда большинство жителей еще не жились в постелях, в предвкушении воскресного дня, по еще незагруженной развязке я свернул на трассу, тянущуюся в направлении далекого северного города. Там, где на руках пожилой одинокой женщины семидесяти двух лет находилось тело девушки в коме, подключенной не только к аппаратам искусственного жизнеобеспечения, но и к миру виртуальной реальности, с нашим общим небом.

Я не имел никакого представления, что скажу ее бабушке,

и зачем мне вообще все это нужно, это все потом. А пока меня ждала дорога, пролетающие мимо встречные машины, столбы, заправки, города. На пассажирском сиденье валялся легкий перекус и бутылки с водой, салон заливала музыка. Шелестя шинами, машина набирала ход, и летела вдаль над дорогой.

Я был счастлив и свободен.